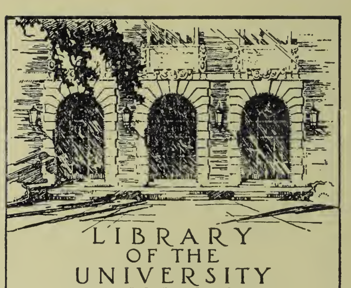

The A B C of Social Science."—Modern Western Civilisation.

The XIX century

By N. Flerovsky.

ыпускъ 12-ый Цѣна 2 ш. (2 фр. 50 сант.; 50 цент.).

ЗУКА СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ.

XIX ВѢКЪ

вре енной западно-европейской цивилизаціи

Н. Флеровскаго

Автора «Положеніе Рабочаго Класса въ Россіи», «Свобода Рѣчи и пр.» «Философія Безсознательнаго» и пр., и пр.

....

1894.

lished by «The Fund of the Russian Free Press.» — London.

1-ая Тысяча.

Лондонскій фондъ вольной русской прессы основанъ нижеподписавшимися лѣтомъ 1891 года при помощи взносовъ, сдѣланныхъ нѣсколькими русскими, имѣющими легальное положеніе въ Россіи. Цѣль его удовлетвореніе ощущаемой въ настоящую минуту въ Россіи потребности въ свободномъ печатномъ словѣ. Изданія фонда будутъ выходить отдѣльными брошюрами не періодически, касаясь какъ злобы дня, такъ и общихъ вопросовъ. Считая будущее русскаго народа результатомъ всѣхъ существующихъ попутныхъ теченій и мнѣній въ Россіи, издатели не намѣрены ограничиваться опубликованіемъ только своихъ личныхъ воззрѣній, но приглашаютъ и другихъ авторовъ, не вполнѣ согласныхъ съ ними, но могущихъ доставить рукописи, цѣнныя по своему фактическому содержанію, или въ какомъ нибудь другомъ отношеніи, принять участіе въ изданіяхъ фонда за своей собственной или псевдонимной подписью. Ко всѣмъ-же тѣмъ, кто живо чувствуетъ въ Россіи униженіе невольнаго молчанія и сознаетъ свой нравственный долгъ по отношенію къ массѣ трудящагося народа, населяющаго русскую территорію, мы обращаемся за посильной помощью средствами и литературнымъ матерьяломъ. Мы охотно беремъ на себя всѣ хлопоты по опубликованію всѣхъ присылаемыхъ намъ цѣнныхъ рукописей и аккуратной доставкѣ въ Россію отпечатаннаго.

Тѣ, кто не имѣютъ съ нами связей черезъ нашихъ друзей въ Россіи, могутъ обращаться къ намъ лично или письменно изъ-за границы. Деньги можно пересылать или переводами черезъ одинъ изъ лондонскихъ либо парижскихъ банковъ, или почтовыми переводами (mandats, postal orders) или ассигнаціями любой страны, въ заказныхъ письмахъ.

КОМИТЕТЪ ФОНДА:

Ф. Волховскій (*F. Volkhovsky, 4, Stamford Brook Road, Hammersmith, London, W.*).

В. Войничъ (*W. Voynich-Kelchevsky, 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.*).

С. Степнякъ (*S. Stepniak, 31, Blandford Road, Bedford Park, London, W.*).

Н. Чайковскій (*N. Tchaykovsky, Harrow, England*).

Л. Шишко (*L. Shishko*, — адресъ лондонскаго склада.

ИЗДАНІЯ ФОНДА:

—o—

1-ый выпускъ. — «Чего Намъ Нужно и Начало Конца». **С. Степняка.** Два изданія, 8000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант. 10 центовъ).

2-ой выпускъ. — «Заграничная Агитація». **С. Степняка.** 5000 экземпляровъ. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).

3-ій выпускъ. — «Еврей къ Евреямъ». **Е. Хасина.** 5000 экз. Цѣна 4 пен. (40 сант. ; 20 центовъ).

4-ый выпускъ. — «П. К. Домбровскій, Членъ 'Пролетаріата'» (Революціонеръ-Самоучка). Біогр. очеркъ. 5000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).

5-ый выпускъ. — «Чудная.» Очеркъ. **В. Короленко.** 5000 экз. Цѣна 1 п. (10 сант.; 5 центовъ).

6-ой выпускъ. — «Подпольная Россія». **С. Степняка.** 4000 экз. Цѣна 2 ш. (2,50 фр.).

Тоже. Съ портретами и въ переплетѣ. 1000 экз. Цѣна 3 ш. 3 п. (4 фр.; 75 центовъ).

7-ой выпускъ. — «Конституція графа Лорисъ-Меликова». 5000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

8-ой выпускъ. — «Чему учитъ 'Конституція графа Лорисъ-Меликова'». **Ф. Волховскаго.** 5000 экз. Цѣна 4 п. (40 сант.; 6 центовъ).

9-ый выпускъ. — «Кто чѣмъ живетъ». **С. Дикштейна.** Народное изданіе съ портретомъ автора. 5000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

10-ый выпускъ. — «Азбука соціальныхъ наукъ». Греко-римская цивилизація, средніе вѣка, возрожденіе наукъ. **Н. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 1 ш. 3 п. (1 фр. 60 сант.; 30 центовъ).

11-ый выпускъ. — «Азбука соціальныхъ наукъ» XVII и XVIII вѣка современной западно-европейской цивилизаціи **Н. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 1 ш. (1 фр. 25 сант.; 25 цент.).

12-ый выпускъ. — «Азбука соціальныхъ наукъ». XIX вѣкъ современной западно-европейской цивилизаціи **Н. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 2 ш. (2 фр. 50 сант. ; 50 центовъ).

13-ый выпускъ. — «Зарницы». Драматическія сцены. **Н. Старикова.** Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

Кромѣ того **Фондомъ В. Р. П.** публикуются отъ времени до времени отрывочныя новости, замѣтки и сообщенія на отдѣльныхъ летучихъ листкахъ. Цѣна за каждые 4 экз. 1 пенни (10 сант., 10 пфен. или 2 цента). На пересылку прилагается за каждую дюжину или часть дюжины ½ пенни или 5 сант.

Отдѣлъ Первый

ПЕРВАЯ ТРЕТЬ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Народы не были подготовлены къ удовлетворенію требованіямъ времени.

Девятнадцатый вѣкъ нашелъ народы окончательно не подготовленными къ тѣмъ условіямъ жизни, которыя созданы были для нихъ развитіемъ науки, работавшей по правильному синтезу. Наука породила весьма плодовитые пріемы пробужденія умственной жизни въ человѣкѣ и столь-же благодарные способы производства, которые могли снабжать людей необходимыми для нихъ предметами въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, о которыхъ въ прежнія времена не имѣли и понятія. Кромѣ того она изобрѣла способы удовлетворенія весьма существеннымъ человѣческимъ потребностямъ, для которыхъ нужны были не столько матерьяльныя орудія, сколько спеціальныя знанія; такова напр. медицина съ гигіеной и т. п. Но для того, чтобы человѣчество могло воспользоваться, какъ слѣдуетъ, всѣми этими изобрѣтеніями, требовалось съ одной стороны соотвѣтствующее нравственное развитіе, а съ другой правильное воззрѣніе на организаціонную дѣятельность. Неправильными взглядами и недостатчной дѣятель-

ностью въ этой сферѣ могли быть уничтожены благодѣтельные плоды научныхъ работъ и самое развитіе науки остановлено или направлено въ безплодную сторону.

Чѣмъ болѣе наука развиваетъ умъ человѣка, тѣмъ большей становится разница между нимъ и безграмотнымъ, грубымъ его согражданиномъ; они перестаютъ понимать другъ друга и наконецъ между ними является цѣлая пропасть. Развитой человѣкъ начинаетъ приравнивать безграмотнаго къ скоту; онъ не можетъ не видѣть умственной разницы между человѣкомъ и скотиной; но если онъ въ этомъ отношеніи ставитъ человѣка выше, то съ другой стороны онъ тѣмъ больше чувствуетъ презрѣніе къ его грубости и вытекающимъ отсюда порокамъ. Чѣмъ больше становится разница между образованнымъ классомъ и народной массой, тѣмъ ненормальнѣе дѣлаются условія цивилизаціи. Приравнивая народную массу къ скоту, образованный классъ стремится дѣлать изъ нея, такъ-же какъ изъ скота, орудіе своей воли и своихъ интересовъ. Его интересомъ является въ этомъ случаѣ взаимная борьба ради своего возвышенія, борьба внутренняя и борьба международная; чѣмъ дольше эта борьба ведется, тѣмъ больше ею развивается взаимнаго ожесточенія, тѣмъ болѣе съ каждой стороны, напрягаются всѣ силы народной массы, чтобы получить перевѣсъ; вся дѣятельность, вся изобрѣтательность интеллигенціи сосредоточивается на произведеніи орудій борьбы, вся работа, всѣ силы народа истощаются этой борьбою.

Особенность орудій труда, создаваемыхъ наукою, заключается въ томъ, что они производятъ предметы потребленія массами; эти огромныя количества должны имѣть сбытъ, а если народъ истощенъ борьбой высшихъ классовъ, то у него нѣтъ покупной силы, и нѣтъ сбыта. Въ образованномъ классѣ является глухое, неопредѣленное и неуловимое ожесточеніе и недовольство своей судьбою; всѣ стремятся улучшить свое состояніе борьбой, а между тѣмъ оно ухудшается, торговый рынокъ въ неудовлетворительномъ состояніи, интеллигенція не имѣетъ работы, которая удовлетворяла-бы ее, вражда и рознь приводятъ къ необходимости управлять страною посредствомъ бюрократіи, а бюрократія можетъ управлять, только подавляя мысль и умственное движеніе. Послѣ религіи бюрократія наиболѣе жестокій врагъ мышленія, науки и развитія цивилизаціи. Ея появленіе на горизонтѣ составляетъ всегда зло-

вѣщій признакъ; не настолько зловѣщій, какъ возрастающее вліяніе духовенства, но все таки несомнѣнный признакъ замедленія въ развитіи цивилизаціи и народнаго благосостоянія и даже поворота назадъ. Такимъ образомъ цивилизація точно такъ-же, какъ и отдѣльный человѣкъ, можетъ принять самоубійственное направленіе.

Чтобы предупредить такое злополучіе, необходимо установить тѣсную связь взаимнодѣйствія между интеллигенціей, развивающейся подъ вліяніемъ науки, и народной массой; эта связь можетъ быть создана и упрочена только развитіемъ въ народной массѣ организаціонной дѣятельности; интеллигенція должна убѣждать и предлагать, а народъ долженъ рѣшать; — для предложенія нужно научное знаніе и пониманіе, а для рѣшенія — ощущеніе потребности. Чѣмъ сильнѣе наука развивала интеллигенцію, чѣмъ болѣе она разъясняла потребности, необходимыя для огражденія человѣка и способы ихъ удовлетворенія, тѣмъ многостороннѣе дѣлалась потребность организаціонной дѣятельности народа; но способность къ организаціонной дѣятельности пріобрѣтается вовсе не такъ легко въ особенности безграмотными и мало развитыми людьми. Только многолѣтній опытъ и многолѣтнее упражненіе выработываетъ въ людяхъ тѣ качества, которыя необходимы для этой дѣятельности. Мало того, при низкомъ уровнѣ развитія массъ, качества и организаціонные пріемы, выработанные въ одной сферѣ, очень трудно переносятся на другія или видоизмѣняются сообразно обстоятельствамъ. Такія организаціи, какъ наше крестьянское общинное владѣніе, казацкая организація рыбной ловли на Уралѣ, до ихъ открытія въ Россіи казались европейцамъ несбыточной мечтой, идеей зловреднаго комунизма, которая никогда не можетъ дать практическихъ результатовъ, а можетъ только волновать людей; фаланстеръ Фурье, въ извѣстномъ смыслѣ осуществленный въ общинѣ краснокожихъ, казался въ Европѣ бредомъ больного воображенія; столь-же поразительными и невѣроятными представлялись намъ кастовыя рабочія организаціи въ Индіи. Между тѣмъ и русскіе, и краснокожіе, и индѣйцы Индостана были вполнѣ неспособны къ организаціонной дѣятельности передовыхъ народовъ европейской цивилизаціи.

Для того только, чтобы человѣкъ почувствовалъ потребность въ организаціонной дѣятельности, чтобы онъ созналъ, что помимо

извѣстной организаціонной дѣятельности онъ не можетъ удовлетворить извѣстнымъ насущнымъ потребностямъ времени, нужно значительное предварительное развитіе; естественныя условія дѣла тутъ таковы-же, какъ въ сферѣ образованія, —безграмотный человѣкъ, именно потому, что онъ безграмотный, не можетъ понимать, почему и въ какихъ размѣрахъ нужно ему образованіе для жизни въ извѣстныхъ условіяхъ; человѣкъ, не имѣющій того развитія, которое даетъ организаціонная дѣятельность, точно такъ-же не можетъ понимать, почему и въ какихъ размѣрахъ такая дѣятельность необходима въ данныхъ условіяхъ. Помочь народу въ этомъ отношеніи могъ только образованный классъ, но онъ самъ былъ предшествующею жизнію до того заглупленъ, что имѣлъ самое неудовлетворительное понятіе о потребности образованія народа, а въ организаціонной дѣятельности смыслилъ еще того менѣе. Чтобы явиться во всеоружіи для жизни въ сферѣ изобрѣтеній, сдѣланныхъ наукою къ наступленію XIXго вѣка, рабочія массы Европы должны были понимать, что организаціонная работа составляетъ неизбѣжное дополненіе къ производительной работѣ, чтобы поставить дѣло въ нормальныя условія они должны были-бы приблизительно двѣ трети своего времени употреблять на производство предметовъ потребленія, а одну треть на правильное распредѣленіе этихъ предметовъ между населеніемъ и на то, чтобы направлять производство на предметы, удовлетворяющіе истиннымъ и развивающимъ потребностямъ, а не излишнимъ и вреднымъ. Между тѣмъ у народовъ и тѣни подозрѣнія не существовало, что организаціонная дѣятельность есть работа, такая-же необходимая работа, какъ и работа производительная, что къ ней нужно относиться такъ-же серьезно, какъ и къ физическому труду, въ ней нужно достигать такого-же знанія дѣла и такого-же совершенства, и что это знаніе достигается съ бо́льшими усиліями, чѣмъ всякое другое, не исключая сельско-хозяйственнаго.

Образованный классъ понималъ въ этомъ отношеніи такъ-же мало, какъ и народъ; ему и не снилось, что безъ организаціонной дѣятельности народа нельзя обойтись. Уже въ концѣ XVIIIго вѣка контрастъ между господствовавшими формами общественной жизни и новыми условіями въ особенности условіями производства былъ такъ великъ, что явились чуткія души, старавшіяся къ политической организаціи присовокупить соціальную, при которой

самоуправленіе народа распространилось-бы и на распредѣленіе произведеній труда. Въ особенности въ большомъ числѣ такихъ людей породила революціонная Франція: Сен-Симонъ, Фурье, Друэ, Бабёфъ и другіе, но и Англія дала своего Овена. Идеи ихъ страдали такими-же недостатками, какъ и идея свободы; они не понимали, что способность организаціи пріобрѣтается продолжительнымъ упражненіемъ, а для того чтобы она могла принять желательные имъ размѣры, нужно еще пересоздать мировоззрѣніе людей. Они вѣрили съ дѣтскимъ легкомысліемъ, что стоитъ ввести новую организацію и она будетъ функціонировать, какъ слѣдуетъ. Когда Фурье посадили въ тюрьму за барышничество хлѣбомъ, ему все таки не приходило въ голову выяснить противорѣчіе между его мечтами и его инстинктами.

Идея свободы была старинная, созданная греко-римской цивилизаціей, она просуществовала въ умахъ людей болѣе двухъ тысячъ лѣтъ; идея-же соціальныхъ организацій до конца XVIIIго вѣка и возникнуть не могла, потому что не существовало тѣхъ условій производства, которыя созданы были наукой, работающей по правильному синтезу. Поэтому идея свободы имѣла подъ собою весьма подготовленную почву, а соціальныя идеи — вовсе неподготовленную, и только одинъ революціонный энтузіазмъ могъ-бы еще нѣсколько способствовать ихъ распространенію. Кромѣ того въ самыхъ условіяхъ общественной жизни XIXго вѣка существовала причина, весьма неблагопріятно дѣйствовашая на ихъ распространеніе и развитіе. Такія соціальныя организаціи, какъ русская поземельная община, уральская казацкая организація, военное братство краснокожихъ или индѣйская рабочая каста обусловливались одинаковостью развитія лицъ, къ нимъ принадлежащихъ. Между тѣмъ въ европейской цивилизаціи боролись двѣ прямо другъ другу противорѣчившія потребности: съ одной стороны, условія машиннаго производства требовали соціальной организаціи, а съ другой — условія, въ которыхъ распространялась наука, разрушали единообразный уровень развитія вездѣ, гдѣ онъ еще продолжалъ существовать; между людьми размножались противорѣчія въ идеяхъ, во взглядахъ на пріемы производства и въ потребностяхъ, что затрудняло созиданіе организацій вмѣсто того, чтобы имъ способствовать, и даже разрушало уже существующія.

Изъ этого слѣдовало однако только то, что общество конца XVIIIго вѣка должно было-бы обратить тѣмъ болѣе вниманія на потребность въ организаціяхъ, чѣмъ болѣе препятствій встрѣчалось въ удовлетвореніи этой потребности. Оно должно было-бы подвергнуть самому строгому анализу идеи чуткихъ предвозвѣстниковъ соціальныхъ организацій, оцѣнить ихъ глубину и исправить ихъ недостатки. Но общество предпочло поступить такъ, какъ всегда поступало въ подобныхъ случаяхъ патентованное ученое тупоуміе; — чтобы облегчить свои мозги отъ работы, оно предпочло игнорировать мудреную задачу. Его демократы и демагоги не вѣрили въ демократію; Робеспьеръ преслѣдовалъ и признавалъ зловредною идею федеративной республики, гдѣ тутъ было думать о соціальной организаціи. Бюрократія стала развиваться и вытѣснять отовсюду стремленіе къ самоуправленію. Вмѣсто идей представительнаго управленія и господства общественнаго мнѣнія истиннымъ порожденіемъ революціи была бюрократія, возвратъ къ направленію императорскаго Рима, стремившагося уравнять людей, чтобы упростить задачу деспотическаго управленія; бюрократія должна была весь народъ дезорганизовать, низвергнуть въ прахъ и превратить въ безусловно повинующуюся машину. Бюрократъ-урядникъ ставилъ великій умъ на одну доску съ послѣднимъ безграмотнымъ мазурикомъ, въ его глазахъ онъ былъ увлекающимся мальчишкой; всѣ должны были одинаково преклоняться передъ его мудростью, мудростью начальства; дѣло той начальствующей машины, къ которой онъ принадлежалъ — приказывать, распоряжаться, а обязанность всѣхъ прочихъ — безусловно повиноваться; передъ величіемъ начальства умъ былъ на столько-же ничтоженъ, какъ и рабочая лошадь; это презрѣнное качество человѣческой природы должно было знать свое мѣсто и помнить одно, — что ему слѣдуетъ слушаться кнута.

Такое бюрократическое самомнѣніе было неизбѣжнымъ порожденіемъ противурѣчія между требованіями времени и взглядами на нравственность и на счастье, созданными тогдашней наукой. Вмѣсто того, чтобы способствовать появленію въ людяхъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы были для развитія организаціонной дѣятельности, весь образованный классъ проповѣдывалъ такія идеи нравственности, которыя прямо уничтожали эти качества. Необходимость извѣстныхъ нравственныхъ воззрѣній и свойствъ

для того, чтобы требующіяся условіями жизни организаціи могли возникнуть и существовать, понималась тогда очень плохо, — господствовала безусловная вѣра въ могущество формъ. Стоило ввести извѣстныя формы закономъ, и дѣло сдѣлано. Если требовались извѣстныя качества, то весьма односторонніе и такія, при которыхъ успѣхъ дѣла былъ вовсе не обезпеченъ. И до сихъ поръ эта сторона жизни совершенно не разработана, хотя уже тогда одно поверхностное разсмотрѣніе дѣйствовавшихъ учрежденій могло убѣдить въ невозможности ограничиться одними формами помимо извѣстныхъ нравственныхъ воззрѣній и обычаевъ. Созданіе представительныхъ учрежденій должно было уничтожить притѣсненіе гражданъ общественною властью, но если эти представители избирались меньшинствомъ, то теоретически прямо слѣдовало, что меньшинство должно притѣснять большинство; если-же представители избирались большинствомъ, то большинство должно было притѣснять меньшинство. Такія заключенія и дѣлались теоретиками, которые остроумно придумывали помочь горю разными измышленіями, способными дать возможность меньшинству имѣть представителей. Но какимъ образомъ это могло помочь горю? — вѣдь эти представители все таки останутся въ представительномъ собраніи въ меньшинствѣ и слѣдовательно не могутъ отвратить притѣсненій большинства. Сверхъ того даже въ федеративныхъ демократіяхъ избиратели составляли только меньшинство; большинство, т. е. женщины и дѣти не имѣли представителей. То-же можно сказать объ ограниченіи одной власти другою: независимый судъ ограничиваетъ администрацію; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что онъ будетъ ограждать гражданъ отъ притѣсненія; — исторія показала, что судьи могутъ ограждать интересы рабочаго народа, но и наоборотъ, чаще всего они проникнуты воззрѣніями высшихъ классовъ и тогда они способствуютъ притѣсненію.

Никакая форма общественной жизни одна, сама по себѣ не можетъ удовлетворить потребностямъ политической и соціальной жизни, Форма только тогда и можетъ быть полезной, когда она является результатомъ здороваго народнаго духа, правильнаго взгляда на современныя потребности и вѣрнаго чутья народа. Если народъ ставитъ себѣ въ своей общественной жизни правильную цѣль, онъ всѣ свои учрежденія будетъ исправлять въ такомъ смыслѣ, что его политическая жизнь будетъ процвѣтать и

укрѣпляться, и наоборотъ, неправильный взглядъ на требованія жизни дастъ всѣмъ учрежденіямъ вредное или гибельное направленіе. Народамъ твердили о смиреніи и повиновеніи, — выходило скверно, порождался гибильный деспотизмъ; имъ твердили, что если человѣкъ хочетъ быть свободнымъ, то онъ долженъ умѣть защищать свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ, онъ долженъ носить мечъ и предпочитать смерть порабощенію, — выходила анархія польская, венгерская и испанскихъ республикъ въ Америкѣ; имъ проповѣдывали умѣренность, — но умѣренность приводила только къ наглымъ захватамъ дерзкихъ и сильныхъ. Все отъ того, что вовсе не въ этомъ сила: ни смиреніе, ни дерзость, ни умѣренность не приводятъ къ цѣли. Нужно, чтобы деспотическія и эксплуататорскія наклонности уменьшались до минимума правильнымъ понятіемъ о счастьѣ, стремленіемъ къ труду, къ покладливости и къ правильной оцѣнкѣ значенія человѣческихъ потребностей.

Только педагогически-вѣрный взглядъ на значеніе идей и на условія ихъ развитія и умѣнье предпочитать чужія необходимыя потребности собственнымъ, искусственнымъ, могли подготовить людей къ прочному созиданію и развитію необходимыхъ организацій; только уменьшеніе до минимума стремленія притѣснять, пользуясь своею силою, могло обезпечить ихъ успѣхъ. Между людьми должно было распространиться убѣжденіе, что одна справедливость можетъ создать прочное благополучіе и что, употребляя силу для того, чтобы доставлять себѣ преимущества надъ слабыми, они этимъ замѣняютъ идеею взаимной помощи идею борьбы и расшатываютъ основы, на которыхъ покоится прочность ихъ счастья среди треволненій и случайностей жизни. Между тѣмъ XVIII[й] вѣкъ передалъ XIX[му] два господствовавшія нравственныя воззрѣнія: консервативное и либеральное. Въ основѣ консервативнаго лежала христіанская религія и ея средневѣковыя идеи смиренія и повиновенія. Религія стояла въ рѣзкомъ и прямомъ противорѣчіи съ требованіями жизни и выробатывала въ людяхъ качества, уничтожавшія возможность развитія организаціонной дѣятельности вмѣсто того, чтобы ей способствовать. Вмѣсто того, чтобы порождать въ людяхъ стремленіе къ соглашенію и вниманіе къ чужимъ идеямъ и нуждамъ, она развивала въ нихъ нетерпимость, доходившую до геркулесовыхъ столбовъ деспотическихъ притязаній. Люди научались ненавидѣть и мышленіе, и науку;

они требовали вѣры и притомъ безусловной вѣры въ то, чему они вѣрили, и безусловнаго повиновенія тому, чему они повиновались, отъ всѣхъ, не обращая вниманія ни на что. Одинъ безусловный деспотизмъ, заставляющій людей повиноваться безъ всякихъ разсужденій и въ дѣйствіяхъ, и въ мысляхъ, и въ чувствахъ могъ удовлетворить вѣрующаго.

Католицизмъ всего рѣзче проповѣдывалъ вѣрующимъ подобную нравственность, но именно поэтому католицизмъ въ началѣ XIXго вѣка считался лучшимъ оплотомъ государственнаго порядка на материкѣ Европы, и правительства ставили его въ образецъ всѣмъ прочимъ религіямъ. Даже государи протестантскихъ государствъ, напр. прусскій король, предпочитали католицизмъ господствующимъ въ ихъ государствахъ вѣроисповѣданіямъ. Наглыя притязанія папы въ теченіе XIXго вѣха росли, а не уменьшались; онъ открыто выступалъ врагомъ просвѣщенія и науки, проклиналъ идеи, созданныя работой мысли, требовалъ, чтобы народное образованіе во всей Европѣ было подчинено его контролю и чтобы духовенство не повиновалось правительствамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ распоряженія противорѣчили его приказаніямъ. Подвизаясь все далѣе по этому пути, папа во второй половинѣ XIXго вѣка заявилъ такую претензію, на которую даже средневѣковые папы не могли осмѣлиться, — онъ провозгласилъ себя непогрѣшимымъ. Въ то время, когда исторія заклеймила неслыханный развратъ, злодѣйства и вѣроломство папъ, не отступавшихъ даже передъ святотатствомъ и гнустностью индульгенцій, превращавшихъ священнѣйшій долгъ своей совѣсти въ орудіе мошеннической торговли, — папа второй половины XIXго вѣка съ мѣднымъ лбомъ ставилъ этихъ мерзавцевъ образцомъ для подражанія, святыми и непогрѣшимыми; папы не стѣснялись канонизировать людей, которыхъ пороки были слишкомъ извѣстны міру. Такимъ образомъ религія прививала людямъ сверхъ деспотической притязательности наклонность нагло бить истину по лицу и беззавѣтное лицемѣріе.

Понятно, какое вліяніе она должна была имѣть на бюрократію, видѣвшую въ ней оплотъ порядка и хорошаго управленія, источникъ, изъ котораго люди должны были почерпать понятіе объ истинныхъ добродѣтеляхъ. Этому консервативному христіанству, распространявшему наклонности къ варварскому деспотизму, не-

вѣжество, прелюбодѣяніе учителей церкви и развратъ, люди науки противупоставили, ученія менѣе всего способныя подготовлять людей къ дѣятельности, соотвѣтствовавшей требованіямъ времени. Неудачный исходъ французской революціи окончательно уронилъ въ глазахъ либерализма идеалъ республиканской простоты и республиканскихъ добродѣтелей, отъ увлеченія простотою жизни Франклина и Руссо не осталось ни слѣда, ни воспоминанія. Теперь господствовала политическая экономія и ея нравственность; христіанство съ его аскетизмомъ и смиреніемъ приравнивалось къ мировоззрѣнію востока, Азіи и Африки. Тамъ предпочитали презрѣніе къ матерьяльнымъ благамъ, жизнь созерцательную, духовную; европеецъ долженъ предпочитать стремленіе къ матерьяльному, къ комфорту, къ благосостоянію. Наука пробудила энтузіазмъ стяжанія, борьбу изъ-за обладанія богатствомъ и вообразила, что она подарила этимъ человѣчеству великое благо. Энтузіазмъ охватилъ не только Европу, но и демократическую Америку.

Политико-экономы проповѣдывали уничтоженіе всѣхъ препятствій къ стяжанію и доказывали, что благосостояніе и процвѣтаніе государствъ зависитъ отъ свободной борьбы разныхъ группъ имущаго класса. Что касается до рабочаго населенія, то заботы объ немъ совершенно излишни, никакія мѣры для улучшенія его благосостоянія ни къ чему не поведутъ, потому что желѣзный и непреложный законъ конкуренціи неизбѣжно низведетъ заработную плату до минимума необходимыхъ средствъ существованія. Самое поверхностное обращеніе къ фактамъ должно было вполнѣ опровергнуть это коллосальное легкомысліе, оно доказало-бы, что рабочіе одинаковаго достоинства на томъ-же самомъ рынкѣ получаютъ заработную плату вдвое и втрое меньшую и большую; что за ту-же самую работу рабочіе въ разныхъ мѣстностяхъ и странахъ получаютъ весьма различное обезпеченіе, что на томъ-же самомъ рынкѣ, за ту-же самую работу рабочіе получаютъ всегда весьма различную плату, и что рабочіе, требующіе за свою работу минимумъ, необходимый для обезпеченія ихъ потребностей, никогда не могутъ низвести заработную плату до этого уровня. Такое низведеніе заработной платы невозможно по самой организаціи человѣка. На томъ-же самомъ рынкѣ конкурируютъ люди съ одинаковой способностью къ работѣ, но съ весьма различными

потребностями. Статистика показываетъ, что въ средѣ взрослаго мужскаго населенія приблизительно третья часть содержитъ большинство дѣтей, другая треть содержитъ ихъ меньшинство, а третья вовсе не содержитъ дѣтей; кромѣ того незначительное меньшинство женщинъ, т. е. вдовы и матери незаконныхъ дѣтей содержатъ по два, по три и даже по четыре ребенка. Изъ этого слѣдуетъ, что если-бы одна треть рабочаго населенія могла низвести цѣны на трудъ до минимума своихъ потребностей, то человѣчеству пришлось-бы цѣликомъ вымирать, а если-бы двѣ трети могли сдѣлать то-же самое, то населеніе должно было-бы быстро уменьшаться, — между тѣмъ извѣстно, что въ Европѣ оно увеличивается. Ученые хвалились, что они, созидая свои идеи, изучали предметъ со всѣхъ сторонъ и прочитывали серіознѣйшимъ образомъ все, до него относящееся; однако-же цѣлыя толпы столповъ науки повторяли идею желѣзнаго закона конкуренціи и никому изъ нихъ не вздумалось обратиться даже къ самому поверхностному изученію фактовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ученія, характеризующія нравственный уровень начала XIX-го вѣка.

ПОДОБНЫЯ воззрѣнія политико-экономовъ должны были одновременно разжечь и стяжающую похоть высшихъ классовъ, и ихъ презрѣніе къ нуждамъ народа. Изъ ихъ взглядовъ вытекаетъ, что процвѣтаніе и благосостояніе государствъ могло развиваться только посредствомъ увеличенія богатства имущаго класса, такъ какъ рабочій народъ самою природою осужденъ былъ на безъисходную бѣдность и никакой трудъ не могъ доставить ему обезпеченіе, превышающее минимумъ его потребностей. Такимъ образомъ англійская идея объ исключительномъ правѣ имущаго класса на господство въ странѣ приго-

товляла для себя полное торжество. Античная наука раздѣлила населеніе на два класса: на трудящійся, созданный для рабства, и на гражданъ, рожденныхъ для праздной жизни и для управленія государствомъ; окончательнымъ результатомъ такого міровоззрѣнія былъ рабовладѣльческій Римъ и гибель античной цивилизаціи. Политико-экономы стремились замѣнить идею рабства идеей минимума, необходимаго для существованія, — и результатъ, конечно, былъ-бы тотъ-же. Безсознательная алчность, выражавшаяся въ экономическомъ ученіи, перерождалась со временемъ въ такую-же наглую притязательность, какъ притязательность папъ.

Мальтусъ доказывалъ, что населеніе растетъ въ геометрической пропорціи въ то время, когда средства существованія увеличиваются въ арифметической, а потому бѣдность и даже гибель отъ нужды неизбѣжны въ рабочемъ классѣ; а во второй половинѣ XIXго вѣка Спенсеръ могъ уже утверждать, ссылаясь на авторитетъ Дарвина, что гораздо разумнѣе обрѣкать бѣдныхъ на гибель, чѣмъ помогать имъ. Такимъ образомъ наука перещеголяла даже папу. И на этотъ разъ столпы либерализма не замѣтили, что ученіе Мальтуса вполнѣ опровергается фактами естественныхъ наукъ. Естественно-научный фактъ заключается въ томъ, что чѣмъ ниже организмъ, тѣмъ въ среднемъ уровнѣ сильнѣе его воспроизводительная сила и тѣмъ быстрѣе онъ можетъ размножаться. Тѣ организмы, которыми питается человѣкъ, напр. злаки, способны несравненно быстрѣе размножаться, чѣмъ самъ человѣкъ. Высшіе организмы отличаются отъ низшихъ тѣмъ, что плодовитость ихъ уменьшается, а способность обезпечивать свое существованіе увеличивается. Птица, питающаяся плодами деревьевъ, несравненно менѣе плодовита, чѣмъ эти деревья, а между тѣмъ выработанная ею способность перелетать съ мѣста на мѣсто даетъ ей возможность избѣгать главной причины гибели низшихъ организмовъ, именно того обстоятельства, что условія каждой данной мѣстности одинъ годъ бываютъ весьма благопріятны для размноженія организма, а другой крайне неблагопріятны. Ея организація даетъ ей возможность постоянно отыскивать для своего существованія наиболѣе благопріятныя условія.

Человѣкъ еще менѣе плодовитъ, чѣмъ птица, но за то же значительная способность къ организаціонной дѣятельности обезпечиваетъ удовлетвореніе его потребностей въ несравненно большихъ

размѣрахъ, чѣмъ они обезпечены у птицы способностью летать. Историческіе факты показываютъ, что обезпеченность людей въ средствахъ для своего существованія находится въ прямой зависимости отъ ихъ способности къ организаціямъ. Независимость обезпеченности людей въ своихъ средствахъ къ существованію отъ густоты населенія такъ велика, что наименьшая обезпеченность людей оказывалась при самомъ рѣдкомъ населеніи въ дикомъ состояніи и возрастала по мѣрѣ того, какъ населеніе дѣлалось болѣе густымъ вмѣстѣ съ развитіемъ организаціонныхъ способностей и вытекающей отсюда культуры. При отсутствіи качествъ, необходимыхъ для организаціонной дѣятельности, и искусства созидать организаціи населеніе вымирало или оставалось крайне рѣдкимъ въ теченіе тысячелѣтій на самой плодоносной почвѣ, напр. на островахъ Новой Зеландіи. Наоборотъ, при высокой степени способности даже только къ инстинктивнымъ организаціямъ населеніе увеличивается въ наиболѣе густо населенныхъ странахъ. Точныя статистическія данныя, собранныя англичанами, доказали въ Индіи не только существованіе такого густого населенія, которое въ прежнія времена считалось вполнѣ неправдоподобнымъ, но и возрастаніе этого населенія.

Въ широкомъ поясѣ, обнимающемъ восемьдесятъ градусовъ широты и прилегающемъ къ экватору, густота населенія и его обезпеченность средствами существованія находится въ прямой зависимости отъ его организаціонныхъ способностей уже вслѣдствіе требованій орошенія почвы. При дурной организаціи общества сооруженія для орошенія приходили въ упадокъ, при хорошей — они улучшались; а густота и обезпеченность населенія находятся въ прямомъ отношеніи къ ихъ состоянію. Между тѣмъ поясъ этотъ заключаетъ въ себѣ не только значительное большинство суши, но и ту ея часть, которая способна содержать наибольшее число людей. Обезпеченность населенія въ странахъ, гдѣ господствуютъ инстинктивныя организаціи, созданныя помимо воли населенія путемъ развитія инстинкта повиновенія, незначительнѣе обезпеченности народа съ организаціями сознательными, гдѣ господствуетъ общественное мнѣніе. Въ Индіи и Китаѣ во время голода люди умираютъ тысячами и мильонами, — и при обыкновенныхъ условіяхъ смерть отъ голода тамъ не рѣдкость; въ наиболѣе густо населенныхъ странахъ съ господствомъ общественнаго мнѣнія, въ

Англіи и Бельгіи ничего подобнаго не бываетъ, — даже одинъ случай смерти отъ голода тамъ производитъ сильное впечатлѣніе. Въ обыкновенныя времена обезпеченность англійскаго населенія настолько превышаетъ индѣйское, что въ Англіи считается крайней бѣдностью такое состояніе, которое въ Индіи признается вполнѣ достаточнымъ обезпеченіемъ.

Въ странахъ, достигшихъ сознательныхъ организацій, т. е. господства общественнаго мнѣнія, обезпеченность населенія сообразуется опять таки не съ его густотой, а съ совершенствомъ его организацій. Если сравнивать англійское и ирландское населеніе, то окажется, что въ Англіи оно болѣе обезпечено, хотя оно гуще, а въ Ирландіи — на оборотъ. Причина прямо зависитъ отъ того, что общественная организація въ Англіи совершеннѣе, чѣмъ въ Ирландіи. Густота и обезпеченность населенія возрастаютъ съ развитіемъ качествъ, необходимыхъ для усовершенствованія общественной организаціи, но за то-же, чѣмъ болѣе возрастаетъ густота населенія, тѣмъ настоятельнѣе потребность въ улучшеніи организаціи и недостатокъ прогресса въ этомъ отношеніи отзывается великими народными бѣдствіями. Мальтусъ писалъ на самую плодоносную тему и если-бы онъ умѣлъ изучить предметъ, какъ слѣдуетъ, то доказалъ-бы до очевидности, что въ XIX^{мъ} вѣкѣ развитіе способности къ организаціямъ и организаціонной дѣятельности составляло наиболѣе насущную потребность цивилизованнаго міра, а пренебреженіе къ нимъ величайшее изъ золъ, могущихъ его постигнуть. Но уровень нравственности знаменитаго писателя-монаха былъ такъ низокъ, грубость чувствъ въ немъ такъ велика, что онъ способенъ былъ только къ невѣжественному искаженію того явленія, которое изучалъ.

Замѣна рабскаго труда наемнымъ породила въ тѣ времена ученіе, которое было хуже ученія Мальтуса; оно старалось искусственно увеличивать густоту населенія запрещеніемъ переселеній и т. п., въ то-же время уничтожать всякую организаціонную дѣятельность путемъ неограниченной монархіи, и такимъ образомъ конкуренціей, вынуждаемой отчаяньемъ, низводить населеніе до крайнихъ предѣловъ нищеты ради уменьшенія заработной платы. Безсовѣстная жадность наказывала сама себя, съ обнищаніемъ населенія имѣнья дѣлались бездоходными, а фабрики невозможными. При такихъ взглядахъ нравственный уровень либераловъ

почти равнялся уровню консерваторовъ, воспитанныхъ въ идеяхъ религіи, они отличались только нѣсколько меньшей нетерпимостью и нѣкоторымъ сочувствіемъ къ народному образованію. Они считали себя также сочувствующими организаціонной дѣятельности, но такъ какъ они допускали организацію только для имущаго класса и притомъ съ цѣлью эксплуатаціи интеллигенціи и рабочаго населенія, то ихъ воззрѣнія не имѣли никакихъ существенныхъ преимуществъ по сравненію съ деспотизмомъ. На материкѣ Европы интеллигенція болѣе высокаго нравственнаго уровня, чѣмъ Мальтусъ, могла осмѣливаться только на робкіе намеки; но даже въ Англіи, гдѣ она могла открыто высказывать свое мнѣніе и гдѣ наиболѣе виднымъ ея представителемъ былъ Бентамъ, она была въ окончательномъ загонѣ и была обречена на безсиліе и уединенное положеніе.

Хуже всего было то, что она сама находилась подъ существеннымъ вліяніемъ политико-экономическихъ ученій и признавала ихъ истинными. Въ антагонизмѣ она была только съ религіознымъ воззрѣніемъ на нравственность. Она боролась противъ самоотреченія, аскетизма и безцѣльныхъ лишеній, налагаемыхъ на себя человѣкомъ, противъ презрѣнія къ земнымъ благамъ и смиренія, и противупоставляла этимъ религіознымъ ученіямъ благодѣтельное будто-бы стремленіе къ богатству и благосостоянію, и прославляла эгоизмъ. Конечно эгоизму утилитарная философія старалась придать такое значеніе, при которомъ онъ не противорѣчилъ общему благу, но если принять въ соображеніе, что герой этого ученія Бентамъ, написалъ спеціальную монографію въ защиту ростовщиковъ, признаваемыхъ порочными даже со стороны религіи, то не трудно понять, что это ученіе послужило поддержкой гнусному буржуазно-экономическому ученію объ эгоизмѣ, какъ полезнѣйшемъ орудіи для развитія благосостоянія. Съ одной стороны утилитаристы признавали законъ конкуренціи и вытекающую отсюда фатальную бѣдность рабочаго, съ другой защищали спекуляцію хлѣбомъ и вообще всякаго рода барышничество и кулачество во имя свободы конкуренціи. При такой обстановкѣ для всѣхъ, имѣющихъ уши, смыслъ словъ — эгоизмъ, не противорѣчащій общественному благу — былъ яснѣе дня. На словахъ либералы считали себя умѣренными, въ сущности-же они впадали въ такія-же рѣзкія крайности, какъ и католическое духовенстве. Первые

возбуждали до крайности алчность, вторые ненависть къ наукѣ и нетерпимость. Въ нихъ не было даже того умѣнья правильно относиться къ кореннымъ инстинктамъ, перешедшимъ къ человѣку отъ животнаго состоянія, которое усвоено было религіей въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ ея существованія.

Человѣкъ-животное инстинктивно противупоставляетъ свой организмъ всему прочему и все его окружающее старается эксплуатировать на пользу этого организма; поэтому въ немъ хищничество, деспотизмъ, алчность, враждебное презрѣніе къ общему благу и ко всему окружающему составляетъ основной фонъ его животнаго характера. Продолжительный опытъ управленія людьми посредствомъ религіознаго инстинкта доказалъ религіямъ, что всякая идея нравственности, сезидаемая для подготовленія людей даже къ инстинктивнымъ организаціямъ, должна учить человѣка ставить на первый планъ борьбу съ его животными, антисоціальными инстинктами. Признавая алчность и стремленіе къ богатству полезною для человѣчества страстью, наука первой половины XIXго вѣка сдѣлала такой промахъ, что поставила себя въ самое невыгодное положеніе въ борьбѣ своей съ религіей. Явилось общее убѣжденіе, что религія глубже политической экономіи. Черезъ этотъ слабый пунктъ наука утратила всѣ преимущества, которыя пріобрѣла надъ религіею своими гуманными идеями.

Она должна была-бы точно такъ-же, какъ религія, вести борьбу на жизнь и смертъ съ антисоціальными, хищническими и животными инстинктами человѣка, но вести ее раціонально и показывать, до какой степени религія исказила идею нравственности, положивъ въ ея основаніе ложь. Она должна была-бы доказывать человѣку, что онъ имѣетъ два пути для обезпеченія своего существованія и своихъ потребностей: онъ можетъ обезпечивать себя, дѣлая другимъ добро и дѣлая другимъ зло. Если онъ трудомъ своимъ сдѣлаетъ вещь и продастъ ее другому безъ корысти, а ради обоюднаго удобства, то онъ сдѣлаетъ этому другому добро и самъ получитъ отъ него добро обратно; если онъ будетъ относиться къ женѣ своей и къ семейству съ любовью, то и онъ обрѣтетъ въ своемъ семействѣ миръ и любовь. Люди, которые живутъ тѣмъ, что дѣлаютъ другимъ добро, т. е. поступаютъ такъ, чтобы всѣмъ было хорошо и никому не было дурно и обидно, ищутъ другъ друга и избѣгаютъ всячески людей, которые дѣлаютъ другимъ

зло; поэтому человѣкъ, живущій добромъ легко можетъ окружить себя такими-же, какъ онъ, добрыми людьми и этимъ онъ приготовитъ себѣ счастье. Чѣмъ лучше онъ будетъ самъ, тѣмъ лучшіе люди пріймутъ его въ свою компанію и будутъ имѣть съ нимъ дѣло. Обычай такого общества оградитъ его отъ пороковъ, такъ что онъ отъ другихъ увидитъ только одно хорошее, да и самъ себѣ не будетъ дѣлать зла.

Если добрые люди ищутъ добрыхъ, то съ другой стороны они боятся тѣхъ, которые живутъ злыми дѣлами, всячески избѣгаютъ ихъ общества и стараются не имѣть съ ними дѣла. Поэтому люди, живущіе зломъ, вынуждены жить въ обществѣ такихъ же людей, какъ они сами; мало того, среди злыхъ людей и добрый человѣкъ дѣлается злымъ; какъ бы ни старался человѣкъ отвѣчать добромъ на зло, но это можетъ удаться ему только на короткое время: — злые люди заставятъ его отвѣчать на зло зломъ. Злые люди могутъ жить только въ обществѣ злыхъ, и чѣмъ они злѣе, тѣмъ хуже будетъ то общество, которое ихъ окружаетъ. Ни богатство, ни власть, ни знатность, — ничто не избавитъ ихъ отъ этой необходимости. Если жизнь среди добрыхъ и трудолюбивыхъ людей избавляетъ человѣка отъ пороковъ и обезпечиваетъ ему миръ и благоденствіе, то, наоборотъ, жизнь среди злыхъ людей дѣлаетъ человѣка все болѣе порочнымъ: вѣчно почитая всѣхъ людей злыми и отвѣчая на зло зломъ, онъ до такой степени запутывается въ этомъ, что и себѣ дѣлаетъ столько-же зла, сколько другимъ. Онъ старается разбогатѣть, обижая другихъ, чтобы имѣть все въ изобиліи и ничего не дѣлать, но для этого онъ долженъ дѣйствовать за одно съ дурными людьми и жить въ ихъ средѣ, онъ долженъ угождать ихъ распутству и пьянству, чтобы они ему помогали, и самъ дѣлается такимъ-же кутилой-мученикомъ, какъ они, и дѣлается имъ тѣмъ легче, чѣмъ больше имѣетъ удачи, чѣмъ больше у него является денегъ и свободнаго времени. Если онъ отъ этого не погибаетъ, то погибаютъ его дѣти, которыхъ онъ смолоду пріучилъ къ бездѣлью и кутежу. Если же ему не удастся разбогатѣть, то изъ него прямо выходитъ воришка и негодяй, котораго жизнь хуже всего, что можно себѣ представить.

Человѣку кажется, что, чѣмъ болѣе онъ будетъ заботиться о себѣ и чѣмъ менѣе о другихъ, тѣмъ скорѣе онъ пріобрѣтетъ богатство и власть, и тѣмъ болѣе онъ будетъ счастливъ; но выходитъ на-

оборотъ, — чѣмъ болѣе онъ будетъ при каждомъ своемъ поступкѣ думать о другихъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ счастливъ и безъ богатства и власти, потому что тѣмъ лучше будутъ тѣ люди, которые пустятъ его въ свою среду, а чѣмъ менѣе онъ будетъ думать о другихъ, тѣмъ менѣе онъ будетъ счастливъ и тѣмъ скорѣе онъ погибнетъ среди худыхъ людей, даже и при богатствѣ и власти. Это не все; — чѣмъ добрѣе будетъ человѣкъ, тѣмъ легче онъ погибнетъ въ средѣ злыхъ людей, и тѣмъ скорѣе они сдѣлаютъ его злымъ и порочнымъ; если добрые люди хотятъ оставаться добрыми и дѣлаться лучшими, то они крѣпко должны держаться другъ друга, жить въ обществѣ добрыхъ, а не дурныхъ людей и помогать одинъ другому въ борьбѣ со злыми. Крѣпко помогая другъ другу, они могутъ достигнуть того, что будутъ въ состояніи и злымъ людямъ не дѣлать зла, этимъ смягчать ихъ и даже внушать къ себѣ любовь вмѣсто ненависти. Въ такомъ видѣ и неразвитому человѣку можно сдѣлать доступнымъ истинное понятіе о счастьи человѣческомъ и показать ему, что не существуетъ никакого противорѣчія между счастьемъ человѣка и общественнымъ благомъ и что при правильномъ понятіи о своемъ счастьи человѣкъ, стремясь достигнуть наибольшаго для себя счастья, будетъ въ то-же время стремиться къ общему благу.

Однако-же при этомъ человѣку будетъ ясно, что онъ только тогда будетъ увеличивать свое счастье, когда будетъ отказываться дѣлать зло другому, не смотря ни на какія эгоистическія приманки, которыя бы его къ этому соблазняли. Всякое зло, сдѣланное другому изъ эгоизма, даже по одной минутной слабости, причинитъ человѣку болѣе вреда, чѣмъ онъ можетъ извлечь изъ него пользы. Разъ сдѣланный человѣкомъ по неосторожности злой поступокъ можетъ пустить объ немъ славу злого человѣка и удалить его изъ общества добрыхъ людей. Вся суть правильнаго взгляда на счастье и на нравственность заключается въ томъ, что человѣкъ даже ради собственнаго своего благосостоянія при каждомъ своемъ поступкѣ долженъ прежде всего думать о томъ: зло или добро поступокъ этотъ приноситъ другому, и отказываться отъ всякаго дѣйствія, внушаемаго эгоизмомъ, если это дѣйствіе приноситъ другому зло. Поэтому человѣку, смотрящему такимъ образомъ на вещи, и въ голову не могло-бы прійти убѣждать людей, чтобы они въ дѣйствіяхъ своихъ руководствовались эгоизмомъ.

Нельзя сказать, что понятіе объ эгоизмѣ у утилитаристовъ было только неловкимъ выраженіемъ ихъ мысли; они дѣйствительно полагали, что эгоизмъ лучшій изъ стимуловъ человѣческихъ, обезпечивающихъ народамъ благоденствіе. Это недомысліе помѣшало имъ понять истиннаго своего врага и поставить мыслящихъ людей на настоящую точку зрѣнія для борьбы съ нимъ. Они дожны были понять антитезисы, составляющіе неизбѣжное послѣдствіе всякаго человѣческаго міровоззрѣнія. Эгоизмъ и самоотверженіе составляютъ антитезисъ, неизбѣжно уравновѣшивающійся. Разъ интеллигенція проповѣдывала эгоизмъ, она этимъ самымъ стремилась къ самоуничтоженію и къ возвращенію религіознаго міровоззрѣнія. Если одни хотятъ эгоистически наслаждаться, то должны существовать другіе, которые готовы были-бы самоотверженно доставлять имъ средства для такого наслажденія, должна существовать религія, которая-бы проповѣдывала народу смиреніе, презрѣніе къ земнымъ благамъ и блаженство самоотреченія. И дѣйствительно, интеллигенція повсемѣстно находила, что религія полезна для народа, не замѣчая, что этимъ самымъ она уничтожаетъ себя во мнѣніи народа. Духовенство проповѣдывало народу смиреніе, повиновеніе, самоотреченіе и само, хотя болѣе лицемѣрно, чѣмъ искренно, держалось такого міровоззрѣнія; интеллигенція-же, наоборотъ, для себя считала полезнымъ эгоизмъ, а для народа религію. Этимъ она внушала народу къ себѣ презрѣніе, поддерживала вліяніе духовенства и убѣжденіе, что въ религіи глубина и святость, а въ наукѣ скорѣе легкомысліе.

Интеллигенція вовсе не понимала, какъ держать себя, чтобы имѣть рѣшительный перевѣсъ надъ духовенствомъ и уничтожить религію. Чѣмъ умнѣе человѣкъ, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ знаній и годности для своего дѣла, тѣмъ больше онъ можетъ дать посредствомъ своей дѣятельности и тѣмъ меньше онъ можетъ взять за то-же дѣло сравнительно съ человѣкомъ, менѣе способнымъ къ нему и менѣе знающимъ. Чѣмъ интеллигентнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ поглощенъ своимъ развитіемъ, пріобрѣтеніемъ знаній и заботами объ успѣхѣ своего дѣла, тѣмъ менѣе его интересуетъ обстановка богатства и власти, за которой такъ жадно гоняются неинтеллигентные и тщеславные блюдолизы и сластолюбцы. Самое возрастаніе интереса къ этой обстановкѣ служитъ несомнѣннымъ признакомъ упадка интеллигентности, интереса и годности къ

дѣлу. Поэтому отдать въ руки наиболѣе годной интеллигенціи все дѣло, требующее умственной дѣятельности и знаній, составляетъ прямой интересъ народа; онъ получитъ максимумъ благъ по наиболѣе дешевой цѣнѣ. Съ другой стороны сосредоточеніе всего умственнаго труда въ рукахъ наиболѣе годной интеллигенціи составляетъ самую насущную потребность и благопріятное условіе для благоденствія и счастья всей массы интеллигенціи, такъ какъ ея благополучіе прежде всего и болѣе всего возрастаетъ съ интеллигентностью той среды, въ которой она живетъ.

Однако-же, чтобы практически осуществить положеніе, гдѣ каждое дѣло попадало-бы въ руки наиболѣе интеллигентнаго и способнаго къ нему человѣка, необходимо, чтобы въ средѣ интеллигенціи господствовалъ правильный взглядъ на свое счастье и на условія, которыми оно обезпечивается. Втеченіе XVIII^го вѣка интеллигенція два раза попадала въ такія условія, при которыхъ она господствовала надъ обществомъ: въ первый разъ при созданіи Соединенныхъ Штатовъ Америки, во второй — во время революціи, когда Франція отбивалась отъ европейской коалиціи. Въ первомъ случаѣ она совершила величайшій изъ подвиговъ въ исторіи западной цивилизаціи, во второмъ — она доказала, какая безпримѣрная и неодолимая сила создается союзомъ народа съ интеллигенціей. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ явленіе порождено было не спокойнымъ и правильнымъ взглядомъ на вещи, а энтузіазмомъ борьбы; — только въ такомъ восторженномъ состояніи люди способны были въ видѣ исключенія признавать дарованія и ввѣрять имъ свои дѣла. Лишь только прошло это время, интеллигенція опять принялась сочинять нелѣпѣйшія теоріи и до того понизила уровень нравственности, что сама себя отдала со связанными руками во власть посредственности и бездарности.

Во Франціи въ то время, когда со всѣхъ сторонъ надвигающіяся вражьи силы заставили народъ смотрѣть на интеллигенцію, какъ на единственное для себя спасеніе, и подчиниться ей съ энтузіазмомъ и самоотреченіемъ, — она не умѣла воспользоваться этимъ, чтобы установить правильный взглядъ на дѣло и упрочить этимъ свое господство. Ни себѣ, ни народу она не умѣла выяснить условія нравственнаго образа дѣйствій въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они находились. Прежде всего она должна была-бы понять источникъ, изъ котораго происходила ея несокрушимая сила. Она

отбросила всѣ предразсудки, всѣ предвзятыя и ложныя идеи и руководствовалась однимъ началомъ: приставлять ко всякому дѣлу того человѣка, который къ нему наиболѣе способенъ; ни лѣта, ни сословіе, ни имущественное положеніе, ни мѣсто въ іерархическомъ порядкѣ — ничто не принималось въ соображеніе — одна годность. Но когда, руководствуясь такимъ принципомъ, она создала изъ себя связное цѣлое наиболѣе способныхъ людей, тогда она этимъ самымъ могла-бы сдѣлаться обладателемъ коллективной силы. Она могла-бы этой силой держать въ своихъ рукахъ всякаго изъ своей среды. Какой-нибудь Наполеонъ точно такъ-же, какъ и всякій другой, долженъ былъ-бы оставаться въ полной зависимости отъ сплотившейся на вышеизложенныхъ началахъ интеллигенціи. Онъ могъ удачно выбирать людей, но только очень немногихъ, непосредственно его окружающихъ, и только въ той сферѣ, гдѣ онъ былъ наиболѣе компетентнымъ судьею годности. Это могла быть только небольшая кучка среди десятковъ тысячъ избираемыхъ другими. При сплоченности интеллигенціи и Наполеонъ чувствовалъ-бы, что, идя вмѣстѣ съ нею, онъ дѣлался великимъ человѣкомъ, а противодѣйствуя ей, онъ превращался въ ничтожество.

Далѣе, интеллигенція, успѣвшая захватить въ свои руки всю общественную дѣятельность, обнаружила несравненно лучшее пониманіе истинныхъ потребностей народа, чѣмъ неинтеллигентные люди; она создала и осуществила общественный порядокъ, пользу котораго для себя масса народа сейчасъ-же почувствовала. А потому она, могла пустить въ народѣ корни и опереться на него, — что было для нея неизбѣжно, если она хотѣла сохранить свое значеніе. Но по нравственному своему уровню она стояла не выше Кромвеля, жившаго полтораста лѣтъ тому назадъ, и подобно Кромвелю собственными руками вырыла ту могилу, въ которой похоронила свою славу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Снова война, поглощающая собою плоды научной изобрѣтательности. Почему государи могли и почему они не обезпечили миръ? Что слѣдовало дѣлать?

Начало XIXго вѣка представляетъ собою такое-же явленіе, какъ и начало XVIIIго. Вся Европа изъ конца въ конецъ объята была пламенемъ войны. Кровопролитіе, убійства и грабежи царили повсемѣстно. Всѣ силы европейскаго населенія сосредоточились на одной войнѣ; все, что сдѣлано было цивилизаціей и наукой въ теченіе столѣтія для увеличенія благосостоянія людей, все это обратилось въ орудіе для ихъ разоренія и для увеличенія ихъ бѣдствій. Энергія французской революціи создала наборы людей и арміи такихъ размѣровъ, о которыхъ въ началѣ XVIIIго вѣка не имѣли и понятія; вновь изобрѣтенное искусство генераловъ заключалось въ умѣніи выигрывать сраженія, пуская солдатъ въ огонь массами; поэтому сраженія представляли изъ себя такую бойню, что исторія подобнаго кровопролитія показалась-бы героямъ начала XVIIIго вѣка кровавымъ вымысломъ. Разсказы о воинственномъ энтузіазмѣ начала XIXго вѣка убѣдятъ каждаго до полной очевидности, что вся дѣятельность и вся изобрѣтательность интеллигенціи того времени была поглощена исключительно войною. Наука развила и увеличила энергію ума человѣческаго только для того, чтобы изыскать способы обратить на войну не только весь излишекъ производства, созданный болѣе усовершенствованными пріемами производительности, но и болѣе того.

Народы разорялись и бѣднѣли отъ войны вмѣсто того, чтобы богатѣть отъ результатовъ научнаго творчества. Финансовые геніи измышляли налоги, передъ которыми прежніе разорительные поборы казались ничтожными величинами, и эти поборы составляли все таки только незначительную часть военныхъ издержекъ. Займы для войны превышали во много разъ цѣнность поборовъ. Посредствомъ займовъ государства потребляли болѣе, чѣмъ страна могла производить на удовлетвореніе всѣхъ потребностей своего населенія; удовлетворяя потребностямъ войны, иностранцы дѣлали

трудящійся народъ воюющихъ державъ своими данниками; расходы войны взваливались на рядъ будущихъ поколѣній. Что невозможно было добыть ни поборами, ни займами, то бралось силою — реквизиціями; что не поддавалось и реквизиціямъ, пріобрѣталось насильственными займами и государственнымъ банкротствомъ. Надъ всѣмъ этимъ царилъ уже настоящій грабежъ. Всякій могъ тутъ всласть налюбоваться тѣми благородными порывами самоотверженія, которые порождаются войною и безъ которыхъ, по мнѣнію Мольтке, человѣчество погрязло-бы въ эгоизмѣ. Люди превращались въ дикихъ звѣрей. Генералы смотрѣли на своихъ солдатъ, какъ деспоты смотрѣли на своихъ подданныхъ. Солдатъ былъ для нихъ исключительно орудіемъ славы главнокомандующаго, точно такъ-же, какъ подданный былъ для деспота орудіемъ его величія.

Нигдѣ принципы религіи не получали такого обширнаго примѣненія, какъ въ христолюбивомъ воинствѣ. Духовенство проповѣдывало ему слѣпую преданность своимъ вождямъ, точно такъ-же, какъ оно проповѣдывало слѣпую преданность къ богу и государю. Солдатъ не долженъ былъ спрашивать, почему и зачѣмъ ему слѣдуетъ переносить всѣ тѣ лишенія, которыя онъ переноситъ, и жертвовать своей жизнью по приказанію вождя. Попытаться разрѣшить вопросъ: справедлива или не справедлива та война, ради которой онъ страдаетъ и для которой онъ звѣрствуетъ, было для него преступленіемъ. Антитезисъ звѣрскаго эгоизма и слѣпого самоотверженія долженъ былъ доходить тутъ до абсолютнаго господства надъ сердцемъ человѣческимъ. Солдаты калѣчились и умирали въ неслыханномъ числѣ во время сраженій и еще въ бо́льшемъ числѣ самоотверженно погибали отъ лишеній. Это самоотверженіе не вызывало въ нихъ ничего, кромѣ звѣрскаго озлобленія ко всему человѣчеству. И друзьямъ, и врагамъ они воздавали вдесятеро за свои страданія. Имущество истреблялось и сжигалось, люди насиловались и разгонялись, чтобы превратить страну въ пустыню и затруднить этимъ армію противниковъ; затѣмъ все это дѣлалось уже безъ всякой цѣли, чтобы звѣрствомъ успокоить свою ожесточенную страданіями душу. Испанцы и русскіе далеко превзошли враговъ тѣми неистовствами, которыя совершали надъ своими соотечественниками, и уступали только однимъ французамъ.

Всѣ эти ужасы составляли все таки второстепенное, главное

составляли контрибуціи и прямой, корыстный грабежъ. Война должна была не только давать побѣдителю территоріальныя пріобрѣтенія, но она должна была сама себя содержать. Контрибуціи взыскивались въ такихъ размѣрахъ, что онѣ не только покрывали издержки на армію, но иногда давали мильоны и десятки мильоновъ излишка. Сбереженія многихъ лѣтъ уходили разомъ на уплату контрибуцій. Между французскими генералами были такіе, которые составляли себѣ славу исключительно своимъ искусствомъ выжимать деньги въ завоеванной странѣ. Для личнаго своего обогащенія солдаты и генералы грабили гораздо болѣе, чѣмъ они могли себѣ присвоить или отослать въ столицу своего государства, — остальное истреблялось. Бичи человѣчества въ родѣ Чингисхана, Тамерлана, Атиллы и т. п. складывали пирамиды изъ головъ, набирали корзины вырѣзанныхъ глазъ, одѣвались въ кожу убитыхъ противниковъ. Генералы начала XIX^го^ вѣка не занимались такими пустяками, но за то-же они гораздо основательнѣе высасывали всѣ соки изъ завоеванныхъ областей, присваивали себѣ доходное имущество, право облагать страну податями и сборами по своему произволу и утопали среди разврата и роскоши.

Отъ бичей человѣчества населенію сравнительно весьма легко было спасаться, пользуясь ихъ невѣжествомъ. Сподвижники Чингисхана и Тамерлана считали даже для себя отяготительнымъ жить въ домахъ и, завоевавъ полъ міра, продолжали жить въ палаткахъ; изнѣживающую роскошь они считали постыдной для воина и не имѣли никакого понятія о томъ, что дѣлается въ домахъ, о количествѣ ихъ населенія и еще менѣе о размѣрахъ ихъ имущества. Генералы XIX^го^ вѣка пользовались основательными научными пріемами, чтобы все разузнать и все взять, что только можно было достать рукою. Даже совѣстно становится при мысли о примѣненіи къ такимъ людямъ и къ такому быту нравственной идеи и нравственной мѣрки; по нравственному своему облику это были разбойники самаго низкаго уровня, на которомъ способенъ стоять человѣкъ. Разбойникъ современнаго общества считается негодяемъ, да и самъ понимаетъ, что онъ дурной человѣкъ; онъ разбойничаетъ, какъ пьяница пьетъ, потому что не можетъ выйти изъ той сферы, въ которой загрязъ. Но разбойники начала XIX^го^ вѣка, которые разбойничали во главѣ армій, считали свои набѣги славными подвигами и прославлялись всѣмъ цивилизованнымъ міромъ

за свое геройство. Это приравнивало народы XIXго вѣка къ уровню тѣхъ дикарей, гдѣ разбойникъ и хищникъ считается великимъ и славнымъ человѣкомъ, а труженикъ презрѣнной тварью.

Можно видѣть прогрессъ въ томъ, что по крайней мѣрѣ разбойники большихъ дорогъ презирались, но это вытекало не изъ правильнаго взгляда на ихъ дѣятельность, а изъ малоуспѣшности ихъ подвиговъ. Поэтому на сѣверѣ, гдѣ господствуютъ холодныя зимы, и гдѣ разбойникамъ скрываться трудно, они вселяли къ себѣ одно отвращеніе, а на югѣ они часто превращались въ героевъ, обожаемыхъ женщинами; разбойникъ легко превращался въ воина, а воинъ въ разбойника. Казалось,что во время борьбы французской республики съ Европою создались самыя благопріятныя условія для установленія правильнаго взгляда на войну, на международныя и внутреннія отношенія. До войны главнымъ орудіемъ для подавленія народа и интеллигенціи служило войско, которое было въ распоряженіи королей, опиравшихся на наслѣдственное дворянство, не уважавшее интеллигенціи, но все таки воинственное. Интеллигенція и народъ не могли сплотиться и были одинаково безсильны въ борьбѣ съ арміей. Внезапно эта преграда рухнула, интеллигенція завладѣла арміей; талантливая молодежь, которой въ прежнія времена пришлось-бы тянуть лямку, вдругъ стала во главѣ войска; смутное время вызвало интеллигенцію къ дѣйствію на всѣхъ поприщахъ, и военная интеллигенція чувствовала крайнюю потребность въ связи съ гражданскою. Гражданская создавала законы, разрушавшіе преграды, которыя мѣшали рабочей интеллигенціи овладѣвать землею и производительнымъ трудомъ. Такимъ образомъ вся интеллигенція всплывала наверхъ, могла сплотиться и пустить корни въ народѣ; она его освобождала отъ рабства и стѣсненій въ пріисканіи себѣ работы. Явились самыя благопріятныя условія для того, чтобы интеллигенція могла создать изъ себя сплоченную партію, опирающуюся на народъ посредствомъ свободнаго его выбора и господства надъ прессою и надъ войскомъ.

Но неодолимымъ препятствіемъ для этого стала та умственная дисциплина, тѣ привычки мышленія, какія укоренены были въ людяхъ религіознымъ путемъ. Люди того времени прекрасно чувствовали, что имъ нужно было религіозныя идеи самоотверженнаго повиновенія замѣнить идеями симпатіи человѣка къ себѣ подобнымъ на основаніи взаимной помощи, а потому они пропо-

вѣдывали равенство, братство и всемірное гражданство. Но религія пріучила ихъ къ чувствамъ прямо противоположнымъ. Она прежде всего пріучила ихъ къ лицемѣрію и къ безъисходнымъ противорѣчіямъ въ своихъ взглядахъ и чувствахъ, за тѣмъ къ взаимному презрѣнію, вытекающему изъ сознанія своей нравственной низости. Лживое и лицемѣрное католическое духовенство, воспитанное съ малыхъ лѣтъ религіею въ этихъ чувствахъ, до такой степени укоренило ихъ во всемъ народѣ, что самый пламенный энтузіазмъ не могъ искоренить изъ его сердца этой нравственной основы.

Бонапартъ, изученный въ настоящее время во всѣхъ подробностяхъ и изгибахъ его сердца и ума, можетъ служить лучшимъ типомъ для характеристики людей того времени. Онъ былъ лживъ и лицемѣренъ во всемъ, что онъ дѣлалъ и говорилъ; поэтому онъ отличался полнымъ отсутствіемъ довѣрія къ искренности и взаимной доброжелательности людей и могъ смотрѣть на нихъ и на жизнь только съ грубо-цинической точки зрѣнія. Всякая возвышенная мысль превращалась у него въ красивую фразу, предназначенную для обмана людей и достиженія низменныхъ цѣлей. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ грубое лицемѣріе составляло основной фонъ его характера. При его умѣ ему легко было-бы въ благопріятной средѣ попасть на болѣе высокій нравственный уровень, но среда-то эта именно и отсутствовала. Олицетвореніе лжи, онъ жилъ въ атмосферѣ лжи. Таково-же было громадное большинство французской интеллигенціи, а потому она и не могла создать честный и добровольный союзъ между собою и съ народомъ; — организація могла быть сплочена только деспотизмомъ и втеченіе всей французской революціи не сдѣлано было ни одной попытки создать организацію по добровольному соглашенію. Идеи революціи изъ серьезныхъ стремленій превратились въ вывѣску; къ ихъ осуществленію никто не стремился. Старались сдѣлать изъ нихъ орудіе для созданія такой-же инстинктивной организаціи, какою была только что низвергнутая. Новые люди ограбили старыхъ и думали объ одномъ, какъ-бы сдѣлаться могущественнѣе и богаче своихъ предшественниковъ. Наполеонъ, называя себя сыномъ революціи, гордился тѣмъ, что распространялъ въ цивилизованномъ мірѣ законы и принципы этой революціи, но хитро и незамѣтно онъ успѣлъ ихъ исказить до того, что изъ благодѣяній для народа

они превратились въ орудія грабежа и обогащенія его подчиненныхъ. Скоро однако-же оказалось, насколько онъ и его служители были мелки и близоруки по сравненію съ государственными людьми Соединенныхъ Штатовъ; взгляда на дѣло государственнаго человѣка у нихъ не было и слѣда. Они думали выѣхать на обманѣ и лицемѣріи, но побѣжденные народы, которые ждали отъ нихъ великихъ дѣлъ, скоро научились смотрѣть на своихъ побѣдителей, какъ на ненавистныхъ мучителей. Самъ Наполеонъ не могъ довѣрять своимъ сподвижникамъ и для того, чтобы упрочить свое положеніе, сталъ возвышать своихъ родственниковъ. Этимъ онъ окончательно погубилъ свое дѣло; сподвижники роптали на то, что онъ водворяетъ вновь царство бездарности, и прежнее единодушіе замѣнилось въ ихъ средѣ соперничествомъ. Императоръ пожалъ то, что посѣялъ; въ нѣсколько лѣтъ онъ создалъ кругомъ себя такую сферу лжи и предательства, которая задушила его. Менѣе дальновидный, чѣмъ Кромвель, онъ не могъ продержаться даже втеченіе жизни; въ цвѣтѣ ума и силъ онъ уже поставилъ себя въ безвыходное положеніе. Надѣяться обмануть существенныя требованія времени лицемѣрной игрой. . . — можно-ли было сдѣлать болѣе крупную глупость? Вѣдь эти требованія неумолчно говорятъ о себѣ и назойливой болью разрушатъ всякое лживое хитросплетеніе. Наполеонъ палъ; — втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ погубилъ себя этотъ заносчивый и близорукій человѣкъ, который воображалъ, что онъ могъ сдѣлаться владыкою міра.

Государи и государственные люди, которые подѣлили между собою Европу на вѣнскомъ конгрессѣ, не только не считали себя варварами и невѣждами, но полагали, что они составляютъ цвѣтъ европейской образованности, что они обладатели истинной государственной мудрости и что они одни способны обезпечить народамъ счастливую и безпечальную будущность. Они взывали къ своимъ народамъ во имя свободы и предлагали имъ подъ ихъ предводительствомъ освободиться отъ ненавистнаго ига наполеоновскаго деспотизма. Такимъ образомъ они создали между собою и народами, съ восторгомъ сражавшимися за свое освобожденіе, нравственную связь, которая давала имъ возможность и обязывала ихъ руководить самобытной, свободной организаціей этихъ народовъ ради обезпеченія за ними тѣхъ правъ, которыя имъ были необходимы, чтобы воспользоваться изобрѣтеніями науки и ума

человѣческаго для увеличенія своего благосостоянія и чтобы помѣшать такому употребленію изъ этихъ изобрѣтеній, при которомъ они растрачивались на низменныя цѣли, а народъ оставался на столько-же бѣднымъ или даже дѣлался болѣе неимущимъ, чѣмъ былъ прежде. Ни о чемъ подобномъ государи и не думали, всѣ ихъ мысли направлены были на гнусное лицемѣріе и обманъ; они проповѣдывали народамъ идеи свободы только для того, чтобы воспользоваться ихъ энтузіазмомъ и самымъ низкимъ образомъ обмануть. Съ безупречно вѣрнымъ чутьемъ они возлагали всѣ свои недежды на религію, на этотъ неизсякаемый источникъ лицемѣрія, лжи и обмана; — своими дѣйствіями въ это время они наложили на поддерживавшую ихъ религію новое, неизгладимое клеймо посрамленія.

Они возстали противъ истощающихъ благосостояніе человѣчества наполеоновскихъ принциповъ, приносившихъ людямъ войну и разореніе. Что-же? — они замѣнили эти принципы такими, которые могли оградить людей отъ возобновленія перенесенныхъ ими злополучій? Собравшись на вѣнскій конгрессъ, они дѣлили между собою Европу и могли установить такія основоначала международнаго права, какія имъ было угодно. Если-бы они по своему нравственному уровню стояли хотя одной степенью выше дикарей, то для нихъ ничего-бы не стоило постигнуть источникъ, изъ котораго происходили непрерывныя войны, мѣшавшія народамъ воспользоваться благодѣяніями оплодотворенной наукою производительности труда и обращавшія весь излишекъ производства на издержки войны. Источникъ этотъ состоялъ въ приманкахъ грабежа. Международныя сношенія людей были такъ рѣдки и незначительны, интересы съ ними связанные такъ ничтожны, издержки и бѣдствія войны такъ велики, что двумъ государствамъ и въ голову не могло прійти разрѣшать войною вопросъ, касающійся этихъ интересовъ; не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ они-бы прибѣгали къ менѣе дорого стоющему средству, чтобы уладить дѣло. Войною эти пустяшные вопросы разрѣшались только потому, что побѣда въ войнѣ давала возможность захватывать и присоединять къ государству чужія территоріи, — точно такъ-же, какъ безнаказанный разбой и грабежъ давалъ возможность завладѣвать чужою трудовою собственностью.

Захватомъ чужихъ территорій государства дѣлали войну неис-

коренимою. Государямъ, дѣлившимъ между собою Европу на вѣнскомъ конгрессѣ, слѣдовало установить основной принципъ международнаго права, что войною можетъ рѣшаться въ пользу побѣдителя только тотъ вопросъ, изъ-за котораго война произошла; никакая территорія не можетъ быть отнята однимъ государствомъ отъ другого и присоединена къ себѣ послѣ побѣды; всякая территорія, присоединенная такимъ образомъ признается международнымъ грабежомъ, отнимается и возвращается обратно побѣжденному вооруженнымъ вмѣшательствомъ всѣхъ европейскихъ державъ. Они только что испытали на себѣ, къ чему ведетъ право присоединять территоріи послѣ побѣды на войнѣ, они столько лѣтъ и такъ тяжко страдали отъ этого права, что могли-бы его возненавидѣть. Втеченіе этого злополучнаго времени они могли убѣдиться, что международные вопросы, порождающіе войны, не возникаютъ случайно помимо воли государей, они создаются искусственно воинственными правительствами, имѣющими надежду на побѣду и присоединеніе территорій. Они обязаны были установить такія правила международнаго права и энергически проводить ихъ въ дѣйствіе ради народовъ, своею кровью доставившихъ имъ престолы. Въ виду неисчислимыхъ страданій, перенесенныхъ народами во время наполеоновскихъ войнъ, такой образъ дѣйствія составлялъ для нихъ священнѣйшую обязанность. Однако-же они и не думали о выполненіи своего долга; они много хлопотали объ обезпеченіи мира, о европейскомъ равновѣсіи, но это была бездарная болтовня, которая занимала достойное для себя мѣсто рядомъ съ прочими гнусностями вѣнскихъ протоколовъ.

Причина, по которой они не могли постановить и осуществить на дѣлѣ указанное выше международное правило, заключалась въ томъ, что они отъ самаго рожденія своего воспитаны были въ инстинктахъ и идеяхъ разбойничьей нравственности. Идеи Наполеона можно еще объяснить его большими военными дарованіями, онъ былъ сбитъ съ толку той славой и тѣми восторженными гимнами, которыми его возвеличивало неразумное человѣчество, но посредственности вѣнскаго конгресса никогда не могли надѣяться ни на военную славу, ни на побѣды и завоеванія. На вѣнскомъ конгрессѣ они достигли всего и болѣе ничего ожидать не могли, они господствовали и распоряжались, какъ имъ было угодно. Простой здравый смыслъ долженъ былъ показать имъ идею упроченія

своего дѣла энергическимъ международнымъ союзомъ, обезпечивающимъ миръ. Но не таковы они были по своей натурѣ: лицемѣріе и коварство хищниковъ заставляло ихъ говорить о мирѣ, а въ душѣ своей всѣмъ своимъ существомъ мечтать объ интригахъ ради распространенія своего могущества и увеличенія своей территоріи. Россія интриговала въ Турціи и готова была навлечь на христіанъ всѣ бѣдствія необузданной турецкой ярости, лишь-бы получить предлогъ для вооруженнаго вмѣшательства; Австрія имѣла такіе-же виды на Италію и Германію; Пруссія не могла забыть побѣды Фридриха Великаго и свое униженіе при Наполеонѣ; Франція думала о томъ, какъ бы возстановить свое обаяніе въ Европѣ; Англія съ гордостью сознавала, что она могущественнѣйшій изъ морскихъ разбойниковъ. Жалкіе государи и ихъ жалкіе народы понимали одинъ родъ славы — славу страшныхъ сосѣдямъ разбойниковъ; стремились къ одному идеалу — къ идеалу кровожадныхъ и побѣдоносныхъ грабителей. При ихъ бездарности и военномъ ничтожествѣ идеалъ этотъ былъ для нихъ недостижимъ, и все таки нравственная ихъ низость не дозволяла имъ конципировать идею международнаго союза, который-бы далъ ихъ народамъ необходимѣйшее для нихъ облегченіе. Они высасывали изъ нихъ всѣ соки для войны, которую не могли и не умѣли вести.

Этимъ началось, но не кончилось ихъ вѣроломство по отношенію къ подданнымъ. Если они ихъ изнуряли податями ради военныхъ издержекъ, то они должны были по крайней мѣрѣ дать имъ умственныя и другія средства для облегченія въ уплатѣ этихъ сборовъ. Но они поступали прямо наоборотъ; они являлись отявленными врагами просвѣщенія; не только распространеніе промышленныхъ знаній, но всякое развитіе образованія преслѣдовалось. Повсемѣстно они вступали для этого въ преступный союзъ съ лживымъ и лицемѣрнымъ духовенствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они установляли запретительные тарифы будто бы для развитія промышленности. Гнетъ на умственную жизнь былъ такъ великъ, что отсталымъ народамъ оставалось одно — бороться противъ него тѣмъ же оружіемъ, которымъ населеніе Балканскаго полуострова боролось противъ Турціи т. е. мятежомъ и революціей. Очень не трудно было постигнуть то направленіе, котораго правительства должны были держаться при новыхъ условіяхъ жизни.

Господство всемірнаго рынка приносило съ собою зло, противодѣйствовать которому составляло первую изъ государственныхъ задачъ. Усовершенствованное фабричное, мануфактурное и техническое производство, улучшенія въ перевозочныхъ средствахъ давали возможность производить продукты массами и развозить ихъ по всему свѣту. Этимъ открывался путь къ всеобщему обогащенію. Производство могло быть увеличено въ такихъ размѣрахъ, что все населеніе цивилизованнаго міра могло, по крайней мѣрѣ, удесятерить свое благосостояніе. О существованіи бѣдности, тяжкаго труда не могло быть и рѣчи при нормальныхъ условіяхъ. Вездѣ, гдѣ успѣшно примѣнялись къ производству новѣйшіе научные пріемы, раздавались горькія жалобы на недостатокъ сбыта, а не на недостатокъ производительности фабрикъ и промышленныхъ учрежденій. Если-бы часы рабочаго труда были сокращены на треть, при восьмичасовомъ трудѣ, при значительномъ сокращеніи женской работы, если-бы дѣти вовсе не работали, а только учились наукамъ и полезнымъ производствамъ, то и тогда при нормальныхъ условіяхъ было-бы то-же, о недостаткѣ произведеній не могло быть и рѣчи, рынки заваливались-бы ими.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Какъ государи и государственные люди первой трети XIX-го вѣка выполняли свою задачу.

Всемірный рынокъ, какъ всякая великая сила, могъ быть благодѣтелемъ и бичомъ человѣчества. Для того, чтобы онъ былъ благодѣтелемъ, распредѣленіе производительности должно было быть естественнымъ. Каждый народъ долженъ былъ создавать и обрабатывать тѣ произведенія, которымъ наиболѣе благопріятствуетъ естественная обстановка его жизни. Но для такой правильности всемірнаго раздѣленія труда знаніе и искусство должны быть одинаково распространены по всему лицу земного шара. Отсутствіе этого условія создаетъ искусственное раздѣленіе труда. Произведеніе обрабатывается не тамъ, гдѣ оно родится, и не въ томъ ближайшемъ къ его порожденію пунктѣ, гдѣ существуютъ наиболѣе благопріятныя для обработки условія : какъ-то обиліе

желѣза, топлива и т. п. Оно обрабатывается иногда въ наиболѣе неблагопріятномъ пунктѣ только потому, что въ этомъ мѣстѣ сосредоточиваются искусство и знаніе. Извѣстно, что продуктъ часто дѣлаетъ тысячи и десятки тысячъ верстъ, чтобы потомъ возвратиться на родину въ обработанномъ видѣ. Такое искусственное раздѣленіе труда одинаково чревато злополучіями и страданіями, какъ для развитыхъ въ промышленномъ отношеніи, такъ и для неразвитыхъ народовъ.

Правительства и государи того времени утверждали, что народы не должны заниматься политическимъ вольнодумствомъ, а должны сосредоточиться на матерьяльныхъ своихъ интересахъ, къ которымъ они, правители, относятся съ отеческою заботливостью. Увѣряя народы въ отеческой своей заботливости, они произносили гнусную ложь. Производительность никогда не будетъ въ нормальныхъ условіяхъ, если распространеніе умѣнья трудиться будетъ предоставлено случайному своему теченію. Грамотность, наука могли-бы распространиться и безъ школъ и безъ заботы общества и государства объ ихъ распространеніи; но никто не сомнѣвается въ томъ, что если-бы въ Европѣ и Америкѣ не было публичныхъ школъ, университетовъ, библіотекъ, ботаническихъ садовъ и пр., то уровень образованія въ западной цивилизаціи былъ-бы гораздо ближе къ азіатскому варварству, чѣмъ къ современному его положенію. Тоже можно сказать и объ искусствѣ трудиться; если-бы умѣнью производить обучали въ публичныхъ школахъ съ такимъ-же усердіемъ, съ какимъ въ настоящее время обучаютъ наукамъ, то искусство производить стояло-бы въ предѣлахъ западной цивилизаціи на столько-же выше современнаго его состоянія, насколько европейское знаніе стоитъ выше азіатскаго, гдѣ грамотности и наукѣ люди обучаются такими-же первобытными путями, какими у насъ распространяется искусство трудиться.

Втеченіе всего XIXго вѣка эта истина такъ плохо понималась, что по отношенію къ ней не сдѣлано было и сотой доли того, что слѣдовало сдѣлать. Что касается до консервативныхъ правительствъ, низвергнувшихъ Наполеона и раздѣлившихъ между собою Европу, то они заботились не о матерьяльномъ благосостояніи народовъ, которыми управляли, а о томъ, чтобы это благосостояніе такъ-же мало могло развиться среди управляемыхъ ими, какъ просвѣщеніе, политическія идеи и все, что можетъ улучшить бытъ и жизнь

людей. При той цѣли, которую они себѣ ставили, они и не могли поступать иначе. Умственное, политическое развитіе и искусство производить находятся въ такой неразрывной связи другъ съ другомъ, что одно не можетъ стоять на высокой, а другое на низкой степени. Они неизбѣжно должны идти въ ногу. Развитіе въ одномъ отношеніи влечетъ за собою развитіе въ другомъ, упадокъ въ одномъ — упадокъ въ другомъ. Такой одновременный ростъ и одновременное паденіе можно было прекрасно наблюдать въ Италіи, Голландіи, Англіи, даже въ Испаніи и Португаліи. Причина заключается въ томъ, что промышленное развитіе составляетъ дѣло живое, а не мертвое и механическое. Оно порождается въ народѣ развитіемъ интеллигентности, вызывающимъ въ немъ стремленіе къ увеличенію своихъ заработковъ.

Разъ человѣкъ дѣлается болѣе интеллигентнымъ, онъ обращаетъ вниманіе на всю обстановку своей жизни и всю ее старается улучшить. Нравственныя потребности просыпаются въ немъ съ такой-же силой, какъ и матерьяльныя. Если въ немъ нравственныя потребности не просыпаются, то и матерьяльныя будутъ въ немъ дремать. Если онъ не увидалъ своего униженія, то никакими силами невозможно будетъ побудить его улучшать свой трудъ. Онъ будетъ ходить въ лохмотьяхъ; если ему прійдется голодать, онъ будетъ нищенствовать, а если нищенство не накормитъ его, онъ будетъ воровать. Политическая экономія утверждала, что конкуренція неизбѣжно низводитъ заработную плату до минимума необходимыхъ потребностей. Нѣтъ такого минимума потребностей, который бы заставилъ работать человѣка, не чувствующаго своего униженія. Потребности въ семействѣ въ немъ нѣтъ, онъ удовлетворяетъ своему сладострастію, какъ скотъ, и хуже, чѣмъ скотъ. Голодъ не можетъ заставить его работать, потому что этотъ голодъ можно удовлетворить и безъ работы; если нищенство не помогаетъ, то вѣдь существуетъ острогъ, — стоитъ совершить преступленіе, и его будутъ кормить даромъ. Стоитъ утратить способность чувствовать свое униженіе, и передъ человѣкомъ открывается скотски блаженная жизнь: попало въ руки нѣсколько копѣекъ, онъ ихъ несетъ въ кабакъ; нѣтъ ихъ, онъ идетъ въ острогъ, гдѣ его ждетъ пріятное общество и блаженство бездѣлья.

Человѣческая природа приспособляется ко всему — и къ холоду, и къ голоду, и къ униженію. Чѣмъ труднѣе человѣку выйти изъ

своего униженія, тѣмъ легче онъ съ нимъ примиряется и тѣмъ ближе онъ подходитъ къ оскотинившемуся типу, о которомъ упомянуто выше. Успѣшная работа не мыслима для народа, живущаго въ униженіи. Между тѣмъ государи и государственные люди первой трети XIXго вѣка всѣ свои усилія сосредоточивали на томъ, чтобы помѣшать народамъ выйти изъ своего униженія; при этомъ они сами оскотинились на столько-же, какъ и подвластные имъ народы. Среди скотскаго сладострастія императоръ Александръ и король Людовикъ XVIIIый утратили все, что въ нихъ было благороднаго и человѣчнаго; на австрійскомъ престолѣ возсѣдало вырожденіе расы, доходившее до идіотизма; не лучше, если не хуже, были короли въ Италіи и въ Испаніи. Государственные люди стоили своихъ господъ. Вѣна сдѣлалась средоточіемъ самаго грубаго, животнаго разврата; на многочисленныхъ конгрессахъ пьянство и развратъ играли первую роль, а государственныя дѣла послѣднюю. Воротилы европейской политики сами сознавались, что только обезумѣвшихъ отъ разврата людей можно было доводить до тѣхъ рѣшеній, которыя постановлялись на конгрессахъ; искусство одурманивать безпутными праздниками считалось великимъ дипломатическимъ искусствомъ. Въ то время, когда народы умышленно держались въ такомъ скотскомъ состояніи, при которомъ ни о какомъ успѣшномъ трудѣ не могло быть и рѣчи, требованія внѣшней политики обусловливали необходимость быстраго возрастанія государственныхъ доходовъ. Оставалось принуждать народъ къ усиленной и усовершенствованной работѣ посредствомъ податей и обязательнаго труда. Дѣло, конечно, не могло идти хорошо, государства бѣдствовали, страдали неизлечимымъ банкротствомъ, а народъ подвергался всевозможнымъ мученіямъ отъ внутренняго противорѣчія въ государственной политикѣ.

Правительство хотѣло, чтобы народъ платилъ подати и обезпечивалъ его потребности, и въ то-же время дѣлало все, чтобы затруднить для него выполненіе возлагаемыхъ на него обязанностей. Орудія труда, землю, капиталы оно переводило и держало въ самыхъ безплодныхъ рукахъ, — въ рукахъ духовенства, древняго дворянства и монополистовъ; оно относилось враждебно къ интеллигенціи и къ промышленному классу, ко всѣмъ тѣмъ, кто бы могъ сколько-нибудь оживить производительность народнаго труда; оно старалось устранить вліяніе тѣхъ людей, которые могли-бы

возбудить въ народѣ стремленіе къ просвѣщенію, къ трудолюбію и къ улучшенію своего положенія. Принимались всѣ мѣры, чтобы подчинить его вліянію духовенства, распространявшаго въ немъ отвращеніе къ труду, любовь къ праздности, нищенство, жизнь въ монастыряхъ, страсть къ процессіямъ, шатаніе на богомолье; развивая аскетическія наклонности, оно убивало любовь къ улучшенію своей жизни. Вмѣсто того, чтобы обучать искусству работать, подъ предлогомъ поощренія промышленности создавались монополіи и запретительные тарифы. Если въ народѣ вообще возбуждено будетъ стремленіе къ промышленному развитію, если будетъ существовать практическій планъ обученія производству, то возвышенный тарифъ, ослабляющій иностранную конкуренцію, можетъ принести временную пользу. Но такая политика должна знать, что она дѣлаетъ и куда она ведетъ.

Производство стоитъ въ тѣсной взаимной связи, и каждый народъ имѣетъ извѣстный уровень совершенства всѣхъ орудій и способовъ своей производительности. Если въ народѣ возбуждено стремленіе къ улучшенію своего быта, то орудія и пріемы производства совершенствуются одновременно во всѣхъ отрасляхъ производительности, такъ что, переходя изъ одной страны въ другую, можно ихъ раздѣлить на слои и опредѣлить различный уровень совершенства въ производствѣ, судя по орудіямъ, сѣменамъ, техническимъ пріемамъ и т. д. На каждомъ уровнѣ орудія и пріемы могутъ совершенствоваться только извѣстнымъ путемъ, и этотъ путь нужно знать, если вы хотите принимать мѣры, которыя бы способствовали развитію производства. Обо всемъ этомъ правительства и не думали заботиться, они не думали ни учить работѣ, ни изслѣдовать положеніе дѣла, а если и принимали въ этомъ смыслѣ какія-либо мѣры, то мало удовлетворительныя. Всѣ свои надежды они возлагали на возвышенные и запретительные тарифы. Но при такихъ условіяхъ тарифы могли приносить одинъ вредъ. Они не только не развивали промышленности, но и въ этой области настолько-же останавливали развитіе, водворяли царство небрежности, лѣни и недобросовѣстности, какъ и въ сферѣ умственной дѣятельности. Запретительные тарифы мѣшали естественному развитію промышленности, уничтожая стимулъ конкуренціи, и сверхъ того давали этому развитію искусственное направленіе; подъ защитою запретительныхъ тарифовъ развивались

такія отрасли производства, для которыхъ не было въ странѣ естественной почвы. Онѣ вели жалкое существованіе въ искусственной атмосферѣ, могли давать производителямъ только скудные заработки. Работники находились постоянно подъ угрозою остаться безъ работы при водвореніи естественнаго порядка вещей. Все это натянутое и уродливое положеніе давило народы невыносимымъ гнетомъ. Здравыхъ экономическихъ понятій не могло у нихъ и зародиться.

Имъ невозможно было концепировать мысль, что для нормальной жизни народъ долженъ работать самъ на себя. Такъ какъ наука усиливаетъ производительность человѣка, то число лицъ, занятыхъ обработкой земли на данной территоріи, должно постоянно уменьшаться (сравнительно), а количество воздѣланной земли въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ увеличиваться. Промышленное производство должно поглощать не только все наростающее населеніе, но гораздо болѣе. Для того, чтобы этотъ нормальный ходъ дѣла осуществился, необходимо, чтобы заработная плата быстро возвышалась вслѣдствіе развитія въ народѣ интеллигентности. Возростающая интеллигентность заставляетъ работниковъ стремиться улучшить свое положеніе и усилить свое производство. Вмѣсто того, чтобы сидѣть безъ дѣла въ тупомъ ожиданіи, что кто-нибудь дастъ имъ работу, они начинаютъ работать другъ на друга и обмѣниваться своими произведеніями. При такомъ настроеніи гонимые и преслѣдуемые являются переселенцами въ пустынную страну и втеченіе десяти или двадцати лѣтъ превращаютъ ее въ цвѣтущую и богатую колонію. Разоренный и въ конецъ опустошенный край съ интеллигентнымъ населеніемъ черезъ десять или двадцать лѣтъ принимаетъ прежній цвѣтущій видъ, въ то время когда случайный наплывъ капитала исчезаетъ безплодно въ невѣжественномъ и грубомъ народѣ; и такому народу нужны столѣтія, чтобы достигнуть благосостоянія, а иногда тысячелѣтія. Отсюда ясно, что развитіе интеллигентности есть первая основа благосостоянія, и та вражда противъ просвѣщенія, которую проявляли европейскія правительства, составляла самое гнусное преступленіе, какое можетъ совершить правительство.

Мнѣ скажутъ, что мои обвиненія слишкомъ рѣзки и несправедливы, что образъ дѣйствія правительствъ и государственныхъ людей оправдывался тѣмъ, что происходило во время великой

французской революціи. Стоитъ сравнить нравственный уровень, на которомъ стояли въ это время европейскіе народы, съ нравственнымъ уровнемъ американцевъ во время созиданія Соединенныхъ Штатовъ, чтобы убѣдиться въ полной справедливости произносимыхъ выше обвиненій. Можно утверждать, что народъ Соединенныхъ Штатовъ въ XVIII^мъ^ вѣкѣ стоялъ на болѣе низкомъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ, чѣмъ народы Европы въ первой трети XIX^го^ вѣка. Во всякомъ случаѣ, уровень этотъ былъ отнюдь не выше. Онъ проявлялъ гораздо менѣе способности увлекаться идеей общаго блага и наклонности страдать за общее дѣло, чѣмъ, напримѣръ, французы, испанцы и нѣмцы. Вотъ почему война за независимость обнаружила въ немъ столько пошлыхъ наклонностей. Въ то время, когда французы временъ великой революціи дрались съ безпримѣрнымъ геройствомъ среди крайней нужды во всемъ, оборванные и голодные, — американцы разбѣгались, лишь только потребности ихъ оставались неудовлетворенными; чтобы заставить драться, ихъ нужно было удерживать подъ знаменами обѣщаніями денежныхъ выгодъ, пенсій, земель и т. д. Они проявляли отнюдь не менѣе наклонности къ звѣрству и жестокости, чѣмъ французы и европейцы вообще. Симпатіи къ человѣку и его правамъ у нихъ было такъ мало, что они весьма равнодушно смотрѣли на господствовавшее въ ихъ средѣ рабство. Благосостояніе и выдающіяся качества, которыми отличались американцы, явились у нихъ впослѣдствіи подъ вліяніемь федеративно-демократическаго режима; во время освобожденія они были такъ бѣдны, что плантаторы могли объяснять стремленіе освободить рабовъ завистью сѣверянъ къ образованію и благосостоянію, господствовавшимъ на югѣ. И дѣйствительно, югъ былъ и образованнѣе и богаче сѣвера, между тѣмъ нравственный уровень этого юга былъ таковъ, что даже столѣтіе спустя они способны были сдѣлать кровавую революцію ради удержанія рабства.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, если-бы у американцевъ были такіе-же правители и руководители, какъ у европейцевъ, то дѣла у нихъ пошли-бы еще хуже, чѣмъ въ Европѣ Счастье послало имъ великихъ государственныхъ людей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и великими писателями. Своими произведеніями они имѣли громадное вліяніе на идеи и воззрѣнія народа, возвысили нравственный его уровень и облагородили его. Между

тѣмъ, какъ невѣжественная, жалкая и продажная сволочь въ родѣ Фердинандовъ, Метерниха, Аракчеева и др., управлявшихъ Европой подъ именемъ государей и государственныхъ людей, не могла имѣть на народы никакого другого вліянія, кромѣ деморализующаго, американскіе государственные люди имѣли подавляющій литературный авторитетъ; ихъ статьи читались съ такой жадностью, что они въ глазахъ народа затмѣвали собою всѣхъ другихъ политическихъ писателей, ихъ идеи становились идеями народа, ихъ энтузіазмъ — энтузіазмомъ народа. Положеніе народовъ послѣ низверженія Наполеона было крайне серьезное. Населенію Европы нужно было объяснить весь печальный смыслъ пережитаго, имъ нужно было показать, въ чемъ заключались тѣ ошибки, отъ которыхъ они такъ тяжко пострадали; имъ нужно было внушить здравыя политическія воззрѣнія. Вѣдь у американцевъ также не было здравыхъ взглядовъ на политику, вѣдь ихъ точно такъ-же легко было направить на нелѣпые пути и разрушить тѣмъ все дѣло; можно было, поощряя грубое властолюбіе мѣстныхъ учрежденій, создать анархію вмѣсто федеративной демократіи, превратить ее въ рабовладѣльческій режимъ, т. е. сотворить нѣчто подобное реставраціи, за тѣмъ, ударившись въ противоположную крайность, водворить кромвелевскій или наполеоновскій деспотизмъ

Если-бы въ Европѣ послѣ низверженія Наполеона власть досталась порядочнымъ людямъ, по талантамъ и развитію своему равнымъ государственнымъ дѣятелямъ, устроившимъ федеративную демократію, то эти люди и въ Европѣ распространили-бы здравыя политическія идеи и создали-бы порядокъ, при которомъ народы воспользовались-бы всѣми плодами научной дѣятельности; но управлявшая Европой пьяная и развратная сволочь могла только терроризировать и тиранизировать. Въ глазахъ исторіи всѣ эти государи и государственные люди заслужили одно названіе негодяевъ. Тутъ мы ясно можемъ видѣть взаимную связь нравственнаго уровня и нравственныхъ идей народа съ организаціей и личнымъ составомъ его правительства. Государи и государственные люди Европы, чтобы удержаться на своихъ мѣстахъ, не могли уже довольствоваться грубымъ, ни въ какія разсужденія не вступающимъ деспотизмомъ прежнихъ временъ; противъ нихъ стояла наука и ея гуманныя идеи, и они должны были

создать и съ помощью грознаго терроризма проповѣдывать теорію пошлаго эгоизма и безнравственности. Они проповѣдывали господство эгоистическихъ интересовъ и систематическое пренебреженіе къ общему благу; пусть всякій заботится о личномъ своемъ интересѣ, а до общества ему дѣла нѣтъ. Эту идею они проповѣдывали на самомъ низкомъ и грубомъ католически-религіозномъ основаніи, гдѣ проповѣдь лѣни тѣсно связана была съ грязнымъ стяжательствомъ и развитіемъ чисто животнаго разврата. Въ окончательномъ результатѣ получилась проповѣдь невѣжества и грабежа во всѣхъ возможныхъ видахъ. Въ политикѣ всякое стремленіе къ развитію идеи общественнаго блага встрѣчалось съ непримиримой ненавистью. признавались достойными уваженія только заботы личнаго властолюбія и личнаго стяжательства, громко провозглашалось правило: «тотъ дуракъ, кто не грабитъ казны». Даже государи потворствовали такому взгляду, хотя ограбленными при этомъ являлись они сами; они находили, что взяточничество и грабежъ создаютъ болѣе прочное основаніе для ихъ господства, чѣмъ честность и стремленіе къ благу государства.

Прекрасную иллюстрацію представляетъ въ этомъ отношеніи образъ дѣйствія папы; во главѣ духовенства онъ доводилъ властолюбивыя свои требованія до возможныхъ и невозможныхъ предѣловъ. Онъ готовъ былъ ограбить всю Европу въ пользу монастырей и духовныхъ властей, онъ готовъ былъ обирать у собственниковъ земли и все, что угодно; онъ требовалъ для увеличенія числа духовенства и духовныхъ учрежденій установленія такихъ податей, которыя были для государствъ совершенно не по силамъ; онъ вооружался противъ науки и обученія съ такой злобой, что удовлетвореніе его требованіямъ всюду поселило-бы мракъ азіатскаго невѣжества. Самые склонные потакать ему государи должны были бороться съ нимъ. Въ то-же время онъ не только не заботился о томъ, чтобы упорядочить нравы духовенства и ввести въ его средѣ дисциплину, а наоборотъ, онъ назначалъ на мѣста пользовавшихся громкою извѣстностью мерзавцевъ, лишь-бы они ни передъ чѣмъ не останавливались при удовлетвореніи самымъ безсмысленнымъ притязаніямъ. Первою жертвою этого безпутнаго управленія сдѣлалась его церковная область; образованіе и наука были тамъ изгнаны, всѣ склонные къ просвѣщенію и къ производительной дѣятельности были объявлены

или еретиками, или революціонерами; въ тюрьмахъ насчитывалось столько-же заключенныхъ, сколько въ странѣ было войска. Все стремилось къ общественнымъ должностямъ или въ духовныя учрежденія; подъ прикрытіемъ канцелярской тайны и при отсутствіи прессы чиновники грабили хуже разбойниковъ и вмѣстѣ съ разбойниками. Подъ французскимъ вліяніемъ земли, капиталы и трудъ попали въ распоряженіе хотя нѣсколько болѣе интеллигентныхъ людей, чѣмъ прежде; все это было обобрано и разорено путемъ правительственнаго грабежа и насилія; земли сдѣлались бездоходными, рабочія руки не получали дѣла, и подъ вліяніемъ деморализующаго духовенства страна наполнилась нищими и ворами. Нищіе дѣлались разбойниками, разбойники нищенствовали; чиновники, голодные, какъ волки, плодились, какъ саранча; они поддерживали разбойниковъ, разбойники поддерживали чиновниковъ и вмѣстѣ съ войскомъ слились въ одну кучу грабителей. Людямъ труда не было ни исхода, ни средствъ къ существованію. Вся та низкая безнравственность, какую способна распложать христіанская религія, была на лицо въ этомъ первостепенномъ религіозномъ центрѣ Европы.

Въ другихъ частяхъ Аппенинскаго и Пиренейскаго полуострововъ, на громадномъ пространствѣ Америки, лежавшемъ къ югу отъ Соединенныхъ Штатовъ, дѣла были не лучше. Въ Испаніи первое наслажденіе короля Фердинанда заключалось въ томъ, чтобы сидѣть въ кабацкой обстановкѣ въ то время, когда передъ нимъ ломался пьяный шутъ, а публичная дѣвка танцовала неприличные танцы. Эта развратная скотина провозглашалась духовенствомъ мученикомъ и чуть не святымъ. Въ Испаніи правительственный грабежъ имущества производился настолько-же безцеремонно, какъ и въ Папской области, земли сдѣлались бездоходными и владѣльцы этихъ земель толпами тѣснились въ ряды чиновниковъ, гдѣ можно было безпрепятственно грабить милліоны, даже продавая свое право на жалованье за низкую плату казначеямъ. Званіе разбойника сдѣлалось почтеннымъ, такъ какъ разбойники богатѣли, а трудящееся населеніе было доведено до крайняго униженія, бѣдности и отчаянія. Честная интеллигенція сидѣла въ тюрьмахъ, а разбойники безнаказанно грабили въ странѣ и пользовались привиллегированнымъ положеніемъ партіи короля. Толпы нищихъ и воровъ превосходили мѣстами числен-

ностью честное населеніе, и народная масса низведена была на ту степень оскотинившагося человѣка, которую мы изобразили выше. Они тысячами и десятками тысячъ сопровождали всевозможныя религіозныя процессіи и составляли необозримыя толпы, съ восторгомъ привѣтствовавшія короля, который самъ былъ кабацкая сволочь и вполнѣ по своему нравственному уровню подходилъ къ нимъ. Эта-же сволочь натравлялась полиціею на честныхъ и интеллигентныхъ людей, когда они осмѣливались вопіять о своей нуждѣ. По поводу праздниковъ населеніе проводило третью часть года въ бездѣльи и въ церковныхъ процессіяхъ. Король хвалился передъ европейскими державами, что оскотинившійся типъ составляетъ большинство населенія, и что оно потому само чувствуетъ, что ему необходима абсолютная монархія, которая бы управляла желѣзной рукой.

Жизнь въ Америкѣ и на югѣ Европы была до того невыносима, что волненіе, вызываемое отчаяніемъ, не прекращалось. Промышленность въ испанскихъ колоніяхъ была до того убита, что были мѣстности, гдѣ подковать лошадь стоило вдвое дороже, чѣмъ купить ее. Американцы, у которыхъ передъ глазами разцвѣли Соединенные Штаты, добивались и добились полнаго отдѣленія отъ Испаніи и Португаліи, этихъ двухъ разсадниковъ набожной безнравственности и безысходной деморализаціи. Честная часть европейскаго населенія не смѣла и помыслить о томъ, чтобы поставить себѣ цѣлью созданіе республикъ; ей и въ голову не могло прійти стремиться къ порядку, который могъ удовлетворить современнымъ требованіямъ жизни. По умственному и нравственному своему развитію она стояла еще такъ низко, что для нея невозможно было постичь весь вредъ лживой и безнравственной христіанской религіи. Ей и въ голову не приходило создать и распространять истинное понятіе о человѣческомъ счастьѣ, которое бы заставило человѣка стремиться къ общественному благу помимо всякаго понятія о долгѣ, ради улучшенія собственнаго своего благополучія. Ей была недоступна геніальная прозорливость американскихъ государственныхъ людей, умѣвшихъ такъ хорошо и трезво понять человѣческую натуру, что они смѣло ввѣрили судьбу государства невѣжественной массѣ, и не ошиблись, а создали прочную и устойчивую демократію. У ней не было и слѣда понятія объ истинныхъ человѣческихъ потребностяхъ; она была вполнѣ убѣждена, что

богатство и власть увеличиваютъ счастье человѣка, что стремленіе къ нимъ есть неискоренимое стремленіе человѣческаго сердца, и, чувствуя инстинктивно весь вредъ такого міровоззрѣнія, стремилась обуздывать его понятіемъ о долгѣ.

Не только на югѣ Америки и Европы, но даже въ самой просвѣщенной части центральной Европы, въ Англіи, Франціи и Германіи, не было и тѣни понятія объ истинныхъ потребностяхъ вѣка. Все, къ чему тамъ стремились, заключалось въ томъ, чтобы смѣнить правителей, грубымъ насиліемъ и деспотизмомъ старавшихся водворить нравственный уровень, проповѣдывавшій религіозное лицемѣріе, лѣнь, грязную и безпутную жизнь, господство невѣжества, взяточничества и патріархальной расправы. Хотѣли замѣнить этотъ гнусный деспотизмъ режимомъ, который усиливался возвысить нравственный уровень такимъ образомъ, чтобы сочувствіе къ царству лѣни, халатности, деспотизма и невѣжества замѣнить сочувствіемъ къ просвѣщенію, трудолюбію, къ улучшенію своего благосостоянія и порядку, охраняющему имущественныя права людей противъ административнаго произвола. Для этой цѣли желали вводить конституціи, которыя вырвали-бы власть изъ рукъ неограниченныхъ монарховъ, опиравшихся на чиновничество, олигархическое дворянство и іерархическое духовенство, и вручили-бы ее имущему классу. Такой образъ дѣйствія до новѣйшаго времени историки признавали умѣреннымъ. Я понимаю, что въ немъ можно было видѣть усиліе противодѣйствовать власти, понижавшей нравственный уровень цивилизаціи до степени азіатскаго варварства. Въ немъ можно было видѣть неумѣлость, порожденную деспотизмомъ государей даже въ средѣ самыхъ честныхъ и свѣтлыхъ людей Европы и южной Америки, но какимъ образомъ тутъ можно было видѣть умѣренность, я рѣшительно отказываюсь понимать. Въ прежнія времена, когда воображеніе людей одурманивалось идеалами человѣка-хищника, типомъ человѣческаго совершенства являлся христолюбивый воинъ или набожный разбойникъ, страстный и восторженно религіозный грабитель, котораго всѣ помыслы сосредоточены были на томъ, чтобы какъ можно болѣе награбить и выжать изъ трудящагося населенія, а затѣмъ все прожить среди безумной роскоши, порождая массу жадныхъ пьявокъ, увивавшихся около расточителя, чтобы съ его помощью высасывать всѣ соки изъ работающаго народа и въ заключеніе

разорять самихъ господъ. Рядомъ съ этимъ идеаломъ стоялъ идеалъ аскета, духовнаго лица, безусловно преданнаго богу, требовавшаго, чтобы люди ни о чемъ другомъ не думали, кромѣ угожденія божеству. Аскетъ настаивалъ, чтобы люди жили среди бѣдности и лишеній и все, что имѣютъ, отдавали для украшенія и обогащенія храмовъ и монастырей. Воображеніе аскетовъ было полно картинами религіознаго великолѣпія — храмами и монастырями, которые сосредоточивали въ себѣ всѣ драгоцѣнности страны, процессіями и религіозными церемоніями, которыя поглощали-бы все время и весь трудъ людей. Люди должны были жить въ невѣжествѣ, бѣдности и безплодномъ трудѣ ради этихъ каменныхъ жертвенниковъ, преподносимыхъ воображаемому божеству. Олицетвореніемъ этихъ двухъ идеаловъ были государи, дворянство и духовенство. Имъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало ввѣрять власть, потому что власть въ ихъ рукахъ была величайшимъ изъ бѣдствій, какое могло постигнуть народы, и именно у нихъ власть эта была сосредоточена до самаго XIX^го^ вѣка.

Времена перемѣнились, явилась интеллигенція, надѣлала географическихъ открытій, создала господство всемірнаго рынка и машиннаго производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ размножилась буржуазія съ типическимъ умственнымъ и нравственнымъ закаломъ такъ называемаго имущаго класса. Если государи и дворянство воспитывались въ идеалѣ воинствующаго властолюбія, страсти къ блеску и роскоши, если духовенство воспитывалось въ идеяхъ презрѣнія и ненависти къ просвѣщенію, то плутократія воспитывалась въ идеалѣ стяжанія богатства. Въ борьбѣ съ конкуренціей, подъ дамокловымъ мечомъ неожиданныхъ кризисовъ, разоренія и банкротства, плутократія съ малыхъ лѣтъ сосредоточивала все свое вниманіе на стяжаніи всѣми путями и средствами и во что бы то ни было. Всемірный рынокъ и машинное производство сосредоточивали въ ея рукахъ всю организацію труда и ставили рабочее населеніе отъ нея почти въ рабскую зависимость. Одна конкуренція между работодавцами и купцами, скупавшими товаръ у ремесленниковъ для всемірнаго рынка, могла хотя нѣсколько облегчить эту зависимость и давать труженикамъ возможность и дышать, и жить. Имущій классъ стремился всѣми силами къ уничтоженію такой конкуренціи и къ ея превращенію въ стачку. Для этого ему представлялось одно средство — сосредоточить въ

своихъ рукахъ политическую власть и господствовать надъ государствомъ. Дозволить ему совершить такой переворотъ, значило сдѣлать именно то, что должно было помѣшать народу воспользоваться тѣми благами, какія были созданы наукой и усовершенствованнымъ производствомъ. И именно теперь создана была идея конституціи, ограничивающей власть государей, опирающихся на бюрократію и духовенство, палатами, избираемыми имущимъ классомъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Злополучная борьба за господство буржуазіи. Судьба Германіи. Бюрократія — порядокъ, противорѣчащій требованіямъ времени: ея подвиги въ Россіи. Вторая Французская революція.

КАЗАЛОСЬ, человѣчество страдало какимъ-то страннымъ и неизлѣчимымъ политическимъ безуміемъ, — недугомъ, заставлявшимъ его порождать въ себѣ именно такія политическія убѣжденія, которыя въ данный моментъ были наиболѣе вредными. Однако-же дѣло проистекало вовсе не изъ психической болѣзни, а изъ ложнаго идеала и ложнаго понятія о счастьѣ. Власть и богатство считались самыми обильными источниками человѣческаго благополучія; люди, обладающіе властью и богатствомъ, возбуждали подражаніе и раболѣпное передъ собою преклоненіе. Всякій стремился присоединиться къ нимъ, попасть въ ихъ среду и въ союзъ съ ними, а для этого всякій старался имъ льстить и возвышать ихъ надъ массою народа. Съ незапамятныхъ временъ такая участь выпадала на долю государей и воиновъ. Человѣчеству пришлось однако-же такъ тяжко страдать отъ деспотизма и солдатчины, что уже въ доисторическія времена почувствовалось стремленіе обуздать этого рода величіе проповѣдниками идеи долга, т. е. духовенствомъ, и ему также была ввѣрена власть. Къ XIXму столѣтію народы убѣдились, что такой способъ обузданія власти находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ требованіями вѣка и способенъ убить обильнѣйшій источникъ благосостоянія въ современной цивилизаціи, т. е. науку и умственную жизнь. Раболѣпное преклоненіе передъ властью и религіей оказа

лось источникомъ неисчислимаго зла, поднялся крикъ, что нужно найти силу, которая вынуждала-бы ихъ дѣйствовать не въ интересахъ своего эгоизма, а въ интересахъ общества. Гдѣ-же найти такую направляющую власть силу? Раболѣпное преклоненіе передъ богатствомъ указало, кто должень былъ стать на мѣстѣ обуздывавшаго тирановъ божества, столь неудачно выполнявшаго свою роль. Буржуазія богатѣла, буржуазія соблазняла и дворянство, и духовенство идти по ея слѣдамъ; они все менѣе цѣнили свое старое военное и духовное призваніе и все съ большею жадностью, въ качествѣ имущаго класса, кидались на путь спекуляціи и наживы. Богатство сдѣлалось идоломъ вѣка, и богатымъ слѣдовало ввѣрить направляющую силу.

Уже указанъ былъ истинный источникъ власти — народъ; но трудовая жизнь этого народа внушала европейцамъ одно презрѣніе, такая жизнь вполнѣ противорѣчила ихъ идеалу счастья; «народу была ввѣрена власть во время французской революціи, кричали европейцы, — что вышло?» Никто не отвѣтилъ имъ: «Рядомъ съ великимъ добромъ создано было много зла, но зло это произошло не отъ народа, а отъ того, что тираны и демагоги по узкости и недальновидности своей не допустили народъ до власти.» Если власть народа устранялась на томъ основаніи, что народъ невѣжественъ, въ политикѣ ничего не смыслитъ, а потому и не способенъ управлять сознательно, то отсюда вытекало, что власть слѣдовало передать въ руки, обладающія знаніями. Такими знаніями обладала интеллигенція, но интеллигенція на столько-же мало вызывала раболѣпія, какъ и народъ. Умственное развитіе заключало въ себѣ такую-же работу, какъ и работа народа; то былъ трудъ и, какъ всякій трудъ, по мнѣнію общества прямая противоположность счастью. Интеллигенція презиралась на столько-же, какъ и народъ; конституцій, замѣнявшихъ имущественный цензъ образовательнымъ вовсе и не писалось. Разрушать конкуренцію въ средѣ имущаго класса, замѣнять эту конкуренцію стачкой, и дать ему для этого въ руки могучее орудіе политической власти значило прямо обездоливать и все общество, и рабочее населеніе, — и къ такой перемѣнѣ стремилась съ энтузіазмомъ лучшая и передовая часть населенія. Общество и народъ должны были бороться въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, подвергать себя въ этой борьбѣ страданіямъ и мукамъ чаще всего слишкомъ без-

плоднымъ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ погибать въ неравной борьбѣ— и все это только для того, чтобы воздвигнуть надъ собою такого господина, который ни въ какомъ случаѣ не могъ удовлетворить потребностямъ современности, который воспользовался своей властью и своимъ ореоломъ, чтобы укрѣпить въ умахъ людей ложный идеалъ и ложное нравственное міровоззрѣніе. Лишь только все это было сдѣлано, пришлось все опять передѣлывать съ помощью новыхъ лишеній и страданій, новой непосильной борьбы.

На югѣ Европы, на Пиренейскомъ, Апеннинскомъ и Балканскомъ полуостровахъ борьба велась часто съ великой стойкостью и великимъ геройствомъ, когда оружіе подымалось во имя старыхъ, давно укоренившихся, но къ несчастью, увы! ложныхъ идей національности и религіи. Національная и религіозная вражда была сильна во всѣхъ этихъ странахъ, какъ и вообще у инстинктивныхъ людей на всемъ земномъ шарѣ, но за то-же она составляла одно изъ величайшихъ золъ, бичевавшихъ міръ. Однимъ изъ наилучшихъ благъ, дарованныхъ режимомъ федеративной демократіи въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Швейцаріи, было ослабленіе религіозной и національной вражды между людьми. Развитіе этихъ чувствъ было и могло быть только зломъ, прогрессъ заключался въ ихъ постепенномъ ослабленіи до окончательнаго уничтоженія. По сравненію съ ними конституціонная идея, которая должна была сосредоточить власть въ рукахъ имущаго класса, была очень слабо укоренена, и все таки народамъ пришлось осуществлять ее путемъ борьбы вооруженной рукой. Стоитъ сравнить геройскую борьбу, которую испанцы и русскіе вели съ Наполеономъ, а греки съ турками во имя національной и религіозной вражды, съ борьбою, которая велась на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ во имя конституціоннаго принципа въ первой четверти XIX^го^ вѣка, чтобы увидать громадную разницу.

Конституціонная борьба была вынуждена отчаяньемъ, но средство, т. е. конституціонное управленіе, которымъ хотѣли избавиться отъ злодѣйскаго режима абсолютной монархіи, было такъ мало испытано и вызывало такія слабыя надежды, что въ борьбѣ не было и тѣни прежней испанской стойкости и рѣшимости. Люди то съ дутымъ восторгомъ брались за дѣло, то внезапно малодушно бросали оружіе и разбѣгались въ паническомъ страхѣ. Съ одной

стороны отчаянье вынуждало на борьбу, а съ другой малодушіе уничтожало послѣдніе шансы на успѣхъ. Такой родъ борьбы сопровождался бѣдствіями, превышавшими возможность описанія. Даже министры попеременно переходили съ министерскихъ креселъ въ тюрьму и изъ тюрьмы на министерскія кресла; казнь и самоубійство завѣнчивали ихъ карьеру, какъ въ деспотическихъ государствахъ востока. Съ народомъ-же вовсе не церемонились, его страданія почитались ни за что и безслѣдно погибали въ летѣ; они были такъ многочисленны, что исторія не имѣетъ никакой возможности ни обозрѣть ихъ, ни исчислить ихъ. Конечно, буржуазія относилась менѣе враждебно къ образованію, плодила въ народѣ трудолюбіе, а не лѣнь, искусную работу, стремленіе къ улучшенію своего положенія, а не аскетизмъ; но все это она брала опять назадъ, замѣняя конкуренцію стачкой и эксплуатаціей; — старое воскресало въ новой формѣ. Она цѣнила только то образованіе, отъ котораго обогащалась; образованіе-же народныхъ массъ все таки считала вреднымъ, хотя не потому, что оно мѣшаетъ вѣрить, а потому, что дѣлаетъ, будто-бы, черную работу ненавистной; вмѣсто благосостоянія требовалась низкая заработная плата. Подумаешь: даже такое ничтожное улучшеніе народы не могли получить безъ кровавой борьбы и необозримыхъ страданій. Борьба въ подобныхъ обстоятельствахъ сама по себѣ не могла имѣть удовлетворительнаго успѣха; во всякомъ случаѣ, она не могла окупить принесенныхъ для нея жертвъ; но государямъ и государственнымъ людямъ Европы того было мало, они поспѣшили влить въ нее свой собственный ядъ. Когда, послѣ бѣдствій наполеоновскихъ войнъ, нужно было создать общее дѣйствіе европейскихъ государствъ ради обезпеченія мира, когда нужно было воинственный задоръ лишить главной его приманки — правъ международнаго грабежа, тогда европейскимъ государямъ не приходило въ голову установить основной принципъ международнаго права, воспрещающій побѣдителю въ войнѣ присоединять къ своему государству части торриторіи побѣжденной державы; — когда нужно было создать священный союзъ для того, чтобы обезпечить неуклонное выполненіе этого международнаго правила, тогда подобное благое начинаніе и въ голову не приходило государямъ и государственнымъ людямъ. А когда въ ихъ среду кинута была задорная и злодѣйская мысль создать между собою священ-

ный союзъ, чтобы воспрепятствовать осуществленію тѣхъ мѣръ, которыя составляли насущнѣйшее требованіе вѣка, тогда они оживились и энергически принялись за дѣло; ради этого оказались возможными и общее дѣйствіе, и международное вмѣшательство.

Имъ дѣйствительно удалось уничтожить разбойничьей, кровавой расправой, злодѣйскимъ, ничѣмъ не вызваннымъ вмѣшательствомъ великихъ европейскихъ державъ и ту малую пользу, которую несчастные народы юга добыли себѣ горькими страданіями революціонной борьбы. Они хотѣли, чтобы европейскимъ народамъ не оставалось никакой надежды на улучшеніе своего положенія не только нормальнымъ путемъ мирнаго прогресса, но даже и послѣ мучительныхъ революціонныхъ движеній. Послѣ всѣхъ реформъ, произведенныхъ неограниченными монархами въ XVIIIмъ вѣкѣ, сельское населеніе Испаніи въ началѣ XIXго вѣка очутилось въ слѣдующемъ положеніи: 17 милліоновъ акровъ земли находилось во владѣніи короля, 28 милліоновъ были подчинены суду и налогамъ дворянства, 9 милліоновъ принадлежали духовенству. Только на коронныхъ земляхъ крестьянинъ имѣлъ возможность хотя кое-какъ обезпечить себя; онъ нищалъ на самой благодарной почвѣ, если она была въ зависимости отъ помѣщика. Были мѣстности, гдѣ 5/6 жатвы отбирались у него для удовлетворенія свѣтскихъ и духовныхъ господъ. Иногда феодальные налоги были значительнѣе государственныхъ въ 26 и даже въ 59 разъ. Сверхъ того вездѣ безъ исключенія сохранилась еще цѣлая куча древнихъ церковныхъ поборовъ, десятинъ и налоговъ въ пользу духовныхъ лицъ и даже на поддержку крестовыхъ походовъ. За помѣщикомъ осталась монополія молоть муку, печь хлѣбъ и выжимать вино; крестьянинъ платилъ за право продажи земли, хотя-бы онъ и не думалъ ее продавать, и это право все таки не устраняло права помѣщика брать ее обратно отъ покупателя въ случаѣ продажи. Послѣ смерти крестьянина помѣщикъ бралъ себѣ изъ его наслѣдства больше, чѣмъ доставалось семьѣ. На основаніи всѣхъ этихъ правъ въ одномъ поселеніи изъ 6000 мѣръ хлѣба, снятаго съ полей, 37 свѣтскихъ и 43 духовныхъ владѣльца взяли себѣ 5114 мѣръ, а земледѣльцамъ оставили 886 мѣръ. Сверхъ того помѣщикамъ принадлежалъ судъ, какъ гражданскій, такъ и уголовный, сельское управленіе и т. д. Всѣ эти факты были выяснены кортесами, а дворянство и духовенство должны были согласиться съ справедли-

востью разоблаченія. Этотъ источникъ мучительныхъ истязаній сельскаго населенія уничтожался при громкихъ ликованіяхъ народа. Такой образъ дѣйствія представительныхъ учрежденій, конечно, требовалъ подавленія и строгой кары. Вооруженное вмѣшательство составляло настоятельную необходимость, и государи Европы не могли успокоиться до тѣхъ поръ, пока они не возстановили въ Испаніи неограниченную монархію и не воздвигли надъ народомъ пресса, который вернулъ всѣ прежнія бѣдствія и сдѣлалъ его настолько нищимъ и несчастнымъ, насколько ему слѣдовало быть.

Въ это время казалось, что Германія должна сдѣлаться страною великихъ умовъ, что на ея долю выпадетъ та самая роль творца идей и руководителя человѣчества, какую играла Франція во время дѣятельности Руссо, Дидро, Вольтера, Лавуазье и др. Разъединеніе Германіи, соперничество государей, то обстоятельство, что часть нѣмецкаго народа жила въ республиканской Швейцаріи, существенно помогало въ этомъ отношеніи. Послѣ того, какъ югъ, уничтоженный и окровавленный, долженъ былъ отказаться отъ всякой надежды выйти на дорогу прогресса, дѣло науки и цивилизаціи въ Европѣ, повидимому, обречено было на погибель; союзъ абсолютныхъ монарховъ и духовенства грозилъ уничтожить всякое умственное движеніе и обратить эту часть свѣта къ азіатскому варварству. Оставалось одно упованіе на великіе умы Германіи, но увы, оказалось, что у этихъ умовъ не нашлось и тѣни того генія, который сдѣлалъ Францію въ XVIII-омъ вѣкѣ источникомъ свѣта, вызывавшимъ жизнь и движеніе въ цивилизованномъ мірѣ. Кантъ и Гегель съ ихъ виляньемъ между консервативными и либеральными идеями, Гете съ его жалкимъ хитроуміемъ не могли имѣть и слѣда того умственнаго величія, какое имѣли Дидро, Вольтеръ, энциклопедисты. Германскій Руссо— Янъ былъ уродъ и только, въ немъ не было ничего подобнаго тому могучему нравственному чутью, которымъ великій творецъ «общественнаго договора» потрясалъ міръ. Нѣмецкіе ученые стремились къ основательному, положительному знанію; но основательное, положительное знаніе и было именно тѣмъ, что требовалось временемъ; было недостаточно геніальнаго полета, схватывающаго великую идею налету одной интуиціей, какъ было въ славныя времена Руссо.

Нужно было съ помощью положительнаго знанія разъяснить новыя условія жизни, показать ихъ требованія и причины, почему французская революція не удовлетворила этимъ требованіямъ; нужно было разъяснить народамъ нравственное настроеніе, необходимое для того, чтобы всякій человѣкъ могъ громко вопіять о своей потребности, и чтобы общественное мнѣніе могло сочувственно выслушивать его. Казалось, что такая научная задача соотвѣтствовала вполнѣ способностямъ и характеру нѣмецкаго народа. Никто не могъ превзойти нѣмецкаго ученаго наклонностью собирать факты, всесторонне изучать предметы и создавать философскія обобщенія съ полнымъ знаніемъ дѣла. Но вмѣсто того, чтобы научить народы именно тому, что имъ всего необходимѣе было знать и понимать, вмѣсто того, чтобы заставить ихъ почувствовать ошибки своихъ предшественниковъ и серьезно приняться за удовлетвореніе истиннымъ требованіямъ ихъ времени, нѣмецкіе ученые никакъ не могли примѣтить слона и съ глубокомысленной туманностью болтали о вещахъ, стоющихъ очень малаго вниманія, да и то болтали вкривь и вкось. Они всего болѣе заботились о томъ, чтобы ихъ идеи не показались неумѣренными тупицамъ, управлявшимъ нѣмецкими государствами. Что вышло-бы изъ Руссо и великихъ умовъ Франціи, если-бы они настолько-же страшились оскорбить слухъ Людовика XV и развратныхъ ханжей, безславно прожигавшихъ съ нимъ жизнь. Великіе умы Германіи пожали то, что сѣяли; міръ равнодушно внималъ имъ, несчастный нѣмецкій народъ остался безъ руководителей. Сволочь, управлявшая германскими государствами, смотрѣла на великіе умы своего отечества сверху внизъ и безцеремонно осуществляла свое гнусное дѣло измѣны и коварства по отношенію къ народу.

Въ народѣ не раздавалось голоса, который могъ-бы заставить ихъ трепетать отъ страха и стыда и побудить ихъ отступить передъ осуществленіемъ своего злодѣйскаго двоедушія. Когда Наполеонъ громилъ Пруссію, тогда король прускій умѣлъ производить реформы, тогда онъ понималъ и ихъ возможность, и ихъ осуществимость; а когда гроза прошла, тогда онъ водворилъ въ Пруссіи восточный деспотизмъ, а въ отданныхъ ему на жертву вестфальскихъ провинціяхъ уничтожалъ и то хорошее, что тамъ было посажено французами. Образъ дѣйствія германскихъ правителей въ первой трети XIX^{го} вѣка вполнѣ убѣждаетъ, что они

не исполняли своихъ обѣщаній, данныхъ народу въ часы своего униженія, вовсе не потому, что опасались за послѣдствія такого исполненія; напротивъ, они прекрасно видѣли на дѣлѣ, что какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, реформы давали благіе плоды и только; было слишкомъ ясно, что причина ихъ деспотическаго вѣроломства заключалась въ томъ, что они по уши погрязли въ узкомъ эгоизмѣ, отнявшемъ у нихъ и послѣдніе слѣды совѣсти. Австрія, управляя своими итальянскими провинціями, превзошла злодѣйствами папъ и Фердинандовъ, а въ Венгріи и Галиціи она вызвала противъ себя неискоренимую и вполнѣ заслуженную ненависть. Съ коварствомъ восточныхъ деспотовъ австрійское правительство поддерживало въ народѣ грубѣйшее суевѣріе и религіозный фанатизмъ, національную вражду, крѣпостное состояніе, феодальныя права высшей аристократіи; для того, чтобы господствовать оно травило другъ противъ друга національности, сословія, народъ и интеллигенцію. Такая глубоко безнравственная, злодѣйская политика переполнила чашу ненависти и страданій, въ особенности въ славянскихъ, венгерскихъ, итальянскихъ, румынскихъ земляхъ и въ Тиролѣ. Люди мучились и терзались, точно сжигаемые на медленномъ огнѣ; они собственными руками изготовляли себѣ безвыходную пытку безъ всякой надежды выйти изъ этого состоянія, потому что вражда мѣшала имъ соединиться. Чѣмъ глубже была поселяемая этими страданіями вражда къ правительству, тѣмъ болѣе правительство торжествовало, повторяя съ макіавелевскимъ восторгомъ: раздѣляй и управляй. Какое ему дѣло до страданій народа? оно было проклятіемъ, висѣвшимъ надъ управляемыми милліонами, но это ни мало не печалило его; оно достигало своей цѣли и праздновало побѣду.

Въ Германіи болѣе сносное положеніе было тамъ, гдѣ злокозненность государей не могла уничтожить послѣднихъ слѣдовъ французскихъ порядковъ. Народъ былъ настолько несчастенъ, что всякій, кто могъ, бѣжалъ изъ своего отечества. Америка сдѣлалась идеаломъ и раемъ, куда стремились несчастные нѣмцы. Переселенія были такъ многочисленны, что четвертая часть Германіи живетъ въ настоящее время въ Америкѣ. Въ новую страну перекочевывала та часть нѣмецкаго народа, которая на своей родинѣ считалась самой опасной, наиболѣе проникнутой анархическими страстями и стремленіями. Однако-же въ Америкѣ

эти самые люди оказывались трудолюбивыми и миролюбивыми гражданами, вполнѣ способными осуществлять идею народовластія. Въ Германіи они составляли безпокойные элементы общества, и именно поэтому ихъ поведеніе въ Америкѣ служило самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что источникомъ анархіи въ Европѣ были не народы, а государи съ ихъ измѣнническимъ коварствомъ и хищническимъ, разбойничьимъ ханжествомъ.

Мы видѣли, что передовые люди Европы готовили народамъ иго буржуазіи, которое они должны были сами на себя надѣть кровавой борьбой. Въ то-же время государи вводили и укореняли въ своихъ государствахъ другое новое изобрѣтеніе — бюрократію. Бюрократія была порожденіемъ науки и не могла-бы осуществиться, если-бы наука не пріучила образованный классъ къ изученію и изслѣдованію. Чтобы убѣдиться въ достоинствахъ бюрократіи полезно сравнивать двѣ восточныя державы: Турцію и Россію. Сравненіе показываетъ прежде всего, что развитіе бюрократіи въ Россіи было-бы не мыслимо, если-бы въ ней среднее и высшее образованіе стояло на томъ уровнѣ, на которомъ оно находилось въ Турціи. Только научное образованіе чиновниковъ дало возможность ввести сложное раздѣленіе властей, письменное производство, контроль и отчетность. Во всѣхъ частяхъ государства, окончательно покоренныхъ и подчиненныхъ бюрократіи, разбои были почти истреблены. Такія явленія, какъ Мехметъ-Али, паша Али янинскій, алжирскіе и сербскіе деи, своевольные мамелюки, янычары и тому подобныя разбойничьи ватаги были не мыслимы въ Россіи. Начальники областей, солдаты были въ полномъ повиновеніи у центральнаго правительства. Мятежи въ родѣ тѣхъ, которыми становились въ независимое положеніе славянскія земли и Греція, не имѣли-бы въ Россіи шансовъ на успѣхъ.

Не смотря на все это, не смотря на то, что бюрократія составляла прогрессъ въ государственной организаціи, несомнѣнно созданный наукой и осуществлявшійся путемъ распространенія научнаго образованія, она не имѣла будущности въ западной цивилизаціи; — она могла только противодѣйствовать тому направленію, въ которомъ должно было идти политическое и соціальное развитіе. Съ того времени, какъ крѣпостная зависимость была уничтожена и средневѣковыя путы развязаны въ Европѣ и

въ Америкѣ, съ водвореніемъ наемнаго труда и свободной собственности, бюрократія могла быть только помѣхой соціальному благополучію. Дальнѣйшій соціальный прогрессъ, борьба общества съ капиталистическимъ строемъ жизни могла быть ведена только путемъ развитія въ средѣ народа способности къ организаціонной дѣятельности. Бюрократъ не могъ стать на мѣсто капиталиста, а если-бы онъ и сталъ, то народъ отъ этого ничего-бы не выигралъ и проигралъ-бы несомнѣнно; бюрократъ сталъ-бы дѣйствовать не въ интересахъ народа, а въ интересахъ своего начальства; создалъбы монопольную власть, съ которой борьба была бы невозможна, и всеобщее рабство неизбѣжно. Даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ для бюрократіи, повидимому, было еще много дѣла, она оказалась неспособной осуществить тотъ прогрессъ, который былъ необходимъ по обстоятельствамъ времени.

Въ Россіи она создала изъ императора Александра I грозную, неодолимую силу, а самого императора деморализировала до такой степени, что почти невозможно повѣрить, что этотъ человѣкъ воспитывался подъ вліяніемъ чистыхъ людей, съ возвышеннымъ образомъ мыслей и когда-то самъ пылалъ благородными чувствами. Превратившись въ животное, огрубѣвшее отъ пороковъ и сладострастія, онъ проливалъ лицемѣрныя, крокодиловы слезы надъ бѣдствіями человѣчества и въ то-же время отдалъ свой народъ на жертву злодѣю Аракчееву. За что, спрашивается, бичевалъ онъ такъ безжалостно этотъ народъ, который проливалъ свою кровь и перенесъ тысячу страданій, чтобы возвысить его славу, могущество и величіе? —Съ грубой ненавистью свирѣпыхъ азіатовъ сподвижники Аракчеева старались уничтожать образованіе насколько то было возможно; смирный, трудолюбивый, въ высшей степени послушный народъ они старались изображать полнымъ злодѣйскими намѣреніями и поощряли другъ друга къ взяточничеству, притѣсненію и безмѣрной жестокости; создавъ въ своей средѣ такое настреніе, они отдали весь народъ въ крѣпостную зависимость, при которой всякій мелкій начальникъ и помѣщикъ, всякій злодѣй изъ ихъ среды могъ его мучить и терзать, сколько ему было угодно, изъ корыстныхъ и хищническихъ видовъ или даже просто изъ самодурства.

Страданія народа превзошли всякую мѣру, и тогда началось то знаменательное явленіе, тотъ зловѣщій признакъ, которымъ отли-

чалась Россія втеченіе всей первой половины XIXго вѣка. Начиная съ XVIIIго столѣтія смертность въ Россіи постоянно увеличивалась. Въ концѣ XVIIIго вѣка эта смертность была одною изъ самыхъ благопріятныхъ въ Европѣ. Къ этому привели трудолюбіе и миролюбіе населенія, многоземеліе и плодородіе почвы, а главное — то обстоятельство, что почти весь сельско-хозяйственный инвентарь и значительное большинство скота принадлежало народу. Значительное большинство произведеній земли составляло собственность крестьянъ, и они могли обезпечивать себѣ жизнь и здоровье, не смотря на всѣ мученія, которымъ подвергались. Но тутъ обнаружились особенности бюрократіи при существованіи абсолютной монархіи. Инстинкты ея заставляли ее противодѣйствовать образованію, и во всѣхъ странахъ, находившихся подъ русскимъ господствомъ, образованіе или просто уничтожалось, какъ въ Польшѣ, или существенно подавлялось, такъ что Россія по своему образованію отставала все въ большихъ размѣрахъ отъ западной Европы. Все таки образованіе проникало въ нее и даже развивалось въ нѣкоторыхъ привиллегированныхъ сферахъ бюрократіи и дворянства. Черезъ это дѣло получило однако-же такой видъ: жестокость обращенія съ народомъ уменьшалась, жестокостей совершалось въ Россіи менѣе, чѣмъ въ Турціи; но интенсивность гнета возрастала постоянно, — образованіе давало бюрократамъ и помѣщикамъ возможность все въ большихъ размѣрахъ эксплуатировать трудъ народа и брать себѣ все бо́льшую долю этого труда.

Мало того, они дѣлали трудъ народа все менѣе производительнымъ; съ одной стороны, они по небрежности пренебрегали всѣмъ, что могло вносить въ него улучшеніе, а съ другой, они его стѣсняли, чтобы успѣшнѣе извлекать изъ него для себя личную выгоду. Стонъ народа все громче раздавался по странѣ, но холодная и безжалостная рука бюрократовъ, стоявшихъ надъ нимъ во всеоружіи европейскаго образованія, не давала ему ни вздохнуть свободно, ни проявиться. Взяточничество и грабительство генераловъ приготовляло войску ужасную участь, и все таки шпицрутены держали его въ безусловномъ повиновеніи и дѣлали его надежнѣйшимъ орудіемъ для угнетеніи народа. Общее возстаніе было окончательно невозможно, народъ могъ защищаться только аграрными преступленіями, убійствами помѣщиковъ и чиновниковъ, въ

особенности поджогами; но всѣ эти преступленія держались въ тайнѣ, не дозволялось произносить ни слова о невыносимомъ положеніи страны. Напротивъ, громко прославлялось ея благосостояніе и благодѣтельное управленіе. Ненависть царила повсемѣстно, но ея голосъ заглушался громкими и лицемѣрными дифирамбами. Народу оставалось одно: молча умирать . . . и онъ умиралъ — и увы, продолжаетъ умирать до настоящаго дня; — вспомните голодъ 1892 года. Смертность, которая сначала равнялась смертности въ Англіи, постепенно увеличивалась, приравниваясь къ смертности все болѣе бѣдныхъ странъ, во второй четверти XIXго вѣка она сравнялась со смертностью самыхъ злополучныхъ угловъ западной Европы и превзошла ее. Въ цивилизованномъ мірѣ не было уже болѣе страны, гдѣ бы люди умирали въ такомъ огромномъ числѣ, какъ въ Россіи, а смертность все возрастала. Наконецъ, въ 1848 году она достигла ужасающей цифры — умиралъ восемнадцатый человѣкъ. Нашествіе Атиллы и Гензериха могло-бы не произвести такой ужасной смертности, какую произвелъ гнетъ бюрократіи.

Единственную часть Россіи, способную оказать сопротивленіе гнету, составляла Польша; въ ней было конституціонное управленіе, дававшее народу возможность создать національную вооруженную силу. И Польша возстала, но возстаніе было подавлено геройствомъ тѣхъ самыхъ солдатъ, которыхъ генералы безжалостно грабили и терзали жесточайшими наказаніями. Въ злополучной странѣ все было уничтожено: свободное управленіе, образованіе, промышленное развитіе; она буквально доведена была до звѣринаго образа. И бюрократія торжествовала, она совершила свое злодѣйское дѣло съ полнымъ успѣхомъ и съ безпримѣрнымъ самодовольствомъ праздновала свою побѣду. Тотъ, кто хочетъ понять зловредность бюрократическаго режима во всемъ его объемѣ, тому слѣдуетъ внимательно перечитывать исторію Россіи.

Россія и Польша приняли христіанство почти въ одно и то-же время, въ Xмъ вѣкѣ. Вскорѣ Русь далеко опередила Польшу въ цивилизаціи. Когда въ XIмъ вѣкѣ Болеславъ II взялъ Кіевъ, онъ отзывался объ немъ съ такимъ-же восторгомъ, съ какимъ Святославъ отзывался о Переяславцѣ на Дунаѣ. По сравненію съ русскими онъ былъ такимъ же дикаремъ, какъ Святославъ по сравненію съ греками; увлеченный прелестью русской цивилизаціи, онъ при-

нялъ православіе. Дѣло понятное: русскіе приняли христіанство отъ грековъ, составлявшихъ центръ цивилизаціи того времени, а поляки получили его изъ полудикой Германіи. Но дальнѣйшая судьба двухъ народовъ была весьма различна. Въ Польшѣ развивалась свобода и самоуправленіе, а въ Россіи московскій режимъ и бюрократія, для которой Іоаннъ Грозный въ своей опричинѣ положилъ прочное основаніе, Романовы довершили его крѣпостнымъ правомъ. И вотъ оказалось, что Польша стала богатой, цвѣтущей и просвѣщенной страной, а Россія одичала; русскіе ѣздили въ Польшу учиться точно такъ-же, какъ турецкіе подданные ѣздятъ учиться въ Парижъ. У насъ привыкли все свалшвать на монгольское иго, но монгольское иго тутъ не причемъ. Литва была полудикой страной въ то время, когда свергнуто было монгольское иго, а подъ вліяніемъ польскаго режима она быстро обогнала московскую Русь въ благосостояніи и просвѣщеніи.

Съ самаго распространенія христіанства поляки боролись съ католическимъ духовенствомъ, стремившимся подавить свободу, просвѣщеніе и подточить корень ихъ благосостоянія; духовенство до того злоупотребляло анаѳемой, что не разъ доводило народъ до отчаянія. Но свободолюбивая Польша боролась геройски и довела себя до того, что въ XVIмъ вѣкѣ стала центромъ просвѣщенія, свободомыслія, цивилизаціи и неизмѣримо вознеслась надъ погрязшей въ невѣжествѣ Россіей. По причинамъ, о которыхъ мы говорили выше, католическое духовенство восторжествовало; просвѣщеніе и свободомысліе оно бичевало безжалостной рукой, завладѣло школами, образованіемъ и направило все обученіе противъ ненавистнаго ему умственнаго движенія. Въ Польшѣ у него долго было гораздо больше враговъ, чѣмъ друзей: еще наканунѣ его побѣды почти весь сенатъ состоялъ изъ вѣроотступниковъ; ему оставалось слѣдовать маккіавелевскому принципу — раздѣлять, чтобы управлять. Великое въ интригѣ, оно водворило въ Польшѣ анархію, но анархіей ее погубило. Подвиги католическаго духовенства въ XVIIмъ и XVIIIмъ вѣкѣ вполнѣ стоили татарскаго ига. Въ Россіи съ Петра Великаго насаждалось просвѣщеніе, и все таки плоды въ ней бюрократическаго режима были таковы, что въ XVIIмъ и XVIIIмъ вѣкѣ Польша далеко превосходила Россію по просвѣщенію и цивилизаціи. Наконецъ, Россія покорила Польшу;

совокупными усиліями русская бюрократія и католическое духовенство довели гоненіе на цивилизацію до невѣроятнаго варварства, — и все таки Польша оставалась болѣе цивилизованной, болѣе европейской страной, чѣмъ Россія.

Въ виду такихъ плодовъ бюрократическаго режима для русскаго народа, что слѣдовало-бы дѣлать тому, въ комъ горѣла хотя искра патріотизма? — А русскіе государи нашли опасными и тѣ слабые зачатки умственнаго движенія, которые были посажены Петромъ Великимъ; для водворенія полнаго варварства Александръ I вознесъ Аракчеева, а Николай подражалъ ему съ восторгомъ; въ Россіи умиралъ восемнадцатый изъ живыхъ именно въ то время, когда Николай праздновалъ торжество своей системы. Если дѣла въ Россіи будутъ идти такъ, какъ они шли въ XIX^мъ^ вѣкѣ, то для нея изъ этого можетъ произойти одна погибель, — погибель унизительная, позорная, погибель отъ малодушія и грубости. Русскіе не вѣрятъ этой погибели, какъ Турки не вѣрили своей, но до нея слишкомъ недалеко — они могутъ увидѣть ее собственными глазами. Чтобы понять бюрократію, пусть всякій читаетъ исторію Россіи. Тутъ онъ увидитъ въ наглядной картинѣ злополучную участь необразованнаго народа, который попалъ подъ прессъ этого орудія пытки, злѣе котораго никто ничего не изобрѣталъ втеченіе вѣковъ.

Участь Европы казалась окончательно рѣшенной, ей оставалось чахнуть и съ завистью смотрѣть за океанъ на разцвѣтающее благосостояніе Америки. Южная ея часть освободилась отъ ига, такъже какъ и сѣверная, и наполнилась республиками. Возрастающее богатство юга скоро дало себя знать обширнымъ развитіемъ торговли, и представитель всемірнаго рынка — лондонская биржа свидѣтельствовала передъ глазами міра, что креолы недаромъ боролись за независимость. Когда во Франціи вошелъ на престолъ Карлъ X, тогда казалось, что нанесенъ будетъ послѣдній и рѣшительный ударъ европейскому прогрессу. Обратный ходъ будетъ данъ, можетъ быть, безповоротно. Французскій государь энергически готовился къ тому, что онъ считалъ своимъ призваніемъ; умственное движеніе смолкло, водворилось мертвое молчаніе мысли; — духовенство и бюрократія готовились взять все дѣло въ свои руки и покончить съ тѣмъ, что называлось мышленіемъ, изслѣдованіемъ, критикой, со всѣмъ этимъ легкомысліемъ, со всѣмъ этимъ анархи-

ческимъ вольнодумствомъ, которое называлось развитіемъ. «Молчать и повиноваться» — былъ крикъ, который грозно раздавался надъ Европой изъ конца въ конецъ. Карлъ X готовился сдѣлать этотъ лозунгъ безповоротнымъ рѣшеніемъ всѣхъ европейскихъ государей. Онъ грозно поднялъ свою голову и вознесъ руку, и вдругъ ... все лопнуло.

Заставлявшій трепетать передъ собою деспотъ, въ нѣсколько дней, оставленный всѣми, превратился въ жалкаго бѣглеца, которому оставалось одно: отбросивъ всякую надежду, спасать свою жизнь. Карлъ X совершилъ болѣе чудесъ, чѣмъ Іисусъ Христосъ, при одной коронаціи своей онъ чудесно излѣчилъ 121 человѣка больныхъ. Если Іисусъ за чудеса свои признанъ былъ богомъ, то Карла X слѣдовало признать богомъ изъ боговъ; вся троица, богъ и Іисусъ Христосъ должны были-бы на колѣнахъ преклоняться передъ этимъ чудотворцемъ изъ чудотворцевъ, и это величайшее божество позорно и жалко бѣжало изъ Франціи. Надъ міромъ грянула новая революція и такая революція, которую невозможно было подавить никакими коалиціями, никакимъ внѣшнимъ вмѣшательствомъ. Цивилизація была спасена, она стала твердою ногою въ Европѣ, въ Америкѣ, во всемъ мірѣ; отнынѣ ей можно было противодѣйствовать, но подавить ее окончательно было уже невозможно. Франція снова стала въ Европѣ на первое мѣсто и лучезарно заблистала кругомъ. Если-бы государи Европы отличались хотя тѣнью проницательности, то они поняли-бы, какую ужасную ошибку они сдѣлали. Своимъ поведеніемъ они укоренили въ Европѣ убѣжденіе, что прогрессъ можетъ совершаться только революціоннымъ путемъ; изъ столѣтія, начавшагося въ семидесятыхъ годахъ XVIII[го] вѣка и кончившагося въ семидесятыхъ годахъ XIX[го], они сдѣлали вѣкъ революцій. Совершая этотъ подвигъ, они своимъ реакціонерствомъ приготовили народамъ неисчислимыя страданія, а для себя заслуженныя проклятія и вѣчный позоръ въ исторіи. Еслибы они отличались проницательностью вмѣсто близорукости, гнусности и невѣжества, то и послѣ второй французской революціи, они могли-бы взяться за умъ и удовлетворить потребностямъ народа, даже чрезъ посредство любимаго своего орудія — бюрократіи. Въ этомъ отношеніи они имѣли передъ глазами прекрасный историческій примѣръ въ лицѣ Карно, управлявшаго военной частью во Франціи, товарища Робеспьера, а потомъ военнаго министра. Съ

неусыпнымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за всѣми талантами, проявлявшимися въ войскѣ, и каждому дарованію немедленно давалъ то поприще, котораго оно заслуживало. Онъ отдалъ войско въ руки молодыхъ людей, бѣдныхъ и низкихъ по происхожденію, но богатыхъ талантами и знаніями. Такимъ образомъ, онъ создалъ армію, побѣдившую Европу, и создалъ изъ Франціи государство неслыханнаго могущества. Нужно было всю заносчивость и все легкомысліе Наполеона, чтобы опять уничтожить плоды его трудовъ. Наполеонъ подражалъ ему и полагалъ, что ему удастся его превзойти; но громадная разница между ними тотчасъ дала себя знать. Карно былъ одушевленъ идеей общественнаго блага, а Наполеонъ своекорыстнымъ славолюбіемъ, а потому, не смотря на большія способности, онъ направилъ дѣло къ быстрой собственной погибели.

Государи должны были-бы слѣдить съ такимъ-же вниманіемъ, какъ Карно, за всѣми талантами, появлявшимися въ ихъ странѣ, въ особенности за тѣми, которые своимъ умомъ и знаніями создавали идеи, распространявшіяся въ обществѣ. Вмѣсто того, чтобы подавлять ихъ и вызывать этимъ ненависть и борьбу противъ себя, они должны были-бы призывать ихъ къ власти. Вмѣсто того, чтобы уничтожать всякую организацію въ народѣ и тѣмъ лишать себя возможности обуздывать своекорыстный высшій классъ, а государство ставить на вершину волкана, какъ они сами это сознавали, — они должны были-бы съ помощью дружнаго дѣйствія всей интеллигенціи страны развивать въ народѣ именно ту организаціонную дѣятельность, которая была необходима, чтобы дать прогрессу вѣрное направленіе и сдѣлать возможными всѣ нужныя для того реформы. Однимъ словомъ, они должны были-бы объединить всѣ партіи посредствомъ союза интеллигенціи и ея тѣсной связи съ народомъ, какъ это сдѣлано было государственными людьми, основавшими Соединенные Штаты. Возможность осуществленія такого режима чрезъ бюрократію вполнѣ доказалъ Наполеонъ въ началѣ своего господства; онъ вполнѣ успѣшно началъ объединеніе всѣхъ партій посредствомъ интеллигенціи; но онъ захотѣлъ сдѣлать интеллигенцію простымъ орудіемъ той безумной завоевательной политики, которая восхищала и ослѣпляла его, и тѣмъ сразу разъединилъ и оттолкнулъ ее отъ себя. И государи оградили-бы свою добрую славу и изба-

вили-бы себя отъ злодѣйствъ и ошибокъ, еслибы они умѣли воспользоваться интеллигенціей, вмѣсто того, чтобы подавлять ее и бороться съ нею во имя своихъ предразсудковъ.

Франція совершила великій политическій подвигъ и спасла Европу, и все таки обаяніе этого подвига было далеко не такъ велико, какъ обаяніе первой французской революціи. Ошибки этой революціи ослабили ея чуткость къ требованіямъ времени, парализовали ея энтузіазмъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обильную плодотворность ея генія. Она не въ силахъ была излить на Европу новаго потока благодѣтельныхъ законовъ и учрежденій. Ея энергіи не хватало даже на то, чтобы создать въ своей средѣ буржуазный строй, на столько-же совершенный, какъ строй Англіи, Бельгіи и Голландіи. Первая французская революція и въ Англіи вызвала энтузіазмъ подражанія, теперь ей нечему было подражать, она во всемъ превосходила Францію. Вторая революція не имѣла для Франціи даже тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, которыя англійская революція конца XVII^{го} вѣка имѣла для Англіи. Та умѣренность, къ которой она стремилась, оказалась бездарностью, парализованной энергіей и ничѣмъ болѣе. Революція конца XVII^{го} вѣка подарила Англіи буржуазный строй, но вмѣстѣ съ тѣмъ расчистила для нея именно тотъ путь, изъ котораго могла развиться государственная и общественная солидарность, на каторомъ общество, гдѣ господствовало раздѣленіе труда, могло дойти втеченіе вѣковъ до той-же степени общественнаго единодушія, до которой достигъ организмъ и къ которой приблизилось семейство, созданное единоженствомъ. Путемъ свободы печати, собраній и ассоціацій Англія давала своимъ гражданамъ возможность дѣлать изъ человѣческой рѣчи то употребленіе, которое органическая клѣточка дѣлаетъ изъ своей способности производить во всемъ организмѣ боль и тѣмъ заставлять его удовлетворять своимъ потребностямъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Чего достигла французская революція. Судьба Англіи. Чрезъ соціальныя ученія Франція становится во главѣ европейскаго движенія.

Франція, самая передовая изъ великихъ державъ Европы, стала въ 1830-мъ году чрезъ свою революцію, все таки только на болѣе низкій уровень, чѣмъ тотъ, на который Англія поднялась въ концѣ XVII-го вѣка; мелкія конституціонныя державы, кромѣ Бельгіи, Голландіи и Швейцаріи — стояли еще ниже, великія державы: Пруссія, Австрія, Россія — дичали среди варварскаго деспотизма. Послѣ этого никакъ нельзя сказать, чтобы континентальная Европа могла похвалиться своимъ политическимъ и нравственнымъ прогрессомъ. Пруссія доказывала, что народъ можно сдѣлать грамотнымъ, не выводя его изъ сферы грубаго невѣжества. Континентальная Европа и Индія были тѣми двумя пудовыми гирями, которыя тянули внизъ Англію и заставляли ее безславно топтаться на одномъ мѣстѣ. Про Англію первой трети девятнадцатаго вѣка можно сказать, что она научила свой народъ говорить о своихъ потребностяхъ, но не научила правящій классъ внимать этому голосу. Представьте себѣ организмъ, клѣтки котораго дѣйствовали-бы такъ-же, какъ дѣйствуютъ клѣтки человѣка, но мозгъ котораго былъ-бы не чувствителенъ къ боли и отказывался-бы превращать получаемыя имъ впечатлѣнія въ общее мышленіе организма и соотвѣтствующее дѣйствіе. Вотъ та невозможная въ органическомъ мірѣ уродливость, какую представляла изъ себя Англія. Свобода прессы и собраній служила для англійскаго народа школой, развившей его значительно выше въ политическомъ и нравственномъ отношеніи, чѣмъ развились народы материка путемъ революцій и граматности.

Народъ умѣло создавалъ разнаго рода организаціи, насчитывавшія иногда огромное число членовъ, политическіе листки распространялись въ количествѣ, доходившемъ будто-бы до милліона экземпляровъ, онъ имѣлъ видныхъ представителей своей собственной прессы; онъ зналъ съ какого конца нужно начинать дѣло, чтобы достигнуть своей цѣли; онъ понималъ отношеніе, ко-

торое существовало между политической организацiей страны и ея законами; онъ былъ не въ состоянiи возлагать какiя бы то ни было надежды на благодѣтельный и просвѣщенный деспотизмъ онъ понималъ прекрасно, что изъ деспотизма, даже самаго просвѣщеннаго, ничего кромѣ зла произойти не можетъ; онъ зналъ свои силы и зналъ, чего можно достигнуть этими силами; такъ какъ онъ умѣлъ дѣйствовать въ предѣлахъ своихъ силъ, то ему никогда не приходилось отрекаться отъ себя; поэтому онъ не дѣлалъ главной и самой фатальной изъ всѣхъ политическихъ ошибокъ, онъ не подымался массой во имя политической идеи, которую не въ состоянiи былъ осуществить на дѣлѣ и не отрекался потомъ, послѣ разныхъ нелѣпыхъ проявленiй, отъ всего, чтобы подчиниться деспотизму обманщиковъ; онъ шелъ къ своей цѣли практически вѣрнымъ путемъ и твердымъ шагомъ. Про него никакъ нельзя было сказать то, что сказано было про французскiй народъ, что онъ учился два, три года для того, чтобы втеченiе десяти и двадцати лѣтъ забывать все то, чему научился. И все таки онъ былъ еще крайне слабъ въ сферѣ политической и соцiальной дѣятельности. Онъ понималъ, что политическая реформа, усиливающая его влiянiе на правительство, должна была предшествовать всякой другой, но онъ не въ силахъ былъ принудить къ ней высшiе классы.

Чтобы поставить себя въ такiя условiя, при которыхъ прогрессъ производства приносилъ-бы ему настоящую пользу, онъ долженъ былъ-бы понимать солидарность своихъ интересовъ съ интересами ирландскаго и въ особенности, индѣйскаго населенiя, но о такомъ уровнѣ развитiя въ немъ невозможно было и думать. Такимъ непониманiемъ онъ воздвигалъ надъ собою деспотическую силу, которая существенно понижала уровень его благосостоянiя. Въ борьбѣ противъ капитала онъ употреблялъ самыя жалкiя мѣры въ родѣ разрушенiя машинъ и низверженiя шоссейныхъ заставъ. Крикъ о народной бѣдности въ Англiи былъ, однако-же, такъ силенъ, что наивные европейцы материка воображали, что въ Англiи народъ бѣдствуетъ, а въ Европѣ и даже въ Россiи чуть не благоденствуетъ, Поэтому страданiя народа нельзя было игнорировать въ Англiи съ такой безсовѣстностью, съ какой ихъ игнорировали повсемѣстно на материкѣ. Подать для бѣдныхъ, которая отвергалась на материкѣ Европы почти повсемѣстно за

исключеніемъ, напр. Нидерландовъ, приняла въ Англіи такіе большіе размѣры, что она вдвое превосходила государственный доходъ Соединенныхъ Штатовъ Америки. Такая помощь въ нуждѣ держала заработную плату на сравнительно высокомъ уровнѣ. Господство Англіи надъ морями и ея торговля постоянно расширялись, и съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивались шансы на высокія заработки при эмиграціи.

На материкѣ Европы составляли себѣ не совсѣмъ вѣрное, а если хотите, то совсѣмъ невѣрное понятіе о положеніи рабочаго населенія въ Англіи. Англію считали страною пауперизма и бѣдствующаго сельскаго пролетаріата, но при сравненіи съ континентомъ Европы, это было совершенно невѣрно. Сельскій пролетаріатъ въ Англіи составлялъ пять или шесть процентовъ населенія страны (*), между тѣмъ, какъ на материкѣ Европы къ нему принадлежала бо́льшая половина народа; заработная плата англійскаго сельскаго рабочаго была значительно выше, чѣмъ на материкѣ, онъ ѣлъ лучше, одѣвался лучше и жилъ въ лучшихъ помѣщеніяхъ. Мелкаго землевладѣнія тамъ не было, но за то-же англійскій фермеръ пользовался значительно большимъ благосостояніемъ, чѣмъ мелкій собственникъ материка. Въ Англіи городской пролетарій, прислуга, войско — жили гораздо лучше, чѣмъ на материкѣ и могли дѣлать такія сбереженія, о которыхъ рабочій материка не могъ и подумать. Сравнивая правящіе классы въ Англіи съ господствовавшими на материкѣ и про нихъ можно сказать, что они стояли на болѣе высокомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ; но если сравнить съ тѣмъ, чѣмъ они должны-бы были быть, чтобы удовлетворять требованіямъ времени, то про нихъ можно сказать очень мало хорошаго. Сравнительное благосостояніе рабочаго населенія и процвѣтаніе умственной жизни они вынуждены были допускать вслѣдствіе укоренившагося въ Англіи взгляда на свободу прессы и собраній, но за тѣмъ они дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, чтобы исказить идеи, создаваемыя интеллигенціей и деморализовать ее.

На писателей, творцовъ идей они смотрѣли съ презрѣніемъ и ненавистью, въ свой кругъ они ихъ не пускали и всячески старались умалить ихъ вліяніе. Они мѣшали развитію народнаго

(*) Съ женами и дѣтьми — десять.

образованія и этимъ уменьшали число читателей; высшее образованіе стоило крайне дорого и было доступно только узкому кругу, проникнутому предразсудками господствующей касты. Къ людямъ, не раздѣлявшимъ этихъ предразсудковъ, относились съ неумолимой враждебностью, хотя и не преслѣдовали ихъ тюрьмами и ссылками. Все таки Англія того времени создала два великихъ ума, Овена и Бентама. Противъ Овена ничего нельзя сказать, — онъ эманципировался вполнѣ, но за то-же онъ былъ вполнѣ парализованъ враждебнымъ отношеніемъ къ нему общества. Высокая степень узкаго эгоизма, которая была распространена имущимъ классомъ въ народной массѣ, характеризуется тѣмъ, что Овену не удалось даже создать въ Нью-Ланаркѣ фабрику, основанную на ассоціаціонныхъ началахъ, она осталась фабрикой, управляемой гуманнымъ фабрикантомъ и не болѣе, фабрикантомъ, который въ окончательномъ результатѣ потерпѣлъ фіаско. Бентамъ, какъ мы видѣли, былъ уже сильно зараженъ и деморализованъ безнравственными инстинктами имущаго класса, и все таки этотъ классъ до того единодушно возненавидѣлъ тѣнь порядочности, сохранившуюся въ великомъ писателѣ, что онъ въ Англіи пользовался весьма малымъ вліяніемъ и жилъ особнякомъ; его книги расходились въ Испаніи и въ Америкѣ въ большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ въ Англіи.

Англійскій имущій классъ можно характеризовать такъ: то были хищники, съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣвшіе выставлять себя защитниками собственности. Наполеонъ обиралъ общинныя земли и дѣлалъ ихъ государственными; свой грабежъ онъ совершалъ грубо и нагло, какъ разбойничій атаманъ, который беретъ себѣ общественное достояніе, потому что имѣетъ для этого достаточно дерзости и силы. Англійскій имущій классъ дѣлилъ между собою общественныя земли, какъ шайка разбойниковъ дѣлитъ награбленную добычу, и понемногу одна шестая часть всей англійской земли перешла такимъ образомъ въ его руки. Дѣлалось это не такъ просто, какъ у Наполеона, а съ помощью особой теоріи, которая распространилась по всему цивилизованному міру и доказывала, что имущество гораздо производительнѣе въ частныхъ, чѣмъ въ общественныхъ рукахъ. Англійская общественная жизнь ростила въ душахъ людей идею общественнаго блага, а англійскій имущій классъ своими теоріями и своимъ

грабительствомъ стремился уничтожить ее до тла. Отъ общественныхъ земель онъ переходилъ къ частнымъ и поглощалъ ихъ, какъ змѣя цыпленка, уже безъ всякихъ теорій. Затѣмъ онъ создалъ глубокомысленное ученіе, что къ власти нужно стремиться для того, чтобы ее эксплуатировать, и что въ свободныхъ государствахъ люди дѣлятся на партіи съ тѣмъ, чтобы каждая партія, забравъ въ руки власть, оставляла въ сторонѣ общественное благо и пользовалась ею для личныхъ, узкихъ и эгоистическихъ цѣлей. Такой образъ дѣйствія былъ единственно достойнымъ, по ея мнѣнію, солиднаго и практическаго ума, а стремленіе къ общественному благу было сантиментальностью, легкомысліемъ и фантазерствомъ.

Подѣливъ между собою земли и утвердивъ порядки, при которыхъ онѣ не могли ускользнуть изъ ихъ рукъ и достаться людямъ болѣе способнымъ къ ихъ эксплуатаціи, они до того уменьшили производительность этихъ земель, что могли выжимать изъ англійскаго населенія громадныя деньги самыми высокими цѣнами на сельскохозяйственные продукты, какія существовали на земномъ шарѣ. Ученіе овеновской школы о тѣхъ пріемахъ сельскохозяйственной производительности, при которыхъ англійская земля могла-бы содержать вдвое болѣе густое населеніе безъ помощи внѣшняго ввоза, замалчивалось самымъ усерднымъ образомъ, жило только въ низкихъ сферахъ рабочаго населенія и примѣнялось на практикѣ смѣтливыми и бѣдными людьми въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда имъ удавалось пріобрѣсти въ собственность клочекъ земли величиною съ десятину или съ поль-десятины. Не довольствуясь той стачкой, которая давала аристократіи возможность грабить народъ посредствомъ неслыханныхъ рыночныхъ цѣнъ, аристократія задумала усилить прессъ посредствомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ на сельскохозяйственныя произведенія. Тутъ только народъ возопіялъ и началась борьба изъ-за хлѣбныхъ законовъ. Борьба эта надѣлала много шуму, но рядомъ съ нею безъ всякаго шуму производилось разграбленіе общественнаго достоянія несравненно болѣе основательное, чѣмъ расхищеніе общественныхъ земель и искусственное возвышеніе цѣнъ на сельскохозяйственныя произведенія. Земля доставалась меньшинству землевладѣльцевъ, т. е. старшимъ въ семействѣ, но большинство, т. е. младшія дѣти, воспитывалось въ тѣхъ-же привычкахъ роскоши, какъ и ихъ привиллегированные братья. Чтобы имъ обезпе-

чить удовлетвореніе ихъ безмѣрныхъ потребностей, имущему классу оставалось одно: пользуясь своей политической властью, грабить общественный сундукъ на законномъ основаніи безъ оглядки и зазрѣнія совѣсти.

Таково было положеніе Англіи, но оно сравнительно было счастливое и привиллегированное. Въ подвластныхъ земляхъ господствовало зло, котораго пагубное дѣйствіе во много разъ превосходило то, чему подвергался англійскій народъ. Англійскій имущій классъ всею силою своей политической власти уничтожалъ промышленность всѣхъ подвластныхъ ему странъ. Наиболѣе сильное сопротивленіе этому гнету оказывали Шотландія и англійскія колоніи, населенныя европейцами. Однако-же, въ Шотландіи давленіе было достаточно, чтобы сдѣлать меньшее благосостояніе страны по сравненію съ Англіей довольно замѣтнымъ. Англичане называли Шотландію, подобно материку Европы, страною санкюлотизма и отсутствія бѣлья, угломъ босыхъ ногъ. Памятуя участь англійскаго деспотизма въ Америкѣ, англійскій правящій классъ относился очень осторожно къ колоніямъ; все таки онъ успѣлъ всучить имъ многое, что называлъ истинно англійскими идеями; въ Канадѣ онъ поддерживалъ средневѣковые порядки, а въ Австраліи развилъ между скватерами такое чудовищное разграбленіе земли, что только три или четыре процента находились въ мелкомъ, а девяносто шесть въ крупномъ землевладѣніи. Условія сельскохозяйственной производительности были тамъ до того благопріятны, что, если-бы вся земля была подѣлена между мелкими хозяйствами, то каждый хозяинъ однимъ личнымъ трудомъ, безъ помощи наемнаго, могъ производить на три и четыре тысячи рублей продуктовъ въ годъ; Австралія и Новая Зеландія могли-бы представить изъ себя невиданное зрѣлище странъ, въ которыхъ все населеніе состоитъ изъ образованныхъ людей. Англійское-же господство распространяло тамъ одичавшихъ пастуховъ пролетаріевъ и разбойниковъ неслыханной дерзости.

Несравненно плачевнѣе было состояніе Ирландіи. Правящій классъ сосредоточилъ тамъ земли въ немногихъ рукахъ и убилъ промышленность. Все густое населеніе страны должно было обратиться къ сельскохозяйственному производству, конкуренція подняла ренту и цѣну земли на чудовищную высоту, десятина стоила три тысячи рублей и болѣе. Въ добавокъ ко всему ввозъ ирланд-

скихъ произведеній въ Англію былъ стѣсненъ, и къ населенію относились во всѣхъ отношеніяхъ суровѣе, чѣмъ къ англійскому. Образованіе было въ немъ менѣе распространено, помощь бѣднымъ сравнительно ничтожна. Сельскохозяйственная производительность находилась въ самыхъ уродливыхъ условіяхъ. Такъ какъ вся масса населенія должна была заниматься сельскимъ хозяйствомъ за отсутствіемъ промышленности, то земля была раздѣлена между нимъ на клочки ничтожной величины, на которыхъ возможно было только самое интенсивное хозяйство; а для интенсивнаго хозяйства не было необходимыхъ условій за отсутствіемъ богатаго городскаго и промышленнаго населенія, которое потребляло-бы много мяса и дорогихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Населенію приходилось работать безъ всякой надежды воспользоваться плодами своихъ трудовъ; землевладѣльцы брали съ него не только чудовищную ренту, но отрицали его право собственности на созданныя имъ богатства т. е. прямо грабили его. Богатая земля зеленаго Ерина стала бѣдною и тощею землею, давала самые невѣрные урожаи и порождала чудовищные голодовки. Народъ безъ оглядки бѣжалъ изъ страны, ни откуда въ свѣтѣ не было такихъ массовыхъ переселеній, какъ изъ Ирландіи.

Голодные ирландскіе рабочіе запружали собою англійскіе рынки и своею конкуренціею уменьшали заработную плату англійскаго рабочаго, по крайней мѣрѣ, на половину. Не смотря на свободу рѣчи и собраній, англійское населеніе удерживалось все таки въ такомъ невѣжествѣ, что оно за гибельную для него конкуренцію обвиняло несчастныхъ ирландцевъ, а не свой имущій классъ. При естественныхъ условіяхъ фабрики должны были возникать въ Ирландіи, а не въ Англіи, гдѣ заработная плата была выше и шансы менѣе благопріятны, но англійская буржуазія съумѣла дать дѣлу другой оборотъ. Если гнетъ государей возростилъ на материкѣ Европы идею революціи, то гнетъ англійскаго имущаго класса возростилъ въ Ирландіи идею политическаго убійства. Тайное убійство сдѣлалось для Ирландіи единственнымъ средствомъ защиты. Эти два рода деморализаціи людей стали болѣзнью XIXго вѣка вслѣдствіе безнравственныхъ идей, распространяемыхъ въ обществѣ неограниченными и буржуазными монархіями.

Еще хуже, чѣмъ Ирландія, управлялась Индія. Здравый государственный смыслъ долженъ былъ-бы внушить государственнымъ

людямъ Англіи идею управлять этой страной въ собственномъ ея интересѣ. Болѣе двухсотъ, почти триста мильоновъ трудолюбиваго, умѣлаго и способнаго населенія, котораго дѣятельность была-бы оживлена изобрѣтеніями европейской науки, могли-бы создать такое богатое и могущественное государство, что при его роскошной и богатой природѣ оно вмѣстѣ съ Англіею могло одно превзойти всю Европу вмѣстѣ взятую богатствомъ, просвѣщеніемъ и силою. Но у государственныхъ людей Англіи государственнаго смысла никогда не бывало, они обладали только низшею изъ человѣческихъ способностей — лукавствомъ и смѣтливостью. Въ Индіи англичане являлись такими-же деспотами, какъ неограниченные государи въ Европѣ; кромѣ самодурства и хищничества въ ихъ системѣ не было ровно ничего. Чтобы сдѣлать гнетъ свой болѣе успѣшнымъ, они обобрали у индѣйскаго народа землю и роздали ее мѣстнымъ пьявкамъ, бывшимъ сборщикамъ податей; лишивъ такимъ образомъ народъ всякаго имущества, они все таки облагали его непосильными налогами и поборы эти взыскивали съ помощью пытокъ и истязаній. Если Аурензебъ и Тамерланъ прибѣгали къ подобнымъ мѣрамъ, то это объясняется тѣмъ, что они были отъ рожденія разбойниками и ничѣмъ болѣе; англійскій же имущій классъ, поступая такимъ образомъ, доказалъ, что его нравственный уровень стоялъ нисколько не выше уровня среднеазіатскихъ грабителей. Сооруженія для искусственнаго орошенія они запускали и подобно Мехмету Али заставляли индѣйцевъ производить для вывоза ради оживленія своей торговли въ то время, когда въ странѣ не было хлѣба для прокормленія. Этимъ путемъ производились голодовки, отъ которыхъ умирали уже не тысячи, какъ въ Ирландіи, а мильоны. При густотѣ населенія, доходившей на огромныхъ пространствахъ до двадцати тысячъ на квадратную милю, развитіе промышленности составляло для Индіи предметъ первѣйшей необходимости. Условія для такого производства были благопріятнѣе, чѣмъ въ самой Англіи, такъ какъ страна сама могла производить матерьялъ, подлежащій обработкѣ. Если бы распространить въ Индіи созданное наукою техническое и механическое искусство, то индѣйцы сдѣлались бы богатѣйшимъ народомъ, который работалъ-бы самъ на себя; но англійскіе деспоты заботились только о томъ, чтобы жители Индіи не могли сдѣлаться для нихъ опасными конкурентами.

Сравните исторію Россіи и Индіи; индѣйцы были народомъ, славнымъ своей древней культурой, а русскіе были варварами и только; однако-же успѣхи, сдѣланные русскими въ наукѣ втеченіе XIXго вѣка, были гораздо значительнѣе успѣховъ, сдѣланныхъ индѣйцами. Между тѣмъ русскіе по большей части управлялись государями, которые относились къ просвѣщенію съ самой рѣшительной враждебностью, и прогрессъ былъ навязанъ имъ интеллигентными элементами въ народѣ; какъ-же велико было варварство англійскаго управленія, если его результаты были еще хуже, чѣмъ въ злополучной Россіи. Индѣйская заработная плата была такъ-же низка, какъ и русская, и народъ былъ такъ же бѣденъ, а между тѣмъ онъ могъ-бы быть богатѣйшимъ производителемъ, если бы англійскія знанія и англійское искусство оплодотворили его работу. Послѣ этого понятно, что англійскому народу оставалось одно: всѣми силами стремиться къ политической реформѣ; онъ и стремился къ ней. И все таки не онъ, а французскій народъ сталъ вторично во главѣ европейской мысли и европейской цивилизаціи.

Революція 1830 года оживила всю Европу, но она не поставила Францію выше Англіи, — это дѣло сдѣлали ея соціальныя ученія. До 1830 года, въ то время, когда европейскіе государи проповѣдывали абсолютизмъ и религіозное ханжество и стремились стереть съ лица земли цивилизацію, во Франціи создавались и распространялись ученія такъ называемой мирной демократіи. Они старались доказать, что современные общественные порядки, которые раздѣляютъ людей на имущихъ и не имущихъ, образованныхъ и необразованныхъ, одинаково уменьшаютъ счастье всего общества, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Не стройте дворцовъ для богатыхъ, говорили они, не создавайте частной роскоши; такое употребленіе труда не увеличиваетъ счастье даже для тѣхъ привиллегированныхъ, которымъ достаются всѣ эти сокровища; вмѣсто того, чтобы обезпечивать имъ безоблачное благополучіе, они развиваютъ въ нихъ кровожадность, жестокость, лѣнь и распутство; ихъ противоестественная безнравственность и безсмысленная гордость и жадность взращиваютъ въ нихъ ненависть къ людямъ и къ самимъ себѣ; борьба, которая ведется ими ради взаимнаго униженія, и разслабляющая страсть къ праздности, которая вноситъ въ ихъ времяпровожденіе глупость испорченныхъ

дѣтей, расплождаетъ столько-же злополучія въ ихъ собственной средѣ, какъ и въ средѣ угнетаемыхъ ими народовъ. Замѣните частную роскошь роскошью общественной. Живите всѣ сообща въ тѣхъ дворцахъ и роскошныхъ садахъ, которые вы создадите вашимъ трудомъ; вамъ стоитъ соединить ваши усилія, и вы всѣ будете жить во дворцахъ и въ той самой роскоши, которою окружены въ настоящее время только самые богатые люди, у васъ достаточно будетъ времени и для труда, и для наслажденія, ваше счастье будетъ безоблачнымъ, потому что никто не будетъ обездоленнымъ, а всѣ будутъ пользоваться одинаковымъ благополучіемъ.

Стоило сопоставить тѣ средства къ успѣшному производству, какія давались наукою, съ осуществленіемъ такого условія, при которомъ люди старались-бы обучать другъ друга наилучшимъ пріемамъ производительности вмѣсто того, чтобы скрывать ихъ другъ отъ друга изъ соперничества въ конкуренціи и съ цѣлью обогащенія, чтобы понять, что всѣ люди могли жить въ роскоши и въ благоденствіи, буквально во дворцахъ, пользоваться всѣми утонченными наслажденіями, доставляемыми просвѣщеніемъ и цивилизаціей. Когда европейцы открыли Мехику и Юкатанъ, они назвали общественные дома краснокожихъ дворцами Монтезумы. Краснокожіе жили во дворцахъ только потому, что вмѣсто деревни они строили одинъ общій домъ для всего населенія. Орудія труда у нихъ были самыя несовершенныя; стоитъ сравнить эти орудія съ созданными современной наукой, чтобы понять, какой высокой степенью утонченной роскоши могъ-бы пользоваться народъ, еслибы онъ былъ способенъ жить въ такихъ-же общихъ домахъ, въ какихъ жили краснокожіе. Если къ такой общей жизни были способны краснокожіе, которыхъ мы называемъ дикарями, то ясно, что для этого вовсе не требуется недостижимо высокой степени цивилизаціи. Отъ цивилизованныхъ европейцевъ можно было вполнѣ ожидать, что они пойдутъ гораздо далѣе, что они устранятъ всякую работу, необходимую для цѣлей безплоднаго взаимнаго истребленія, т. е. для войны, всякую работу, которая создаетъ предметы роскоши, недоступные общему пользованію.

Современный работникъ могъ сдѣлать въ день то, на что краснокожій долженъ былъ употреблять цѣлый годъ, и все таки онъ жилъ въ тѣсной конурѣ, а не въ дворцахъ Монтезумы. Глубокомысленные европейскіе ученые догадались возразить, что при жизни

сообща работникъ не имѣлъ бы стимула для труда, потому что работалъ бы на другихъ, а не на себя. На дѣлѣ должно было-бы выдти, однако-же, прямо противоположное: теперь работникъ работаетъ на другихъ, а тогда работалъ-бы на себя; все, что онъ сдѣлаетъ для улучшенія жизни въ общемъ домѣ, онъ сдѣлаетъ на столько-же для себя, на сколько и для другихъ. Теперь работникъ ненавидитъ свою работу, потому что работаетъ на эксплуататора, онъ старается работать какъ можно меньше и какъ можно хуже, лишь-бы обманомъ, хитростью и злокозненностью выжать какъ можно болѣе для себя, обездолить и сдѣлать другихъ возможно болѣе бѣдными. Все современное общество построено на нравственномъ принципѣ, по которому каждый старается работать какъ можно менѣе и какъ можно хуже. Фальсификація, обманъ, насиліе, стремленіе сдѣлать своего собрата возможно болѣе неумѣлымъ и невѣжественнымъ, господствуютъ всюду. Работникъ фальсифицируетъ, чтобы меньше работать и больше получить, капиталистъ, чтобы обманомъ нажиться, имѣющій власть насилуетъ и уничтожаетъ охоту къ труду, чтобы господствовать; всѣ плодятъ невѣжество, чтобы устранить конкурентовъ. Каждый старается создать роскошь и великолѣпіе для себя одного, но, такъ какъ они рвутъ куски другъ у друга изъ зубовъ, то эта эгоистическая роскошь выходитъ крайне жалкою. Разъ каждый старался-бы научить другого лучше работать съ тѣмъ, чтобы увеличить этимъ и свое, и общее благосостояніе, все населеніе могло-бы окружить себя роскошью, которая теперь считается царскою.

Конечно, создать въ настоящее время общество, которое бы само удовлетворяло всѣмъ своимъ потребностямъ, гораздо труднѣе, чѣмъ то было во времена дворцовъ Монтезумы. Тогда нѣсколько сотъ или тысячъ человѣкъ было достаточно для достиженія цѣли; у земледѣльцевъ привычка къ общей родовой жизни разрушалась потому, что достаточно было одного семейства для удовлетворенія всѣмъ своимъ потребностямъ; отдѣльная жизнь каждой семьи на томъ клочкѣ, который она обработывала или у того ручья, которымъ она орошала свои плантаціи, развивалась по мѣрѣ того, какъ люди дѣлились на хищниковъ, сплотившихся для господства, и тружениковъ, искусственно разъединяемыхъ. Въ настоящее время самоудовлетворяющееся общество должно было-бы разсѣяться чуть не по всему лицу земного шара и насчитывать сотни

тысячъ работниковъ, чтобы производить все, что ему нужно безъ потребности въ обмѣнѣ. Но усложненіе производства обусловливалось развитіемъ общества, а это самое развитіе увеличивало его способность къ сложной организаціи. Во всякомъ случаѣ, какъ-бы ни были велики затрудненія къ осуществленію плана общества, удовлетворяющаго потребностямъ своихъ членовъ общей работой и общей жизнью, планъ этотъ указывалъ на истинное направленіе дѣла, на направленіе, при которомъ уничтожались препятствія и къ умственному развитію населенія, и къ тому, чтобы оно вполнѣ могло воспользоваться плодами своихъ трудовъ; между тѣмъ, какъ направленіе европейскихъ государей прямо противодѣйствовало и тому, и другому. Важнѣе всего было то, что мирная демократія съ одинаковой энергіей протестовала противъ всякаго насилія, какъ военнаго, такъ и революціоннаго.

Государи и правители оправдывали свой варварскій образъ дѣйствія, свою вражду къ цивилизаціи и организаціи, свое противодѣйствіе всѣмъ требованіямъ времени, революціонными наклонностями въ народѣ; но мирная демократія боролась противъ этихъ наклонностей и относилась къ нимъ самымъ враждебнымъ образомъ. При этомъ она указывала на истинное направленіе, въ которомъ развитіе должно было идти; это давало ей возможность дѣйствовать убѣжденіемъ тамъ, гдѣ государи могли дѣйствовать только насиліемъ. Государи не только понимали, но преувеличивали препятствія къ осуществленію идеи мирной демократіи, заключавшіяся въ нравственномъ уровнѣ населенія. Поэтому, еслибы они были добросовѣстны, еслибы они дѣйствительно стремились къ благу народа, а не къ тому, чтобы надъ нимъ свирѣпствовать и тиранствовать, то они должны были-бы увидать въ мирной демократіи лучшую свою союзницу, они должны были-бы дать ей полный просторъ пропаганды и оказывать ей всякое покровительство. Они должны были-бы объявить право всякаго основывать подобныя общества, а самыя общества внѣгосударственными, находящимися подъ международнымъ покровительствомъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, иавсегда нейтральными, свободными отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ государству, на территоріи котораго они живутъ, и неприкосновенными въ военномъ отношеніи. Еслибы при такомъ покровительствѣ мирной демократіи и не удалось начать осуществленіе своего плана, то она во всякомъ случаѣ

сдѣлала-бы болѣе, чѣмъ кто-либо, для установленія правильнаго взгляда на дѣло,

При доброжелательномъ отношеніи къ идеямъ мирной демократіи непремѣнно явились-бы люди, которые поставили-бы дѣло на настоящую точку зрѣнія; они доказали-бы, что невозможность осуществленія организаціи съ самоудовлетворяющейся общей жизнью и общею работою зависитъ отъ непривычки современнаго человѣка сливать свое благо съ общимъ благомъ и отъ недостатка уживчивости; — и то, и другое свойство, какъ и вообще всякія свойства человѣка, къ которымъ онъ способенъ по своей природѣ, развиваются упражненіемъ и ослабляются противодѣйствующими имъ идеями. Поэтому единственный путь, которымъ народы могутъ подвинуться къ осуществленію главной своей цѣли, т. е. къ замѣнѣ вражды противъ просвѣщенія сочувствіемъ къ нему и къ тому, чтобы научныя изобрѣтенія давали имъ всю пользу, какую способны дать, заключается въ развитіи въ обществѣ миролюбія и организаціонной дѣятельности. Постоянно всѣми способами развиваемая въ народѣ привычка къ организаціонной дѣятельности составляетъ единственное дѣйствительное средство къ развитію сочувствія къ общему благу и къ просвѣщенію. Существованіе и развитіе власти монарховъ, религіи, бюрократіи, господства военнаго и имущаго класса неизбѣжно поддерживаетъ въ народахъ внутреннюю и внѣшнюю вражду, не только отсутствіе сочувствія, но и враждебное отношеніе и къ просвѣщенію, и къ общему благу. По отношенію къ этому злу даже революціонныя идеи являются прогрессомъ. Народъ только на столько и можетъ подвинуться по пути прогресса, на сколько онъ научится замѣнять эти враждебныя общему благу силы своей собственной дѣятельностью. Государи и высшіе классы думали, что они лучше сдѣлаютъ, если будутъ противодѣйствовать такому направленію развитія общества вмѣсто того, чтобы содѣйствовать, но въ этомъ они жестоко ошибались. Истинный ихъ интересъ заключался въ томъ, чтобы въ народѣ все болѣе укоренялось убѣжденіе, что удовлетвореніе потребностямъ времени можетъ осуществиться только при крайнемъ развитіи въ народѣ миролюбія. Тогда государи и высшіе классы могли-бы сообща съ народомъ работать надъ разрѣшеніемъ задачи, и, конечно, всѣ въ одинаковой степени выиграли-бы отъ этого. Государи и высшіе классы развивали-бы при этомъ въ себѣ лучшія свойства человѣка

вмѣсто болѣзненнаго властолюбія и безмѣрной жадности. У императора Александра I подъ конецъ жизни властолюбіе развилось до того, что о желаніяхъ его подданныхъ ему могли говорить только иностранцы; выслушивая ихъ, онъ блѣднѣлъ и краснѣлъ отъ волненія. Изъ такого болѣзненнаго развитія уродливостей характера могла произойти только одна борьба на жизнь и смерть между государями, высшими классами и народами. Ученія мирной демократіи вмѣсто того, чтобы распространять истину, т. е. убѣжденіе, что требованія времени могутъ быть удовлетворены только мирнымъ путемъ, попали въ руки революціонеровъ и сдѣлались могучими орудіями борьбы съ государями и высшими классами. Всѣ, каждый въ свою очередь, дѣлались жертвами этой борьбы и жестоко возненавидѣли именно то, что имъ слѣдовало полюбить; для удовлетворенія требованіямъ времени воздвигались неодолимыя препятствія, XIXый вѣкъ сдѣлался вѣкомъ неудавшихся стремленій и кровавыхъ расправъ, при чемъ прежде всего и болѣе всего умножались однѣ военныя тягости.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Соединенные Штаты Америки. Демократическое управленіе требуетъ извѣстнаго нравственнаго уровня. Чѣмъ отличается первая треть XIXго вѣка отъ второй.

Уже давно было замѣчено, что для того, чтобы люди серьезно думали о чемъ-нибудь и развивались въ какомъ-нибудь отношеніи, у нихъ должна быть для этого практическая цѣль. Въ дѣлѣ общественнаго интереса на материкѣ Европы господствовала анархія мысли, потому что никто не имѣлъ практической причины серьезно выяснять истину, всякій думалъ объ немъ случайно, слѣдуя своимъ капризамъ и фантазіямъ. Въ Англіи мышленіе народа объ общественномъ интересѣ втиснуто было въ тѣсныя рамки; народъ могъ выражать свои потребности съ разсчетомъ на успѣхъ только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ имъ могъ сочувствовать парламентъ, а парламентъ ограничивался интересами лордовъ и короля. Для государственныхъ людей материка интересъ народа былъ такимъ же интересомъ, какъ фи-

лантропія для богатыхъ дамъ; они отказывались отъ него при малѣйшемъ препятствіи. Народъ материка не былъ еще ребенкомъ, способнымъ кричать и тѣмъ обращать вниманіе матери на свои страданія; англійскій народъ уже былъ такимъ ребенкомъ. Американскій народъ ушелъ далѣе, онъ не только могъ кричать, но имѣлъ власть принудить выполнять свою волю. Практическій интересъ побуждалъ народъ къ серьезному обсужденію вопроса о сліяніи блага каждаго отдѣльнаго лица съ общимъ благомъ. Каждый могъ своимъ голосомъ направлять общественную силу въ своемъ интересѣ, но онъ могъ сдѣлать это только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы согласовать свой личный интересъ съ общественнымъ благомъ. Чтобы помочь необразованному народу въ дѣлѣ согласованія частной идеи каждаго съ общей идеей, чтобы расширить его кругозоръ и превратить идейную анархію въ стройное общее мышленіе, существовали политическіе дѣятели. Не было страны, гдѣ бы политическія партіи были такъ хорошо организованы, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ то время, какъ одни старались прислужиться сильнымъ и богатымъ, придавая колоритъ общаго блага ихъ частному интересу, находились другіе, которые старались вразумить народъ на счетъ истиннаго пути сліянія частнаго и общаго блага. Весьма не рѣдко случалось, что богатые люди истрачивали при выборахъ огромныя суммы, чтобы соблазнить народъ и заставить его идти по ложному пути, а большинство возвышало человѣка, не имѣющаго ничего, кромѣ здравой головы и честнаго сердца; — побѣда ему почти ничего не стоила, да и не могла стоить, потому что онъ ничего не имѣлъ. Возможность достигнуть высокаго положенія, разъясняя народу его интересъ, вызвала страсть говорить и страсть слушать; во всѣхъ углахъ страны произносилось постоянно безчисленное множество политическихъ рѣчей, проповѣдей, лекцій; брошюры и газетные листы разсыпались повсюду и за деньги, и даромъ. Походные и постоянные ораторы, походные и постоянные проповѣдники, походныя и постоянныя типографіи дѣйствовали повсемѣстно съ неслыханной дотолѣ ревностью. Рядомъ съ обществами для политической и религіозной пропаганды создавались общества уже прямо съ единственною цѣлью распространенія знанія; умъ народа возбуждался къ дѣятельности самымъ разнообразнымъ образомъ и со всѣхъ сторонъ, и это возбужденіе существенно от-

разилось на главномъ его интересѣ — на стремленіи къ увеличенію его благосостоянія и къ возвышенію его заработной платы. Во взглядахъ своихъ на свой интересъ онъ исходилъ изъ тѣхъ же самыхъ точекъ зрѣнія, изъ которыхъ онъ привыкъ исходить въ метрополіи, откуда переселился. Экономическій гнетъ, который онъ испытывалъ въ метрополіи отъ властедержителей и имущаго класса, заставлялъ его прежде всего и болѣе всего стремиться къ экономической независимости, за тѣмъ къ высоко вознаграждаемому труду, достигаемому путемъ искусной работы. Пониманіе связи между искусной работой и возвышеніемъ заработной платы отличало его отъ народныхъ массъ прежняго времени; онъ сталъ народомъ прогрессивнымъ. Возбужденіе мысли возбуждало въ немъ предпріимчивость, а для умѣлой предпріимчивости у него открывалось обширнѣйшее поле дѣятельности. Даже вблизи атлантическаго океана было много свободной и плодоносной земли; далѣе на западъ ея количество было необъятно. Въ 1790 году территорія Соединенныхъ Штатовъ обнимала громадное пространство въ 312,000 кв. м. при 3,000,000 населенія, а къ 1830-му году сюда присовокупилось еще 1,630,000 кв. м. Американскому рабочему представлялась полная возможность осуществить идеалъ своего стремленія къ экономической независимости. При этомъ онъ развивалъ столько-же смѣлости, сколько выносливости, трудолюбія и умѣлости. Удаляясь въ пустыню, онъ могъ втеченіе своей жизни своими руками и своимъ трудомъ, съ однимъ своимъ семействомъ, безъ помощи найма создать капиталъ тысячъ въ тридцать рублей и даже болѣе въ видѣ скота, пасущагося на поляхъ круглый годъ, и въ формѣ разныхъ плантацій. Такія переселенія народа массами на западъ приносили рабочему классу неоцѣнимую пользу. Они не только дѣлали народъ экономически независимымъ, но создавали въ его лицѣ значительную покупную силу. Рабочіе, остававшіеся въ промышленныхъ центрахъ, могли чрезъ это получать дотолѣ неслыханную заработную плату, которая сверхъ того постоянно возвышалась. Но дѣло имѣло и оборотную сторону. Стремясь къ экономической независимости, скватеръ, поселявшійся на новой землѣ, приносилъ туда изъ Европы глубоко укоренившуюся въ немъ страсть къ пріобрѣтенію собственности. Страсть эта получила сильную поддержку въ условіяхъ его новой жизни. Въ такихъ условіяхъ, въ какихъ находи-

лась необитаемая Америка, трудъ и усовершенствованныя орудія труда имѣютъ огромное значеніе, а земля почти никакого; даже и тамъ, гдѣ земли общественныя, напр. въ Сибири, рабочій народъ весьма равнодушно смотритъ на захваты земли и обращеніе ея въ частную собственность. Кромѣ того по своему положенію и по роду своего хозяйства скватеры имѣли несравненно болѣе побужденій для удовлетворенія своей жажды къ собственности, чѣмъ къ введенію въ формы землевладѣнія какихъ-нибудь общественныхъ началъ. Собственность служила значительнымъ облегченіемъ для дѣла переселенія. Скватеръ переселялся въ новый и невоздѣланный край, но все таки въ такой, гдѣ земля уже была занята; чтобы ее закрѣпить за собою, онъ долженъ былъ ее пріобрѣсти либо у дикаря, либо у прежняго владѣльца креола, испанца и т. д. Чаще всего онъ пріобрѣталъ ее у государства въ то время, когда индѣецъ и осѣдлый креолъ считали ее неотъемлемой своей принадлежностью. Пріобрѣтеніе земли было, разумѣется, самое малое, главное составляли лишенія и рискъ, съ которыми сопряжено было созданіе своего благосостоянія. Скватеръ часто годы жилъ даже не въ землянкѣ, а подъ открытымъ навѣсомъ, огражденнымъ отъ вѣтровъ только съ трехъ сторонъ. Когда онъ послѣ многихъ лѣтъ борьбы и мученій въ старости богатѣлъ, онъ считалъ собственность свою вполнѣ заслуженнымъ вознагражденіемъ за свой трудъ и за свои лишенія. Онъ поощрялъ дѣтей своихъ слѣдовать своему примѣру, они продавали оставленное имъ наслѣдство и шли далѣе на западъ съ надеждой сдѣлаться еще болѣе богатыми, чѣмъ ихъ отецъ. Превращеніе земли въ капиталъ съ увеличеніемъ густоты населенія казалось лучшимъ средствомъ для облегченія переселеній. Такимъ образомъ, въ народныхъ массахъ развивалась неудержимая страсть къ пріобрѣтенію богатства. Рядомъ съ ними существовало индѣйское населеніе, гдѣ господствовали коммунистическія начала, но они могли внушать имъ одно глубокое презрѣніе. Сами индѣйцы составляли въ ихъ глазахъ низшую рассу, а ихъ коммунизмъ еще во время испанскихъ завоеваній перешелъ въ безграничный деспотизмъ. Стоитъ взглянуть на архитектуру дворцовъ Монтезумы, чтобы убѣдиться, что въ нихъ господствовало полное равенство, всѣ залы для общей жизни мужчинъ и всѣ комнаты для отдѣльной жизни женщинъ были равной величины. Европейскія завоеванія поста-

вили индѣйцевъ въ отчаянное положеніе, они погибали, они могли защищаться только подъ условіемъ дисциплины, доведенной до крайности, и безграничной власти начальниковъ. Для покорившихся эта власть искусственно поддерживалась испанскимъ духовенствомъ ради всеобщаго порабощенія. Начальники распоряжались и людьми, и имуществомъ, какъ хотѣли, и, разумѣется, давали полный просторъ своимъ страстямъ и своему сластолюбію. Такой коммунизмъ могъ нравиться только іезуитамъ и испанскимъ патерамъ, народу Соединенныхъ Штатовъ онъ внушалъ къ себѣ ненависть. Онъ съ восторгомъ предпочиталъ собственность, но страсть къ богатству извратила все. Онъ не признавалъ правъ ни за индѣйцами, ни за креолами и подъ охраною своихъ законовъ и своихъ судей производилъ захваты замли, которые были въ глазахъ индѣйцевъ и креоловъ разбоемъ и грабежомъ. Жажда собственности и богатства родила идею борьбы за существованіе. Какъ вездѣ, имущій классъ признавалъ собственность только за собою, а не за своими врагами; грабить своихъ враговъ значило насаждать культуру и просвѣщеніе. Американцы и не думали о томъ, въ какое они попадали рѣзкое и гибельное противорѣчіе съ самими собою. Съ одной стороны страсть къ богатству развивала въ нихъ безмѣрную притязательность, а съ другой — ихъ политическое устройство давало каждому гражданину такую силу сопротивленія, о которой въ Европѣ не было и помину. Чѣмъ глубже мы проникаемся идеей о благодѣтельности такой организаціи, при которой человѣкъ можетъ не только кричать о своей нуждѣ, но можетъ заставить общество чувствовать и страшиться ее; чѣмъ яснѣе мы будемъ понимать, что прогрессъ лежитъ въ направленіи къ развитію такого общественнаго устройства, тѣмъ болѣе мы убѣдимся, что такое развитіе неизбѣжно должно сопровождаться нравственнымъ настроеніемъ, гдѣ изобрѣтеніе рѣчи, отличившее человѣка отъ животныхъ, выполняло-бы истинное свое назначеніе, при которомъ крикъ человѣка о своей нуждѣ вызывалъ-бы въ обществѣ такое-же чувство, какъ боль въ организмѣ, т. е. сочувственное стремленіе устранить его причину, а не враждебное отношеніе къ кричащему и желаніе его принудить къ молчанію. Страсти американцевъ, ихъ понятіе о счастьѣ, ихъ стремленія на столько противорѣчили ихъ общественнымъ учрежденіямъ, что либо ихъ настроеніе должно было измѣниться, либо

ихъ учрежденія должны были начать давать гибельныя послѣдствія. Рабочій американецъ на сѣверѣ богатѣлъ посредствомъ захватовъ замли, которые порождали смертельную ненависть между нимъ, индѣйцемъ и креоломъ; расширившись на землѣ онъ старался увеличить свой доходъ посредствомъ наемнаго труда переселенцевъ, ирландцевъ, нѣмцевъ и т. д., которыхъ онъ презиралъ, а его братъ, пролетарій Нью-Іорка, Филадельфіи и Массачуссета ненавидѣлъ. На югѣ плантаторъ захватывалъ землю и ненавидѣлъ первоначальныхъ ея владѣльцевъ такою-же ненавистью, какъ и сѣверянинъ, для работы-же употреблялъ невольниковъ негровъ. Рабочій-собственникъ запада, привыкшій смотрѣть на людей другой крови и другой кожи, какъ на существа, достойныя только презрѣнія и ненависти, спокойно смотрѣлъ на рабовладѣніе плантатора. Самъ снѣдаемый страстью къ захватамъ, онъ поощрялъ въ плантаторѣ его хищническіе и рабовладѣльческіе инстинкты; пролетарій сѣвера, который видѣлъ въ негрѣ еще худшаго конкурента, чѣмъ въ ирландцѣ, раздѣлялъ грубыя чувства его западнаго собрата; они сошлись на общемъ чувствѣ національной ненависти и ненависти къ буржуазіи; плантаторъ сдѣлался руководителемъ тори-демократической партіи. Этому собрату по оружію всего болѣе послужила на пользу сила сопротивленія, даваемая демократическимъ управленіемъ каждому гражданину. Опираясь на народную массу, онъ отстаивалъ себя и свои пороки съ упрямствомъ и заносчивостью сознанія своей силы, между тѣмъ, какъ его взгляды и чувства были гибельны для демократическаго режима. Онъ обладалъ въ высшей степени всѣми инстинктами деспота и европейскаго неограниченнаго монарха; онъ презиралъ и ненавидѣлъ не только своихъ рабовъ, но всѣхъ, кромѣ рабовладѣльцевъ; на югѣ бѣлые, не имѣвшіе рабовъ, и въ особенности тѣ, которые жили трудомъ своихъ рукъ, презирались на столько-же, какъ и рабы. Плантаторъ ненавидѣлъ просвѣщеніе, ненавидѣлъ трудъ, ненавидѣлъ конституціонныя учрежденія, стремился къ установленію произвола и деспотизма съ такимъ-же инстинктивнымъ чутьемъ, съ какимъ ко всему этому стремилось духовенство; онъ глубоко презиралъ тѣхъ сѣверныхъ демократовъ, для которыхъ служилъ руководителемъ. Американцы сѣвера считали существованіе рабства великимъ позоромъ для своей, будто-бы, свободной демократіи, но сила сопротивленія

плантаторовъ и нравственное настроенiе, которое господствовало въ народѣ, создавали неодолимое препятствiе къ его постепенному уничтоженiю. Мѣры, которыя принимались съ этой цѣлью, были ничтожны по своимъ послѣдствiямъ. Рабство не только не уменьшалось, но сильно развивалось; плантаторы стремились давать ему все болѣе широкое распространенiе.

Къ этому присовокупилась еще одна злополучная комбинацiя. Плантаторы руководили демократической партiей, къ которой принадлежали мелкiе собственники запада и интеллигентные рабочiе большихъ городовъ; — они ненавидѣли негровъ, индѣйцевъ, креоловъ и всѣхъ переселенцевъ, склонныхъ работать за низкую плату. Другой, великой виго-республиканской партiей руководила буржуазiя; она являлась покровительницей всѣхъ тѣхъ, кого ненавидѣли демократы: негровъ, креоловъ, ирландцевъ и переселенцевъ, но она покровительствовала имъ не въ качествѣ угнетеннаго населенiя, а въ качествѣ людей дешеваго труда, орудiй пониженiя заработной платы. Хотя она и выставляла себя покровительницей народнаго просвѣщенiя, но эта роль была ей мало къ лицу. Вѣдь одно невѣжество заставляло переселенцевъ брать низкую заработную плату, и это невѣжество было для нея выгодно. Буржуазiя, рабовладѣльцы и духовенство могли легко сойтись на идеѣ порабощенiя народа, поддерживая въ немъ невѣжество. Такимъ образомъ подготовлялась почва, на которой можно было насаждать деспотическiя и англо-европейскiя учрежденiя. Развитiе демократическихъ учрежденiй могла бы спасти та связь между интеллигенцiей и народомъ, зачатки которой созданы были отцами федеративной демократiи. Но для этого пресса должна была-бы создать силу общественнаго мнѣнiя, которая господствовала бы и надъ плантаторами, и надъ буржуазiей. Она должна была бы установить въ народѣ такой же правильный взглядъ на значенiе богатства и религiи, какой установленъ былъ на значенiе политической власти.

Нельзя сказать, чтобы интеллигенцiя ничего не дѣлала для предупрежденiя опасности, грозившей демократiи отъ преклоненiя передъ богатствомъ и передъ религiей. Стоитъ вспомнить постепенное развитiе радикализма, вслѣдствiе котораго изъ числа отцовъ республики первымъ президентомъ былъ консерваторъ Вашингтонъ, а третьимъ — радикалъ Джеферсонъ. Народовластiе пускало вс

болѣе глубокіе корни, и практика въ этомъ отношеніи шла далѣе предписаній закона. Властолюбію духовенства нанесенъ былъ рѣшительный ударъ отдѣленіемъ церкви отъ государства и устраненіемъ его вліянія на школу. Пониманіе опасности отъ богатства обнаружилось въ борьбѣ противъ сосредоточенія банковыхъ операцій въ одномъ центральномъ учрежденіи. Но всего этого было слишкомъ недостаточно. Интеллигенція должна была-бы разъяснить народу корень зла; она должна была-бы показать рабочимъ всю ложность и опасность того чувства, которое заставляло ихъ презирать и ненавидѣть слабыхъ своихъ конкурентовъ: негровъ, креоловъ, переселенцевъ, и во имя этого презрѣнія отдавать ихъ въ руки плантаторамъ и буржуазіи. Она должна была-бы показать имъ, что, поступая такимъ образомъ, они ухудшали свое дѣло, вмѣсто того чтобы его улучшать, и даже подготовляли для себя великую опасность. Она должна была-бы показать имъ коренной источникъ ихъ зловредныхъ чувствъ и ихъ опаснаго образа дѣйствія, — онъ заключался въ религіи и въ ихъ ложномъ воззрѣніи на богатство, какъ на идеалъ счастья. Вмѣсто того, чтобы раболѣпно преклоняться передъ лживо измышленнымъ богомъ и передъ богатыми людьми, они должны были-бы всѣ свои чувства симпатіи сосредоточить на своихъ несчастныхъ братьяхъ; вмѣсто обожанія величія они должны были-бы считать наиболѣе святымъ и возвышеннымъ своимъ чувствомъ симпатію къ ближнему. Тогда бы они поняли, что презирать и ненавидѣть бѣднаго работника значитъ увѣковѣчивать то зло, противъ котораго они боролись. Презрѣніе держитъ человѣка въ грязномъ тѣлѣ, а грязное тѣло порождаетъ лѣнь, безпечность, пьянство и низкую заработную плату.

Интеллигенція не умѣла указать народу истинный путь, которому онъ долженъ былъ слѣдовать; она не сумѣла создать изъ него одно цѣлое, олицетворяющее собою общественное мнѣніе, — цѣлое, которое царило-бы надъ буржуазіей и плантаторами, а не подчинялось ихъ руководству; она сама преклонялась передъ идеями религіи и богатыхъ людей, — и вслѣдствіе такого непониманія своего призванія она утратила свое значеніе. Люди прессы вмѣсто уваженія стали пользоваться презрѣніемъ; государственные люди и политики презирали ихъ такъ же, какъ интеллигентные рабочіе презирали негровъ и переселенцевъ, и не пускали

ихъ въ свой кругъ. Подъ вліяніемъ плантаторовъ, буржуазіи и духовенства сфера политиковъ и государственныхъ людей постепенно деморализовалась. Еще въ началѣ XIXго вѣка единство дѣйствія сохранялось между основателями республики, и они продолжали стоять во главѣ прессы и интеллигенціи. Крайній централизаторъ Гамильтонъ своимъ вліяніемъ на федералистовъ Нью-Іорка способствовалъ избранію крайняго децентрализатора Джеферсона, главы той республиканской партіи, которая впослѣдствіи называлась демократической. Тогда не только понималась необходимость единства дѣйствія, но и не совмѣстимость демократическихъ учрежденій съ господствомъ въ странѣ богатыхъ людей и духовенства, противорѣчіе между любовью къ этимъ учрежденіямъ и страстью къ обогащенію. Тогда понимали, что развитіе демократическихъ учрежденій должно было идти объ руку съ развитіемъ простоты нравовъ и интеллигентности народа. Это пониманіе выразилось переходомъ отъ Вашингтона къ Джеферсону. Вашингтонъ былъ религіозенъ, любилъ пышность, выѣзды на шестеркѣ лошадей съ многочисленной свитой, а Джеферсонъ былъ атеистъ, ѣздилъ верхомъ и самъ привязывалъ свою лошадь къ столбу, когда заходилъ въ представительное собраніе по дѣламъ. Между тѣмъ Джеферсонъ руководилъ именно той партіей, которая впослѣдствіи попала въ лапы плантаторовъ, проповѣдниковъ дворянскаго чванства. Путь къ водворенію простоты нравовъ, всеобщаго благосостоянія и отсутствія богатства, работы народа на себя, а не на богатыхъ и сильныхъ, понимался тогда еще весьма смутно, но можно было ожидать, что это смутное пониманіе превратится въ ясное сознаніе и выразится въ соціально-политическихъ учрежденіяхъ. Оказалось, однако, что зачатокъ великихъ мыслей быстро исчезъ съ водвореніемъ господства плантаторовъ и буржуазіи. Господа народа Соединенныхъ Штатовъ раздѣлились на двѣ партіи и грызлись между собою изъ-за власти, какъ деспоты грызутся повсемѣстно. Администраторы, законодатели, политическіе дѣятели и военные начальники не только не шли по стопамъ Джеферсона, но заразились отъ плантаторовъ и буржуазіи и ихъ страстями и ихъ инстинктами. Жажда обогащенія овладѣла ими; они стали злоупотреблять своею властью и сдѣлались взяточниками.

Мы теперь покончили съ первой третью XIXго вѣка. XV и XVI вѣкъ были временемъ господства религіознаго энтузіазма и

религіозной борьбы. Ихъ религіозный энтузіазмъ отличался своей безплодностью въ сферѣ развитія идеи нравственности. Христіанская религіозная нравственность стояла на той-же точкѣ, на которой она была въ началѣ господства христіанства; даже женатое духовенство у отщепенцевъ отъ католичества нельзя считать шагомъ впередъ, — въ восточной церкви оно господствовало уже съ давнихъ поръ. XVIIIый вѣкъ и первая треть XIXго были тѣмъ временемъ, когда религіозный энтузіазмъ замѣнился научнымъ и политическимъ. Въ это время интеллигенція повысила нравственный уровень чрезъ распространеніе тѣхъ чувствъ и идей, которыя называются гуманностью; она открыла путь къ развитію нравствнности, ослабивъ религіозное чувство, а политическій энтузіазмъ сталъ создавать и распространять сочувствіе къ общему благу. Мы видѣли, что практическіе результаты, къ которымъ привелъ втеченіе этого времени политическій энтузіазмъ, были очень не велики, потому что вслѣдствіе тупоумія и близорукости образованнаго и имущаго класса Европы, онъ долженъ былъ идти мрачнымъ и кровопролитнымъ революціоннымъ путемъ. Идея федеративной демократіи такъ и застряла въ Соединенныхъ Штатахъ Америки; съ начала XVIIIго вѣка Англія почти не развилась въ политическомъ отношеніи; большая часть Европы стонала подъ игомъ тяжкаго деспотизма, который одушевленъ былъ озлобленной ненавистью къ условіямъ благосостоянія народовъ и дѣлалъ имъ столько зла, сколько могъ сдѣлать; въ остальной Европѣ, гдѣ были конституціонныя правительства, почти повсемѣстно отсутствовало главное ихъ условіе, т. е. свобода прессы, собраній и ассоціаціи. Просвѣщеніе распространялось въ народѣ, одолѣвая великія препятствія; но по крайней мѣрѣ въ Европѣ причиною его распространенія былъ научный, а не политическій энтузіазмъ.

Политическій энтузіазмъ былъ далекъ отъ того, чтобы выполнить свою задачу; — въ большей части цивилизованнаго міра онъ не сдѣлалъ и первыхъ шаговъ къ осуществленію своей цѣли, а ему на смѣну уже явился новый, соціальный энтузіазмъ, который, развиваясь, сталъ охлаждать политическій пылъ. Энтузіасты стали относиться съ презрѣніемъ къ идеямъ свободы и къ конституціоннымъ учрежденіямъ, и это презрѣніе инстинктивно поддерживалось консерваторами и либералами, весьма мало сочувствовавшими

истинному прогрессу. Поклонники соціализма плохо понимали, что развитіе политическихъ учрежденій составляетъ необходимую подкладку появленія и успѣха соціальныхъ организацій. Такимъ образомъ, появились взгляды, которые вносили новую путаницу въ дѣло и безъ того уже запутанное; передъ прогрессомъ становились новыя, неожиданныя препятствія, созданныя недостаткомъ человѣческой прозорливости. Вторая треть XIX^го^ вѣка освѣщалась соціальнымъ энтузіазмомъ, который сосредоточивалъ на себѣ всѣ взоры.

Отдѣлъ Второй

ВТОРАЯ ТРЕТЬ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Неразумный образъ дѣйствія Французовъ послѣ революціи 1830 г. Послѣдствія этого неразумія. Революція 1848 г. Соціальное движеніе не удается и все таки соціальныя идеи кладутъ свою печать на вторую половину XIXго столѣтія.

ФРАНЦІЯ сдѣлала вторую революцію и тѣмъ спасла европейскую цивилизацію отъ гибели, которою грозилъ ей союзъ неограниченныхъ монарховъ ради подавленія прогресса. Монархи пожали то, что посѣяли; они принудили прогрессъ принять революціонное направленіе. Свергнувъ тронъ тирана, французы старались избѣгнуть тѣхъ ошибокъ, какія сдѣланы были ихъ предшественниками во время великой революціи, но къ несчастью оказались совершенно неспособными къ выполненію этой задачи. Прежде всего имъ, конечно, слѣдовало подумать о потребностяхъ времени и установить у себя тотъ политическій порядокъ, который могъ удовлетворить требованіямъ прогресса, созидающаго производство подъ вліяніемъ новыхъ научныхъ открытій. Для этого имъ, конечно, нужно было-бы позаботиться объ учрежденіи у себя федеративно-демократическаго порядка. Его введеніе крайне облегчалось тѣмъ, что король и его семейство, злоупотребляя своей властью, вынудили революцію, остались безъ защитниковъ и возможности сопротивленія и были изгнаны единодушнымъ порывомъ

народа. Такимъ образомъ, главное препятствіе къ устраненію монархическаго принципа, т. е. невозможность безцеремонно распорядиться съ государемъ и его семействомъ, пока они добросовѣстно выполняютъ свои обязанности по отношенію къ народу, пало само собою. За симъ народу и его руководителямъ оставалось только избѣгнуть той ошибки, которая сдѣлана была ихъ предшественниками во время первой, великой революціи. Продолжительныя общія страданія всего народа, великая опасность, которой подвергались всѣ отъ гнусной тираніи монарха, вызвала единодушное возстаніе; они могли ясно видѣть, что при отсутствіи единодушія революція была-бы даже невозможна — они совершили чудо единодушія. Всего естественнѣе было ожидать послѣ этого, что они въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ проявятъ еще болѣе единодушія, чѣмъ проявили американцы во время борьбы за независимость.

Однако-же оказалось, что высшіе классы поступили съ народомъ настолько-же измѣннически, какъ государи поступили съ своими подданными, освобождавшими ихъ отъ гнета Наполеона. Они создали конституцію, которая сосредоточила всю власть въ рукахъ имущаго класса, а народу оставила одно подчиненіе. Такое гнусное властолюбіе почему-то казалось имъ умѣренностью. Чтобы прочнѣе утвердить свое господство, они сохранили монархію. Но увы, у нихъ обнаружилось настолько-же мало проницательности, какъ и нравственнаго чувства. Изъ всѣхъ членовъ царствовавшаго дома они выбрали по ихъ мнѣнію лучшаго; этотъ лучшій былъ однако-же по своимъ инстинктамъ и наклонностямъ вполнѣ неспособенъ быть конституціоннымъ государемъ. Мало этого, онъ обладалъ такими качествами, которыя неизбѣжно должны были вызвать новый революціонный переворотъ. Характеръ Людовика Филиппа изобличаетъ передъ нами все безобразіе тѣхъ чувствъ и идей, въ которыхъ воспитывались государи того времени. На всѣ классы народа онъ смотрѣлъ съ подозрительностью и недовѣріемъ; подобно всѣмъ неограниченнымъ государямъ его времени, онъ видѣлъ единственное для себя спасеніе въ личномъ управленіи. При безмѣрной своей заносчивости онъ считалъ для себя оскорбленіемъ, если въ государствѣ дѣла дѣлались не такъ, какъ онъ того хотѣлъ. Самомнѣніе его было такъ-же велико, какъ у Карла X и Фердинанда испанскаго; онъ порицалъ этихъ государей за не-

дальновидность, но полагалъ точно такъ-же, какъ они, что только его диктатура можетъ сдѣлать Францію счастливой. Аристократическую воинственность и страсть къ великолѣпію, онъ замѣнялъ буржуазной любовью къ миру и простотѣ въ образѣ жизни, а потому называлъ себя королемъ-гражданиномъ; но вмѣстѣ съ простотой онъ заимствовалъ у французской буржуазіи самый грязный изъ ея недостатковъ: скаредность и гнусную алчность къ деньгамъ. Сохранивъ главный изъ пороковъ государей — непомѣрное властолюбіе и самомнѣніе, онъ замѣнилъ пороки аристократіи отнюдь не менѣе вредными пороками буржуазіи.

Подобно Карлу X и Фердинанду онъ всю свою хитрость и изворотливость употреблялъ на то, чтобы распоряжаться въ странѣ деспотически и по своему. Орудіемъ для достиженія этой цѣли ему должна была служить бюрократія, въ которой онъ развилъ самомнѣніе, далеко опередившее его собственную заносчивость. Они хотѣли весь народъ превратить въ точную машину, выполняющую ихъ великія предначертанія съ правильностью механизма. По ихъ понятію идеальный бюрократъ долженъ знать, что каждый гражданинъ дѣлаетъ въ каждую минуту дня, потому что вся жизнь гражданина должна заключаться въ точномъ выполненіи предписаній бюрократіи.*) Съ легкой руки Франціи всѣ бюрократы Европы стали восторженно мечтать о выполненіи этого идеала. Злополучный европейскій прогрессъ неуспѣлъ еще свергнуть одно висѣвшее надъ нимъ ярмо — духовенство и религію, а на него уже взваливали другое — бюрократію. Духовенство старалось сдѣлать людей безсмысленными фанатиками, а бюрократія еще болѣе безсмысленной машиной. Непомѣрное самомнѣніе составляетъ неизбѣжное свойство всякой бюрократіи, но рядомъ съ этимъ качествомъ Людовикъ Филиппъ привилъ ей свою алчность и сдѣлалъ ее продажной. Чтобы управлять самовластно при существованіи конституціи и кажущейся свободѣ, онъ подкупалъ народныхъ представителей. Онъ подкупалъ деньгами, раздачей мѣстъ и почестей, подкупалъ при выборахъ и такимъ образомъ внесъ растлѣніе въ среду имущаго класса, продажность въ область интеллигенціи и прессы, казнокрадство, взяточничество и полную небла-

(*) Идеалъ тогдашней бюрократіи заключался въ правѣ требовать у каждаго гражданина списокъ гостей, которые его посѣщаютъ, и вычеркивать непріятныхъ начальству.

гонадежность въ среду бюрократіи. Бюрократія считала свою роль орудія, вносящаго въ общество растлѣніе, унизительной и, чтобы вознаградить себя за униженіе, подражала алчности своего господина и подкупности парламента. Потворствуя порокамъ своихъ чиновниковъ, онъ все таки ихъ этимъ не удовлетворилъ, потому что ничто не можетъ вознаградить француза за униженіе его чести; тщеславіе составляетъ его слабость и соблазняетъ его, но если его чувство чести не удовлетворено, онъ его ненавидитъ, и оно давитъ его, какъ кошмаръ.

Иностранная политика Людовика Филиппа была самой близорукой и неудачной; Тьеръ, считавшій себя великимъ дипломатомъ, запутался въ ней самымъ жалкимъ образомъ, какъ въ сѣтяхъ. Великія державы Европы смотрѣли на короля французскаго свысока, какъ на дитя революціи, и онъ не умѣлъ ихъ разъединить и поссорить между собою, хотя дѣла Германіи, Италіи, Польши и восточный вопросъ давали ему достаточно возможности противопоставить ихъ другъ другу съ пользой для человѣчества и для цивилизаціи. Послѣ этого ему оставалось одно: держаться Англіи и сдѣлать союзъ конституціонныхъ государей противовѣсомъ союзу абсолютныхъ монарховъ, защищать въ Европѣ свободу противъ деспотизма. Но онъ разрушилъ эту комбинацію тѣмъ, что возстановилъ противъ себя Англію запретительными тарифами и противодѣйствіемъ въ ея стремленіяхъ. Изъ всѣхъ дипломатическихъ глупостей самая великая сдѣлана была Тьеромъ, когда онъ посовѣтовалъ Мехмету Али, послѣ завоеванія Аравіи и Сиріи, не уступать требованію великихъ державъ. Послѣ Тьера только Турки способны были такъ невѣрно оцѣнивать свои силы въ международной борьбѣ. Такое жалкое невѣжество сдѣлало Францію предметомъ презрѣнія и пренебреженія; французы возненавидѣли свое правительство за плачевную роль, какую имъ приходилось играть.

Въ колоніяхъ бюрократическое самомнѣніе сдѣлалось источникомъ бѣдствій, которымъ трудно подыскаaь назваvіе. Удерживая въ своемъ произволѣ земли, какъ тѣ, на которыхъ жили магометане, такъ и тѣ, гдѣ поселились европейцы, и устраняя всѣ начала самоуправленія въ Алжирѣ, французская бюрократія управляла этой страной съ деспотизмомъ, далеко оставлявшимъ за собою тиранію неограниченныхъ монарховъ Европы. Начальство

не только распоряжалось по своему произволу общественными дѣлами, но могло отнять и у колониста, и у араба землю, если онъ ему не понравится, возбудитъ въ немъ подозрѣніе или гнѣвъ. Послѣдствіемъ было то, что смертность между колонистами была такъ-же велика, какъ въ самыя мрачныя времена среднихъ вѣковъ, число смертныхъ случаевъ въ полтора раза превышало число рожденій, и населеніе вымирало. Феллахи были въ болѣе ужасномъ положеніи, чѣмъ испанцы въ XVIII вѣкѣ. Французское общество сентиментально восхищалось самой грубой частью алжирскаго населенія — кабилами и не обращало ни малѣйшаго вниманія на то, что злополучный феллахъ не рѣдко долженъ былъ раздавать разнымъ притязательнымъ властямъ девять десятыхъ того, что онъ взращивалъ на землѣ. Черта типическая для бюрократическаго общества. Другія колоніи управлялись такъ безобразно, что онѣ, при необъятномъ многоземеліи и плодородной почвѣ, вслѣдствіе соціальной своей организаціи, не могли производить достаточно съѣстныхъ припасовъ для своего прокормленія, а должны были производить колоніальные продукты; невольники не освобождались потому, что они послѣ освобожденія всѣ стали-бы производить на обширныхъ и пустынныхъ земляхъ все для нихъ нужное и плантаторы остались-бы безъ работниковъ. И тутъ населеніе вымирало для пользы плантаторовъ и возобновлялось только привозомъ рабовъ изъ Африки. Плантаторы, ради которыхъ совершались такія дикія варварства, все таки были крайне недовольны, потому что искусственныя мѣры бюрократіи раззорили ихъ въ прахъ и запутали въ долгахъ. Глухое ожесточеніе въ колоніяхъ подавлялось кровавой расправой, деспотическими мѣрами; въ самой Франціи такія мѣры заключали въ себѣ политическую опасность, однако-же бюрократія и здѣсь показывала столько-же самомнѣнія, сколько и близорукости.

Считая имущій классъ опорою для себя, она старалась взвалить всѣ тягости на рабочее населеніе и посредствомъ регламентаціи отдать его въ безусловное распоряженіе нанимателей. Рабочія книжки и стѣснительныя запрещенія ставили трудящееся населеніе въ невозможное положеніе; въ то-же время запретительные тарифы и городскіе сборы не только крайне возвышали цѣну предметовъ первой необходимости, но развивали въ городахъ фальсификацію, которая сильно вредила здоровью рабочихъ. Стѣс-

няя рабочее движеніе, они искусственно понижали заработную плату, а черезъ дороговизну припасовъ и фальсификацію, на которую смотрѣли сквозь пальцы, чтобы угодить буржуазіи, ставили рабочихъ въ невозможность питаться удовлетворительно и сохранять свое здоровье. Все это производило въ городскомъ пролетаріатѣ ожесточеніе. Создавая изъ сельскихъ собственниковъ привиллегированное сословіе посредствомъ высокихъ ввозныхъ пошлинъ и низкаго поземельнаго обложенія, бюрократія сумѣла однако-же сдѣлать ихъ недовольными благодаря множеству мелкихъ налоговъ на двери, окна и т. д. и разныхъ придирокъ полицейской регламентаціи, всего-же болѣе благодаря неправильности внутреннихъ и внѣшнихъ таможенныхъ сборовъ, которая производила колебаніе цѣнъ, разорявшее мелкихъ собственниковъ. Они запутывались въ долгахъ, а между тѣмъ, ради поощренія ростовщиковъ, проценты кредитныхъ учрежденій искусственно повышались до 10. Положеніе бѣднѣйшаго класса между собственниками — винодѣловъ, было таково, что прекрасное вино оставалось у нихъ на рукахъ, а въ городахъ по высокимъ цѣнамъ продавали фальсификацію. Разумѣется, все сельское населеніе было этимъ одинаково недовольно. Всего болѣе вниманія оказывали богатой буржуазіи, давая ей посредствомъ запретительныхъ тарифовъ возможность наживаться на счетъ населенія. Но и ее не успѣли удовлетворить, — она роптала на дурное состояніе торговаго флота и еще болѣе на дурное состояніе кредита. Французскій банкъ былъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что императоръ Николай могъ предложить ему свою помощь для поправленія его дѣлъ. Алчность къ деньгамъ и страсть короля и высшихъ лицъ пользоваться своимъ положеніемъ, чтобы играть на биржѣ, развили такой ажіотажъ, и до того деморализовали биржу, что буржуазія постоянно стояла передъ пропастью банкротства и ненавидѣла за это Людовика Филиппа. Всеобщее неудовольствіе наводило все большій страхъ на короля, и онъ все упорнѣе старался управлять посредствомъ подкупленнаго парламента, но именно этимъ онъ и погубилъ себя.

Общественное мнѣніе напрасно ждало перемѣнъ, которыя оживляли-бы его надежду на улучшеніе, и его негодованіе противъ неодолимаго препятствія дѣлалось все болѣе интенсивнымъ. Это негодованіе отражалось самымъ сильнымъ возбужденіемъ на рабочей массѣ и на экзальтированной интеллигенціи.

Покушенія на жизнь короля слѣдовали одно за другимъ, идеи мирной демократіи превратились въ орудіе борьбы и создали фанатическую партію дѣйствія. Возстанія, вызванныя голодомъ, смѣнялись возстаніями во имя идеи, въ родѣ возстанія Барбеса; въ наполеонидахъ также воскресла надежда на успѣхъ. Долгое время все это подавлялось силою, но наконецъ негодованіе во всѣхъ слояхъ общества сдѣлалось до того интенсивнымъ, что всѣ единодушно желали насильственнаго переворота. Людовикъ Филиппъ вызвалъ противъ себя даже болѣе ожесточенную ненависть, чѣмъ Карлъ X. Когда вспыхнула революція, король оставался вполнѣ спокойнымъ; онъ окружилъ Парижъ дорого стоившими укрѣпленіями и зналъ, что всякое народное движеніе можно подавить немедленно силою. Но увы, подавленіе оказалось невозможнымъ, весь народъ былъ на сторонѣ возстанія, солдаты и офицеры отказывались драться, а государственные люди и даже члены его семейства принудили Филиппа отдать приказаніе, парализовавшее дѣятельность войска. Онъ долженъ былъ безпомощно смотрѣть на то, какъ возстаніе росло и грозно приближалось къ его дворцу. Сопротивленіе, которое онъ противопоставлялъ оппозиціи, его непомѣрное властолюбіе, поставило вождей этой оппозиціи въ такое положеніе, что они единственный для себя исходъ видѣли въ низверженіи короля; и хотя они очень хорошо знали, что волна народнаго движенія снесетъ ихъ всѣхъ, но могли надѣяться, что новый порядокъ дастъ въ окончательномъ результатѣ парламентскій режимъ и устранитъ личное управленіе. Ихъ надежды и осуществились-бы, если-бы они не были такъ чрезмѣрно узки и близоруки. Тьеру нужно было болѣе двадцати лѣтъ насильственнаго удаленія отъ дѣлъ, чтобы примириться съ идеей народовластія. Народъ побѣдитель показалъ тотчасъ-же, что къ возстанію, единодушіе котораго превзошло всѣ предшествовавшія, побудили его вовсе не его матерьяльные интересы, вовсе не его страданія и не жалкія ошибки предшествовавшей администраціи; къ борьбѣ побуждало его возвышенное чуство и стремленіе осуществить законъ высшей справедливости.

Это высшее стремленіе одинаково одушевляло все общество; — парижское рабочее населеніе, а за нимъ и населеніе всей Франціи хотѣло справедливости и только справедливости; оно не хотѣло получать ничего не подобающаго ему, оно хотѣло работать

и бороться за правду и сочинило знаменитый крикъ: «жить работой и умирать въ бою». — Совершенно справедливо утверждали, что въ цѣломъ свѣтѣ не было рабочаго, который-бы превосходилъ парижскаго чувствомъ своего достоинства. Имъ поставленъ былъ передъ человѣчествомъ новый идеалъ: — идеалъ труда и справедливости. Жажда чести и правды одушевляла не однихъ рабочихъ, но все общество. Всѣхъ своихъ жалкихъ руководителей оппозиціи оно оставило въ сторонѣ и создало республику на основаніи всеобщей подачи голосовъ. Не въ этомъ заключалась трудность новаго положенія; республиканскія и демократическія стремленія были теперь общимъ достояніемъ и этимъ революція 1848 года существенно отличалась отъ революціи XVIII^{го} столѣтія. Затрудненіе заключалось въ томъ, что самыми энергическими борцами при низверженіи короля были соціалисты, а соціальный энтузіазмъ былъ распространенъ въ странѣ весьма неравномѣрно. Въ Парижѣ соціальныя стремленія были очень сильны, а въ отдаленныхъ провинціяхъ ихъ не существовало вовсе. Отсюди прямо слѣдовало, что для правильнаго хода дѣла къ демократическому режиму нужно было присовокупить федеративный; нужно было раздѣлить Францію на кантоны, и мѣстности, гдѣ преобладало городское населеніе, и фабричный пролетаріатъ отдѣлить отъ тѣхъ, гдѣ господствуетъ сельское. За тѣмъ весь соціальный порядокъ оставить въ рукахъ кантоновъ подобно тому, какъ это было сдѣлано въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Швейцаріи. Такъ какъ соціальное законодательство было совершенною новостью и могло развиваться только постепенно, переходя отъ мѣстностей наиболѣе просвѣщенныхъ къ менѣе развитымъ, то при этомъ не могло-бы произойти даже того контраста, какой произошелъ въ Соединенныхъ Штатахъ между свободными и рабовладѣльческими штатами. Но народы не такъ легко отучаются отъ своихъ пороковъ; порокъ французовъ заключался въ ихъ бюрократическихъ инстинктахъ, — въ тѣхъ безмѣрныхъ надеждахъ, которыя они возлагали на бюрократическое насиліе.

Они поняли, что крайняя жестокость и неуживчивость составляли причину неудачи первой, великой революціи, старались избѣжать этого зла, но поняли дѣло слишкомъ поверхностно. Деспотическіе инстинкты проросли въ нихъ насквозь и ослѣпляли ихъ даже въ минуты высокаго, самоотверженнаго энтузіазма. Идея

федеративной демократіи, единственный путь, на которомъ французы могли ужиться, не насилуя другъ друга, оставлялась всѣми безъ всякаго вниманія. Соціалисты, которыми руководили Луи Бланъ, Бланки и др., старались отложить введеніе конституціи въ дѣйствіе, захватить власть и дать Парижу возможность насильственно осуществить свои идеи, бюрократическимъ путемъ ввести соціализмъ во Францію. Имъ не приходило въ голову, что насильно навязать народу соціальныя идеи нельзя; это не то, что отмѣна феодальныхъ правъ и крѣпостнаго состоянія; — ихъ не введешь указомъ, они требуютъ отъ народа самодѣятельности и опытности въ дѣлѣ организаціи. Временное правительство состояло изъ членовъ различныхъ мнѣній, но разница между ними была гораздо менѣе значительна, чѣмъ разница между Вашингтономъ и Джеферсономъ, — и все таки они не сумѣли сойдтись на общемъ планѣ дѣйствія. Втеченіе полустолѣтія французскіе политическіе дѣятели не сдѣлали ни малѣйшаго шага впередъ въ искусствѣ правильно оцѣнивать свои силы и на основаніи этой оцѣнки создавать союзъ, который обезпечивалъ-бы имъ прочный успѣхъ. Тьеръ, Одиллонъ Барро, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ, Бланки выказывали въ этомъ отношеніи на столько-же мало дальновидности и пониманія, какъ Мирабо, Лафаетъ, Дантонъ и Робеспьеръ. Поэтому они всѣ провалились въ бездну, созданную ихъ близорукостью подъ ихъ ногами.

Независимо отъ этого для осуществленія соціальной идеи можно было сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ они сдѣлали. Революція 1848 г. вывела на свѣтъ гораздо менѣе талантливыхъ людей, чѣмъ революція XVIII^го^ вѣка. Министръ публичныхъ работъ Мари, отъ котораго такъ много зависѣло при осуществленіи соціальныхъ идей, былъ рѣдкостная тупица; онъ и въ подметки не годился женевскому Фази. Фази разорилъ Женеву, но онъ создалъ столько полезныхъ общественныхъ сооруженій, что временное банкротство смѣнилось прочнымъ благосостояніемъ. Во Франціи полезной работѣ не было конца, улучшеніе путей сообщенія давало ее по всей странѣ въ какомъ угодно количествѣ, перестройка Парижа съ цѣлью дать рабочимъ здоровыя помѣщенія, которая осуществлена была при Наполеонѣ III, могла дать сколько угодно полезной работы всѣмъ свободнымъ рукамъ Парижа. Между тѣмъ бездарный Мари тратилъ безъ пользы государственныя деньги и

увѣрялъ, что ничего лучше нельзя выдумать; уплачивая большія деньги за безполезную работу, онъ привлекалъ въ Парижъ множество рабочихъ, которые оставшись безъ работы неизбѣжно должны были произвести новые безпорядки. Идея Луи Блана объ учрежденіи рабочаго парламента могла-бы принести огромную пользу, но для этого нужно было, чтобы имъ руководили дѣльцы опытные и вполнѣ знакомые съ условіями, при которыхъ промышленныя предпріятія имѣютъ успѣхъ. Еще болѣе рабочій парламентъ могъ сдѣлать для улучшенія рабочаго законодательства, которое законами Людовика Филиппа приведено было въ безобразный видъ. Но все его дѣло разбилось въ дребезги за неимѣніемъ дѣльныхъ руководителей и по причинѣ близорукости временнаго правительства. Соціальный вопросъ задушенъ былъ въ крови и провалился самымъ жалкимъ образомъ, не давъ никакихъ результатовъ кромѣ раскаянья въ непрактической затѣи, — и все таки соціальный вопросъ не только продолжалъ существовать, но положилъ свою печать на вторую половину XIXго вѣка.

Никакое фіаско, никакія неудачи не могли его уничтожить и помѣшать ему возродиться. Причина заключалась въ томъ, что его появленіе было менѣе всего случайностью, оно вытекало изъ самой организаціи человѣка. Появленіе это было неизбѣжно, лишь только человѣческій умъ достигъ извѣстной степени развитія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Основы инстинктивныхъ организацій. Инстинктивныя организаціи религіозныя, политическія и соціальныя.

Мы видѣли, что развитіе солидарности между отдѣльно живущими особями появилось на такихъ низкихъ ступеняхъ организаціи, на которыхъ оно еще не могло обусловливаться связью между родителями и дѣтьми, сохраняющеюся и послѣ отдѣленія организма ребенка отъ организма матери. Стадность появляется уже напр. у саранчи, гдѣ связь между старымъ и молодымъ поколѣніемъ прекращается тотчасъ послѣ отдѣленія яичекъ; она появляется у саранчи въ видѣ глубоко инстинктивнаго, слѣ-

ного подражанія, которое не разбираетъ, вредно или полезно то, чему оно подражаетъ. Въ неорганической природѣ и въ растительномъ царствѣ мы видимъ ясно только одинъ рядъ мыслительныхъ процессовъ — мышлепіе по подражанію самому себѣ. Въ животномъ царствѣ органы, воспринимающіе впечатлѣнія, развиваются до того, что животное можетъ уже получать понятіе о существованіи животныхъ одного съ нимъ вида и о томъ, что это животное совершаетъ однородныя съ нимъ дѣйствія для удовлетворенія общихъ имъ потребностей. Отсюда вытекаетъ новый пріемъ эмпирическаго мышленія — подражаніе авторитету, въ окончательномъ результатѣ порождающее стремленіе слѣдовать за авторитетомъ, а отсюда стадность и семейство. Взаимное подражаніе порождаетъ нѣкоторую способность понимать другъ друга и наконецъ возможность общаго дѣйствія. Крайне ограниченныя умственныя способности животныхъ держатъ эти зачатки развитія солидарности на весьма низкомъ уровнѣ. Но уже тутъ намъ легко убѣдиться, что развитіе умственныхъ способностей у животнаго приводитъ къ развитію общаго дѣйствія, какъ болѣе могущественному средству для достиженія своихъ цѣлей. Изъ всѣхъ животныхъ человѣкъ рѣшительно выдѣляется размѣромъ своихъ умственныхъ силъ и это приводитъ къ тому, что онъ изобрѣтаетъ рѣчь, — средство настолько-же могущественное для взаимнаго пониманія и воздѣйствія одного человѣка на другого, какъ нервы для воздѣйствія отдѣльной клѣтки на организмъ и организма на отдѣльную клѣтку. Сравпеніе рѣчи съ нервами не вполнѣ справедливо, вѣрнѣе сравнить ее съ той нервной силой, которая создаетъ въ организмѣ взаимное пониманіе, сочувствіе и солидарность клѣточекъ. Изъ каждаго отдѣльнаго организма нервная сила создаетъ солидарное цѣлое, а самые эти организмы она противопоставляетъ другъ другу. У животныхъ организмовъ, не имѣющихъ рѣчи, но принадлежащихъ къ тому-же виду, интересы повидимому окончательно противоположны. Если жвачное видитъ, что другое жвачное одного съ нимъ вида ѣстъ и спѣшитъ къ нему, чтобы воспользоваться тою-же пищею, то оно является на мѣсто не пособникомъ, а конкурентомъ, и такъ во всемъ. За немногими исключеніями, животное ничего не производитъ, а только эксплуатируетъ для своихъ потребностей существующее въ природѣ; послѣ этого казалось-бы, что животныя должны относиться другъ къ

другу съ безусловной враждебностью. Однако-же, между ними образовалась стадность, — стадность эту мы видимъ не только у насѣкомыхъ, рыбъ, птицъ, травоядныхъ, но даже между хищными. Жизнь стадныхъ животныхъ выработала для нихъ такой организмъ, въ которомъ органы, соединяющіе ихъ, имѣютъ рѣшительное преобладаніе надъ органами разъединяющими т. е. надъ органами борьбы. Растеніе ведетъ совершенно уединенную жизнь, потребности растеній не выработываютъ у нихъ никакихъ органовъ, способствующихъ ихъ объединенію; но даже у низшихъ организмовъ потребность совокупленія порождаетъ зачатки стадности. Развитіе органа зрѣнія даетъ рѣшительное преобладаніе стремленію къ союзу надъ стремленіемъ къ разъединенію и создаетъ инстинктъ стадности у такихъ животныхъ, у которыхъ зрѣніе еще очень слабо развито, напр. у комаровъ. При болѣе совершенномъ зрѣніи у рыбъ даже стремленіе питаться особями своего вида не мѣшаетъ сильному развитію стадности. У стадныхъ животныхъ стремленіе къ соединенію является правиломъ, а борьба исключеніемъ, которое не можетъ одолѣть правило. Вглядываясь въ условія жизни этихъ животныхъ, мы дѣйствительно убѣждаемся, что стремленіе къ стадности доставляетъ имъ весьма много пользы, хотя повидимому ихъ интересы должны были-бы заставлять ихъ предпочитать уединеніе. У человѣка изобрѣтеніе рѣчи даетъ преобладаніе общему дѣйствію надъ простымъ подражаніемъ авторитету, которое порождаетъ стадность у животныхъ. Животное создаетъ стадо, подражая авторитету, ради удовлетворенія своихъ потребностей, безъ мысли объ общемъ дѣйствіи. У человѣка-же общее дѣйствіе и раздѣленіе труда, совокупныя усилія для общаго блага являются въ семействѣ даже на той степени развитія, когда человѣкъ, подобно животному, ограничивается эксплуатаціей природы т. е. живетъ рыбной ловлей, охотой, питается дико растущими плодами и травами и т. п. Уже на этой стадіи развитія въ семействѣ начинаетъ преобладать чувство солидарности надъ стремленіемъ къ эксплуатаціи. Крикъ ребенка, предшествующій развитію рѣчи, производитъ на человѣка такое-же безпокойное ощущеніе, какъ боль, заявляющая организму о потребностяхъ клѣточки. Крикъ создаетъ солидарную связь между ребенкомъ и матерью, онъ заставляетъ мать удовлетворять требованіямъ ребенка, кормить его грудью; удовлетворяя этой нуждѣ своего дитяти, она

вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяетъ и своей собственной физіологической потребности. Мать нуждается въ ребенкѣ, а отецъ нуждается въ матери для удовлетворенія своихъ физіологическихъ отправленій. У отца избытокъ силъ для добыванія пищи и неудовлетворенная физіологическая потребность. Ради удовлетворенія этой потребности онъ жертвуетъ частью своего труда въ пользу своего семейства. Физіологическая потребность кормленія грудью не прекращается внезапно; когда ребенку требуется болѣе пищи, чѣмъ молока у матери, она его прикармливаетъ; родители пріучаются кормить своихъ дѣтей и по мѣрѣ того, какъ дѣти подростаютъ, они сами дѣлаются полезными въ семействѣ. Привычки, порожденныя сплетеніемъ физіологическихъ потребностей, превращаются въ инстинкты и являются инстинкты солидарности, создающіе семейство. Тѣ семейства, въ которыхъ эти инстинкты всего сильнѣе, удовлетворяютъ потребностямъ дѣтей лучше, чѣмъ тѣ, гдѣ они слабы, гдѣ отецъ эксплуатируетъ свое семейство или даже бьетъ жену и дѣтей; — поэтому семейства съ сильными инстинктами солидарности выживаютъ, а съ слабыми погибаютъ; — ребенокъ не только не выноситъ эксплуатаціи, но и черстваго отношенія къ его потребностямъ. Этимъ опредѣляется постепенное, но неизбѣжное развитіе чувствъ солидарности между людьми. Это развитіе находится въ неразрывной связи съ умственнымъ развитіемъ вообще; связь эта такова, что умственное развитіе неизбѣжно влечетъ за собою развитіе чувствъ солидарности. Когда рѣчь совсѣмъ не развита, тогда крикъ составляетъ главное орудіе воздѣйствія ребенка и вообще человѣка на человѣка. На грубаго человѣка, въ особенноти на человѣка, исключительно живущаго охотой и рыбной ловлей, крикъ этотъ производитъ сравнительно слабое впечатлѣніе; тотъ путь, которымъ онъ удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, пріучаетъ его равнодушно смотрѣть на страданія и даже на смерть. Рѣчь развивается у него потребностью въ общемъ дѣйствіи и потребностью въ соглашеніи съ врагами для своего огражденія; — и то, и другое развиваетъ въ немъ стремленіе изучать потребности другихъ людей и наклонность удовлетворять этимъ потребностямъ; поэтому съ развитіемъ рѣчи его впечатлительность и чуткость по отношенію къ потребностямъ другихъ людей увеличиваются, — чтобы ихъ понимать ему уже достаточно слова. Но именно поэтому крикъ отъ боли производитъ

на него все болѣе сильное и наконецъ потрясающее впечатлѣніе. Крикъ ребенка дѣлается могущественнымъ орудіемъ для развитія вниманія къ нему; семейная солидарность возрастаетъ по мѣрѣ усложненія аппарата взаимныхъ звуковыхъ впечатлѣній. Непрерывный рядъ такихъ впечатлѣній даетъ слѣдующій результатъ. Предусмотрительность собственника такъ-же мало свойственна первобытному чековѣку, какъ и животному. Рыба, птица, травоядное, животное, питающееся падалью, даже хищное довольно спокойно смотритъ, какъ другое животное рядомъ съ нимъ питается тою-же пищею, а если это животное принадлежитъ къ его семейству, то оно даже, во имя связи ихъ физіологическихъ потребностей, таскаетъ ему пищу и кормитъ его. Случаи, въ которыхъ хищное защищаетъ свою добычу или зарываетъ запасъ въ землю, сравнительно составляютъ исключеніе. Предусмотрительная жадность такъ-же мало развита въ первобытномъ человѣкѣ, какъ и въ животномъ. Чѣмъ болѣе семейство криками и словами выражаетъ ему свою нужду, тѣмъ болѣе въ немъ развивается склонность таскать добытую пищу въ свое семейство для удовлетворенія общихъ потребностей. Охотникъ и рыболовъ или ничего не поймаетъ или поймаетъ больше, чѣмъ надо для немедленнаго удовлетворенія его голода; отсюда привычка таскать излишекъ въ свое семейство. Инстинктивное стремленіе къ солидарности съ семейства переходитъ на родъ. Совокупное дѣйствіе взрослыхъ мущинъ, составляющихъ родъ, даетъ имъ большія преимущества въ борьбѣ съ сильными животными, которыми изобилуетъ первобытная природа, и въ добываніи себѣ пищи. Тутъ человѣкъ въ высокой степени ощущаетъ то преимущество, которое даетъ ему рѣчь надъ животными. Въ его глазахъ это преимущетсво такъ возвышаетъ идею родовой солидарности, что у него развивается инстинктъ самоотверженія: добровольная борьба и смерть за родъ. Опять таки, чѣмъ сильнѣе эти чувства солидарности въ семействахъ и въ родѣ, тѣмъ больше у него способовъ къ удовлетворенію своихъ потребностей, тѣмъ онъ дѣлается многочисленнѣе и могущественнѣе. При крайне несовершенныхъ орудіяхъ, которыми обусловливается крайне рѣдкое населеніе, роды говорятъ различными языками. Родъ считаетъ всѣ другіе, сосѣдніе роды нѣмыми; переживаніе этого понятія у насъ сохранилось въ словѣ нѣмецъ. Поэтому родъ относится къ другимъ родамъ такъ-же, какъ къ животнымъ

они для него безсловесные. Въ этомъ періодѣ дикаго существованія солидарность внутри родовъ иногда развивается до того, что они дѣлаются похожими на отдѣльные организмы. Многочисленные образцы коммунистической жизни родовъ мы видимъ въ военныхъ и другихъ братствахъ въ Америкѣ у эскимосовъ и краснокожихъ, на восточномъ материкѣ напр. въ Спартѣ и т. д. Рядомъ съ инстинктами солидарности, которые развиваются въ семействѣ и въ родѣ, является другой инстинктъ, который весьма способствуетъ расширенію организацій, но за то-же въ ущербъ развитія солидарности — это инстинктъ повиновенія. Инстинктъ повиновенія развивается въ семействѣ вслѣдствіе неопытности и слабости дѣтей, когда дѣти подростаютъ, то онъ начинаетъ замѣняться инстинктами солидарности. Организуя у себя общежитіе, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтаетъ трудъ, приручаетъ животныхъ, заставляетъ ихъ работать на себя и прививаетъ имъ инстинктъ повиновенія. Мы выше выяснили, какимъ образомъ въ трудѣ человѣка лежитъ начало солидарности; человѣкъ можетъ получить пользу отъ труда только потому, что онъ трудомъ создаетъ благопріятныя условія для существованія нужныхъ ему растеній и животныхъ. Поэтому привычка къ труду способствуетъ, а не противодѣйствуетъ развитію инстинктовъ солидарности. Чѣмъ болѣе человѣкъ дѣлается человѣкомъ труда, тѣмъ болѣе онъ любитъ тѣхъ, кого производитъ и содержитъ своимъ трудомъ, тѣмъ болѣе онъ ихъ бережетъ и заботится объ нихъ. Онъ домъ свой превращаетъ въ крѣпость и защищаетъ до смерти жену, дѣтей, скотъ и запасы. Однако-же инстинктъ повиновенія воздѣйствуетъ на человѣка и другимъ образомъ. Человѣкъ пріучаетъ животныхъ къ повиновенію во имя другой идеи, чѣмъ та, которая создаетъ связь между имъ и его семействомъ; тутъ нѣтъ того сплетенія физіологическихъ потребностей, изъ котораго вытекаетъ семейная солидарность. Приручать животныхъ онъ стремится исключительно съ мыслію объ эксплуатаціи, солидарность съ ними является у него только въ качествѣ посторонняго продукта. Поэтому уже въ первобытномъ родѣ членъ рода существенно отличается отъ принадлежащаго роду животнаго. Источникъ связи съ членомъ рода есть идея солидарности, а съ животнымъ — идея эксплуатаціи. Къ другимъ родамъ онъ относится такъ-же, какъ къ дикимъ животнымъ; ничто, кромѣ страха не обуздываетъ его стремленія завладѣть ихъ иму-

ществомъ, скотомъ и пр. Къ взятому въ плѣнъ врагу онъ относится совершенно такъ-же,какъ къ животному; онъ доходитъ до того, что откармливаетъ плѣннаго, какъ быка, чтобы потомъ его съѣсть. Затѣмъ онъ пользуется инстинктомъ повиновенія въ человѣкѣ такъ-же, какъ онъ пользуется имъ у животнаго: онъ заставляетъ работать на себя человѣка, какъ работаетъ на него животное. Но связь между людьми, основанная на инстинктѣ повиновенія, даетъ совсѣмъ другіе результаты, чѣмъ связь между человѣкомъ и животнымъ. Она даетъ при помощи рѣчи могущественное средство для расширенія человѣческой организаціи и создаетъ сначала малыя, а потомъ большія государства. Но эти организаціи уже основаны не на принципѣ солидарности, какъ первобытное семейство и первобытный родъ, а на принципѣ, который связываетъ человѣка съ животнымъ т. е. на началѣ прирученія и эксплуатаціи. Разъ начинается работа сильныхъ надъ прирученіемъ людей ради ихъ эксплуатаціи, все созданное развитіемъ инстинктовъ солидарности дѣлаетъ поворотъ назадъ. Основной принципъ семейства, гдѣ сильные работаютъ для прокормленія слабыхъ во имя одной идеи солидарнаго существованія извращется окончательно. Въ обществѣ, созданномъ путемъ прирученія, не сильные работаютъ на слабыхъ, а слабые на сильныхъ. Идея солидарности уничтожается даже въ семействѣ. Хищные роды, совершая свои набѣги на сосѣдей, похищаютъ для себя женъ на равнѣ со скотомъ и другимъ имуществомъ; поэтому такія жены, а затѣмъ и всякія жены приравниваются къ скоту и подобно скоту должны работать на своихъ мужей. Являются семейства, гдѣ жены и дѣти дѣлаются первыми рабами, скотомъ отца семейства; они на него работаютъ, онъ ихъ откармливаетъ и ѣстъ. Жена раба и скотина вызываетъ въ душѣ хищника идею пользы рабства, въ рабство обращаются похищенныя дѣти и подростки и выростаютъ рабами съ глубоко укоренившимися въ нихъ инстинктами повиновенія. Но значеніе инстинктовъ повиновенія у животныхъ совсѣмъ другое, чѣмъ у людей. Рабство животныхъ по отношенію къ человѣку естественно, оно основано на умственномъ превосходствѣ человѣка надъ животнымъ, а главное на организмѣ человѣка, который онъ себѣ выработалъ вслѣдствіе своего умственнаго превосходства. Животное не можетъ ни сѣять, ни косить, ни дѣлать тѣхъ запасовъ, которые нужны животному во время безкормицы. Поэтому животное и не

стремится ни къ какому другому болѣе совершенному отношенію къ человѣку. Съ другой стороны связь человѣка и животнаго, основанная на инстинктѣ повиновенія, не производитъ въ человѣкѣ никакой органической деградаціи. Онъ не можетъ заставить животное работать свою работу, а потому, заставляя животное приносить пользу себѣ, долженъ съ своей стороны работать для содержанія животнаго. Положеніе человѣка во время прирученія совсѣмъ другое. Въ немъ никогда не исчезаетъ сознанія, что приручитель такой-же человѣкъ, какъ и онъ, а поэтому онъ смотритъ на власть человѣка надъ нимъ, какъ на иго, и не можетъ смотрѣть иначе. Въ немъ неизмѣнно живетъ сознаніе, что нормальное условіе для существованія человѣка составляетъ та солидарная связь, которая создается семействомъ. Общество, основанное на прирученіи, извращаетъ и деморализуетъ семейство; здоровое отношеніе, при которомъ сильные работаютъ на слабыхъ, исчезаетъ и замѣняется эксплуатаціей. Но этимъ создается настолько-же неестественное отношеніе, какъ для отца семейства, такъ и для его женъ и дѣтей. Намъ ужасно себя представить въ кожѣ африканскаго негра, который приравниваетъ своихъ женъ къ скоту; онъ не можетъ спокойно ѣсть и постоянно боится отравы; онъ не можетъ спокойно спать, опасаясь, что жены убьютъ его во снѣ; ему страшно уйти изъ дому изъ опасенія расхищенія его имущества женами. Въ семействѣ адъ, жесточайшая вражда между женами и дѣтьми. Невыносимость такого положенія непрерывно побуждаетъ людей развиваться въ направленіи къ семейной солидарности. Но такъ какъ государство, основанное на прирученіи и власть, смотрящая на подданныхъ, какъ на скотъ, деморализуетъ семейство въ тѣхъ-же самыхъ размѣрахъ, въ которыхъ оно само деморализовано, то потребность улучшить семейный бытъ вызываетъ постоянную потребность улучшать государственныя отношенія. Семейство только тогда можетъ жить здоровой и нормальной жизнью, когда въ немъ господствуетъ полная солидарность, сильные работаютъ на слабыхъ, собственность исчезаетъ, всякій, работая по своимъ силамъ, пользуется имуществомъ въ размѣрѣ своихъ потребностей. Поэтому стремленіе къ здоровому семейству побуждало, побуждаетъ и будетъ побуждать людей создать общественный порядокъ, гдѣ сильные работали-бы на слабыхъ, гдѣ господствуетъ солидарность, всякій трудится по мѣрѣ

своихъ силъ и получаетъ по мѣрѣ своихъ потребностей. Историческая борьба безсознательно во имя самой организаціи человѣка направлялась къ указанной нами цѣли; велась она путемъ созиданія въ людяхъ новыхъ инстинктовъ, а потому она творила инстинктивныя организаціи; организаціи, гдѣ связь между людьми созидалась эксплуататорами, пользовавшимися извѣстными, укоренившимися у нихъ инстинктами или даже создававшими такіе инстинкты своей политикой. Люди защищались противъ этой эксплуатаціи, опять таки выработывая въ своей средѣ полезные для нихъ инстинкты или привычки. Однако-же такой путь развитія оказывался весьма медленнымъ и неудовлетворительнымъ. Инстинктивная организація всегда была основана на эксплуатаціи, эксплуатація неизбѣжно понижала нравственный и умственный уровень эксплуатируемыхъ и въ особенности эксплуатирующихъ, разслабляла организмъ эксплуатирующихъ путемъ, о которомъ мы говорили выше, деморализировало семейство, и тѣмъ неизбѣжно направляло союзъ къ развязкѣ. Въ первобытныхъ обществахъ государства слагаются и разлагаются непрерывно, никакого прочнаго порядка не можетъ установиться. Это условіе неустойчивости оказывается до того живучимъ, что еще тысячу лѣтъ тому назадъ оно повторилось на нашихъ глазахъ въ Европѣ и въ Азіи. Лишь только Русь начала составлять объединенное государство, какъ государство это тотчасъ-же стало разлагаться подъ вліяніемъ удѣльной системы. Для его объединенія нужно было монгольское завоеваніе, но и монгольское государство сейчасъ-же начало разлагаться лишь только оно создалось. Тоже было и на западѣ Европы съ имперіею Карла Великаго, тоже въ Азіи и Африкѣ съ калифатомъ. Для приданія прочности инстинктивнымъ организаціямъ человѣчествомъ былъ выработанъ религіозный инстинктъ, но исторія этого инстинкта доказала съ неотразимой ясностью, что на инстинктахъ нельзя построить общественной жизни, удовлетворяющей потребностямъ человѣческимъ. Организація созидается на инстинктивномъ основаніи исключительно за недостаткомъ раціональнаго. Инстинкты выработываются путемъ подражанія и безсмысленнаго повторенія въ идеяхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ; имъ неизбѣжно не достаетъ яснаго пониманія какъ самой цѣли, такъ и средствъ, ведущихъ къ ней. Религіозный инстинктъ оказался наиболѣе могущественнымъ изъ всѣхъ инстинк-

товъ, способныхъ цементировать государство. Вѣра, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, вызывала неизмѣнное повиновеніе къ теократической власти, господствовавшей надъ государствомъ. Но религія разошлась съ политикой и все дѣло этимъ разрушилось. Государства слагались и разлагались своимъ путемъ, а религіи своимъ. Если инстинктивныя средства оказывались недостаточными, чтобы упрочивать государственный союзъ, то они были настолько-же мало удовлетворительны для защиты людей отъ эксплуатаціи. Чтобы сцементировать государство, власть старалась развивать инстинкты повиновенія, но слѣпое повиновеніе было гибельно для гражданъ и они старались защищаться противъ необузданной эксплуатаціи, развивая въ своей средѣ инстинкты собственности. Такимъ образомъ пошли рядомъ три рода инстинктивныхъ организацій, изъ которыхъ каждая сдѣлалась тѣмъ менѣе удовлетворительной и тѣмъ болѣе вредной, чѣмъ дальше развивалось общество. Первый родъ составляли религіозныя организаціи, сцементированныя общей вѣрой, второй — политическія, сцементированныя инстинктомъ повиновенія, третій — соціальныя, сцементированныя инстинктомъ собственности, который развился изъ неискоренимаго въ человѣкѣ стремленія располагать произведеніями своего труда и превратившись въ инстинктъ, принялъ формы, ничего общаго съ этимъ стремленіемъ не имѣющія. Каждый изъ нихъ созидалъ неограниченную власть: религіозныя организаціи требовали неограниченной власти духовенства надъ совѣстью людей — слѣпой вѣры, и признавали отступленіе отъ вѣры преступленіемъ, достойнымъ строжайшаго наказанія; политическія организаціи требовали слѣпого повиновенія государю и ослушниковъ казнили; — инстинктъ собственности создавалъ соціальныя организаціи и установлялъ соціальный порядокъ, средоточіемъ котораго былъ собственникъ, имѣющій неограниченную власть надъ имуществомъ, организовалъ производство и потребленіе. Землевладѣлецъ, собственникъ рабовъ и зависимыхъ людей былъ центромъ соціальной организаціи въ то время, когда государь былъ центромъ политической. Пользуясь неограниченной властью надъ имуществомъ и людьми, признаваемыми имуществомъ, онъ распредѣлялъ работы, производилъ, какъ выражались собственники, и произведенное распредѣлялъ по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ онъ дѣлался центромъ организаціи производства, связью

между производителями и потребителями, и посредствомъ своей власти надъ имуществомъ могъ эксплуатировать какъ тѣхъ такъ и другихъ такъ-же, какъ государь эксплуатировалъ своихъ подданныхъ. Рядомъ съ поземельнымъ собственникомъ выростали въ городахъ инстинктивныя организаціи ремесленниковъ и другихъ производителей, и купцы. Хозяинъ ремесленнаго заведенія, завода, мануфактуры т. е. учрежденія, работающаго съ помощью раздѣленія труда, пріобрѣталъ неограниченную власть и возможность эксплуатировать и производителей и потребителей, дѣлаясь собственникомъ заведенія и производимаго товара. Въ Китаѣ и Индіи при исключительномъ господствѣ инстинктивныхъ организацій заведенія съ самымъ сложнымъ раздѣленіемъ труда достигали высокой степени совершенства. Купецъ дѣлался центромъ инстинктивной организаціи и могъ эксплуатировать какъ производителей, такъ и потребителей товара чрезъ неограниченную власть т. е. чрезъ собственность надъ лавкой и ея товаромъ. Втеченіе вѣковъ собственность и религія составляли единственныя средства для самозащиты отъ военной диктатуры и эксплуатаціи деспотизма и притомъ только для тѣхъ, кто держалъ въ своихъ рукахъ или эту собственность или духовную власть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Исторія человѣчества есть исторія перехода отъ инстинктивныхъ къ сознательнымъ организаціямъ. Почему началось съ перехода къ политическимъ сознательнымъ организаціямъ. Цѣны на трудъ и условіе ихъ образованія.

Исторія человѣчества представляетъ изъ себя исторію инстинктивной работы людей надъ гибельной стороной инстинкта повиновенія. Инстинктъ этотъ создавалъ общества, основанныя на эксплуатаціи; подобныя общества находятся въ такомъ противорѣчіи съ нормальными условіями развитія и благосостоанія, какъ эксплуатируемыхъ, такъ и эксплуатирующихъ, что они порождаютъ неизбѣжное и неустанное стремленіе людей перейти къ формамъ, сцементированнымъ солидарностью. Исторія показала однако-же, что сдѣлать такой переходъ инстинктивнымъ путемъ невозможно. Сколько не старалось человѣчество втеченіе

необозримаго числа тысячелѣтій, но оно не достигло цѣли. Нельзя сказать, чтобы при этомъ окончательно невозможенъ былъ прогрессъ. Умственное превосходство составляетъ отличительную черту человѣка по сравненію со всѣми другими животными, умъ его работалъ и отъ каменныхъ орудій дошелъ до такого совершенства въ трудѣ, какое мы видимъ въ Китаѣ и въ Индіи; явились трудолюбивые сыны восточной цивилизаціи, способные производить самое густое населеніе на земномъ шарѣ. Все таки они не соблюдаютъ того условія, при которомъ человѣкъ выполняетъ свое истинное назначеніе на землѣ. Человѣкъ самое интеллигентное животное и его назначеніе развивать эту интеллигентность. Начиная отъ неорганической матеріи развитіе впечатлительности и способности къ мышленію составляетъ всю суть мірового прогресса. Только этимъ путемъ кислородъ, водородъ и другія химическія тѣла достигли того, что составили изъ себя человѣческій организмъ, обладающій такой высокой степенью способности къ мышленію. Если вся суть жизни матеріи вообще заключается въ развитіи мыслительныхъ силъ, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о человѣкѣ. Но мы уже видѣли выше, что инстинктивное сожительство основано изъ конца въ конецъ на усыпленіи въ людяхъ мыслительной дѣятельности. Цѣль религіи и прирученія превратить извѣстныя воззрѣнія въ безсознательный инстинктъ, а потому всякая религія, всякое прирученіе ведутъ неустанную борьбу съ развитіемъ въ человѣкѣ мыслительныхъ силъ и наклонностей; ихъ спокойное и прочное существованіе только до тѣхъ поръ и возможно, пока мышленіе въ народной массѣ апатично и слабо. Съ умственнымъ пробужденіемъ начинается неизбѣжная борьба и противъ религіи и противъ власти приручителей. Эта борьба будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока и религія и власть приручителей будутъ окончательно уничтожены; религія будетъ замѣнена идеей нравственности, основанной на правильномъ синтезѣ, а неограниченная власть приручителей, какъ въ политической, такъ и въ соціальной сферѣ сознательными организаціями. Вся соціально-политическая исторія человѣчества заключаетъ въ себѣ прогрессированіе отъ инстинктивныхъ къ сознательнымъ организаціямъ. На первый взглядъ ходъ этого развитія кажется намъ очень страннымъ, онъ начался съ превращенія политическихъ организацій т. е. государствъ изъ инстинктивныхъ въ сознательныя.

Повидимому было-бы гораздо раціональнѣе начать съ соціальныхъ. Что смыслитъ безграматный крестьянинъ или работникъ въ международныхъ отношеніяхъ или въ управленіи государствомъ? — Онъ не знаетъ даже и названій сосѣднихъ государствъ, не всегда слышалъ названія тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, которыми управляется его отечество. Между тѣмъ деревню свою и земли къ ней принадлежащія онъ знаетъ прекрасно; ему гораздо естественнѣе было-бы замѣнить кулака торговца общественною дѣятельностью, имѣть лавку съ наемными прикащиками, которая снабжала-бы жителей всѣмъ для нихъ необходимымъ; вмѣсто тысячи, пятисотъ или ста плохихъ избъ построить одинъ великолѣпный дворецъ, окружить его роскошнымъ садомъ, паркомъ и жить въ немъ сообща по царски; сообща обработывать земли и т. п. Стоитъ однако-же только нѣсколько внимательнѣе присмотрѣться къ дѣлу, чтобы понять почему превращеніе инстинктивныхъ организацій въ сознательныя началось именно съ наименѣе доступной для массы стороны, съ организацій политическихъ и иначе начаться не могло. Исторія показываетъ намъ, что сознательныя соціальныя организаціи по времени дѣйствительно предшествовали. Родовыя коммунистическія общины, коммунистическія военныя братства, общинное землевладѣніе существовали съ незапамятныхъ временъ, а первое федеративно-демократическое государство появилось только сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ. Но всѣ эти учрежденія были разрушены и уничтожены инстинктивными политическими организаціями т. е. неограниченными монархіями или государствами, сцементированными духовной или военной аристократіей въ родѣ карфагенской и римской. Даже того уровня нравственности, при которомъ возможно было развитіе солидарныхъ соціальныхъ организацій не могло сохраниться. Онѣ всѣ погибали отъ ядовитаго дуновенія эксплуататорскихъ инстинктовъ и ложныхъ воззрѣній на человѣческое счастье, развиваемыхъ инстинктивными политическими организаціями. Ученое глубокомысліе стало находить, что сознательныя соціальныя организаціи несогласимы съ человѣческимъ прогрессомъ; имъ казалось, что съ этимъ прогрессомъ согласимы только тупоуміе и животная инстинктивность безпомощно и безсмысленно подчиняющаяся эксплуатаціи. Исторія дѣйствительно показывала, что при господствѣ инстинктивныхъ политическихъ организацій всѣ сознательныя

соціальныя или уничтожались силою или видоизмѣнялись до того, что онѣ дѣлались окончательно неспособными выполнять свое назначеніе. Въ Россіи напр. долго сохранились въ обширныхъ размѣрахъ мирскія земли, общестаенныя воды, казацкія и другія соціальныя организаціи; на громадныхъ пространствахъ частное землевладѣніе вовсе не существовало, но подъ давленіемъ инстинктивной политической организаціи, тѣхъ воззрѣній и чувствъ, которыя ею размножались, эти прекрасныя созданія народнаго генія исказились до того, что они народу ровно никакой пользы не приносили. Правда, что они спасали народъ отъ образованія сельскаго пролетаріата, но они не помѣшали тому, что половина населенія попала въ крѣпостную зависимость, которая создала въ его средѣ невыразимую бѣдность и униженіе. Казацкія земли и воды цѣликомъ принадлежали народу, который въ особенности на водахъ ввелъ порядки, неслыханнаго въ западной цивилизаціи совершенства; но такъ какъ народъ этотъ былъ подъ деспотическимъ управленіемъ офицеровъ, то офицеры перевернули все по своему; они самовольно завладѣли лучшими землями и водами и поселили на нихъ сотни тысячъ своихъ крѣпостныхъ людей. На горныхъ земляхъ чиновники распоряжались, какъ рабовладѣльцы заводчики и помѣщики и расплодили невѣроятную бѣдность. На прочихъ хотя земля и дѣлилась поровну среди общины, но между общинами она была распредѣлена самымъ неравномѣрнымъ образомъ и повинностями она облагалась еще неравномѣрнѣе. Государственные, удѣльные и другіе крестьяне платили оброкъ, а помѣщичьи земли ничего не платили и пользовались крѣпостнымъ трудомъ; — заваливая рынки продуктами, произведеніе которыхъ имъ ничего не стоило, они до того сбивали цѣны, что доводили крестьянъ до голода и нищеты. Въ окончательномъ результатѣ оказывалось, что подъ гнетомъ крѣпостного права и чиновничьяго произвола положеніе сельскаго населенія въ Россіи было хуже, чѣмъ гдѣ либо въ цивилизованномъ мірѣ.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ умственнаго пробужденія въ западной цивилизаціи было постоянно возрастающее стремленіе народовъ къ политической эмансипаціи. Послѣ перваго перехода къ конституціонному управленію они все яснѣе видѣли недостатки этого управленія и устраняя ихъ шли все далѣе, пока не дошли до федеративнаго демократическаго. Рядомъ съ этимъ устранялись

въ нѣкоторой степени даже помимо политической эмансипаціи такія соціальныя учрежденія, которыя создавали рабскую, принудительную работу однихъ гражданъ по распоряженію и приказанію другихъ. Явилось общество, соціальнымъ базисомъ котораго были свободная собственность, наемный трудъ и свободная конкуренція: рабская, принудительная работа сохранилась только въ ограниченномъ размѣрѣ, преимущественно въ формѣ воинской повинности. Если инстинктивныя политическія организаціи приводили къ паденію сознательныхъ соціальныхъ и понижали въ этой сферѣ уровень человѣческой нравственности, то съ другой стороны развитіе сознательныхъ политическихъ организацій совершенствовало инстинктивную дѣятельность человѣка въ области соціальной.

Проницательная политическая экономія создала теорію образованія рыночныхъ цѣнъ подъ вліяніемъ конкуренціи и доказывала, что конкуренція неизбѣжно низводитъ заработанную плату до минимума, необходимаго для существованія работника и что никакія усилія и учрежденія не избавятъ его отъ такого злополучія. Мы уже показали выше, что такое ученіе изъ конца въ конецъ противорѣчило правильному синтезу. Если-бы кто-нибудь задался цѣлью разыскать такой рынокъ, гдѣ-бы цѣны на трудъ низведены были единообразно до минимума человѣческихъ потребностей, то онъ могъ-бы изъѣздить весь свѣтъ и нигдѣ не нашелъ-бы ничего похожаго на подобный рынокъ. Вездѣ онъ нашелъ-бы весьма различныя цѣны на ручную работу и разница эта была-бы тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе развивалось общество и его производство. Если-бы онъ поставилъ себѣ задачу опредѣлить тотъ минимумъ потребностей, до котораго конкуренція по предполеженію политико-экономовъ неизбѣжно низводитъ заработную плату, то онъ убѣдился-бы, что для конкуренціи прямо и окончательно невозможно дать такой результатъ. Онъ-бы нашелъ, что минимумъ потребностей превзойденъ человѣкомъ уже въ тѣ времена, когда не могло быть рѣчи ни о рынкѣ, ни о рыночныхъ цѣнахъ, ни о конкуренціи. Дикарь сѣвернаго полушарія нагой на югѣ, одѣтый въ звѣриныя шкуры на сѣверѣ уже переступилъ за предѣлы минимума потребностей, необходимыхъ для поддержанія организма, того минимума, которому удовлетворяетъ дикое животное. Уже дикарь трудящійся человѣкъ, а не животное. Человѣкъ культуры и труда на той ступени его развитія, когда и рынокъ и раздѣле-

ніе труда находятся еще въ зачаточномъ состояніи, когда работникъ все ему нужное производитъ самъ для себя, и такой человѣкъ прекрасно знаетъ, что ему необходимо производить и имѣть въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ нужно для удовлетворенія минимума его потребностей. Ему это необходимо для того, чтобы обезпечить и вскормить дѣтей, которыя могутъ у него родиться, онъ можетъ и желаетъ имѣть большое семейство, а для этого ему необходимо производить вдвое и втрое болѣе, чѣмъ нужно ради удовлетворенія единоличнаго минимума. Помимо этого онъ долженъ производить вдвое болѣе крайне необходимаго уже потому, что за обильнымъ годомъ можетъ послѣдовать неурожайный, который дастъ ему вдвое менѣе въ вознагражденіе за его трудъ.

Уже на этой ступени развитія выживаютъ только тѣ народы, у которыхъ предусмотрительность — это качество рѣзко возвышающее человѣка надъ животнымъ, достаточно велика, чтобы заставить его производить вдвое и втрое болѣе крайне ему необходимаго. Уже съ незапамятныхъ временъ онъ выработывалъ себѣ инстинкты, которые помагали ему въ этомъ дѣлѣ. На ряду съ религіей люди выработывали у себя такіе нравы и такой обычный образъ жизни, которые вынуждали ихъ имѣть гораздо болѣе необходимаго для удовлетворенія минимума ихъ потребностей, такъ чтобы въ случаѣ увеличенія семейства или бѣды, у нихъ все таки еще оставалось-бы по крайней мѣрѣ неизбѣжно необходимое. Вѣдь они должны были производить не только ради удовлетворенія своихъ нуждъ и нуждъ своего семейства, но и для возмѣщенія того, что отымала у нихъ жадность разбойниковъ, хищниковъ, эксплуататоровъ и государей, которые были не лучше разбойниковъ. За выработанные ради этихъ цѣлей нравы и обычный образъ жизни народы должны были держаться съ фанатическимъ упорствомъ, иначе они вымирали и погибали. Вотъ почему они научились глубоко ненавидѣть и презирать отступниковъ отъ подобныхъ обычаевъ. Одѣтый номадъ, приручитель животныхъ, глубоко презираетъ и ненавидитъ голаго, бродячаго охотника потому, что онъ установилъ въ своей средѣ обычный образъ жизни, который возвышаетъ его неизмѣримо болѣе надъ минимумомъ человѣческихъ потребностей, чѣмъ стоитъ охотникъ. Это Яковъ, величающійся надъ Исафомъ. Земледѣлецъ, имѣющій жилище, запасы, одѣвающій своихъ дѣтей, которыя у номада ходятъ голыми, точно такъ-же глубоко

презираетъ и ненавидитъ грязную жизнь номада, который ѣстъ безмѣрно, нѣжится на солнце и жирѣетъ, когда земля покрыта сочными травами и погибаетъ съ голоду вмѣстѣ съ своимъ скотомъ, когда солнце выжигаетъ поля или зима покрываетъ ихъ снѣгомъ.

Земледѣлецъ обезпечиваетъ себя своими произведеніями цѣлый годъ кругомъ. У него является обычай тратить иногда половину своего заработка на пиры по случаю свадьбы, похоронъ, рожденія дѣтей, годовые праздники. Срамъ и позоръ не справлятъ эти торжественные дни. Такой обычай пріучаетъ его экономизировать и помогаетъ ему переживать голодъ. У него является понятіе о нечистой и чистой пищѣ, онъ глубоко начинаетъ презирать человѣка, который ѣстъ всякую дрянь, все нечистое. Зная, какъ заманчивы его запасы для хищниковъ и эксплуататоровъ, онъ научается ихъ скрывать и способенъ выносить всѣ пытки и мученія, но не выдавать своей тайны; умираетъ за свои запасы, какъ умираютъ за религію. Надъ этимъ культурнымъ человѣкомъ возвышается работникъ цивилизованнаго государства. Этотъ выработалъ себѣ обычный образъ жизни, стоящій значительно выше культурнаго. Какой нибудь нѣмецкій швабъ, презиравшійся въ Германіи за грубость своихъ нравовъ, переселяется на Кавказъ и тутъ смотритъ съ глубокимъ презрѣніемъ на грузина — эту культурную и трудовую силу Кавказа. Обычный образъ жизни грузина съ его нечистоплотностью, вшивымъ платьемъ, массой насѣкомыхъ въ саклѣ, внушалъ ему неодолимое отвращеніе. Онъ счелъ-бы себя несчастнѣйшимъ и презрѣннѣйшимъ изъ людей, если-бы ему пришлось вести такой образъ жизни. Уже на этой стадіи цивилизаціи между рабочими являются люди, способные предпочесть голодную смерть нищенству. Чувство чести становится новымъ стимуломъ для удержанія заработной платы на высокомъ уровнѣ. Если человѣка культурнаго лишаютъ возможности поддерживать свой обычный образъ жизни, онъ дѣлается разбойникомъ, воромъ и нищимъ, но до конца стоитъ за свой обычай. Если человѣка новѣйшей цивилизаціи ставили въ такое положеніе, онъ дѣлалъ революцію во имя идеи; явленіе невозможное для человѣка культурнаго. Вотъ послѣ какой подготовки вступалъ въ жизнь рабочій XIXго вѣка въ то время когда революціи создали для него свободный наемный трудъ и конкуренцію и возложили на него задачу создать на этихъ основаніяхъ рыночныя цѣны.

Стремленіе крѣпко держаться за свой обычный образъ жизни, ненавидѣть и презирать всякаго, кто понижалъ его своимъ поведеніемъ, которое жило и укоренялось въ его душѣ втеченіе многихъ вѣковъ его историческаго существованія и въ тѣ отдаленныя времена, когда онъ былъ номадомъ и сокрушалъ античную цивилизацію, и тогда, когда онъ сдѣлался культурнымъ земледѣльцемъ, и тогда, когда у него явилась граматность и цивилизація, но когда онъ еще въ значительныхъ размѣрахъ оставался подневольнымъ работникомъ, — этотъ инстинктъ не только не изчезъ въ немъ, но значительно укоренился и развился. Подъ давленіемъ этого инстинкта люди боролись изъ всѣхъ силъ во имя сохраненія своего обычнаго образа жизни и умирали отъ горя и страданія, когда не могли его поддерживать даже и тогда, когда ихъ обычный образъ жизни стоялъ весьма высоко надъ уровнемъ минимума человѣческихъ потребностей. Этотъ инстинктъ заставлялъ высшіе классы: рабовладѣльцевъ, крѣпостниковъ, аристократовъ, буржуазію, даже государей такъ ревниво отстаивать тѣ порядки, при которыхъ установился ихъ обычный образъ жизни. Вынужденные его измѣнятъ, они не рѣдко испытывали до того тяжкія страданія, что погибали отъ горя при обстановкѣ, которая имъ казалась бѣдностью и униженіемъ, а постороннимъ зрителямъ роскошью, излишествомъ и безумнымъ высокомѣріемъ. Дуновеніе раціонализма боролось въ нихъ съ этимъ инстинктомъ и одолѣвало его, такъ какъ онъ стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ условіями человѣческаго прогресса. Въ нихъ это была тупая и слѣпая инстинктивность, которая смѣшивала излишнее и вредное съ необходимымъ и полезнымъ. Поэтому инстинктъ дѣйствовалъ въ нихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе были ихъ природныя способности, чѣмъ ниже ихъ умственное развитіе; женщины страдали отъ него больше мужчинъ, умственно и нравственно неразвитые люди причиняли этимъ инстинктомъ болѣе зла себѣ и другимъ, чѣмъ развитые. Въ рабочемъ населеніи было наоборотъ: раціонализмъ не только не подавлялъ этого инстинкта, но укрѣплялъ его и давалъ ему дальнѣйшее развитіе,

Происходило это слѣдующимъ образомъ: Пока государство погрязало въ невѣжествѣ масса трудящейся интеллигенціи поддерживала обычный свой образъ жизни усиливая эксплуатацію по мѣрѣ своего размноженія; отъ народа она отличалась тѣмъ, что

вела лѣнивую жизнь, работала очень мало, дѣлала свое дѣло насколько возможно небрежнѣе и недобросовѣстнѣе и пьянствовала безмѣрно. Какъ скоро въ трудящейся интеллигенціи возбуждалась умственная дѣятельность, ей прежде всего бросалась въ глаза грязная, халатная жизнь ея братьевъ по профессіи. Въ странахъ, далеко подвинувшихся въ цивилизаціи, трудящаяся интеллигенція жила конфортабельнѣе и чистоплотнѣе и обнаруживала болѣе высокій уровень нравственной чистоты. Пробужденные отъ варварства люди, занимающіеся интеллигентнымъ трудомъ, стремились имъ подражать. Мы всѣ были свидѣтелями такого пробужденія въ Россіи въ мрачныя времена умственнаго гоненія при императорѣ Николаѣ. Сначала въ столицахъ, а потомъ въ большихъ городахъ и т. д. стали размножаться люди, которые старались замѣнить для себя однообразную, халатную жизнь чиновниковъ жизнію интеллигенціи по западно-европейскому образцу. Для этого они изобрѣтали для себя трудъ, который находилъ сбытъ. Въ семействахъ, гдѣ въ прежнія времена мужчины и женщины вели лѣнивую жизнь, содержали себя скуднымъ жалованьемъ и взятками, явилось молодое поколѣніе либеральное, изобретательное и трудолюбивое; — мужчины и женщины соперничали въ искусствѣ изыскивать новые источники вознаграждаемаго труда и кончали тѣмъ, что вели упорно трудолюбивую, но конфортабельную жизнь. Они создали и распространяли по Россіи новый, обѣчный образъ жизни интеллигенціи и установляли на этомъ основаніи цѣны на трудъ.

Тоже самое было въ западной Европѣ и на всемъ пространствѣ, гдѣ водворилась западная цивилизація. Размножались тѣ химики, техники, инженеры, агрономы, которые придавали промышленной производительности новый видъ, писатели, газетчики, народные учители, медики, которые развивали народъ умственно и нравственно, вызывали въ немъ новыя потребности и показывали ему, какъ существенно необходимо удовлетвореніе этихъ потребностей для того, чтобы обезпечить жизнь и здоровіе не только слабыхъ, т. е. женщинъ и дѣтей, но и взрослыхъ рабочихъ. Прежняя работа приносила съ собою на каждомъ шагу гибельныя послѣдствія; отъ ней наживали неизлѣчимыя болѣзни рыбакъ зимою въ холодной водѣ, угольщикъ и пастухъ подъ дождемъ днемъ и ночью, земледѣлецъ въ смертоносномъ болотѣ, кружевница и швея отъ

изнурительной работы и такъ безъ конца. Новое производство удвоило списокъ смертоносныхъ и вредныхъ работъ. Прежде рабочій считалъ все это неизбѣжнымъ зломъ, теперь интеллигенція доказывала ему необходимость ограждать себя отъ него. Прозрѣвшій работникъ сталъ дѣйствовать такъ же, какъ дѣйствовала интеллигенція, и онъ сталъ изобрѣтать новыя отрасли оплачиваемаго труда для того, чтобы увеличивать свои заработки; трудъ его сдѣлался производительнѣе и въ этомъ ему помогала интеллигенція своей изобрѣтательностью. Явилось небывалое развитіе промышленности, которая создавала все болѣе искусный и высоко оплачиваемый трудъ, являлся рядъ степеней обычнаго образа жизни, изъ которыхъ только низшія ступени сохранялись на прежнемъ уровнѣ, сельскій рабочій въ массѣ отсталъ отъ городского. Конечно въ средѣ интеллигенціи уровень обычнаго образа жизни возвышался быстрѣе, чѣмъ въ народной массѣ и сравнительно можно было сказать, что богатые дѣлаются богаче, а бѣдные бѣднѣе; но на сколько при этомъ движеніи выигрывали и бѣдные видно изъ заработной платы въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ работникъ дѣлалъ по прежнему прежнее дѣло, напр. относительно прислуги. Прислуга крайне дешевая въ невѣжественныхъ странахъ сдѣлалась недоступно дорогой въ наиболѣе развитыхъ; работникъ отказывался переносить такое плохое удовлетвореніе своихъ потребностей, при которомъ онъ не могъ имѣть даже семейства.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Связь между умственнымъ движеніемъ и цѣнами на трудъ. Причины, вызывающія стремленіе къ сознательнымъ соціальнымъ организаціямъ. Движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ Америки: коммунистическія общины и ихъ значеніе.

Цѣны на рынкѣ устанавливаются не отдѣльными лицами, не меньшинствомъ, а той массой, которая поставляетъ наибольшую часть произведеній извѣстнаго рода или труда, извѣстнаго качества. Подъ вліяніемъ инстинкта, стремящагося къ сохраненію и улучшенію обычнаго образа жизни создаются тѣмъ

высшія цѣны, чѣмъ интеллигентнѣе лица, поставляющія произведеніе или трудъ. Всего дороже стоятъ трудъ и произведенія, требующія высшей интеллигентности. Ниже стоитъ плата за капиталъ. Чтобы экономизировать капиталъ, причислиться къ имущему классу или сохраниться въ его рядахъ нуженъ болѣе высокій уровень самообладанія и интеллигентности, чѣмъ уровень массы безграматнаго и полуграматнаго населенія, но менѣе высокій, чѣмъ необходимо для научно-развитой интеллигенціи; поэтому масса имущаго класса, мелкіе крестьяне землевладѣльцы, лавочники, хозяева ремесленники, кулаки, прасолы и т. п. живутъ вообще хуже интеллигенціи. Конечно, если человѣкъ чрезъ накопленіе богатства и заказовъ можетъ поставлять на рынокъ въ огромныхъ количествахъ тотъ товаръ, который рядовымъ собственникомъ или предпринимателемъ поставляется только въ размѣрахъ, необходимыхъ для обезпеченія его существованія, то и доходъ его увеличится въ размѣрѣ количества поставляемыхъ имъ произведеній. Источникомъ его дохода будетъ уже не конкуренція, а власть, уничтожающая конкуренцію. Увеличеніе дохода, даваемаго властью, сообразуется съ размѣрами инстинктивности тѣхъ организацій, изъ которыхъ власть происходитъ. По сравненію съ доходомъ, создаваемымъ конкуренціею, власть даетъ тѣмъ болѣе дохода, чѣмъ сильнѣе развита инстинктивность въ обществѣ. Наиболѣе обильнымъ источникомъ дохода служатъ для властедержителей инстинктивныя политическія организаціи. При такихъ инстинктивныхъ организаціяхъ, т. е. при неограниченномъ правленіи государь самый богатый человѣкъ въ своей странѣ; процентъ государственнаго дохода, который идетъ на содержаніе двора тѣмъ значительнѣе, чѣмъ инстинктивнѣе политическая организація. Въ азіатскихъ государствахъ онъ значительнѣе, чѣмъ въ Россіи; общественныя потребности тамъ ставятся ниже личныхъ потребностей государя, но уже въ Россіи взглядъ измѣняется.

При переходѣ отъ инстинктивности къ сознательности, государь долго продолжаетъ оставаться самымъ богатымъ человѣкомъ своего государства. Даже въ настоящее время въ Англіи, гдѣ государь ограниченъ болѣе, чѣмъ въ другихъ монархіяхъ, едва-ли окажется богачъ, который проживаетъ болѣе, чѣмъ королева съ цивилистой, назначенной ей и на содержаніе ея двора. Когда политическая

организація превращается изъ инстинктивной въ сознательную, а соціальныя организаціи попрежнему остаются инстинктивными, — въ федеративныхъ демократіяхъ — глава администраціи, президентъ получаетъ содержаніе, которое значительно ниже дохода, получаемаго самыми крупными изъ капиталистовъ.

Цѣны, устанавливаемыя конкуренціею и властью слѣдовали противоположному закону, однѣ повышались съ возрастаніемъ сознательности въ народѣ, а другія понижались и эти два направленія шли параллельно. Повсемѣстно заработная плата въ селеніяхъ ниже, чѣмъ въ городахъ и промышленныхъ центрахъ; въ самыхъ глухихъ и невѣжественныхъ углахъ страны она стоитъ ниже всего. Такое-же соотвѣтствіе между умственнымъ развитіемъ населенія и заработной платой замѣчается при сравненіи разныхъ странъ. При одинаково низкомъ уровнѣ развитія и рыночныя цѣны бываютъ одинаковы, какъ при густомъ, такъ и при рѣдкомъ населеніи. Въ пустынной Россіи и въ густо населенной Индіи заработная плата приблизительно одинакова. Уровень обычнаго образа жизни тѣмъ болѣе возвышается, чѣмъ болѣе политическая и соціальная организація страны способствуетъ возбужденію умственной дѣятельности населенія. Во второй трети XIX^го^ вѣка самая высокая заработная плата была въ свободныхъ Соединенныхъ Штатахъ Америки, потому что нигдѣ умственная жизнь въ народѣ не возбуждалась такъ сильно, какъ у нихъ подъ вліяніемъ федеративно-демократическаго принципа. Въ англійскихъ колоніяхъ настолько-же многоземельныхъ и плодоносныхъ цѣны на трудъ все таки ниже, давленіе англійскаго режима препятствуетъ свободному развитію умственной жизни. Принципъ рабовладѣнія еще сильнѣе давилъ на умъ народа, а потому цѣны на трудъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ Америки стояли еще ниже. Въ южной Америкѣ онѣ стояли ниже вслѣдствіе заглупляющаго вліянія католическаго духовенства, рабства и крупнаго землевладѣнія, а въ Россіи еще ниже. Въ Европѣ можно было наблюдать то-же явленіе; въ Англіи было въ народѣ всего болѣе умственной жизни и самыя высокія цѣны на трудъ. Въ Швейцаріи въ кантонахъ, находившихся подъ гнетомъ католическаго духовенства, цѣны на трудъ были ниже; а въ кантонахъ, гдѣ умственной жизни было всего болѣе, можно было наблюдать стремленіе къ повышенію заработной платы, которое парализовалось наплывомъ болѣе грубыхъ

элементовъ извнѣ, въ особенности сильно страдалъ отъ этого женевскій кантонъ.

Лишь только возбужденіе умственной дѣятельности въ народѣ начинало инстинктивнымъ путемъ возвышать обычный образъ жизни, какъ тотчасъ было замѣчено противодѣйствіе этому направленію путемъ власти въ инстинктивныхъ организаціяхъ. Власть политическая, власть соціальная давала властедержителямъ возможность отмѣривать себѣ львиную долю, и, что еще важнѣе, дѣлать какъ можно хуже то дѣло, для котораго существовала инстинктивная организація. Деспотъ не только бралъ себѣ львиную долю изъ цѣнностей, производимыхъ страною, но онъ относился съ крайнимъ пренебреженіемъ, а затѣмъ даже съ ненавистью къ тѣмъ потребностямъ, ради которыхъ управленіе существовало; онъ относился съ безсовѣстнымъ пренебреженіемъ къ вопросамъ народнаго образованія и благосостоянія. Такъ-же поступалъ и капиталистъ; если деспотъ исключительно заботился объ увеличеніи своей власти, то капиталистъ исключительно заботился объ увеличеніи своего богатства; въ качествѣ купца, фабриканта и т. п, онъ не только обездоливалъ какъ тѣхъ, чей трудъ и чьи произведенія онъ покупалъ, такъ и публику, которой онъ продавалъ произведенія труда; онъ не только сваливалъ на нихъ свои убытки, но относился къ ихъ потребностямъ съ самой безцеремонной развязностью. Работниковъ онъ заваливалъ неестественно мучительной дневной и ночной работой, не давая пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ; онъ такъ небрежно относился къ санитарнымъ условіямъ этой работы, что она порождала больше жертвъ, чѣмъ заразительныя болѣзни. Публику онъ отравлялъ фальсификаціей.

Когда капиталисты получали въ свои руки политическую власть, они воздвигали надъ обществомъ такой деспотизмъ, который мало уступалъ деспотизму неограниченныхъ государей; правда, что производство увеличивалось, но оно сопровождалось для общества самыми разнородными и безчисленными страданіями. Одни домовладѣльцы чего стоили; они дѣлались бичами большихъ городовъ, цѣны на квартиры возвышались быстро и непомѣрно, вся масса рабочаго и бѣднаго населенія должна была жить въ такихъ тѣсныхъ и зловредныхъ жилищахъ, что рабочій человѣкъ европейскихъ столицъ и мануфактурныхъ городовъ могъ вполнѣ позавидовать жилищу сѣвернаго шенкурскаго крестьянина. При такихъ усло-

віяхъ первымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ умственнаго движенія въ народной массѣ было порожденіе соціальныхъ ученій. На материкѣ Ервопы они стали играть видную, а потомъ и первостепенную роль прежде, чѣмъ водворилось не только демократическое, но даже просто конституціонное управленіе. Люди разочаровались въ свободѣ, въ политическомъ энтузіазмѣ и стремились къ соціальнымъ реформамъ, вполнѣ упуская изъ виду, что политическія реформы составляютъ корень соціальныхъ. Неумолимая логика событій заставила ихъ однако-же идти тѣмъ путемъ, который неизбѣженъ для развитія человѣческаго мышленія и его нравственнаго уровня. Французская революція 1848го года обратила глаза всего міра на соціальныя ученія и съ того времени они водворились въ современной цивилизаціи безвозвратно. Ей принадлежитъ и эта заслуга и эта слава, но далѣе она не пошла. Она боролась за нихъ съ рѣдкимъ мужествомъ и была побѣждена только послѣ трехъ дней самой упорной битвы на улицахъ Парижа. Послѣ кровавой расправы Каваньяка оказалось, что общество отдало въ распоряженіе соціалистовъ для цѣлей этой борьбы болѣе пятисотъ тысячъ ружей, которыя и были постепенно отобраны у побѣжденныхъ.

Но къ несчастію для осуществленія подобныхъ идей нужно не мужество, а опытность въ устройствѣ организацій. Въ Германіи и Италіи пытались создать національныя мастерскія, въ Испаніи ввести право на трудъ, но изъ этого ничего не вышло. Наиболѣе серьезнымъ образомъ за дѣло соціальныхъ организацій взялись въ Соединенныхъ Штатахъ Америки и въ Англіи. Германія съ ея попытками по иниціативѣ Шульце-Делича и Лассаля стала выше Франціи, но движеніе, въ ней произведенное, было ничтожно по сравненію съ англійскимъ и американскимъ; англійскіе рабочіе могли смотрѣть съ высоты своего величія на слабыя попытки германскихъ соціалистовъ. Поэтому мы сосредоточимъ наше вниманіе на англійскомъ и американскомъ соціальномъ движеніи для разъясненія задачи соціальныхъ организацій и путей къ ихъ осуществленію. Чтобы удобнѣе разсмотрѣть дѣло со всѣхъ его сторонъ, мы не ограничимся предѣлами второй трети XIXго вѣка, а будемъ говорить о соціальномъ движеніи XIXго вѣка вообще. Къ Англіи и къ Соединеннымъ Штатамъ мы присовокупимъ Россію; это необходимо потому, что здѣсь соціальныя организаціи охватили всю

страну и, несмотря на гнетъ инстинктивной политической организаціи, принимали размѣры, неслыханные въ западной Европѣ. Пока соціальныя идеи были исключительнымъ достояніемъ отвлеченныхъ мыслителей, онѣ выливались въ широкія формы всеобъемлющаго общаго труда и общей жизни. Перенесенные изъ кабинетовъ на улицу, онѣ превратились въ рабочій вопросъ; общество смотрѣло еще слишкомъ узко на жизнь и на условія человѣческаго счастья, его нравственный уровень былъ еще слишкомъ низокъ для того, чтобы соціальныя ученія могли сдѣлаться общественными ученіями, а не рабочимъ вопросомъ.

Высокій сравнительно нравственный уровень Соединенныхъ Штатовъ проявился тѣмъ, что они оказались единственной страной въ мірѣ, гдѣ постоянно возникали коммунистическія общества. Они создавались и погибали подобно прекраснымъ экзотическимъ растеніямъ, которымъ невозможно было акклиматизироваться въ суровой странѣ. На первый взглядъ злополучный ихъ исходъ можно было приписать тому, что они не соотвѣтствовали современнымъ условіямъ жизни. При всемірномъ раздѣленіи труда настоящая коммунистическая самоудовлетворяющаяся община не могла образоваться; неизбѣжно выходила община, которая торговала, покупала и продавала, какъ произведенія, такъ и трудъ. Вмѣсто коммунистической общины получалась ассоціація съ общей собственностію и общимъ житьемъ. Характеръ ассоціаціи, въ которую люди входили и изъ которой они выступали на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ люди вступаютъ и выходятъ во всякаго рода товариществахъ, у нихъ нельзя было отнять вслѣдствіе того-же всемірнаго раздѣленія труда. Такое раздѣленіе труда дѣлаетъ трудящагося слишкомъ подвижнымъ; сегодня онъ дровосѣкъ, земледѣлецъ или пастухъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ пустился въ кругосвѣтное плаваніе въ качествѣ матроса, охотится за китами въ ледовитомъ океанѣ, строитъ желѣзныя дороги въ качествѣ инженера или сдѣлался адвокатомъ, ученымъ, артистомъ или губернаторомъ штата. Однако-же коммунистическая община остается все таки необходимой ступенью для достиженія уровня сознательной нравственности потому, что при соціальной организаціи, основанной на свободной собственности и конкуренціи, дѣти приносятся въ жертву Молоху собственности.

Мы уже объяснили выше, что третья часть рабочаго населенія

воспитываетъ двѣ трети дѣтей, живущихъ въ обществѣ, между тѣмъ какъ обремененные и необремененные большими семействами получаютъ одинаковую заработную плату. Двѣ трети дѣтей являются паріями, людьми, оставленными за флагомъ, тѣми, для которыхъ по выраженію прославленнаго буржуазіей Мальтуса не накрыто прибора на пиру жизни. Въ числѣ этихъ двухъ третей существуетъ многочисленный классъ, который можно назвать паріями среди паріевъ, жертвами гнуснаго бездушія и безчеловѣчія современной цивилизаціи. Мы показали зависимость между рыночными цѣнами и уровнемъ умственной силы тѣхъ людей, которые ихъ установляютъ, поэтому сельская заработная плата ниже городской; но есть заработная плата, которая стоитъ еще ниже, — то заработная плата женщинъ. Женщина повсемѣстно принимаетъ менѣе участія въ политической и умственной жизни страны, чѣмъ мущина, развивается слабѣе, а потому и стоитъ на рынкѣ въ послѣднихъ рядахъ людей одной съ нею категоріи. Между тѣмъ женщина мать, воспитаніе дѣтей падаетъ прежде всего и болѣе всего на нее; повсемѣстно женщины воспитываютъ и содержатъ своимъ трудомъ значительную часть дѣтей безъ участія мущины. Въ городахъ и промышленныхъ центрахъ, гдѣ число незаконныхъ дѣтей возростаетъ иногда до половины всего дѣтскаго населенія, гдѣ изъ числа законныхъ дѣтей множество остается на рукахъ матерей вслѣдствіе разврата и пьянства отцовъ, гдѣ число вдовъ увеличивается усиленной смертностью отцовъ отъ зловредной работы, — тамъ число дѣтей, содержимыхъ трудомъ однѣхъ своихъ матерей, этихъ паріевъ изъ паріевъ, часто бываетъ громадно. Такимъ порядкомъ вещей производится не только усиленная смертность дѣтей, но вещь, которая еще хуже: воспитывается многочисленное потомство крайне невѣжественное, развращенное, съ надломленными нуждою силами, съ разбитымъ на всю жизнь здоровьемъ, съ задатками увѣковѣчить пороки своей организаціи въ лицѣ своихъ потомковъ на нѣсколько поколѣній. Противъ такого великаго зла одно радикальное средство — коммунистическая община, гдѣ дѣти воспитываются всѣми сообща, и холостыми и женатыми, и плодовитыми и безплодными.

Тотъ плохо знаетъ природу человѣка и основныя условія его развитія, кто полагаетъ, что образованіе коммунистическихъ общинъ въ Соединенныхъ Штатахъ временное явленіе, которое

можетъ исчезнуть. Исчезновенie его возможно только вслѣдствie упадка нравственнаго уровня; дальнѣйшее развитie нравственнаго чутья неизбѣжно приведетъ къ размноженiю этихъ общинъ, къ тому, что онѣ изъ Америки перейдутъ въ Европу. Число ихъ сдѣлается мѣриломъ нравственнаго уровня, на которомъ стоитъ каждое государство и каждый народъ. Съ этой точки зрѣнiя т. е. съ той, съ которой коммунистическая община представляется въ наиболѣе вѣрномъ освѣщенiи, коммунистическая идея обращается къ намъ съ той стороны, которая осталась въ тѣни, когда коммунизмъ выброшенъ былъ на улицу и сталъ орудiемъ въ борьбѣ партiй. Главный мотивъ, который въ данный моментъ долженъ служить стимуломъ для учрежденiя коммунистическихъ общинъ, заключается въ стремленiи оградить дѣтей отъ Молоха собственности, но всякому извѣстно, что воспитанiе дѣтей на общественный счетъ при настоящемъ уровнѣ нравственности дастъ худшiе результаты, чѣмъ воспитанiе дѣтей родителями. Чтобы могъ возникнуть стимулъ къ созданiю коммунистической общины на изложенномъ основанiи, нравственный уровень вступающихъ въ общину долженъ быть такъ высокъ, чтобы каждый изъ нихъ не только былъ способенъ относиться къ дѣтямъ общины, какъ относятся родители къ своимъ собственнымъ дѣтямъ, но чтобы у него была высока нравственная потребность имѣть такое семейство общину; чтобы потребность въ такомъ излiянiи сердечной нѣжности была основнымъ условiемъ его счастья и благополучiя. Только въ этомъ случаѣ коммунистическая община будетъ созданiемъ серьезнаго стремленiя и прочнымъ учрежденiемъ.

Непрочность коммунистическихъ общинъ въ Америкѣ зависѣла отъ того, что нравственный уровень вступавшихъ въ общину не соотвѣтствовалъ условiямъ ея прочности. Стоитъ указать на то, что у нихъ было въ ходу рѣшенiе по большинству голосовъ, существовалъ уставъ, балотировкѣ подвергались такiя статьи устава, которыя ни въ какомъ случаѣ балотировкой рѣшаемы быть не могутъ, напр. вопросъ о томъ, должна-ли господствовать въ общинѣ свободная любовь или единоженство. Не только при общей жизни и при отсутствiи собственности, но даже въ томъ случаѣ, когда община распредѣляетъ между работниками главное орудiе труда, напр. землю, необходимость прибѣгать къ рѣшенiю по большинству голосовъ ненормально и служитъ зловѣщимъ признакомъ. Проч-

ность мірского владѣнія землею въ Россіи зависѣла отъ того, что вопросъ о распредѣленіи земли рѣшался укоренившимся обычаемъ и по общему соглашенію, а не по большинству голосовъ. Привычка рѣшать общественныя дѣла по общему согласію, а не по большинству голосовъ, была въ древней Руси такъ велика, что въ лѣтописяхъ трудно найти указаніе на счетъ голосовъ и рѣшеніе по большинству въ общественныхъ собраніяхъ. Въ новое время былъ изданъ законъ о рѣшеніи вопросовъ о распредѣленіи земли большинствомъ двухъ третей, но этотъ законъ заключаетъ въ себѣ отсутствіе гарантіи, а не гарантію; такъ какъ на его основаніи двѣ трети многихъ мильоновъ русскихъ крестьянъ моглибы отобрать всю землю у остальной трети. Если для сохраненія мірскихъ земель необходимо нравственное настроеніе, которое дѣлало-бы излишнимъ рѣшеніе по большинству, то оно еще несравненно необходимѣе въ коммунистической общинѣ; рѣшеніемъ по большинству нельзя заставить членовъ общины относиться къ дѣтямъ, воспитываемымъ въ общинѣ, съ тѣмъ вниманіемъ и съ той любовью, которая бы вполнѣ равнялась родительской; — создать отношеніе, при которомъ сильные работали-бы на слабыхъ и видѣли-бы въ этомъ условіе максимальнаго своего благополучія.

Коммунизмъ есть высшая, наиболѣе нравственная форма общественнаго сожительства, но его нельзя установить закономъ; закономъ можно установить только господство силы, потому что сила нужна для его поддержанія. Коммунизмъ есть отрицаніе господства силы, прямая его противоположность, — господство слабыхъ, дѣтей, женщинъ и ихъ интересовъ. Учрежденіе коммунистическихъ общинъ всего необходимѣе въ средѣ рядовыхъ рабочихъ, потому что тутъ-то именно дѣти и приносятся въ жертву конкуренціи, установляющей рыночныя цѣны, и Молоху собственности. Но въ этой средѣ нѣчто въ родѣ коммунистическихъ общинъ установлялось на такомъ-же инстинктивномъ основаніи, какъ оно когда-то установлялось въ христіанствѣ, т. е. на основаніи религіозномъ, во вновь возникающихъ религіозныхъ сектахъ. Опытъ показалъ, что окончательно невозмзжно создать инстинктивнымъ путемъ, т. е. на религіозной подкладкѣ, достигающую своей цѣли коммунистическую общину. Возникновеніе новой религіи возможно только при такомъ низкомъ умственномъ уровнѣ, при которомъ легковѣріе господствуетъ надъ раціональностію; чтобы

увѣровать въ новое религіозное ученіе, нужно не замѣчать заключающейся въ немъ лжи, непослѣдовательности и противорѣчія. Но люди, которые не способны замѣчать противорѣчій, не могутъ установить въ своей средѣ тотъ коммунизмъ, который требуется для достиженія вышеуказанной цѣли огражденія дѣтей. Это оправдалось въ дѣйствительности; созданныя на коммунистической подкладкѣ ученія мормоновъ, шекеровъ и т. п. такъ-же мало достигли цѣлей коммунизма, какъ ее достигли монастыри или русскіе сектанты. Вмѣсто огражденія дѣтей отъ Молоха собственности они приводили иногда прямо къ противоположному; мормоны создали многоженство, въ которомъ было столько-же гнуснаго эгоизма, безсмысленнаго фанатизма и отвратительнаго лицемѣрія, сколько въ католическомъ духовенствѣ и его монастыряхъ.

Оказывается, что и въ Соединенныхъ Штатахъ масса населенія еще не доросла до нравственнаго уровня, при которомъ начинаютъ возникать сознательныя коммунистическія общины: всѣ коммунистическія общины порождались тамъ или религіознымъ мистицизмомъ или образованными людьми подъ вліяніемъ соціальныхъ ученій. Религіозные мистики ничего кромѣ уродливости не могли создать: образованные коммунисты хотѣли породить образцовую общину, но для того, чтобы коммунистическая община была образцовой, она должна быть самоудовлетворяющейся. Чтобы въ наше время создать самоудовлетворяющуюся общину ей нужно придать очень большіе размѣры и притомъ разсыпать по всему лицу земли. Слишкомъ очевидно, что начать дѣло съ созданія такой коммунистической общины невозможно. Понять истинную цѣль, которую можетъ имѣть въ наше время коммунистическая община, никто не сумѣлъ. Міровоззрѣніе образованныхъ людей было еще слишкомъ грубымъ для того, чтобы они могли проникнуться въ необходимыхъ размѣрахъ симпатіей къ участи женщинъ и дѣтей; въ ихъ очерствѣлыхъ душахъ не могло возникнуть такой возвышенной мысли, а между тѣмъ нужно было не только то, чтобы она возникла, но чтобы они ее передали и превратили въ дѣятельное чувство въ той массѣ рядовыхъ рабочихъ, гдѣ она могла принести наиболѣе пользы.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Зловредность неограниченной власти собственника въ инстинктивныхъ соціальныхъ организаціахъ. Ея ограниченіе путемъ политической власти и путемъ рабочихъ организацій.

Вліяніе соціальныхъ и коммунистическихъ ученій укоренялось въ обществѣ, не смотря на всѣ причиняемыя имъ страданія, именно потому, что господствовавшія передъ тѣмъ ученія о свободѣ промышленности и невмѣшательствѣ въ ея дѣла приносили въ жертву Молоху собственности рабочее населеніе и прежде всего дѣтей. Явленіе это оставалось незамѣченнымъ пока въ обществѣ царилъ идолъ, требовавшій себѣ еще большее число жертвъ, идолъ тираніи, водворяющей господство монополій и рабство. Но когда идолъ этотъ былъ низвергнутъ, тогда управленіе по соглашенію, т. е. свобода прессы, рѣчи, собраній, ассоціацій и вся та обстановка, которая разумѣлась подъ именемъ конституціонной свободы, повело прямо къ низверженію вышеуказанной идеи безпредѣльнаго деспотизма во имя собственности. Втеченіе второй трети XIXго вѣка Бельгія считалась той изъ конституціонныхъ монархій материка Европы, въ которой идея свободы получила наиболѣе широкое осуществленіе. И дѣйствительно ни одна монархія материка не пользовалась въ такихъ широкихъ размѣрахъ свободою рѣчи, собраній и ассоціацій, развитіемъ мѣстнаго самоуправленія, какъ Бельгія. Во время великой французской революціи присоединеніе Бельгіи къ французской республикѣ считалось естественнымъ и полезнымъ дѣломъ; но ея положеніе измѣнилось до того, что мысль о такомъ присоединеніи, шевелившаяся въ головѣ Наполеона III, стала уже казаться всѣмъ европейцамъ возмутительнымъ варварствомъ; по ихъ мнѣнію это значило отдать свободную страну въ лапы полуазіатскому деспоту. Благодаря свободѣ, господствовавшей и сохранившейся въ Бельгіи, французская революція 1848 года не отразилась на ней насильственнымъ переворотомъ потому, что и французская республика и французская имперія дѣлали для народа гораздо менѣе, чѣмъ

бельгійское самоуправленіе. Оно конечно было слишкомъ далеко отъ того, чтобы принять какую-либо радикальную мѣру для спасенія женщинъ и дѣтей отъ Молоха собственности; въ бельгійскомъ обществѣ не возникало даже и такихъ коммунистическихъ общинъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ; но за то-же оно съ этой цѣлью принимало такія паліативныя мѣры, съ которыми ни одно государство материка Европы не могло сравняться. Бездушное общество материка Европы ограничивалось тѣмъ, что спорило о пользѣ или вредѣ подати для бѣдныхъ, а въ Бельгіи были города, гдѣ всѣ женщины, воспитывающія дѣтей безъ участія мужей, всѣ многосемейные, получающіе заработную плату, не выше той, какая дается за простую работу, получали значительное пособіе изъ этой подати. Собственники должны были платить значительную подать, чтобы ослабить соціальное зло, порожденное собственностью — это было конечно вполнѣ справедливо и разумно. Англія составляла ту страну, которая энергичнѣе прочихъ отстаивала принципъ невмѣшательства и дѣйствительно для развитія частной иниціативы никто не сдѣлалъ болѣе ея, и все таки подъ напоромъ соціальныхъ идей ей пришлось отступиться отъ своего дорогого дѣтища. Для спасенія женщинъ и дѣтей подати для бѣдныхъ оказалось мало, — нужно было прямое и энергическое вмѣшательство въ дѣла имущаго класса, распоряжающагося рабочимъ населеніемъ. Конкуренція малосемейныхъ и безсемейныхъ повсемѣстно держала заработную плату на такомъ низкомъ уровнѣ, что рабочее населеніе нигдѣ не могло платить за обученіе своихъ дѣтей, поэтому даже неограниченныя монархіи должны были вводить безвозмездное и обязательное обученіе.

Право народа на безплатное обученіе вытекало прямо изъ того обстоятельства, что общественный порядокъ приносилъ дѣтей въ жертву Молоху собственности. Германія и Пруссія прославлялись за свои школы, которыя сдѣлали будто-бы весь народъ граматнымъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалось, что доля государей въ этомъ случаѣ была отрицательная а не положительная. Даже послѣ введенія въ 1848 году конституціонныхъ управленій германскіе государи съ королемъ прускимъ и австрійскимъ императоромъ во главѣ заботились объ одномъ, чтобы народъ не научился слишкомъ многому и повсемѣстно замѣняли хорошихъ и преданныхъ дѣлу народныхъ учителей плохими, но за то пре-

данными духовенству и бюрократіи. Если нѣмецкій народъ сдѣлался граматнымъ, то онъ обязанъ былъ этимъ самому себѣ и своей склонности къ просвѣщенію. Онъ вездѣ создавалъ школы, а для неимущихъ и безмездное обученіе; въ Россіи народное образованіе было въ полнѣйшемъ пренебреженіи, даже у азіатскихъ и африканскихъ магометанъ было не рѣдко болѣе народныхъ школъ, чѣмъ въ русскихъ селеніяхъ, а у нѣмецкихъ колонистовъ на югѣ Россіи обучалось въ школахъ почти столько-же дѣтей, какъ въ Германіи.

Въ свободныхъ государствахъ, гдѣ бюрократія замѣнялась самоуправленіемъ, противодѣйствующими народному образованію силами являлись духовенство и имущій классъ. Поэтому въ Англіи пришлось ограждать женщинъ и дѣтей не только отъ чрезмѣрной и ночной работы, опредѣлять возрастъ, ранѣе котораго работа не дозволялась, но принуждать капиталистовъ, чтобы они посылали работающихъ у нихъ дѣтей въ школу. Этимъ англійское общественное мнѣніе въ то время считало для себя возможнымъ ограничиться и энергически возставало противъ опредѣленія часовъ работы для взрослыхъ; въ Соединенныхъ Штатахъ пошли далѣе и стремились къ введенію восьмичасовой работы въ сутки, въ то время, когда даже французская соціально-демократическая республика въ первые дни своего торжества въ 1848 году опредѣлила рабочій день въ десять и въ одинадцать часовъ. Теперь въ Англіи послѣ ирландскаго парламента на первой очереди стоитъ вопросъ о восьмичасовой работѣ и при этомъ обязательнымъ сдѣлается только то, къ чему общественное мнѣніе уже успѣло принудить капиталистовъ. Стало выясняться, что первостепенное зло капиталистическаго производства заключалось въ крайнемъ обремененіи работою.

Не менѣе необходимымъ оказалось огражденіе здоровья рабочихъ отъ вредныхъ санитарныхъ условій, порождаемыхъ жадностью капиталистовъ. Тутъ Англія должна была отступиться отъ правила, по которому она принимала подъ свою защиту только малолѣтнихъ и женщинъ; соблюденіе санитарныхъ условій въ мастерскихъ требовалось одинаково, какъ по отношенію къ малолѣтнимъ и дѣтямъ, такъ и по отношенію къ взрослымъ рабочимъ. Нигдѣ въ Европѣ не производилось такихъ основательныхъ изслѣдованій о вредномъ вліяніи разныхъ работъ, фабрикъ и мастерскихъ на

здоровье рабочихъ, какъ въ Англіи и нигдѣ не принималось такихъ энергическихъ мѣръ для предупрежденія этого зла. Кромѣ того пришлось ограждать рабочихъ отъ злоупотребленій при расплатѣ, отъ уплаты бракомъ фабричныхъ произведеній вмѣсто денегъ, отъ произвольныхъ вычетовъ, отъ лабаза, гдѣ рабочіе должны были обязательно покупать и брать въ кредитъ все, что имъ было нужно. Однимъ словомъ, безсмысліе идеи о неограниченномъ правѣ собственника надъ орудіями труда и надъ приносящимъ доходъ имуществомъ выяснилось вполнѣ, и собственниковъ, точно такъ-же, какъ государей, пришлось обставлять ограниченіями и гарантіями со всѣхъ сторонъ для того, чтобы они не сдѣлались бичами страны и рабочаго населенія. Конечно, одна Англія принимала въ этомъ случаѣ наиболѣе дѣйствительныя мѣры и потому ей можно было и послѣ революціи 1848 года и несмотря на отсутствіе всеобщей подачи голосовъ продолжать считать себя болѣе передовой страной, чѣмъ Франція.

Послѣ огражденія рабочаго пришлось ограждать отъ эксплуатаціи и гражданина вообще. Сюда относились мѣры противъ фальсификаціи, которая не только жестокимъ образомъ обирала гражданъ, но и разрушала ихъ здоровье; въ концѣ выяснялось все таки, что борьба не можетъ дать удовлетворительныхъ результатовъ, пока соціальныя организаціи останутся инстинктивными и основанными на неограниченной власти собственника надъ имуществомъ, въ употребленіи котораго заинтересованъ другой. Еще зловреднѣе было вліяніе домовладѣльцевъ; громадное большинство населенія не только въ городахъ, но и въ деревняхъ должно было жить или въ разрушающихъ здоровье помѣщеніяхъ или въ большомъ отдаленіи отъ мѣста своей работы, къ чрезмѣрно продолжительной работѣ прибавлялись еще цѣлые часы на путешествіе туда и обратно. Жизнь рабочаго человѣка превращалась чрезъ это для значительной части населенія въ настоящую каторгу; въ особенности женщины и дѣти до того измучивались ходьбою и работою, что всѣ праздники и все свободное время они проводили лежа въ своихъ грязныхъ подвалахъ и углахъ; вся жизнь ихъ проходила въ работѣ и въ снѣ послѣ работы для возстановленія своихъ силъ. Изъ зловредной и простудной атмосферы рабочихъ заведеній они возвращались домой въ еще болѣе зловредные и простудные свои подвалы; — именно самая слабая часть населе-

нія — дѣти жили всего чаще въ ужасныхъ помѣщеніяхъ. Жизнь унылая и печальная, — никакихъ развлеченій, ничего оживляющаго, развивающаго, ни одного луча свѣта.

Тиранія домовладѣльцевъ была такъ велика, что даже мрачный деспотъ Наполеонъ III возымѣлъ мысль прославиться шумнымъ дѣломъ перестройки Парижа. Въ этой области нигдѣ не было сдѣлано такъ много, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Въ большихъ городахъ, Нью-Іоркѣ и въ особенности Филадельфіи, населеніе жило вдвое и втрое менѣе скучено, чѣмъ въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, — о Петербургѣ и Москвѣ и говорить нечего; здѣсь въ комнатахъ, отдававшихся по угламъ, человѣкъ часто нанималъ помѣщеніе, почти не превышавшее длину и ширину его тѣла. Большія квартиры рабочихъ въ Филадельфіи, отдѣльныя кухни, жизнь среди зелени и скверовъ сдѣлались возможными главнымъ образомъ вслѣдствіе усовершенствованныхъ путей сообщенія. Городъ могъ раскинуться на огромномъ пространствѣ, рабочіе за ничтожную плату могли ежедневно съѣзжаться на работу изъ дальнихъ предмѣстій. Самый трудный вопросъ составляло вмѣшательство въ рыночныя цѣны и въ условія контракта; но даже и тутъ произволъ собственниковъ оказался до такой степени зловреднымъ, что англійскому правительству и именно той партіи, которая всего энергичнѣе отстаивала идею невмѣшательства, т. е. партіи либеральной, пришлось создавать для поземельныхъ отношеній въ Ирландіи законодательство, которое въ окончательномъ своемъ результатѣ предоставило суду установлять размѣры арендной платы съ участковъ земли не на основаніи добровольныхъ условій между землевладѣльцемъ и арендаторомъ, а на неопредѣленномъ началѣ справедливости и безобидности. Точно такъ-же суду предоставлялось, не на основаніи контракта, а на основаніи постороннихъ соображеній рѣшать вопросъ о вознагражденіи за убытки удаляемаго арендатора. Съ прогрессомъ умственнаго развитія рабочихъ являлась новая задача; въ средѣ развитыхъ рабочихъ установлялся средній уровень цѣнъ на работу и поддерживающій его обычный образъ жизни, который удовлетворялъ человѣческія потребности всего населенія страны несравненно лучше, чѣмъ въ окрестныхъ странахъ съ невѣжественнымъ населеніемъ. Это невѣжественное населеніе могло быть однако-же очень густымъ; оно завидовало благосостоянію своихъ сосѣдей, стремилось воспользо-

ваться ихъ высокой заработной платой, но не умѣло поддерживать ее. Обычный образъ жизни, созданный массою населенія съ великими усиліями, низводился переселенцами. Если-бы такое низведеніе заработной платы ограничивалось тѣмъ, что ухудшало распредѣленіе богатства, увеличивало долю тѣхъ, которые тратили свои доходы на удовлетвореніе искусственнымъ потребностямъ и уменьшало долю не имѣвшихъ и необходимаго въ особенности на воспитаніе дѣтей, то и въ такомъ случаѣ подобная конкуренція создавала-бы несомнѣнное зло. Отъ этого страдало не только благосостояніе, но умственное развитіе и вообще цивилизація страны. Переселенцы могли брать низкую плату потому, что они были необразованы и грубы, потому что у нихъ не было тѣхъ потребностей, которыя существовали у рабочихъ, желающихъ держаться на извѣстномъ уровнѣ умственнаго развитія. Но этимъ не кончалось дѣло: высокая заработная плата составляетъ подкладку, неизбѣжно нужную для нормальнаго прогресса въ современной цивилизаціи. Отличительная черта цивилизаціи, оплодотворяемой наукою, заключается въ изобрѣтеніи машинъ, производящихъ предметы потребленія въ огромныхъ количествахъ. Высокая заработная плата, увеличивающая покупную силу рабочаго населенія, оживляетъ дѣятельность машиннаго производства, вызываетъ въ интеллигенціи стремленіе къ пріобрѣтенію нужныхъ для этого знаній и даетъ изобрѣтательности наиболѣе плодоносное направленіе; развитіе благосостоянія и цивилизаціи получаетъ нормальный ходъ.

Въ странахъ съ низкой заработной платой покупается только то, что требуетъ особаго искусства и таланта; это страны немногихъ, роскошно обставленныхъ дворцовъ и рядомъ съ ними всеобщей бѣдности какъ имущаго класса, такъ интеллигенціи и народа. Въ странахъ высокой заработной платы царствуетъ заурядное производство и заурядное знаніе, но оказывается, что заурядное знаніе необходимо даже и для того, чтобы развивались талантъ и необыкновенное искусство, чтобы размножался капиталъ. Чѣмъ больше число заурядно знающихъ, тѣмъ больше будетъ число выдающихся талантовъ; Парижъ, а не Москва снабжали міръ предметами роскоши и вкуса. И все таки есть одна еще болѣе существенная причина, заставляющая устранять конкуренцію неразвитыхъ рабочихъ, не умѣющихъ поддерживать уровень

заработной платы — причину эту опять таки создаетъ участь злополучнаго молодого поколѣнія.

Нетолько въ такихъ странахъ, какъ Россія, но даже въ такихъ, какъ Франція и Германія, положеніе дѣтей, обучающихся ремесламъ, ужасно; ученичество составляетъ одинъ изъ самыхъ гнусныхъ видовъ рабства, оно несравненно хуже обязательной военной службы. Никакія мѣры, принимаемыя въ помянутыхъ странахъ, не могли доставить ученикамъ ремесленниковъ хотя сколько-нибудь сносное положеніе. Оградить дѣтей удается только въ тѣхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ заработная плата наиболѣе высока, напр. въ С. Франциско, Бостонѣ и т. п. Тутъ родители до 16 лѣтъ обучаютъ своихъ дѣтей въ школѣ и только тогда начинается для нихъ обученіе ремеслу, при чемъ молодые люди съ перваго дня своего поступленія въ ученіе получаютъ хотя и пониженную заработную плату. На такой нормальный порядокъ вещей дѣйствовала разрушительнымъ образомъ не только конкуренція какихъ нибудь китайцевъ, но даже переселенческое движеніе нѣмцевъ и другихъ европейцевъ. Вмѣсто того, чтобы обучать своихъ дѣтей въ школѣ, они посылали ихъ на работу, какъ дѣлали въ своей родинѣ — на бытѣ рабочихъ въ Нью-Іоркѣ это отражалось весьма невыгоднымъ образомъ. Одной этой причины было-бы достаточно, чтобы путемъ вмѣшательства власти ограничивать переселеніе настолько, чтобы чрезъ него не происходило упадка цѣнъ на трудъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ распространились соціальныя ученія, необходимость вмѣшательства политическихъ властей съ цѣлью ограничить въ общественномъ интересѣ неограниченныя права собственности перестала подлежать сомнѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что такое вмѣшательство можетъ разрѣшить только ничтожную часть предстоящей обществу задачи; для полнаго ея разрѣшенія должна выступить на первый планъ самодѣятельность тѣхъ, въ ущербъ которымъ собственникъ пользуется своими правами. Самое видное мѣсто въ этой борьбѣ заняли англійскіе рабочіе союзы. Сначала они собирали капиталъ для своего обезпеченія отъ различныхъ случайностей, отъ смерти, болѣзни и т. п. Когда капиталу накопилось достаточно, они стали употреблять его на борьбу съ капиталистами при пониженіи заработной платы. Когда капиталисты понижали заработную плату, рабочіе дѣлали

стачку, разомъ прекращали работу, жили на свои сбереженія и на пособія, получаемыя отъ сочувствующихъ; путемъ убытковъ, наносимыхъ хозяевамъ чрезъ внезапную остановку работъ, имъ иногда удавалось принуждать хозяевъ къ возвышенію заработной платы если не въ прежнемъ размѣрѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени.

Движеніе это пускало корни и развивалось преимущественно въ двухъ свободныхъ странахъ, въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки; на материкѣ Европы оно встрѣчало сильное препятствіе чрезъ отсутствіе свободы собраній и ассоціацій, — даже самыя стачки приравнивались къ сопротивленію властямъ. Въ англійскихъ азіатскихъ владѣніяхъ индѣйцы дѣлали стачки и забастовки несравненно удачнѣе, чѣмъ рабочіе материка Европы, — и это зависѣло не только отъ ихъ кастоваго устройства, но и отъ того, что населеніе Индіи подъ англійскимъ владычествомъ пользовалось бóльшей свободой рѣчи, собраній и ассоціацій, чѣмъ населеніе Европы, не смотря на свои конституціи.

Англійское рабочее движеніе развивалось въ то время, когда оно на материкѣ Европы едва двигалось; не смотря на то, что даже англійскіе законы служили существеннымъ препятствіемъ для нормальнаго и полнаго хода дѣла, отдѣльные рабочіе союзы умножали свои средства, увеличивались въ числѣ и посредствомъ представительныхъ учрежденій создавали изъ себя организацію, обнимавшую все государство. Впрочемъ они не только не могли достигнуть того, чтобы къ нимъ принадлежало большинство рабочаго населенія, но между ними не было ни одного союза, который бы обнималъ всѣхъ рабочихъ какой либо спеціальной отрасли. Даже при такихъ условіяхъ сила ихъ была достаточно велика, чтобы расширить свою дѣятельность за предѣлы забастовокъ и стачекъ. Забастовки стали даже отступать на второй планъ, на первый выступали разныя условія, которыя союзы ставили капиталистамъ для огражденія рабочихъ отъ переутомляющей, непосильной и зловредной работы. Они требовали отъ хозяевъ, чтобы они отказывались отъ пріемовъ производства, которые дѣйствуютъ гибельно и зловредно на трудящихся. Въ этомъ отношеніи союзы дополняли дѣятельность политическихъ властей въ области санитарныхъ мѣръ.

Вліяніе рабочихъ союзовъ переступало за предѣлы ихъ непо-

средственной дѣятельности; все рабочее населеніе стало чувствовать себя менѣе прижатымъ къ стѣнѣ капиталистами; оно перестало считать борьбу съ капиталистомъ окончательно невозможною, и хотя оно съ полнымъ основаніемъ продолжало завидовать рабочимъ лошадямъ на фабрикахъ и заводахъ, за которыми ухаживали внимательно и которыхъ кормили прекрасно, но все таки и оно могло дѣлать поползновенія для того, чтобы помѣшать хозяину кормить себя всякой дрянью, лишать по своему произволу сна и принуждать носить непомѣрныя тяжести. Успѣхъ рабочихъ союзовъ былъ такъ великъ, что у нихъ могла зародиться мысль по соглашенію съ капиталистами установлять пріемы для предупрежденія кризисовъ. Когда рынокъ былъ переполненъ товарами, капиталисты понижали заработную плату, а работники доказывали нераціональность такого пріема. Понижать заработную плату значитъ разорить рабочихъ и увѣковѣчить кризисъ: надо сохранять заработную плату на прежней высотѣ и сократить часы работы, такимъ образомъ уменьшить количество товара на рынкѣ и возстановить его цѣну. Къ выполненію такого плана рабочіе хотѣли принудить капиталистовъ стачками, но движеніе не удалось. По настоящее время (1893 г.) кульминаціонный пунктъ торжества рабочихъ организацій заключается въ слѣдующемъ: бѣдствія, порождаемыя неудачнымя переселеніями вынудили въ Англіи учрежденіе обществъ съ цѣлью распространять точныя свѣденія о мѣстностяхъ, куда пересѣляются. Общества эти выяснили такое явленіе: подъ вліяніемъ страстной, инстинктивной борьбы рабочаго противъ пониженія своего обычнаго образа жизни трудящійся людъ во многихъ мѣстностяхъ съ очень высокой заработной платой достигъ того, что переселенецъ не можетъ получить никакой работы и переселеніе не только невыгодно, но даже опасно. Результатъ этотъ получился съ одной стороны воздѣйствіемъ рабочаго народа на управленіе при демократизированныхъ учрежденіяхъ, а съ другой страхомъ, который наводятъ на капиталистовъ рабочія организаціи и отвращеніемъ общества къ понижающему заработки переселенію.

Не смотря на вполнѣ заслуженную славу англійскаго рабочаго движенія, не смотря на то, что втеченіе послѣдней трети XIXго вѣка движеніе это нашло себѣ подражателей во всемъ цивилизованномъ мірѣ и казалось именно тѣмъ путемъ, по которому рабочимъ всего

естественнѣе было идти, ближайшее и внимательное его разсмотрѣніе показываетъ, что путь этотъ не можетъ почитаться окончательнымъ разрѣшеніемъ задачи. Онъ страдаетъ такими-же существенными недостатками, какъ революціонный путь. Если даже рабочіе союзы будутъ обнимать собою все рабочее населеніе и будутъ имѣть центральную организацію, обхватывающую все государство, то борьба ихъ съ капиталомъ путемъ стачекъ будетъ все таки не равная. Стачка рабочихъ никогда не можетъ имѣть такой силы, какую имѣетъ стачка капиталистовъ, по той простой причинѣ, что число капиталистовъ во много разъ меньше числа рабочихъ, а потому имъ легче и соединяться и столковаться; средствами своими капиталисты неизмѣримо превосходятъ рабочихъ, во время стачки рабочіе лишаются всѣхъ своихъ сбереженій и безъ всякаго преувеличенія терпятъ съ своими семействами такой голодъ и такую нужду, какую выносятъ жители, геройски защищающіе осажденный городъ; между тѣмъ, какъ капиталисты терпятъ только нѣкоторые убытки. Кромѣ того распоряжаются дѣломъ капиталисты и изъ книгъ своихъ знаютъ его положеніе во всѣхъ его подробностяхъ, въ то время, когда рабочіе имѣютъ объ немъ только неопредѣленное и гадательное понятіе. Они похожи на двѣ арміи, изъ которыхъ военачальники одной имѣютъ въ своихъ рукахъ всѣ свѣденія, а военачальники другой никакихъ. Никакое развитіе рабочихъ союзовъ не спасетъ ихъ отъ неравенства въ борьбѣ съ капиталистами и не дастъ рабочему населенію того, что ему слѣдуетъ имѣть по справедливости. Бороться противъ капиталистовъ рабочими союзами, оставляя въ ихъ рукахъ неограниченную власть надъ имуществомъ фабрикъ и промышленныхъ заведеній все равно, что бороться съ государями путемъ заговоровъ, мятежей и цареубійствъ, оставляя въ ихъ рукахъ неограниченную власть надъ государствомъ. Тысячелѣтняя исторія инстинктивныхъ политическихъ организацій доказала куда приводитъ такая система.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Рабочіе союзы, ассоціаціи для производства и торговли, общинное и мірское владѣніе.

Если-бы рабочіе союзы создали изъ себя въ какой-либо отрасли такія сильныя организаціи, которыя были-бы въ состояніи перетянуть къ себѣ часть дохода капиталистовъ, то первымъ послѣдствіемъ такого явленія было-бы то, что капиталисты возвысили-бы цѣны на товаръ и получили-бы съ неорганизованной публики все, что они должны были уступить организованнымъ рабочимъ. Если принять въ соображеніе, что фабрики и крупныя промышленныя учрежденія продаютъ услуги и товаръ, потребляемые массою рабочаго населенія, то въ окончательномъ результатѣ и окажется, что все рабочее населеніе возмѣстить капиталистамъ то, что они должны были уступить небольшой его части; бѣдная часть рабочаго населенія сдѣлается бѣднѣе, интеллигентная его часть богаче, а капиталисты останутся въ прежнемъ состояніи. Кромѣ того при неизбѣжномъ перевѣсѣ капиталистовъ въ борьбѣ съ рабочими, козломъ искупленія служатъ и всегда будутъ служить именно тѣ части рабочаго класса, которыя наиболѣе нуждаются въ помощи. Въ настоящее время въ Англіи рабочіе, получающіе самую высокую заработную плату и имѣющіе всего болѣе сбереженій почти всѣ достигли восьмичасового рабочаго дня, а женщины, дѣти и бѣднѣйшая часть между рабочими принесены въ жертву, даже дѣти принуждаются къ работѣ въ двѣнадцать и четырнадцать часовъ въ день. Достоинство рабочихъ союзовъ заключалось въ томъ, что они сравнительно легко могли распространяться по всей странѣ и причислять къ себѣ большое число рабочихъ, но за то-же они давали рабочему вопросу весьма мало удовлетворительное рѣшеніе.

Съ точки зрѣнія рабочаго вопросъ этотъ рѣшался повидимому радикально ассоціацией; тутъ рабочій вполнѣ устранялъ капиталиста и становился на его мѣсто. Производительныя ассоціаціи рабочихъ опять таки дали въ Англіи такіе плодоносные результаты, какихъ ни одна страна материка Европы не могла достигнуть. Отдѣльныя ассоціаціи владѣли мильонными капиталами и

громадными заведеніями, они употребляли самыя усовершенствованныя и дорого стоющія орудія труда. Они создали себѣ такъ-же, какъ и рабочіе союзы, центральную организацію. Идеалисты, положившіе имъ начало, надѣялись, что ассоціаціи исключать изъ своей среды наемъ и введутъ равенство паевъ, но въ этомъ имъ пришлось жестоко разочароваться. Ассоціаціи отдѣлили вполнѣ вознагражденіе за капиталъ отъ заработной платы, рядомъ съ членами пайщиками они употребляли наемныхъ рабочихъ. Всѣ усилія дать дѣлу другой оборотъ и слить хозяина и рабочаго въ одномъ лицѣ оказались тщетными и даже не осуществимыми. Основательно замѣчали, что, если вознагражденіе за трудъ и вознагражденіе за капиталъ въ ассоціаціяхъ сохранялись въ томъ-же видѣ, какой они имѣли при капиталистическомъ производствѣ вообще, если заработная плата рабочаго въ ассоціаціи опредѣлялась цѣною его работы на рабочемъ рынкѣ, а его доходъ въ качествѣ члена ассоціаціи тѣмъ паемъ, какой онъ внесъ, если онъ, отказавшись вносить пай, будетъ въ ассоціаціи обыкновеннымъ наемнымъ рабочимъ, — то онъ сдѣлаетъ лучше, если сбереженія свои не будетъ вносить въ капиталъ ассоціаціи, а будетъ помѣщать въ другомъ мѣстѣ. Если его сбереженія будутъ помѣщены въ ассоціаціи, и если ассоціація чрезъ стеченіе несчастныхъ случайностей обанкротится, то онъ одновременно лишится своего капитала и останется безъ работы; если-же его сбереженія помѣщены въ другомъ мѣстѣ, то онъ можетъ ими воспользоваться, чтобы пережить кризисъ.

Для него конечно очень важно имѣть голосъ въ хозяйственныхъ распоряженіхъ того заведенія, на которое онъ работаетъ, потому что отъ успѣшнаго хода дѣлъ заведенія зависитъ прочность его собственнаго существованія. Въ качествѣ пайщика ассоціаціи онъ получаетъ этотъ голосъ, — и такой способъ вліянія рабочихъ на ходъ промышленныхъ дѣлъ гораздо нормальнѣе, чѣмъ вліяніе посредствомъ борьбы съ капиталистами путемъ стачекъ. Но прежде всего и болѣе всего не слѣдуетъ упускать изъ виду, что подобный способъ разрѣшенія задачи страдаетъ ложностью принципа. Рабочій заинтересованъ въ ходѣ дѣла, которое даетъ ему кусокъ хлѣба, въ качествѣ рабочаго, а вовсе не въ качествѣ пайщика. Если вслѣдствіе дурного распоряженія заведеніе дастъ убытокъ, то распорядители прежде всего пользуются своими правами, чтобы сва-

лить этотъ убытокъ на другихъ и на первомъ планѣ на рабочихъ, не имѣющихъ права вмѣшиваться въ ихъ дѣла; они обременяютъ ихъ излишней работой, ухудшаютъ санитарныя условія, въ которыхъ они работаютъ, сокращаютъ ихъ заработную плату, недоплачиваютъ имъ и позволяютъ себѣ всевозможныя притѣсненія. Распорядители часто могутъ имѣть прямой интересъ въ томъ, чтобы дѣла заведенія шли дурно и управленіе было безпорядочнымъ, потому что это дастъ имъ возможность обогатиться на счетъ рабочихъ и безгласныхъ акціонеровъ.

Въ предупрежденіе такихъ злоупотребленій рабочій долженъ имѣть право влiять на управленіе въ качесгвѣ рабочаго, а вовсе не въ качествѣ пайщика, и предоставленіе ему такого участія можетъ быть достигнуто только путемъ законодательнымъ. Рабочее законодательство должно быть таково, чтобы рабочій имѣлъ право влiять на ходъ дѣлъ заведенія съ цѣлью оградить себя отъ злоумышленности распорядителей, и чтобы ему не было надобности дѣлаться для этого акціонеромъ, такъ какъ сбереженія свои ему слѣдуетъ помѣщать отдѣльно, чтобы имѣть въ нихъ ресурсъ на случай кризиса. Успѣхъ подобнаго рабочаго законодательства находится въ прямой зависимости отъ развитія демократическаго самоуправленія. Федеративный принципъ, подобный тому, который практикуется въ Соединенныхъ Штатахъ Америки и въ Швейцаріи въ особенности важенъ въ этомъ случаѣ, потому что онъ можетъ передать рабочее законодательство не только отдѣльнымъ штатамъ и кантонамъ, но отдѣльнымъ городамъ и общинамъ. Рабочее законодательство, которое ставитъ себѣ цѣлью опредѣлить участіе рабочихъ въ распоряженіи дѣлами тѣхъ заведеній, въ которыхъ они работаютъ, должно будетъ приходить къ весьма различнымъ результатамъ, смотря по степени развитія рабочаго населенія мѣстности Въ промышленныхъ центрахъ съ весьма развитымъ рабочимъ населеніемъ въ родѣ Парижа и Ліона законодательство по рабочему вопросу можетъ быть несравненно болѣе совершеннымъ, чѣмъ въ глухихъ и невѣжественныхъ углахъ.

Производительныя ассоціаціи старались замѣнить рабочими хозяевъ заведеній, распредѣлительныя ассоціаціи старались замѣнить тѣми-же рабочими купца. Англійское рабочее движеніе прославилось прежде всего и болѣе всего лавкой, гдѣ рабочіе являлись одновременно и хозяевами и покупателями; и тутъ они

сравнительно съ материкомъ Европы достигли большихъ успѣховъ. И тутъ они ворочали капиталами въ сотни мильоновъ, имѣли центральные склады громадныхъ размѣровъ и многочисленные магазины, централизировали все движеніе посредствомъ парламента изъ представителей отъ отдѣльныхъ ассоціацій. Принципъ этихъ ассоціацій казался какъ нельзя болѣе вѣрнымъ и правильнымъ. Что могло быть раціональнѣе замѣны хозяина лавки ея покупателями? — Вопросъ разрѣшался настолько-же правильно, насколько и радикально. Неожиданно практика обнаружила такую сторону дѣла, о которой никто не помышлялъ. Особенность лавки заключается въ томъ, что при томъ-же капиталѣ она можетъ продавать тѣмъ дешевле, чѣмъ болѣе у ней покупателей, потому что чѣмъ больше число покупателей, тѣмъ болѣе оборотовъ можетъ сдѣлать тотъ-же капиталъ втеченіе года, тѣмъ менѣе лавка должна возвышать цѣну товара, чтобы выручить тотъ-же процентъ. Поэтому первое стремленіе всякой лавки по возможности увеличить число своихъ покупателей. Между тѣмъ лавки, основанныя рабочими ассоціаціями вмѣсто того, чтобы увеличивать число своихъ покупателей, ограничивали его членами ассоціаціи. Это не только лишало ихъ возможности понижать цѣну товара, но приносило имъ прямые убытки, въ особенности отъ товара, который залеживался. Торговля ассоціацій только тогда и пошла хорошо и дала имъ возможность дѣлать обороты на сотни мильоновъ, когда они взяли приказчиками специалистовъ, стали продавать всѣмъ покупателямъ безразлично и вообще повели дѣло такъ-же, какъ вели прочіе торговцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ члены ассоціацій превратились въ пайщиковъ торговыхъ фирмъ, которыя торговали такъ-же, какъ торгуютъ всякія другія фирмы.

Вообще все это рабочее движеніе принесло пользу не потому, что оно давало дѣлу вѣрное направленіе, а потому что оно пріучало рабочее населеніе къ соціальнымъ организаціямъ. При развитіи политическаго самоуправленія аристократическія и буржуазныя конституціи предшествовали бюрократической и федеративной демократіи. Попасть въ этой сферѣ на истинную дорогу было такъ трудно, что античный міръ не могъ даже дойти до политическаго режима, базисомъ котораго служило представительное управленіе. Создавались цѣлые ряды системъ, которыя не могли удержаться по ложности своего принципа или потому, что

онѣ въ томъ или въ другомъ видѣ вводили начало эксплуатаціи народа привиллегированными классами. Вполнѣ естественно, что и соціальная организація должна была переживать эпоху развитія, въ которой наиболѣе интеллигентная часть рабочаго населенія создавала одностороннія организаціи, приносившія ей ту или другую пользу, но которыя шли по дорогѣ, имѣвшей мало общаго съ истиннымъ направленіемъ. Въ то время, когда французскія идеи и революція 1848 года дали такой сильный толчокъ соціальному вопросу и обратили на него всеобщее вниманіе, въ началѣ второй половины XIXго вѣка величію и могуществу Россіи нанесенъ былъ рѣшительный ударъ подъ Севастополемъ соединенными силами англичанъ и французовъ. Начиная съ XVго вѣка Россія, подобно Турціи и Испаніи неустанно расширяла свои предѣлы. Два крайне консервативныхъ государства Турція и Испанія пріобрѣли въ XVI вѣкѣ такую силу, что становились грозою надъ Европою и повидимому предназначены были для того, чтобы погасить въ ней свѣтильникъ науки и просвѣщенія; но они погибли именно вслѣдствіе своей консервативности и обратились къ ничтожеству. Между тѣмъ Россія продолжала идти впередъ, расширяться и укрѣпляться.

Благодаря усиліямъ геніальнаго террориста Петра Великаго, она въ извѣстной степени перестала быть консервативной державой. Послѣ смерти великаго императора нѣкоторое стремленіе къ прогрессу одушевляло ее втеченіе цѣлаго столѣтія. Переживъ величіе Испаніи и Турціи, она пережила и славу третьей консервативной, неограниченной монархіи — Франціи Людовика XIV. Для трехъ великихъ имперій могущество замѣнилось униженіемъ, а Россія неустанно шла впередъ и расширялась. Наступилъ XIXый вѣкъ и принесъ съ собою возрожденіе Франціи черезъ революцію, а за тѣмъ могущественную, консервативную имперію Наполеона. Но это величіе пало, и при его паденіи Россія играла первостепенную роль. Новое и едва-ли не самое крупное расширеніе ея предѣловъ послѣдовало во время ея роковой борьбы въ началѣ XIXго вѣка. Теперь послѣ долгаго періода прогресса, совершавшагося правда съ перерывами, она внезапно повернула фронтъ и стала во главѣ европейскихъ консервативныхъ державъ. Ненависть и ужасъ охватили западно-европейское населеніе; имъ не безъ основанія казалось, что тѣнь навсегда убитой Турціи

воскресла и воплотилась въ сѣверномъ колосѣ, чтобы поглотить и уничтожить ея цивилизацію. Опасенія оказались напрасными: — оплодотворенная наукой цивилизація запада проявила такую плодоносную силу, передъ которой и новая консервативная имперія оказалась безсильною. Чѣмъ упорнѣе она провозглашала свои консервативные принципы, тѣмъ ниже она падала. Ее постигла та-же судьба, какая сдѣлалась удѣломъ Турціи и Испаніи. Консерваторы убили въ ней просвѣщеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ подрѣзали корни и источники ея благосостоянія и могущества; она сначала перестала расширяться, а потомъ, ненавидимая и презираемая всѣми, была низвергнута въ прахъ севастопольскою войною.

Но русскіе не были похожи на турокъ, въ нихъ оказалось болѣе жизненной силы: при наслѣдникѣ императора, сдѣлавшагося источникомъ всѣхъ ея бѣдствій, государственные люди стали помышлять о прогрессивныхъ мѣрахъ, которыя-бы хотя сколько-нибудь приблизили ее къ цивилизаціи. Совершено было запоздалое дѣло освобожденія крестьянъ. Если-бы эта реформа послѣдовала во времена Пугачева, когда этотъ великій и достойный вѣчной славы агитаторъ поднялъ знамя свободы надъ народомъ, тогда это было-бы конечно славное дѣло; Россія могла-бы стать чрезъ это во главѣ европейскаго прогресса. Но невѣжественный агитаторъ не былъ въ состояніи бороться съ образованной частью населенія, а въ этой образованной части не оказалось элементовъ, способныхъ довести его дѣло до конца. Освобожденіе крестьянъ, совершенное сто лѣтъ спустя, составляло конечно необходимое, но уже отнюдь не славное дѣло. Вообще всѣ проявленія просвѣщеннаго деспотизма Александра II должны были, разумѣется, подвинуть Россію впередъ, но реформы были такъ слабы и развитіе, порожденное ими такъ ничтожно, что Россія не только не достигла равенства цивилизаціи съ западной Европой, но все болѣе отставала отъ нея. Между тѣмъ наиболѣе свѣтлая часть русской интеллигенціи прекрасно понимала, что при своемъ могуществѣ и при особенныхъ условіяхъ ея жизни Россія могла-бы стать во главѣ европейской цивилизаціи. Когда-то во главѣ этой цивилизаціи стояла Испанія и Италія; за тѣмъ такая первостепенная роль перешла къ Голландіи, потомъ къ Англіи и Франціи. Призваніе Россіи и Соединенныхъ Штатовъ состояло въ томъ, чтобы

стать во главѣ цивилизаціи замѣстивъ собою Англію и Францію.

Конечно, русскіе были еще невѣжественнымъ народомъ, но арабы во времена Магомета были также невѣжественнымъ народомъ, и это не помѣшало имъ стать во главѣ средневѣковой цивилизаціи. Невѣжественные народы дѣлаются просвѣщенными, а стоящіе во главѣ цивилизаціи погружаются въ тѣнь, если первые поставлены въ особо благопріятныя условія, которыми воспользуются, а послѣдніе упорно будутъ идти по ложной дорогѣ. Голландія и Англія стали во главѣ цивилизаціи, воспользовавшись своимъ приморскимъ положеніемъ и расплодивъ въ своей средѣ промышленное населеніе, а Испанія, Португалія и Италія, которыя по торговому и промышленному своему развитію стояли несравненно выше Англіи и Голландіи, утратили эти преимущества, упорно поддерживая ложный принципъ господства католической религіи надъ свободомысліемъ. То значеніе, какое имѣло свободомысліе въ эпоху возрожденія наукъ, въ наше время имѣютъ политическія и въ особенности соціальныя ученія; послѣднія гораздо новѣе и имѣютъ болѣе широкую будущность впереди. Въ области политической во главѣ движенія естественно было держаться Соединеннымъ Штатамъ Америки, но въ области соціальной Россія имѣла преимущество такой великой важности, которое прямо ставило ее во главѣ соціальнаго движенія. Послѣ революціи 1848 года на западѣ все болѣе укоренялось убѣжденіе, что орудія труда должны быть въ рукахъ рабочаго, а не въ рукахъ капиталиста или собственника, который такимъ образомъ превращаетъ рабочаго въ своего наемника и живетъ на его счетъ. Во всей Россіи съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, кромѣ закавказья и западныхъ ея окраинъ, гдѣ господствовали шведы, нѣмцы и поляки, земледѣльческое населеніе составляло девять десятыхъ всего рабочаго класса; весь земледѣльческій классъ имѣлъ въ своихъ рукахъ орудія своего труда.

Капиталистическаго хозяйства на русскихъ земляхъ почти не существовало, даже помѣщики заставляли крестьянъ обрабатывать свои земли инвентаремъ, принадлежавшимъ крестьянамъ. Крестьянами съ такого времени, о которомъ память утратилась въ исторіи, создано было учрежденіе мірскихъ земель. Черезъ это учрежденіе все коренное, русское земледѣльческое населеніе составляло организаціи, цѣль которыхъ заключалась въ томъ, чтобы каждо-

му земледѣльцу отдавать въ руки его орудіе труда. Такимъ образомъ, въ обширной русской имперіи изъ пятнадцати частей ея территоріи въ четырнадцати все земледѣльческое населеніе составляло такія организаціи, оно составляло ихъ на земляхъ государственныхъ, помѣщичьихъ, удѣльныхъ, казацкихъ и всевозможныхъ другихъ. Какъ русскіе, такъ и инородцы: мордва, черемисы, татары и другіе практиковали этотъ режимъ. Главное его достоинство заключалось въ томъ, что найденъ былъ путь, которымъ устранялся основной недостатокъ права собственности.

Западно-европейское учрежденіе права собственности въ соціальной области сдѣлало то-же, что феодальное право сдѣлало въ политической. Феодальное право сдѣлало политическую власть правомъ собственности феодальныхъ господъ, она даже продавалась, какъ продаются вещи; во Франціи передъ самой революціей судьи покупали свои должности, Англія даже въ XIXмъ столѣтіи позорно торговала мѣстами офицеровъ арміи. Западной цивилизаціи пришлось вынести тяжкую борьбу, чтобы освободиться отъ этого зла; послѣ продолжительной, кровавой битвы ей это наконецъ удалось; политическая власть изъ области частнаго права перешла въ область публичнаго, въ руки отвѣтственныхъ чиновниковъ или еще болѣе отвѣтственныхъ лицъ, избранныхъ народомъ. Только въ видѣ переживанія остались государи, власть которыхъ составляла нѣчто въ родѣ ихъ наслѣдственной собственности. Право собственности въ томъ видѣ, какой оно приняло въ западной цивиливаціи, передало всю соціальную власть въ руки капиталистовъ. Оно обратило въ капиталъ не только всѣ орудія труда, но всѣ предметы торговли и человѣческія жилища. Феодальное право превращало все населеніе страны въ безгласныхъ подданныхъ, которымь оставалось одно — безмолвно покоряться угнетенію; право собственности, превратившее въ капиталъ всѣ орудія труда и землю, создало въ рукахъ имущаго класса власть, передъ которой рабочему классу и всему населенію оставалось пребывать въ уныломъ подчиненіи. Власть и право собственности давали такой легкій способъ завладѣвать землею и орудіями труда, съ которымъ рабочему населенію было окончательно невозможно состязаться и чѣмъ болѣе развивалась промышленность подъ вліяніемъ науки, тѣмъ менѣе такое состязаніе дѣлалось возможнымъ. Въ самыхъ благодатныхъ многоземельныхъ странахъ, которыми завладѣли

европейцы: въ Австраліи, на мысѣ Доброй Надежды, въ южной Америкѣ девять десятыхъ земли находилось въ крупнѣйшемъ землевладѣніи. Принципы французской революціи дали такъ мало способовъ противодѣйствовать вредному вліянію власти при господствѣ собственности, что Наполеонъ путемъ власти могъ создать втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ своихъ офицеровъ и бюрократовъ аристократію, которая завладѣла огромнымъ пространствомъ земли и рудниковъ во Франціи. Право собственности, создающее наслѣдственный капиталъ и превращающее землю въ такой капиталъ, имѣетъ вредную сторону такой-же великой важности, какую имѣло и феодальное право.

Феодальное право отдавало власть не въ тѣ руки, которыя были болѣе другихъ способны выполнить цѣль, съ какою власть была учреждена, а въ тѣ, куда она перешла по наслѣдству. Оно создавало господство лѣни и бездарности надъ трудолюбіемъ и талантомъ. Тоже дѣлала и собственность, порождавшая наслѣдственный капиталъ. Для труда и знанія совершенно невозможно вести при такомъ учрежденіи равноправную борьбу съ наслѣдственнымъ тунеядствомъ. Наслѣдственный капиталъ и наслѣдственное землевладѣніе повсемѣстно отстраняютъ талантъ и трудъ отъ власти надъ орудіями труда, а если даютъ имъ эти орудія въ руки, то ставятъ ихъ къ ущербу для общества въ такую-же зависимость отъ своего самодурства, въ какую феодалы и государи ставили тѣхъ своихъ замѣстителей, которые дѣйствительно несли на себѣ трудъ по суду и администраціи.

Много говорили о пользѣ мелкой собственности, но въ тѣхъ странахъ, гдѣ она сдѣлала наибольшіе успѣхи, т. е. въ средней Европѣ, заключающей въ себѣ западную Германію, Бельгію и Францію только шестая часть земли находится въ рукахъ тѣхъ лицъ, которые ее обробатываютъ собственными руками. Число собственниковъ значительно, но количество земли въ ихъ рукахъ такъ ничтожно, что они не могутъ существовать ея обработкою, а живутъ посторроннимъ трудомъ, арендою или нанимаются на работу. Жертвы, которыя они должны приносить при покупкѣ земли и при дѣлежѣ наслѣдствъ, опутываютъ ихъ неоплатными долгами. Повсемѣстно, даже въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, долги мелкихъ собственниковъ громадны. Кромѣ того мелкая собственность даетъ кулачеству большіе размѣры; она развиваетъ

многочисленный классъ, который по образованію своему стоитъ на одномъ уровнѣ съ пролетаріемъ и ведетъ свое хозяйство съ помощью наемнаго труда. Эти крестьяне наниматели такъ сурово обращались съ своими наемниками, что они давали полновѣсный аргументъ въ пользу англійской крупной собственности. Сравнивали поведеніе лорда съ его арендаторами и обращеніе бельгійскихъ крестьянъ съ ихъ наемниками. Въ средніе вѣка крестьяне имѣли рабовъ и эти рабы были самой несчастной частью населенія, точно такъ-же, какъ пролетаріи, нанимавшіеся у мелкихъ землевладѣльцевъ. Фактъ, касавшійся рабства, оказался несостоятельнымъ для оправданія крупныхъ рабовладѣльцевъ, но весьма дѣйствительнымъ для осужденія института рабства. Точно также фактъ кулачества мелкихъ землевладѣльцевъ не оправдывалъ крупное землевмадѣніе, но осуждалъ весь институтъ права собственности на землю. Мелкое землевладѣніе распложало многочисленный пролетаріатъ даже при самомъ рѣдкомъ населеніи. Въ Финляндіи населеніе такъ рѣдко, что крестьянинъ собственникъ имѣетъ отъ 180 до 400 десятинъ земли, а число сельскихъ пролетаріевъ вдвое больше собственниковъ. Въ южной Америкѣ при крупномъ землевладѣніи дѣла идутъ еще хуже.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Земли публичнаго права.

ПРАВО собственности на землю учрежденіе слишкомъ мало гибкое и по самому принципу своему не можетъ удовлетворить требованіямъ соціальнаго прогресса нашего времени. Благодаря этому учрежденію каждое англійское семейство переплачиваетъ болѣе ста рублей въ годъ за сельско-хозяйственныя произведенія Англіи только ради удовольствія имѣть землевладѣльцевъ, которыхъ единственное занятіе состоитъ въ томъ, чтобы отдавать свои земли въ аренду. При учрежденіи собственности угнетенное положеніе труда и знанія сдѣлаетъ навсегда невозможнымъ экономическое употребленіе земли въ качествѣ орудія производства. Труженики будутъ всегда страдающей частью, а производство будетъ плохимъ и неудовлетворительнымъ. Если-бы въ Англіи частная поземельная собственность была вовсе отмѣнена

и вся земля отдавалась государствомъ въ аренду способомъ, допускающимъ побѣду таланта и труда, то этимъ устраненъ былъ-бы не только излишній органъ для отдачи земель въ аренду, т. е. лорды и землевладѣльцы — а все населеніе Англіи, Шотландіи и Ирландіи могло-бы быть освобождено окончательно отъ всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ; — всѣ государственныя издержки были-бы съ излишкомъ покрыты доходомъ съ земли, такъ какъ аренда, получаемая землевладѣльцами превышаетъ государственный доходъ.

Мірскія земли составляютъ учрежденіе несравненно болѣе гибкое и способное удовлетворять основнымъ требованіямъ хорошаго экономическаго и соціальнаго порядка, чѣмъ неповоротливое учрежденіе собственности. Конечно это учрежденіе можетъ принимать нормальныя свои формы только при свободѣ и демократическомъ управленіи; но и въ настоящемъ своемъ видѣ, сильно искаженномъ деспотическими вліяніями сверху оно обнаружило такія свойства, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ истиннаго его значенія. По мысли, вложенной народомъ въ учрежденіе мірскихъ земель, земля создана природой въ качествѣ орудія труда для человѣка, а потому никто не долженъ ею завладѣвать, а она должна распредѣляться между тружениками по общему ихъ согласію такъ, чтобы ни одинъ изъ трудящихся надъ нею при ея распредѣленіи не былъ обездоленъ или поставленъ въ болѣе благопріятныя условія; поэтому всѣ дѣла, касающіяся земли, ея пользованія и распредѣленія, рѣшались и приводились въ исполненіе на сходѣ, гдѣ никто не имѣлъ болѣе правъ, чѣмъ другой; все рѣшалось и выполнялось не по большинству голосовъ, а по общему соглашенію всѣхъ. Русская поземельная община тѣмъ и отличалась существенно съ одной стороны отъ подобныхъ ей азіатскихъ, африканскихъ и другихъ общинъ, а съ другой отъ общинъ европейскихъ, что основнымъ ея принципомъ была равноправность всѣхъ членовъ общины и рѣшеніе и исполненіе дѣлъ всѣмъ сходомъ.

Въ Азіи и Африкѣ не рѣдко встрѣчаются общины, которыя распредѣляютъ землю между своими членами, но въ ихъ средѣ нѣтъ равноправности; вездѣ кончается тѣмъ, что какая либо привиллегированная часть населенія завладѣваетъ землею и создаетъ изъ себя классъ землевладѣльцевъ: въ Индіи онъ произошелъ изъ касты земледѣльцевъ, въ средней Азіи онъ состоитъ

изъ привиллегированныхъ владѣльцевъ земель и стадъ; пасутъ стада, воздѣлываютъ земли ихъ подвластные, а они только распоряжаются хозяйствомъ; — въ другихъ мѣстахъ земля составляетъ общее владѣніе рода, состоящаго изъ небольшого числа лицъ, иногда изъ одного семейства; — ихъ подвластные исключены. Какъ въ Россіи, такъ и въ западной Европѣ существуетъ такъ-же безобразное общинное владѣніе, гдѣ всякій получаетъ надѣлъ въ размѣрѣ его наслѣдственной привиллегіи. Въ западной Европѣ имуществомъ, приннадлежащимъ общинѣ и общественными землями распоряжается начальство общины, иногда избираемое, а иногда назначаемое высшей администраціей. При такомъ порядкѣ не можетъ быть и рѣчи о распрадѣленіи земли между тружениками съ цѣлью передачи каждому изъ трудящихся въ руки его орудія труда.

Такъ какъ мірскія земли могутъ достигать вполнѣ своей цѣли только тогда, когда землею распоряжается непосредственно самъ сходъ и притомъ не по большинству голосовъ, а по общему соглашенію, то учрежденіе можетъ функціонировать вполнѣ успѣшно только въ томъ случаѣ, если община состоитъ изъ небольшого числа лицъ. Въ многолюдныхъ общинахъ оно существенно искажается. Впрочемъ обычай выработалъ глубоко обдуманные взгляды и пріемы, облегчающіе рѣшеніе по соглашенію, при которыхъ право трудящихся распредѣлять въ своей средѣ орудіе труда, можетъ практиковаться на обширныхъ пространствахъ. Въ одной мѣстности обширная земля, по которой разбросано было шестнадцать селеній, замежевана была одной общей межей, и крестьяне изобрѣли весьма остроумный пріемъ для справедливаго распредѣленія земли между земледѣльцами. Каждое селеніе окружено было своими землями безъ всякой черезполосности съ другими селеніями; земли эти заключали въ себѣ всѣ угодья, необходимыя для сельскаго хозяйства въ ближайшемъ отъ селенія разстояніи. Эти угодья распредѣлялись равномѣрно между домохозяевами селенія; затѣмъ каждый житель всѣхъ селеній могъ безпрепятственно селиться въ любой изъ деревень и получать надѣлъ. Никто не поселится тамъ, гдѣ безъ того тѣсно, всякій выбираетъ для своего поселенія ту деревню, гдѣ надѣлы больше, и такимъ образомъ орудіе труда распредѣляется равномѣрно простымъ выборомъ мѣста жительства со стороны каждаго изъ членовъ общины.

Въ другомъ мѣстѣ многоводная рѣка разливами своими создала прекрасные поемные луга. Селенія, разбросанныя въ окрестности, луговъ не имѣютъ. Каждое селеніе имѣетъ мірскія свои земли, и сходъ распредѣляетъ ихъ между домохозяевами. Поемные-же луга большой рѣки принадлежатъ всѣмъ селеніямъ сообща, передѣливаются ими и когда трава снята, тогда на нихъ пасется прекрасный ихъ скотъ. Въ такія времена, о которыхъ память уже утратилась, населеніе тѣснилось къ большой рѣкѣ, какъ главному пути сообщенія. Когда оно сдѣлалось слишкомъ густымъ, начались выставки т. е. нѣсколько домовъ поселялось внутрь страны для болѣе удобнаго воздѣлыванія своихъ полей и эксплуатаціи лѣсовъ, но удаляясь внутрь страны они вовсе не намѣрены были лишиться существенныхъ преимуществъ, доставляемыхъ поемными лугами; а потому они право свое на луга оставляли за собою. Произошелъ вѣроятно безпримѣрный въ Европѣ по своей выгодности сельскохозяйственный строй. Цѣлая многолюдная округа владѣла мірскими землями на разнородныхъ основаніяхъ. Одинъ порядокъ существовалъ для усадебъ и огородовъ, другой для лѣсовъ, третій для луговъ и всѣ приводили къ найбольшей производительности. Луга, гдѣ трава возобновлялась черезъ ежегодные разливы, давали сѣно для прокорма скота на скотномъ дворѣ втеченіе большей части года, откуда получалось удобреніе для нагорныхъ полей и такимъ образомъ нагорная почва улучшалась на счетъ разливныхъ водъ, которыя на подобіе Нила сами по себѣ обусловливали плодородіе травы поемныхъ луговъ.

Самый поразительный примѣръ мірскихъ земель представляли собою земли уральскаго войска. Тутъ путемъ обычая распредѣленіе орудій труда получило самые удивительные размѣры, не только земля распредѣлялась между общинами на большомъ пространствѣ, но на рѣкѣ на пространствѣ сотенъ верстъ установлены были образцовые порядки рыбной ловли, которые давали рыбѣ возможность свободно входить изъ моря въ рѣку и далеко подыматься по ней вверхъ, метать икру и размножаться въ ней въ огромномъ количествѣ. Они обезпечивали жителямъ богатый промыселъ, всякій трудящійся ловилъ рыбу самъ для себя въ размѣрѣ своихъ силъ и своей потребности, ни собственники, ни откупщики не мѣшали ему. Желаніе собственниковъ и откупщиковъ, чрезъ участки которыхъ проходитъ рыба, перехватить ее, служитъ глав-

нымъ источникомъ рыбоистребленія; уральскіе порядки клали предѣлъ этому источнику.

Мы уже упоминали выше, какимъ образомъ правительственныя распоряженія мѣшали мірскимъ землямъ достигать своей цѣли. Послѣ освобожденія крестьянъ имъ нанесенъ былъ смертельный ударъ. Истинный смыслъ учрежденія мірскихъ земель государственные люди того времени не понимали или относились къ нему враждебно. Большинство земель, находившихся въ рукахъ и въ распоряженіи крестьянъ были отъ нихъ отрѣзаны и переданы въ завѣдываніе государственныхъ чиновниковъ; тѣ земли, которыя были отданы крестьянамъ въ надѣлъ, были признаны ихъ общею собственностью. Противорѣчіе и несовмѣстимость двухъ идей: идеи собственности и идеи мірскихъ земель государственными людьми вовсе не понималось. Мірскія земли по основной мысли своей исключаютъ окончательно и безповоротно право какого бы то ни было частнаго лица на землю; даже міръ т. е. сходъ въ цѣломъ своемъ составѣ не имѣетъ на нее никакого частнаго права, поэтому за міромъ никогда не признавалось крестьянами права отчуждать землю или другимъ образомъ обездоливать земледѣльцевъ; такое право схода навязывалось крестьянамъ правительствомъ. Если формулировать идею мірскихъ земель языкомъ, понятнымъ для юристовъ западной цивилизаціи, то слѣдуетъ сказать такъ: по своей идеѣ мірскія земли вовсе должны быть изъяты изъ области частнаго права, онѣ должны быть землями публичнаго права.

Это вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ западноевропейскихъ соціалистовъ о томъ, что орудія труда вообще должны быть предметомъ публичнаго права, но нелѣпость идеи западно-европейскихъ соціалистовъ заключается въ томъ, что они хотятъ предоставить это право государству т. е. его администраціи. Подобное право ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предоставлено не только администраціи государства, но даже администраціи общины. Администрація государства можетъ натворить въ этомъ случаѣ только такихъ-же безобразій, какія натворило законодательство Александра II, а администрація общины можетъ поступить такъ, какъ поступаютъ наши городскія администраціи съ городскими землями. О томъ, чтобы земли при такомъ порядкѣ переходили въ руки тѣхъ, кто ихъ обработываетъ, нечего и помышлять. Одно то, что зако-

нодательство Александра II открыло двумъ третямъ схода возможность отобрать всю землю у третьей трети, доказываетъ, до какой безпредѣльной степени оно было близоруко, небрежно и вполнѣ неспособно создать то великое и прекрасное учрежденіе, которое власть должна была-бы создать, если-бы она желала доставить Россіи ту славу и то благосостояніе, къ которому страна была-бы способна по особо благопріятнымъ условіямъ своей жизни.

Конечно помѣщики сильно воспротивились-бы большей отрѣзкѣ у нихъ земель для крестьянскихъ надѣловъ или уменьшенію выкупныхъ платежей; но въ этомъ не предстояло никакой надобности. А разъ пунктъ этотъ остался въ томъ видѣ, какъ онъ установленъ былъ Александромъ II для удовлетворенія цѣлямъ практической политики, дальнѣйшее его законодательство по отношенію къ мірскимъ землямъ встрѣтило-бы въ помѣщикахъ вполнѣ равнодушныхъ зрителей и противъ нормальнаго учрежденія не послѣдовало-бы съ ихъ стороны оппозиціи. Александръ II сдѣлалъ по отношенію къ землѣ то-же, что Годуновъ и его послѣдователи сдѣлали по отношенію къ людямъ. Годуновъ отнялъ у тружениковъ свободу, Александръ II отнялъ у нихъ орудіе труда. Чтобы охарактеризовать идею справедливости государственныхъ людей крестьянской реформы я приведу одинъ примѣръ: въ войскѣ донскомъ землями надѣлены были крѣпостные люди, помѣщики не имѣли въ этомъ краю ни одной пяди собственной земли и не могли ее имѣть потому, что это противорѣчило основнымъ правамъ донскаго казацкаго войска. Землями, на которыхъ жили ихъ крѣпостные, они могли распоряжаться только потому, что они были господами этихъ крѣпостныхъ. По основному принципу закона объ освобожденіи крестьянъ свобода предоставлялась людямъ безвозмездно и помѣщики получали вознагражденіе только за отрѣзанную отъ нихъ землю. Слѣдовательно крѣпостные люди войска донского должны были по основному принципу крестьянскаго положенія получить свободу безвозмездно, а землю, которою были надѣлены они, а не ихъ помѣщики, на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ казаки и другія лица владѣли своими надѣлами. Крѣпостные крестьяне войска донского очутились-бы въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ даже государственные крестьяне.

Помѣщики лишились-бы всѣхъ земель, которыми они завладѣли на имя своихъ крѣпостныхъ воровски, т. е. на перекоръ закону

и благодаря укрывательству сильныхъ покровителей, которые укрывали ихъ по той-же причинѣ, по которой сильные взяточники укрывали слабыхъ т. е. потому, что они сами захватывали воровски казацкія земли еще въ большихъ размѣрахъ; офицеры въ болѣе низкихъ чинахъ были только ихъ подражателями и обожателями, партіей, которая доставляла имъ необходимую поддержку. Но помѣщики не лишились-бы вмѣстѣ съ тѣмъ и законныхъ средствъ къ своему существованію. Старинный казацкій обычай былъ таковъ, что онъ каждому казаку, служившему въ офицерскихъ чинахъ и его семейству, давалъ достаточное обезпеченіе, — надѣлъ земли оберъ-офицера т. е. меньшій изъ офицерскихъ надѣловъ, составлялъ 200 десятинъ. Двѣсти десятинъ въ черноземной полосѣ, даже въ курской губерніи составляетъ цѣлое состояніе; въ войскѣ-же донскомъ, гдѣ къ черноземной почвѣ присовокупляется возможность винодѣлія, выгоды еще увеличиваются. Отнять у казацкихъ офицеровъ то, чѣмъ они противозаконно завладѣли и оставить имъ то, что имъ слѣдовало по закону было на столько-же справедливо, какъ отнять у лихоимцевъ награбленное ими добро и принудить ихъ жить своимъ жалованьемъ. Имъ оставалось-бы только благодарить правительство за то, что они не были наказаны за расхищеніе земель, ввѣренныхъ ихъ честности и ихъ управленію. Какъ-же распоряжается правительство? Оно оставило крестьянамъ только одну пятую того надѣла, какой они должны были имѣть по закону и притомъ оставило имъ за выкупъ въ пользу помѣщиковъ. Помѣщики получили награду за свое хищничество; но отрѣзанныя земли все таки не могли принадлежать имъ, а должны были поступить во владѣніе войска донского. Тогда послѣдовалъ особый указъ, который предоставлялъ помѣщикамъ захваченныя ими земли въ собственность безвозмездно. Можно сказать, что послѣ Петра Великаго Александръ II былъ лучшимъ изъ русскихъ царей, царствовавшихъ начиная съ Іоанна Грознаго — и этотъ царь поступалъ, какъ только что было сказано. Подобное воззрѣніе на людей и на то, что считается справедливостью по отношенію къ нимъ при господствѣ неограниченной монархіи, доказываетъ вполнѣ, что рабочее населеніе Россіи и ея истинная справедливая интеллигенція могутъ ждать отъ этого деспотизма для себя только одного гоненія и притѣсненія. Въ ихъ пользу всегда будетъ дѣлаться только минимумъ того, что можно

будетъ сдѣлать; только одинъ страхъ утратить, подобно турецкому султану, свое могущество можетъ заставить деспотовъ дѣлать отступленія отъ своего пристрастія къ безплоднымъ паразитамъ, ярмомъ лежащимъ на всемъ, что трудится физически и умственно.

Мы привели частный примѣръ, за нимъ стоитъ вся картина дѣятельности правительства при устройствѣ поземельныхъ отношеній, которая пропитана тѣмъ-же духомъ. Если помѣщикамъ при освобожденіи крестьянъ дано было привиллегированное положеніе, то оно объясняется политической необходимостью. Крѣпостные получили великое благо чрезъ одно освобожденіе, а потому я не хочу разбирать, можно-ли было сдѣлать для крестьянъ болѣе, чѣмъ было сдѣлано, уменьшить ихъ платежи, увеличить ихъ надѣлы; я никогда не позволю себѣ бросить камень въ императора, который сдѣлалъ доброе дѣло, подъ тѣмъ предлогомъ, что можно было сдѣлать его лучше. Коренное свойство деспотизма угнетать развитіе и благосостояніе тѣхъ народовъ, надъ которыми онъ господствуетъ; но это не должно мѣшать намъ отдавать справедливость государямъ въ родѣ Петра и Александра II, которые хотя сколько нибудь облегчали гнетъ учрежденія реформами, правда всегда запоздалыми. Я не буду критиковать Александра и его сподвижниковъ тамъ, гдѣ они одушевлены были желаніемъ добра, я буду говорить объ ихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ крестьянамъ тамъ, гдѣ ими руководилъ грубый эгоизмъ и гдѣ они не умѣли стать на высоту своего призванія.

Здравая политика принудила императора размежевать крестьянъ и ихъ помѣщиковъ, но имъ руководилъ одинъ эгоизмъ, когда онъ у государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и другихъ крестьянъ обрѣзалъ земли, находившіяся въ ихъ владѣніи и распоряженіи съ незапамятныхъ временъ, и отдалъ ихъ въ завѣдываніе своимъ чиновникамъ. Онъ двадцати мильонамъ крестьянъ далъ земли подъ условіемъ вознагражденія помѣщиковъ, а у тридцати мильоновъ отрѣзалъ громадныя пространства безъ всякаго вознагражденія. Земли, данныя въ надѣлъ бывшимъ крѣпостнымъ, составляютъ только ничтожную долю того, что было обрѣзано у государственныхъ, удѣльныхъ и другихъ земледѣльцевъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о пріемахъ этого разграбленія крестьянскихъ земель, я приведу слѣдующій примѣръ: въ вологодской и архангельской губерніяхъ удѣльные крестьяне владѣли огромными про-

странствами земли; послѣдовалъ указъ, который надѣлялъ ихъ семью десятинами на душу, а остальное отрѣзалъ въ пользу удѣла. Указъ этотъ существенно обездоливалъ крестьянъ. До этого они за умѣренный оброкъ пользовались всей землей, а теперь они за небольшую ея часть должны были платить въ полтора раза болѣе. Но чиновники въ своемъ гнусномъ раболѣпіи изобрѣли еще новый способъ обездолить тружениковъ и увеличить доходъ членовъ царскаго семейства, нужный имъ для ихъ излишествъ. Вмѣсто того, чтобы нарѣзать крестьянамъ по семи десятинъ на душу, они нарѣзали только двѣ, три и четыре; на огромномъ пространствѣ удѣльныхъ земель этого края только одно или два селенія въ нѣсколько десятковъ душъ получили полный надѣлъ. Нарѣзка земли произведена была такъ, чтобы крестьяне не могли существовать и уплачивать тотъ оброкъ, которымъ они были обложены, не платя удѣлу сверхъ оброка за оброчныя статьи, право смолокуренія, пастбища для своихъ стадъ и т. д. Съ такимъ-же расчетомъ у государственныхъ крестьянъ отрѣзаны были лѣса; доходъ отъ государственныхъ лѣсовъ постоянно возрасталъ, но производилъ въ средѣ крестьянъ такую жгучую ненависть, что ежегодно совершалось до ста аграрныхъ убійствъ лѣсниковъ, о которыхъ въ печати никогда и нигдѣ не упоминалось.

Если-бы дѣло было въ рукахъ людей, понимающихъ великое значеніе мірскихъ земель, то всѣ общественныя земли: государственныя, удѣльныя, кабинетскія, казацкія, городскія и т. д. были-бы признаны землями публичнаго права, орудіемъ труда, которое ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть предметомъ частной собственности. Придавъ такой характеръ всѣмъ землямъ, какъ тѣмъ, которыя поступили въ надѣлъ крестьянамъ, казакамъ и другимъ земледѣльцамъ, такъ и тѣмъ, которыя остались въ общественномъ пользованіи подъ именемъ государственныхъ, удѣльныхъ, казацкихъ и другихъ, правительство должно было направить дальнѣйшую свою дѣятельность къ тому, чтобы посредствомъ уравненія надѣловъ и платежей поставить всѣхъ земледѣльцевъ въ равныя условія съ точки зрѣнія конкуренціи. Вѣдь они всѣ продавали свои произведенія на одномъ рынкѣ и по одинаковымъ цѣнамъ; чтобы земледѣліе и сельское хозяйство процвѣтало и цѣны произведеній были наиболѣе выгодны для покупающаго населенія, необходимо, чтобы производители производили въ одина-

ковыхъ условіяхъ; только тогда дѣло перейдетъ къ наиболѣе способнымъ рукамъ и дастъ въ окончательномъ результатѣ наибольшую производительность и максимальное удешевленіе продуктовъ.

Между тѣмъ законодательство Александра II не только не заботилось о томъ, чтобы уравнять производителей сельско-хозяйственныхъ произведеній въ условіяхъ производства, а наоборотъ поставило дѣло такъ, что распоряжавшіеся землею являлись тѣмъ болѣе привиллегированными, чѣмъ безплоднѣе эти распорядители были съ точки зрѣнія производства. Наибольшими привиллегіями пользовались земли, отрѣзанныя удѣлу, государству и проч.; ими распоряжались чиновники и дѣлались неодолимымъ препятствіемъ къ ихъ воздѣлыванію; огромныя пространства оставались окончательно безплодными и бездоходными или заняты были какимъ нибудь сухостоемъ въ то время, когда мильоны крестьянъ погибали отъ нужды по недостатку земли и могли-бы найти себѣ на этихъ земляхъ и обезпеченіе и благосостояніе, если-бы ихъ туда пустили. За государствомъ и удѣломъ слѣдовали крупные землевладѣльцы, которые уплачивали казнѣ и земству только самыя ничтожныя подати. Большинство изъ нихъ вовсе не заботилось о своихъ земляхъ, считало для себя занятіе сельскимъ хозяйствомъ неудобнымъ, непріятнымъ и невыгоднымъ и обезпечивало свое существованіе государственною или общественною службою, трудомъ адвокатовъ, врачей, писателей, денежныхъ тузовъ и воротилъ; въ деревняхъ жили только лица, по недостатку способностей получившіе плохое образованіе или вдовы и т. п. Настоящіе земледѣльцы: казаки, крестьяне и прочіе были обложены тѣмъ болѣе тягостными податями, чѣмъ усерднѣе они занимались земледѣліемъ. Всѣ платежи, лежавшіе на землѣ, были расчитаны такъ, что они тѣмъ болѣе обремѣняли воздѣлывающаго землю, чѣмъ меньше было пространство земли, находившееся въ его владѣніи. Въ густо населенныхъ мѣстахъ, гдѣ владѣльцы ничтожныхъ клочковъ воздѣлывали ихъ съ приложеніемъ огромнаго труда съ величайшей тщательностью, эти несчастные были окончательно задавлены огромными поборами. Такой варварскій видъ обратно прогрессивнаго налога, при которомъ человѣкъ платилъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе онъ получалъ дохода, былъ вполнѣ достоинъ варварской русской финансовой системы, гдѣ не рѣдко бѣдный платилъ не только въ десять, а въ сто разъ болѣе богатаго.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Мірскія земли.

Варварская финансовая система сдѣлала все, что отъ ней зависѣло, чтобы поставить крестьянъ, владѣющихъ мірскими землями, по отношенію къ сельско-хозяйственному производству въ самое невыгодное положеніе, въ какое его можно было поставить. Что-же сдѣлали съ своей стороны крестьяне? Если мы выдѣлимъ Финляндію, остзейскій край, западныя губерніи, среднюю Азію, Кавказъ, Бессарабію, т. е. страны шведскаго, нѣмецкаго, польскаго, румынскаго, грузинскаго и магометанскаго господства и сосредоточимъ наше вниманіе на громадномъ пространствѣ земель, начинающихся отъ Камчатки и кончающихся у Петербурга, простирающихся отъ Новой Земли и Шпицбергена до Крыма и Чернаго моря, то мы къ крайнему нашему удивленію найдемъ, что на всемъ этомъ пространствѣ безграматный крестьянинъ на мірскихъ своихъ земляхъ сумѣлъ сдѣлаться первымъ и самымъ искуснымъ и успѣшнымъ производителемъ всего, что можетъ дать странѣ сельское хозяйство. Помѣщики, дворянство, обладающее десятками мильоновъ десятинъ земли, имѣли передъ крестьянами громадное преимущество образованія, которое давало имъ доступъ къ неисчерпаемому источнику научныхъ знаній; но на практикѣ оказалось, что послѣ освобожденія крестьянъ, когда нельзя уже было болѣе пользоваться подневольнымъ трудомъ, они проявили себя самыми неловкими и неумѣлыми производителями сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Безграматные крестьяне, обладавшіе только традиціонною, рутинною мудростью, съ величайшей легкостью брали надъ ними верхъ и показывали искусство производить дешево и хорошо, съ которымъ помѣщики не могли выдерживать никакого сравненія.

Чѣмъ болѣе почва была безплодна и климатическія условія неблагопріятны, тѣмъ ярче проявлялось превосходство безграматнаго крестьянина мірскихъ земель надъ образованнымъ помѣщикомъ въ качествѣ производителя. Максимумъ трудностей для сельскохозяйственной производительности представляетъ собою крайній сѣверъ европейской Россіи и Сибирь. Почва тутъ требуетъ весь-

ма тщательной обработки и дренажа; климатическія условія большого запаса точныхъ и вѣрныхъ наблюденій надъ каждымъ клочкомъ земли для выясненія пріемовъ, необходимыхъ ради обезпеченія урожая; климатъ тутъ не шутитъ, а сразу губитъ урожай въ случаѣ ошибки. Безъ хорошаго удобренія земля не родитъ ничего, а между тѣмъ воспитаніе скота требуетъ большого труда, такъ какъ зима очень длинная и скотъ можетъ пользоваться подножнымъ кормомъ только короткое время. За то-же на всемъ необъятномъ пространствѣ крайняго сѣвера и востока крупный землевладѣлецъ оказался окончательно неспособнымъ конкурировать въ сельско-хозяйственной производительности съ безграматнымъ крестьяниномъ мірскихъ земель, который имѣлъ надъ нимъ громадное преимущество большого числа тонкихъ наблюденій, передававшихся по преданію и гораздо болѣе вѣрнаго комерческаго расчета.

Во всей средней полосѣ Россіи, которая составляетъ бассейнъ Бѣлаго озера и Волги во время ея теченія съ запада на востокъ почва такъ-же мало благодарна, какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ и въ Сибири, но климатическія условія болѣе благопріятны. Достиженіе урожаевъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ продолжаетъ требовать хотя меньшаго напряженія, чѣмъ на крайнемъ сѣверѣ, но все таки большого искусства, опытности и трудолюбія. Крупное землевладѣніе отмежевало себѣ въ этой области львиную долю, т. е. лучшія земли и дало этимъ землямъ самое привиллегированное положеніе въ отношеніи къ поборамъ и повинностямъ — и что-же вышло въ окончательномъ результатѣ? — Послѣ освобожденія крестьянъ производительность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ осталась цѣликомъ въ рукахъ владѣльцевъ мірскихъ земель. Они надѣлены были худшими изъ земель этого обдѣленнаго природою края: помѣщики, казна и удѣлъ завладѣли всѣмъ, что пользовалось выгоднымъ положеніемъ по отношенію къ рынку, естественнымъ плодородіемъ и другими достоинствами. Однако-же эти негодныя земли крестьяне распахали и воздѣлали, а крупные землевладѣльцы стали запускать и оставлять безъ обработки свои земли лишь только крестьяне были освобождены и имъ пришлось конкурировать съ ними въ искусствѣ производства, а не пользоваться ихъ даровымъ трудомъ. На всемъ этомъ пространствѣ серьезное хозяйство съ помощью

наемныхъ рабочихъ оказывается исключенiемъ, а не правиломъ. Тамъ и сямъ встрѣчается собственникъ, самъ занимающiйся хозяйствомъ и прославившiйся великимъ агрономомъ; но при ближайшемъ разсмотрѣнiи обнаруживается, что онъ пользуется своей репутацiей, чтобы жить на счетъ субсидiй и пособiй отъ правительства, земства или сельско-хозяйственныхъ обществъ ради какихъ-либо нововведенiй впредь до прiисканiя теплаго мѣстечка съ большимъ жалованьемъ, ничего общаго съ агрономiей не имѣющаго. Обладатели такихъ мѣстечекъ продолжаютъ заниматься хозяйствомъ въ небольшомъ размѣрѣ, какъ любители — чаще всего ради ценза. Такимъ образомъ, обробатывается ничтожная часть земель, находящихся въ крупномъ землевладѣнiи. Изъ остальной меньшинство отдается тѣмъ-же крестьянамъ въ аренду; а громадное большинство остается въ натуральномъ или запущенномъ видѣ лѣсовъ, кустарниковъ, болотъ или естественныхъ луговъ.

Статистика доказываетъ, что даже въ такихъ славныхъ своей промышленностью губернiяхъ, какъ тверская и ярославская число воздѣланныхъ земель въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ составляетъ только малую долю сравнительно съ запущенными и находящимися въ натуральномъ своемъ видѣ. Если сравнить отношенiе скота къ количеству земли, то оказывается, что въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ только ничтожное число скота въ сравненiи съ числомъ владѣемыхъ десятинъ. Сравнительно значительное количество скота у крестьянъ приводитъ къ тому, что въ ихъ рукахъ сосредоточивается не только главная масса воздѣланныхъ земель, но и главная масса удобренiя. Они, разумѣется, пользуются этимъ, чтобы удобрять свои надѣльныя земли преимущественно передъ тѣми, которыя ими арендуются; не рѣдко они съ опытностью знатоковъ арендуютъ помѣщичьи земли исключительно для того, чтобы воспользоваться ими и истощить или чтобы сѣять на нихъ продукты выгодные, но истощающiе почву. Плодородныя земли крупныхъ землевладѣльцевъ дѣлаются все менѣе плодородными, а безплодные земли крестьянъ улучшаются.

Большая часть земли крупныхъ землевладѣльцевъ, казны и удѣла во всей этой полосѣ находится подъ такими лѣсами, кустарниками и болотами, которые или ровно никакого дохода не приносятъ или даютъ ничтожный доходъ съ десятины, часто наибольшая часть дохода съ этихъ владѣнiй получается отъ крестьянъ

мірскихъ земель, которые пасутъ на нихъ свой скотъ или добываютъ изъ нихъ дрова, мочало, лыко, бересту и другіе лѣсные продукты. На большихъ пространствахъ наибольшій доходъ владѣльцевъ получается отъ старыхъ лѣсовъ близь сплавныхъ рѣкъ, которые выросли сами, а владѣльцу оставалось только позаботиться о томъ, чтобы ихъ продать на срубъ. Дешевизна производства, дающая крестьянамъ возможность убивать хозяйство крупныхъ землевладѣльцевъ своею конкуренціею, зависитъ въ значительныхъ резмѣрахъ отъ того, что помѣщикъ всякое улучшеніе на своихъ земляхъ можетъ производить только посредствомъ приложенія къ землѣ капитала, а крестьянинъ дѣлаетъ тоже чрезъ приложеніе къ ней личнаго труда, что обходится несравненно дешевле. На низкихъ равнинахъ вы можете встрѣтить селенія, пользующіяся большимъ благосостояніемъ, между тѣмъ, какъ возвышающаяся надъ общимъ уровнемъ песчаная почва, которая окружаетъ селенія, отличается замѣчательно плохимъ качествомъ; вы съ грустью смотрите на жалкую растительность окружающихъ селеніе полей. Оказывается, что причина благосостоянія заключается въ томъ, что они дренировали огромныя пространства болотъ и заливаемыхъ водою полей. Въ особенности раскольники великіе мастера въ этомъ дѣлѣ: повидимому они заимствовали свое искусство отъ предковъ. Иногда мнѣ приходилось ходить десятки верстъ вдоль глубокихъ канавъ, шириною въ сажень и вдоль болотныхъ рѣчекъ и ручьевъ, для которыхъ создано было искусственное русло и тѣмъ осушена окресная почва. На десяткахъ десятинъ, заливаемыхъ во время весны водою, проведено множество канавъ, глубиною въ ростъ человѣческій, въ разстояніи другъ отъ друга не болѣе сажени; на грядахъ, устроенныхъ такимъ образомъ, созданъ перегной и воздѣлываются продукты огородничества. Во всѣхъ тѣхъ земствахъ, гдѣ земли облагаются по разрядамъ, крестьяне платятъ болѣе, а иногда и несравненно болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, потому что въ ихъ рукахъ находится значительное большинство земель, принадлежащихъ къ высшимъ разрядамъ наилучшимъ образомъ воздѣланной почвы.

Въ такомъ положеніи находится девятнадцать двадцатыхъ тѣхъ частей Россіи, гдѣ существуютъ мірскія земли. Собственное хозяйство крупныхъ землевладѣльцевъ можетъ процвѣтать только въ черноземной полосѣ съ наилучшей почвой, потому что здѣсь

земля, вслѣдствіе обильной своей производительности можетъ давать доходъ и самому неискусному и небрежному производителю, въ особенности, если ея доходность увеличивается отъ близости значительнаго города или другого мѣста сбыта. Въ этой области крупные землевладѣльцы часто успѣшно конкурируютъ съ крестьянами. За то-же здѣсь часто искажается самый принципъ мірскихъ земель; землею стараются завладѣть не только, какъ орудіемъ труда, а какъ средствомъ получать доходъ безъ труда. Люди, захватившіе наиболѣе плодоносные и прибыльные участки, стараются не выпустить ихъ изъ своихъ рукъ. Вмѣсто равнаго распредѣленія земли между работниками или распредѣленія, сообразующагося съ рабочей силой каждой семьи, появились пріемы распредѣленія, употребляющіеся на общихъ земляхъ въ западной Европѣ. Явилось наслѣдственное право каждой отдѣльной семьи на извѣстное количество паевъ; семья, обладающая малой рабочей силой, можетъ получать въ нѣсколько разъ болѣе земли, чѣмъ многорабочая.

И здѣсь хозяйство крупнаго землевладѣнія продолжаетъ носить тотъ-же характеръ, какъ и въ прочей Россіи. Внимательное разсмотрѣніе одного крупнаго хозяйства, устроеннаго извѣстными агрономами и признаннаго образцовымъ со стороны московскаго общества сельскаго хозяйства, показало, что наиболѣе плохія земли этого хозяйства давали агрономамъ одинъ убытокъ, а крестьяне не только могли вознаграждать себя за свои труды при ихъ обработкѣ, но платить ренту. Доходъ крупнаго хозяйства получался при собственной обработкѣ только съ лучшихъ земель и притомъ по такимъ причинамъ, которыя отъ искусства агрономовъ вовсе не зависѣли: первая заключалась въ большомъ плодородіи земли, а вторая въ томъ, что на ней воздѣлывалась свѣкловица для сахарнаго завода землевладѣльца, который, пользуясь покровительственнымъ тарифомъ, могъ продавать свои продукты по непомѣрно высокимъ цѣнамъ. Всѣ эти преимущества мірскихъ земель вытекали изъ того, что мірскія земли распредѣлялись между людьми, для которыхъ земля составляла необходимѣйшее орудіе труда; малѣйшее увеличеніе ея производительности высоко цѣнилось производителями при тяжести ихъ работы и скудности ихъ средствъ; тягость труда заставляла обращать серьезнѣйшее вниманіе на его результаты, каждая копейка, выигранная искуснымъ производ-

ствомъ или болѣе правильнымъ расчетомъ, радовала сердце крестьянина, въ то время, когда она высокомѣрно презиралась крупнымъ производителемъ. Въ новѣйшее время въ Англiи стали давать возможность сельскимъ рабочимъ прiобрѣтать небольшiе клочки земли и тутъ оправдалось предсказанiе Овена: эти мелкiе клочки стали давать лучщiе урожаи, чѣмъ земли, воздѣланныя учеными агрономами съ приложенiемъ большого капитала.

Утверждали, что поземельная собственность необходима потому, что она даетъ поприще для оплодотвореннаго наукою производства; но и это не справедливо; поземельная собствонность, какъ разбойничiй и международный грабежъ, какъ деспотизмъ, какъ инстинктивная организацiя даетъ поприще для прiобрѣтенiя дохода безъ труда, но не для искуснаго производства. Мiрскiя земли даютъ гораздо болѣе благопрiятное условiе для искуснаго, научнаго производства, чѣмъ собственность; доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что повсемѣстно, не исключая самыхъ плодородныхъ земель и черноземной полосы, мiрскiя земли арендуются по болѣе низкимъ цѣнамъ, чѣмъ земли крупныхъ землевладѣльцевъ; мiрскiя земли желаютъ возвратить себѣ только плодоносные платежи на пользу общественныхъ и государственныхъ нуждъ, а крупный землевладѣлецъ маленькiй государь, деспотъ, желающiй роскошествовать или развратничатъ безъ труда; ему нужны деньги для его излишествъ или безпутства. Если бы всѣ земли сдѣлались мiрскими т. е. землями публичнаго права, то всякiй ученый агрономъ могъ-бы за гораздо болѣе дешевую цѣну примѣнить свое искусство, чѣмъ въ настоящее время, когда онъ вынужденъ или служить крупному землевладѣльцу, отдавая ему девять десятыхъ того, что производится его искусствомъ или отдавать ему въ формѣ аренды не только то, что нужно для поддержанiя общественнаго порядка и благосостоянiя, но и то, что нужно для произведенiя умственной и нравственной деградацiи въ средѣ богатыхъ людей. Борьба между трудящимся народомъ и трудящейся интеллигенцiей и тунеядцами, желающими жить на ихъ счетъ, вотъ истинная борьба нашего вѣка. Въ Россiи существуютъ крестьяне мiрскихъ земель, разбогатѣвшiе и превратившiеся въ крупныхъ землевладѣльцевъ; они прiобрѣли нѣкоторую интеллигентность, пускаютъ въ ходъ усовершевствованныя орудiя производства, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не утратили того правильнаго и глубоко

обдуманнаго расчета, которымъ отличаются крестьяне и они берутъ верхъ въ конкуренціи надъ крупными землевладѣльцами и ихъ агрономами.

Утверждаютъ, что все это зависитъ отъ недостатка знаній у крупныхъ землевладѣльцевъ и измѣнится съ измѣненіемъ уровня цивилизаціи въ Россіи. Но если уровень цивилизиціи возвысится въ Россіи, то не только крупные землевладѣльцы, но и крестьяне пріобрѣтутъ высшій уровень знаній и перевѣсъ по прежнему останется на сторонѣ людей труда. Дѣло можетъ принять другой оборотъ только въ томъ случаѣ, если по слабости народа и интеллигенціи неограниченная власть получитъ чрезмѣрно продолжительное существованіе и этимъ болѣзненнымъ явленіемъ создана будетъ слишкомъ большая разница между уровнемъ образованія высшихъ классовъ и народа. Такое печальное положеніе можетъ привести къ тому, что не только тунеядствующіе крупные землевладѣльцы возьмутъ верхъ надъ тружениками крестьянами и трудящейся въ области сельскато хозяйства интеллигенціей, но поземельная собственность возметъ окончательно верхъ надъ мірскими землями, великая роль Россіи въ развитіи современной цивилизаціи погибнетъ безвозвратно. Вмѣсто выясненія дѣла можно только запутать его, если не принять въ соображеніе разницу въ цивилизаціи и въ условіяхъ существованія въ западной Европѣ и въ Россіи.

Сравнивая продукты русскихъ полей, ихъ урожаи, ихъ скотъ съ западно-европейскими, наблюдатель находитъ несомнѣнное преимущество на сторонѣ запада; но онъ не долженъ упускать изъ виду, что это происходитъ вовсе не отъ преимуществъ, вытекающихъ изъ учрежденія собственности, а отъ преимуществъ вытекающихъ изъ цивилизаціи и господства науки. Главная причина, по которой русскія поля менѣе урожайны, чѣмъ поля наиболѣе цвѣтущихъ и цивилизованныхъ странъ, заключается въ низкой заработной платѣ, получаемой населеніемъ. Мы уже выше объясняли связь между низкой заработной платой, невѣжествомъ и грязнымъ тѣломъ, въ которомъ держится народъ никуда негоднымъ политическимъ режимомъ. Первое условіе для хорошихъ и прочныхъ урожаевъ заключается въ обильномъ животномъ удобреніи; никакія агрономическія хитросплетенія не замѣнятъ этого удобренія, оно всегда останется самымъ дешевымъ и самымъ дѣйстви-

тельнымъ средствомъ для улучшенія полей. Для того-же, чтобы это удобреніе являлось въ изобиліи, необходимо, чтобы весь народъ ѣлъ мясо. Въ Россіи весь народъ ѣстъ одну растительную пищу. Скотъ нельзя размножать потому, что его содержаніе не окупится, мясо некому продавать; малѣйшее увеличеніе количества скота роняетъ его цѣну до того, что кормъ не окупается. Поля, производящіе хлѣбъ для народа, не могутъ быть удобрены потому, что народъ ѣстъ хлѣбъ, а не мясо; на поляхъ, производящихъ хлѣбъ для вывоза за границу, удобреніе еще менѣе возможно, потому что вывозится хлѣбъ, а мясо не вывозится. Вотъ почему опытность не помогаетъ крестьянамъ, а агрономическія знанія крупнымъ землевладѣльцамъ. Урожайныя и полновѣсныя сѣмена черезъ нѣсколько лѣтъ теряютъ свою урожайность и полновѣсность. Вотъ почему неурожаи и заразительныя болѣзни должны неизбѣжно бичевать Россію. Напрасно государи думаютъ помочь дѣлу благотворительностію, съ возростаніемъ населенія дѣло будетъ только ухудшаться, пока гибельный политичесхій режимъ будетъ держать народъ въ невѣжествѣ и въ грязномъ тѣлѣ. Зло рабовладѣнія не излѣчить благотворительностью рабовладѣльцевъ, злу деспотизма не поможешь благодѣяніями деспотовъ. Человѣку опасно забывать, что онъ на половину плотоядное и на половину травоядное и что его организація именно такова, что при наилучшемъ удовлетвореніи ея потребностей и животныя и растенія могутъ въ наибольшемъ изобиліи процвѣтать на землѣ.

Заключеніе ученыхъ о мірскихъ земляхъ на столько-же ложно, какъ если-бы кто-нибудь сталъ доказывать преимущество мірскихъ земель тѣмъ, что Россія производитъ болѣе хлѣба, чѣмъ нужно для населенія, а Англія и Франція менѣе своей потребности. Чтобы сдѣлать научно правильное сравненіе двухъ учрежденій нужно сравнивать ихъ дѣйствіе въ той-же мѣстности и при одинакихъ условіяхъ климата, почвы и проч. Но при такомъ сравненіи оказывается, что безграматный русскій крестьянинъ на мірскихъ земляхъ беретъ окончательный перевѣсъ надъ образованнымъ собственникомъ — результатъ весьма знаменательный. Происхожденіе поземельной собственности въ западной цивилизаціи, точно такъ-же, какъ происхожденіе рабства въ античной вовсе не экономическое а политическое; они произошли не изъ желанія труда воспользоваться тѣмъ, на что онъ имѣетъ право въ вознагражде-

ніе за свои усилія, а изъ стремленія тунеядцевъ и разбойниковъ захватить произведенія, созданныя чужимъ трудомъ и производить въ своей средѣ деградацію на ихъ счетъ. Инстинкты глиста, паразита такъ-же сильны въ человѣкѣ, какъ они сильны въ животномъ царствѣ и среди лишаевъ и льянъ. Мы настолько-же усердно обязаны устранить этихъ эксплуататоровъ, насколько мы должны истреблять блохъ, вшей, паразитовъ холеры, чумы, чахотки и проч. То обстоятельство, что современная западная цивилизація задумала и стала приводить въ исполненіе переходъ отъ инстинктивныхъ организацій къ сознательнымъ, составляетъ несомнѣнную ея славу; она поступила правильно, если она начала сь политическихъ организацій, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что учрежденіе поземельной собственности, развившееся во время перехода отъ деспотизма къ демократіи не было болѣзненнымъ продуктомъ.

Въ Англіи крупное землевладѣніе производило чудеса искусства; фермеръ, арендовавшій 300 десятинъ и употреблявшій на ихъ эксплутацію до 200,000 руб. производилъ ежегодно продуктовъ на 30,000 руб. Это былъ верхъ агрономической изобрѣтательности, но никто не обращалъ вниманія на то, что доходъ тутъ достигался производствомъ чудовищно дорогихъ предметовъ роскоши. Инстинктъ англійскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, тунеядцевъ и развратниковъ, желавшихъ получать громадный доходъ безъ труда, заставлялъ ихъ создавать такія учрежденія, при которыхъ лѣнивцы и эксплуататоры могли возвышать цѣны сельско-хозяйственныхъ произведеній до непомѣрной высоты. Злополучное и недостаточно развитое англійское населеніе, во имя своего недомыслія должно было оплачивать роскошествующее тунеядство лордовъ, сквайровъ и арендаторовъ, деградирующихъ свою расу. Лорды и крупныя землевладѣльцы ненавидѣли мелкихъ арендаторовъ Ирландіи, которые могли понизить цѣны сельско-хозяйственныхъ произведеній, покупаемыхъ трудящейся Англіей, точно такъже, какъ русскій крестьянинъ понизилъ цѣну, нужную для поддержанія безпутныхъ излишествъ русскихъ помѣщиковъ. Они возвысили цѣну ирландской земли мѣстами до 3,000 руб. за десятину, т. е. англійскій народъ долженъ былъ платить громадныя деньги 150 р. въ годъ съ десятины за то, чтобы поддержать безпутство, развратъ и лѣнь владѣльцевъ этой земли. Лорды тяжестью арендной платы

лишили своихъ мелкихъ арендаторовъ образа человѣческаго, но этого все таки было мало для ихъ ненасытной жадности; крупные землевладѣлцы рѣшили совершенно вѣрно, что тунеядецъ арендаторъ съ большимъ капиталомъ гораздо лучшее орудіе для возвышенія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты чѣмъ мелкій труженикъ; а потому они на всѣхъ островахъ Великобританіи старались окончательно уничтожить мелкихъ производителей и замѣнить ихъ тунеядцами капиталистами, которые вмѣсто агрономіи занимаются музыкой и живописью, но за то-же великіе мастера въ дѣлѣ возвышеція рыночныхъ цѣнъ.

Въ Англіи, Вельсѣ и въ Шотландіи все сельское населеніе было сплошь превращено въ жалкихъ пролетаріевъ, оно составило самый бѣдный, невѣжественный и деградированный классъ страны; островъ, на которомъ расположены были эти части имперіи, сдѣлался для трудящагося населенія мѣстности почти настолько-же безплоднымъ, какъ степи Сахары; все, что ему нужно было для своего содержанія: пшеницу, мясо и проч. оно получало изъ Америки и Россіи, хотя при лучшей соціальной организаціи англійская земля могла-бы производить не только все необходимое для содержанія своего населенія, но гораздо болѣе. Презираемый англійской ограниченностью Овенъ доказалъ это, а научныя изслѣдованія относительно Китая и Индіи доказали, что собственными своими сельско-хозяйственными произведеніями можетъ питаться населеніе густотою своею вдвое и втрое превышающее англійское и при этомъ обходиться даже безъ пособія науки и раціонализма. Не стыдно-ли англичанамъ, этому народу, стоящему во главѣ цивилизаціи, отдавать въ рабство тунеядцамъ, шарлатанамъ и невѣждамъ, землевладѣльцамъ и арендаторамъ все сельское свое населеніе, какъ то, которое трудится, такъ и то, которое пріобрѣтаетъ научныя знанія въ области сельскаго хозяйства. Въ Англіи въ области землевладѣнія и сельскаго хозяйства происходитъ то-же, что во всѣхъ городахъ цивилизованнаго міра въ области домовладѣнія.

Гнусно жадные домовладѣльцы большихъ городовъ цивилизованнаго міра возвышаютъ цѣны на квартиры съ невѣроятной быстротой во много разъ превышающей возвышеніе цѣнъ на произведенія труда и интеллигенціи (которыя часто понижаются, а не возвышаются). При этомъ качество квартиръ постоянно улуч-

шается. Комната, занимаемая рабочимъ въ Англіи, отличается такою роскошью, о которой сибирскій крестьянинъ и понятія не имѣетъ; но цѣна этой роскоши стоитъ владѣльцу дома менѣе десятой доли той цѣны, которую онъ деретъ съ бѣднаго рабочаго за его квартиру. За десятую долю этой цѣны можно нанять въ Сибири цѣлый домъ, отличающійся образцовой чистотой, свойственной сибирскому народу, никогда не знавшему рабства. Всякій образованный человѣкъ предпочтетъ такую обширную квартиру комнатѣ рабочаго въ Манчестерѣ: обширность помѣщенія представляетъ такія удобства, съ которыми убогая роскошь конуры манчестерскаго рабочаго не представляетъ ни малѣйшаго сравненія. То-же дѣлаютъ и землевладѣльцы. Ихъ произведенія: ячмень, мясо, овощи, тепличный виноградъ, птица прекрасны, но они стоятъ покупателямъ въ десять разъ дороже тѣхъ удобствъ, которыя доставляютъ. Можно и въ Архангельскѣ производить экзотическія растенія, какъ въ Англіи производится виноградъ, если тамъ окажутся дураки, которые будутъ платить за нихъ втрое дороже, чѣмъ они стоятъ своимъ производителямъ. Исторгая путемъ политической силы половину произведеній ихъ труда у трехсотъ мильоновъ населенія, горсть англійскихъ богачей можетъ платить безумныя цѣны за произведенія англійскихъ землевладѣльцевъ и дѣлать англійскую землю безплоднѣе аравійскихъ песковъ для тѣхъ, кто болѣе всего нуждается въ ея плодородіи и въ искусствѣ ея производителей; но результаты этого деспотическаго режима, который превратилъ наиболѣе энергическихъ людей этой, будто-бы, свободной страны въ сподвижниковъ индѣйскихъ генералъ-губернаторовъ, этихъ современныхъ Тамерлановъ, Ауренгцебовъ и другихъ имъ подобныхъ бичей индѣйскаго трудящагося населенія, этихъ разсадниковъ взяточничества, гнуснаго стяжательства и корыстной похоти, были таковы, до того деградировали умственный и нравственный уровень англійскаго рабочаго, что въ Англіи не трудно встрѣтить рабочаго, который получаетъ въ годъ 1200 рублей и болѣе и не даетъ своимъ дѣтямъ никакого образованія, достойнаго этого имени. Вслѣдствіе этого англійскій народъ до того умственно не развитъ и апатиченъ, что онъ предпочитаетъ подобно рабу пассивно работать по чужому приказанію и давать англійскимъ землевладѣльцамъ, капиталистамъ и лѣнтяямъ возможность деградировать свою расу, вмѣсто того, чтобы

забрать дѣло въ свои руки и часъ или два въ день употреблять на соціальную организаціи и правильное распредѣленіе богатства. Злополучный англійскій рабочій и понятія не имѣетъ о томъ, что дѣло соціальной организаціи и правильнаго распредѣленія богатства требуетъ большого труда.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Земли и вещи публичнаго права.

АЛЕКСАНДРЪ II освободилъ уста русскаго народа отъ того орудія пытки, которымъ и эти уста и умъ народа были обречены на вѣчную неподвижность тиранами, достойными проклятій исторіи, Александромъ I и Николаемъ I, — и русское общество заговорило. Общество поняло своимъ чутьемъ, что источникомъ всѣхъ его несчастій, источникомъ того рабства, которое заставляло молчать и трепетать передъ тиранами, были грубость, крайняя бѣдность и неразвитость трудящейся массы и въ особенности крестьянства. Создать изъ крестьянства сословіе, сочувствующее прогрессу, значило окончательно выиграть свое дѣло, и оно принялось за разрѣшеніе этой задачи съ энтузіазмомъ. Прежде всего оно устами Чернышевскаго доказало, что принципъ мірскихъ земель великій соціальнші принципъ, которому подобнаго ни одна страна западной цивилизаціи не имѣетъ. Затѣмъ интеллигенція стала неотступно и неустанно заниматься крестьянскимъ вопросомъ. Наконецъ умственное движеніе, допущенное Александромъ II, подавившимъ на этотъ разъ въ себѣ инстинкты деспота, привело къ тому, что сдѣлана была первая попытка расширить предѣлы мірскихъ земель — учрежденъ былъ банкъ для покупки земли крестьянами. При учрежденіи такого банка вопросъ первостепенной важности заключался въ принципахъ, на которыхъ онъ долженъ быть основанъ.

По основнымъ условіямъ человѣческой организаціи трудъ человѣка находится въ его власти съ начала до конца; — чтобы онъ вложилъ въ него всю свою энергію, весь свой геній, всю силу своей воли, усердія и изобрѣтательности, его нужно побудить — принудить его нельзя. На всякое принужденіе человѣкъ

отвѣчаетъ ухудшеніемъ своей работы; чѣмъ болѣе тяжкимъ ярмомъ на него ляжетъ принужденіе, тѣмъ въ большихъ размѣрахъ онъ отвѣтитъ на это отвращеніемъ отъ труда; — онъ не только не будетъ ни проявлять, ни развивать свои силы, но убьетъ въ себѣ геній, усердіе и энергію. Максимумъ этихъ качествъ онъ вложитъ въ свой трудъ, если его плоды будутъ въ безусловномъ его распоряженіи, если они будутъ составлять его собственность впредь до тѣхъ поръ, пока чувства взаимности не разовьются въ людяхъ до пониманія истинной свободы и коммунизма, уничтожающаго принужденіе. Человѣка слѣдуетъ такъ воспитать, общество должно такъ относиться къ нему и къ его потребностямъ, чтобы онъ сливалъ свое благо съ общественнымъ благомъ и чтобы онъ желалъ такъ употребить произведенія своей работы, чтобы они прежде всего создавали и увеличивали общее благо, а потомъ его собственное. Если обществу не удалось дать мыслямъ и волѣ человѣка такое направленіе, то оно все таки должно имѣть столько здраваго смысла и самообладанія, чтобы не налагать свою руку на его произведенія даже и тогда, когда трудящійся дѣлаетъ изъ нихъ безплодное употребленіе. Если-бы онъ не трудился или мстилъ отвращеніемъ отъ труда за сдѣланное обществомъ ему насиліе, что вполнѣ въ его власти, то этихъ произведеній не было-бы; а главное: общество по своей ограниченности и по своимъ предразсудкамъ — вѣдь общество есть средній уровень среды, — всегда можетъ смѣшать геніальное употребленіе произведеній своего труда съ преступнымъ и зловреднымъ. Собственность человѣка надъ произведеніямя его труда вытекаетъ прямо изъ организаціи человѣка, лежитъ въ природѣ вещей, такъ что всякое покушеніе общества или государства отнять у него эту собственность, отдать ее другому и распорядиться ею безъ его согласія будетъ безнравственнымъ поступкомъ.

Конечно человѣку ничего не можетъ принадлежать послѣ его смерти и онъ не можетъ дѣлать никакихъ распоряженій, касаю щихся его вещей на случай смерти. Послѣ смерти человѣка всѣ принадлежавшія ему вещи дѣлаются предметами публичнао права. Но если произведенія труда должны составлять собственность человѣка и всякій захватъ этой собственности обществомъ будетъ эксплуатаціей по отношенію къ нему, то съ другой стороны тѣ орудія, съ помощью которыхъ онъ производитъ, не должны быть

захватываемы въ собственность съ цѣлью наложить руку на произведенія труда. Кто пріобрѣтаетъ орудія труда, съ помощью которыхъ будетъ трудиться другой, подвергаетъ себя всѣмъ послѣдствіямъ такого поступка, такъ какъ изъ неотчуждаемаго права собственности человѣка надъ произведеніями его труда вытекаетъ, что всѣ эти произведенія составляютъ собственность труженика, и закабаленіе путемъ собственности такъ-же безнравственно, какъ договоръ о вступленіи въ рабство. Въ нормальномъ положеніи орудія труда будутъ только тогда, когда они будутъ предметами публичнаго права и будутъ распредѣляемы между трудящимися обществомъ въ интересахъ общаго блага. Права общества надъ орудіями труда вытекаютъ изъ того-же начала, изъ котораго вытекаетъ и право собственности труженика надъ его произведеніями. Мотивъ, побуждающій людей пріобрѣтать собственность на землю и на другія орудія труда, заключается въ томъ, чтобы путемъ собственности надъ орудіемъ его труда принудить труженика уступить всѣ или часть его произведеній за пользованіе орудіями. Въ этомъ мотивѣ столько же безнравственнаго, сколько въ завоеваніи, хищничествѣ и грабежѣ. Права на землю, фабрики и проч. точно такъ-же, какъ права на независимую отъ повинующихся власть, на завоеванныя территоріи и на пріобрѣтенныя грабежомъ имущества оправдываются неудовлетворительностью общественной организаціи, но они одной только неудовлетворительностью этой организаціи и оправдываются; люди должны употреблять всѣ свои усилія, чтобы изобрѣсти такую организацію, которая была-бы способна распредѣлять орудія труда между тружениками въ интересахъ общественнаго блага.

Такая способность организаціи вовсе не должна быть идеальною, всесовершенною; вполнѣ достаточно, если она будетъ распредѣлять орудія труда лучше, чѣмъ то дѣлается собственниками, эксплуатирующими тружениковъ чрезъ ихъ посредство, если при распредѣленіи она не будетъ руководствоваться хищническими и грабительскими мотивами собственниковъ, а мотивами, отказывающимися въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ отъ личнаго интереса. Величайшее препятствіе къ превращенію орудій труда въ вещи публичнаго права въ западной Европѣ заключалось въ томъ, что тамъ не умѣли найти такой организаціи, которая была-бы способна распредѣлять орудія труда между тружениками во имя общественнаго

блага. Люди, стоящіе во главѣ всевозможныхъ политическихъ и соціальныхъ организацій до такой степени были пропитаны идеями грабителей, хищниковъ и эксплуататоровъ, что по причинѣ низкаго уровня ихъ нравственности имъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было предоставить право распредѣлять орудія труда во имя общественнаго блага. Люди западной цивилизаціи опустили руки и вполнѣ отказались отъ возможности созданія сознательныхъ соціальныхъ организацій, они ввѣрили орудія труда худшимъ рукамъ, рукамъ деспотовъ, приручителей т. е. собственниковъ, создающихъ соціальныя организаціи на началахъ эксплуатаціи.

То чего нельзя было ввѣрить высшимъ классамъ общества и даже его интеллигенціи потому, что они неизбѣжно внесли-бы въ дѣло распредѣленія орудій труда или крайнюю небрежность къ общему интересу или эксплуататорскія наклонности, то совершили безграматные русскіе земледѣльцы только потому, что они всѣ одинаково были тружениками; между ними не было и по ихъ общественному положенію не могло быть эксплуататоровъ. На пространствѣ, втрое превышающемъ пространство западной Европы, они не только расплодили общины, втеченіе столѣтій распредѣлявшія между своими членами орудія труда т. е. землю и воду съ несомнѣммымъ успѣхомъ, но сумѣли сдѣлаться въ мѣстностяхъ, гдѣ жили, самыми искусными сь точки зрѣнія дешевизны производителями продуктовъ сельскаго хозяйства, огородничества, садоводства, винодѣлія и проч. Наиболѣе знаменательнымъ было то, что, распредѣляя орудія труда, они дѣйствовали не въ качествѣ ассоціаціи или какой нибудь рабочей организаціи, а въ качествѣ общины. На громадномъ пространствѣ, заселенномъ русскимъ населеніемъ или такимъ, которое находилось подъ культурнымъ вліяніемъ русскаго мужика, тѣ-же самыя лица, которыя распредѣляли орудія труда т. е. землю и пр. были вмѣстѣ съ тѣмъ и потребителями произведеній этого труда; къ общинамъ принадлежало 90 % всего населенія. Въ обширныхъ размѣрахъ труженики на сельскихъ рынкахъ обмѣнивались своими произведеніями безъ всякихъ посредниковъ. Этимъ устранялась эксплуатація человѣка человѣкомъ въ такой степени, что одинъ платежъ несправедливо неравномѣрныхъ прямыхъ налоговъ и порокъ пьянства порождали кулачество и давали поводъ къ такой эксплуатаціи. Плотникъ, печникъ, кузнецъ, столяръ, красильщикъ, гончаръ и др. торговали

своимъ трудомъ при вполнѣ равныхъ шансахъ конкуренціи съ земледѣльцами.

Такъ какъ община на сходѣ распредѣляла не только воздѣланныя земли и луга, но распоряжалась и тѣми землями, которыя находились подъ усадьбами, лѣсами и садами, то она устраняла эксплуатацію во всей этой области; въ особенности уничтоженіе эксплуатаціи по отношенію къ дворамъ и усадьбамъ имѣло весьма важное значеніе. Всякій имѣлъ свой домъ и жилъ въ немъ, наемная квартира была исключеніемъ, стоимость дома опредѣлялась стоимостью труда для его постройки, а земля подъ нимъ ничего не стоила, была предметомъ публичнаго права, мірскою землею. Мы уже видѣли, что всѣ соціальныя организаціи, создавшіяся въ западной цивилизаціи: рабочіе союзы, производительныя и потребительныя ассоціаціи, страдаютъ односторонностью своего принципа. Они приносятъ громадную пользу тѣмъ, что вносятъ начало соціальной организаціи въ такую область, гдѣ ее не было, но въ окончательномъ результатѣ онѣ служатъ только дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ привычекъ къ организаціямъ, для которыхъ началомъ послужили акціонерныя компаніи. Эгоистическій интересъ лежитъ у нихъ въ основаніи, а изъ эгоистическаго интереса вытекаетъ эксплуататорская жилка. Какъ производительныя, такъ и потребительныя ассоціаціи той эволюціей, которая лежитъ въ ихъ принципѣ, приводятся къ тому, что превращаются въ акціонерныя компаніи, основанныя на началахъ эксплуатаціи, съ тою разницею, что эксплуатація въ этомъ случаѣ опустилась на одну ступень въ среду народа.

Въ исторіи государствъ застоя были времена, когда эксплуатація сосредоточивалась въ рукахъ одного лица — въ лицѣ государя; прогрессъ опускалъ ее ниже и переводилъ въ руки духовенства и аристократіи; дальнѣйшій прогрессъ въ Римѣ и т. п. перевелъ ее въ руки плебеевъ; современная наука перевела ее въ руки третьяго сословія — буржуазіи. Инціатива соціальныхъ ученій, которая принадлежитъ неудачному, но широкому почину великаго рабочаго населенія Парижа, ихъ практическое, но основанное на одностороннемъ принципѣ развитіе, которое составляетъ славу англійскаго и американскаго рабочаго, перевели дѣло соціальной организаціи изъ сферы буржуазіи въ сферу рабочей интеллигенціи. Тутъ она въ значительныхъ размѣрахъ перестала быть орудіемъ

эксплуатаціи, но она направилась къ созданію привиллигированнаго сословія въ средѣ рабочаго населенія. Точно такъ-же, какъ политическая организація отъ самыхъ узкихъ сферъ деспотической монархіи дошла до сознательной организаціи федеративной демократіи, такъ-же и соціальная организація стремится пройдти путь отъ деспота, который признаетъ, что и люди и ихъ трудъ и ихъ собственность принадлежатъ исключительно ему, до сознательной организаціи, которая умѣетъ вполнѣ отличать собственность, создаваемую трудомъ, отъ собственности, создаваемой ради эксплуатаціи и которая подготовляетъ общество, гдѣ люди понимаютъ условія солидарности человѣческихъ интересовъ, замѣняющихъ собственность коммунистическимъ сожительствомъ.

Если-бы неограниченная монархія была способна понять и удовлетворить требованіямъ современнаго прогресса, то она поняла-бы какое громадное значеніе въ исторіи развитія современной цивилизаціи могла играть Россія, если-бы крестьянскій банкъ былъ установленъ на надлежащихъ основаніяхъ. Законодательство имѣетъ полную возможность сосредоточить землю въ рукахъ немногочисленнаго класса и обездолить этимъ всю страну въ пользу немногихъ лицъ, которыя возникнутъ изъ отмѣненнаго рабства, какъ фениксъ изъ пепелища. Вмѣсто немногихъ освобожденныхъ рабовъ, они обратятъ всю страну въ свое рабство, какъ арендаторовъ, такъ и сельскихъ пролетаріевъ, которыхъ они будутъ держать въ рукахъ посредствомъ своего права раздавать землю въ аренду, такъ и все населеніе, съ котораго они будутъ брать оброкъ путемъ возвышенія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія. Для достиженія такой цѣли стоитъ только учредить тѣ права маіората и субституціи, которыя практиковались англичанами и испанцами. То-же законодательство можетъ сдѣлать уступку общественному мнѣнію. Оно можетъ уменьшить власть эксплуататоровъ надъ произведеніями труда и учредить право собственности, которое раздѣляетъ землю поровну между дѣтьми собственника и дастъ право отчуждать ее собственникомъ по его желанію. Труженикъ и интеллигентный человѣкъ получаетъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ возможность пріобрѣтать за небольшія деньги собственность отъ безпутнаго и развратнаго сынка скупого и жаднаго отца. Но господство надъ землею все таки остается въ рукахъ капиталиста, который изучилъ искусство ка-

питализировать и эксплуатировать, а не того, кто упражнялся въ искусствѣ производить и работать, потому что первый гораздо успѣшнѣе сумѣетъ захватить клочекъ земли, способный дать поводъ къ эксплуатаціи интеллигенціи, труда и населенія чрезъ возвышеніе цѣнъ на произведенія, чѣмъ послѣдній.

Оказывается, что существуетъ еще одинъ способъ распредѣленія земли; онъ можетъ вполнѣ устранить начало эксплуатаціи труда; онъ можетъ привести къ распредѣленію земли между тружениками, конечно, не безусловно справедливому, — и болѣе и менѣе достойный получаютъ не рѣдко равныя участки земли(*), но эксплуатація устранится. Лѣнтяй обработаетъ свою землю хуже, но эксплуатировать черезъ нее прилежнаго и знающаго онъ все таки будетъ не въ состояніи. Для достиженія такой цѣли слѣдовало всѣ земли, находящіяся въ распоряженіи сельскихъ обществъ, казны, удѣла, казацкія и другія, принадлежащія подобнымъ учрежденіямъ, провозгласить землями публичнаго права съ тѣмъ, чтобы ихъ распредѣленіе между тружениками въ качествѣ орудія труда и отдача въ аренду ученымъ агрономамъ производилась на сходахъ общинъ, состоящихъ изъ небольшого числа лицъ, на основаніи обычаевъ, дѣйствующихъ въ этихъ общинахъ съ незапамятныхъ временъ и вполнѣ доказавшихъ этимъ свою практичность и цѣлесообразность. Земли казенныя, удѣльныя, казацкія и другія, должны быть изъяты изъ вѣденія чиновниковъ и офицеровъ, которыя вводятъ въ нихъ хищническую эксплуатацію въ пользу лѣсопромышленниковъ и другихъ спекуляторовъ, арендаторовъ и грабителей, и должны быть вручены общинамъ земледѣльцевъ ради уравненія между ними какъ количества мірскихъ земель, такъ и платежей въ пользу государства. Крестьянскій банкъ долженъ пріобрѣтать земли у частныхъ лицъ и обращать ихъ въ земли публичнаго права, точно такъ-же для увеличенія надѣловъ малоземельныхъ крестьянъ и уравненія между ними платежей. Онъ отнюдь не долженъ давать крестьянамъ заимообразно деньги на покупку земли; онъ долженъ самъ покупать земли и погашать долгъ изъ поземельныхъ взносовъ, взыскиваемыхъ съ сельскаго населенія.

Вся суть дѣла заключается въ томъ, что землю должны покупать не чиновники, завѣдующіе банкомъ, а тѣ общины, которыя

(*) Собственность чаще даетъ недостойному больше, а достойному меньше.

нуждаются въ землѣ. Но такъ какъ община будетъ покупать землю не на свои деньги, а на деньги, взымаемыя съ земель публичнаго права ради расширенія ихъ предѣловъ, то община, для которой земля покупается, можетъ давать за нее слишкомъ высокую цѣну. Недостатокъ этотъ устранить очень легко: стоитъ на нѣкоторое время облагать общину платежомъ, который бы возвышался пропорціонально съ увеличеніемъ суммы, уплаченной за землю. Тогда община будетъ имѣть интересъ покупать, какъ можно дешевле, и при расчетливости крестьянъ навѣрное не переплатитъ; тѣмъ болѣе, что возможныя злоупотребленія устранятся участіемъ банка и общественнымъ контролемъ. По отношенію къ землямъ, объявленнымъ однажды землями публичнаго права и поступившимъ въ распоряженіе общинъ, право поземельной собственности должно быть уничтожено окончательно и безвозвратно. Точно такъ-же, какъ съ уничтоженіемъ рабства человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сдѣлаться частной собственностью и его трудъ предметомъ эксплуатаціи рабовладѣльца, точно такъ-же и земля, въ качествѣ орудія труда человѣка, однажды изъятая изъ предѣловъ частной собственности никогда болѣе не можетъ возвратиться къ прежнему рабству. Правило, воспрещавшее порабощеніе и кабалу свободнаго человѣка, существовало при крѣпостномъ правѣ; точно такъ-же правило, воспрещающее обращеніе земель публичного права въ частную собственность, можетъ имѣть мѣсто рядомъ съ существованіемъ частнаго землевладѣнія. Освобожденіе этого орудія труда изъ сферы частнаго права составляетъ необходимое дополненіе къ свободѣ человѣка; рабство, уничтоженное чрезъ освобожденіе личности, возвращается чрезъ захватъ орудій труда.

Но если земля, однажды сдѣлавшаяся землею публичнаго права, изъята отъ права продажи навсегда точно такъ-же, какъ и личность человѣка, то при участіи крестьянскаго банка всѣ земли чрезъ покупку у частныхъ лицъ общинами постепенно сдѣлаются землями публичнаго права; черезъ пять или шесть десятковъ лѣтъ на огромномъ пространствѣ, покрытомъ мірскими землями, частной собственности не останется вовсе. Земли эти будутъ проданы собственниками добровольно безъ всякаго принужденія. Въ силу инерціи самаго учрежденія частная поземельная собственность уничтожится окончательно, точно такъ-же, какъ по инерціи анг-

лійскихъ и испанскихъ законовъ о землевладѣніи вся земля стала переходить въ руки крупныхъ собственниковъ, а по инерціи законовъ западной Европы о такъ называемой свободной поземельной собственности вся земля начинаетъ переходить въ руки эксплуатирующихъ трудъ и знаніе капиталистовъ. Разумѣется земли публичнаго права породили-бы уродливость, если-бы поземельныя общины не получили мѣстнаго и центральнаго представительства, которое бы заботилось объ уравненіи земель и платежей между общинами и на всемъ пространствѣ государства, о переселеніи и и другихъ многочисленныхъ нуждахъ сельскаго хозяйства. Но съ учрежденіемъ такого представительства положено было-бы широкое основаніе для той соціальной демократіи, о которой мечтали во Франціи въ 1848 году.

Если Соединенные Штаты Америки создали типъ сознательной политической организаціи и служатъ въ этомъ отношеніи до сихъ поръ для западной цивилизаціи свѣточемъ, освѣщающимъ ей путь политическаго прогресса, то Россія, создавъ и осуществивъ идею публичнаго права, могла сдѣлаться для цивилизованнаго міра источникомъ сознательныхъ соціальныхъ организацій. Она могла-бы заставить цивилизацію сдѣлать шагъ впередъ и притомъ такой шагъ, который былъ-бы ступенью равной тому прогрессу, который достигнутъ былъ западно-европейской цивилизаціей втеченіе трехъ съ половиною тысячъ лѣтъ, начиная съ греко-римской цивилизаціи чрезъ превращеніе инстинктивныхъ политическихъ организацій въ сознательныя. Ступенью сознательныхъ политическихъ организацій современная цивилизація далеко еще не умѣла завладѣть. Далѣе всего пошли Соединенные Штаты Америки, но втеченіе ста слишкомъ лѣтъ западная Европа не только не успѣла сравняться съ ними, но дала только одну и притомъ не федеративную, но бюрократическую республику. Бюрократическая республика стоитъ настолько-же ниже федеративной типа Соединенныхъ Штатовъ, насколько республика временъ Кромвеля стоитъ ниже современной французской республики, а, можетъ быть, даже и болѣе. При такой медленности прогресса западная цивилизація могла только предчувствовать возможность соціальной организаціи. Ея осуществленіе по отношенію къ землѣ въ Россіи настолько-же удивило-бы ее, насколько ее удивила демократія Соединенныхъ Штатовъ. Земли публичнаго права послужили-бы широкимъ ба-

зисомъ для дальнѣйшаго, а за тѣмъ и полнаго развитія учрежденія вещей публичнаго права и соціальныхъ организацій.

Несомнѣнно возможно, что по причинѣ отсталости русскаго народа въ области политическихъ организацій эта великая слава не выпадетъ ему на долю. Онъ не сдѣлается тѣмъ, чѣмъ греки сдѣлались для человѣчества. Греки, отдѣливъ религію отъ науки и положивъ первое основаніе сознательнымъ политическимъ организаціямъ, раздѣлили исторію человѣчества на двѣ великія эпохи: первую составилъ громадный періодъ инстинктивной жизни людей, вторую періодъ сознательной жизни въ западной цивилизаціи, починъ для которой принадлежитъ грекамъ. Ни до, ни послѣ нихъ не было въ исторіи народа, который могъ-бы сравняться съ ними по могуществу своего генія, который совершилъ-бы въ направленіи развитія человѣчества на столько-же великій и плодоносный переворотъ. Въ рукахъ русскаго народа взять на себя починъ настолько-же великаго прогресса и создать третью ступень развитія человѣчества. Эта ступень будетъ характеризоваться окончательнымъ уничтоженіемъ того инстинктивнаго безобразія, которое называется религіей и водвореніемъ исключительнаго господства науки, основанной на правильномъ синтезѣ и раціональной нравственности. Въ области-же общественной жизни она присовокупитъ къ сознательнымъ политическимъ организаціямъ, сознательныя соціальныя.

Стоитъ сравнить то положеніе, которое создано въ Россіи существованіемъ мірскихъ земель, съ тѣмъ, которое порождено въ западной цивилизаціи исключительнымъ господствомъ поземельной собственности и его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ — многочисленнымъ сельскимъ пролетаріатомъ, окончательно лишившимся способности вести самостоятельное хозяйство — чтобы понять, насколько условія соціальной жизни въ Россіи болѣе благопріятны для превращенія орудій труда въ вещи публичнаго права и для созданія сознательныхъ соціальныхъ организацій. По крайней мѣрѣ вполнѣ очевидно, что то изъ этихъ орудій, которое для русскаго народа имѣетъ первостепенную важность, т. е. землю, можно сдѣлать землею публичнаго права безъ всякаго внутренняго потрясенія и съ полной увѣренностью въ успѣхѣ; никакъ нельзя сказать того-же объ орудіяхъ труда первостепенной важности для рабочаго населенія западной цивилизаціи. Послѣ этого несомнѣн-

но, что Россія скорѣе всякой другой страны могла-бы сдѣлаться тѣмъ центромъ, откуда сознательныя соціальныя организаціи могли-бы распространиться по свѣту. Однако-же, благодаря политическому безсилію русскаго народа, дѣло приняло другой оборотъ. Крестьянскій банкъ устроенъ былъ на ложныхъ началахъ и успѣхъ его продолжался очень не долго. Лишь только реакція овладѣла властью, крестьянскій банкъ былъ выбитъ изъ сѣдла вновь учрежденнымъ дворянскимъ, который роздалъ дворянамъ, крупнымъ землевладѣльцамъ сотни мильоновъ денегъ. Возобновилась гибельная политика, которая дала сильный толчокъ развитію эксплуатаціи народнаго труда, внесла въ среду крупныхъ землевладѣльцевъ безпутное прожиганіе жизни, расточительность и развратъ, и сдѣлала этотъ классъ населенія настолько-же вреднымъ для страны, насколько раззореннымъ и вреднымъ для самаго себя.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Вторая треть XIXго вѣка. Соединенные Штаты Америки.

Конечно Россія по сравненію съ западными государствами имѣетъ одно великое преимущество въ области перехода отъ инстинктивныхъ къ сознательнымъ соціальнымъ организаціямъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что западныя народы не могутъ совершить этого шага и помимо Россіи и оставить ее по прежнему въ хвостѣ цивилизаціи, если-бы въ русскомъ народѣ не оказалось достаточно энергіи, чтобы одолѣть главное препятствіе къ прогрессу въ его средѣ, т. е. въ высшей степени неблагопріятное политическое положеніе. Переходъ къ сознательнымъ соціальнымъ организаціямъ уже потому совершится западными народами, что это неизбѣжный путь, которымъ долженъ идти умъ человѣческій при раціональномъ развитіи своего мышленія въ области общественной жизни. Вся задача заключается въ томъ, чтобы сократить его, уяснивъ себѣ истинное направленіе, и избавить себя этимъ отъ необходимости блуждать въ пространствѣ, какъ евреи блуждали въ степяхъ аравійскихъ. Сколько-бы общество не плутало въ области соціальныхъ организацій, но оно все таки въ концѣ вынуждено будетъ всѣ вещи, не составляющіе предметовъ непосредственнаго потребленія, а служащіе средствами для эксплуата-

ціи трудящагося населенія передать въ руки общинъ и организованнаго народа.

Передача въ руки общинъ и народа всѣхъ орудій эксплуатаціи, будутъ-ли они служить для этой цѣли въ качествѣ орудій труда, какъ земля, фабрики или въ качествѣ предметовъ потребленія и орудій распредѣленія, какъ дома, лавки, уже поэтому составляетъ окончательную, но неизбѣжную цѣль соціальныхъ организацій, что въ этомъ заключается единственный способъ положить конецъ эксплуатаціи. Тамъ, гдѣ доходъ, превышающій справедливое вознагражденіе за трудъ, является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ условій, въ которыхъ находится предметъ, этотъ излишній доходъ, попадая въ руки общины или организованнаго народа все таки будетъ служить цѣлямъ общественнаго блага и будетъ самой справедливой формой налога.

Созиданіе сознательныхъ соціальныхъ организацій путемъ постепеннаго превращенія всѣхъ предметовъ, которые захватываются собственностью ради цѣлей эксплуатаціи, въ вещи публичнаго права крайне удобно вслѣдствіе большой гибкости такого учрежденія. Всякое государство, при всякомъ политическомъ устройствѣ, будетъ-ли то неограниченная монархія или федеративная демократія, можетъ немедленно ввести у себя институтъ вещей публичнаго права. Значительная часть вещей въ государствѣ можетъ быть вещами публичнаго права, предназначенными для общественнаго блага, при тѣхъ учрежденіяхъ, которыя существуютъ и не требуютъ никакихъ въ нихъ усовершенствованій. Множество вещей въ каждомъ государствѣ и въ настоящее время не могутъ быть въ частной собственности, пока они выполняютъ извѣстное назначеніе во избѣжаніе чудовищной эксплуатаціи, напр. крѣпости, гавани, улицы и площади городовъ. Нахожденіе другихъ въ распоряженіи общинъ, государства и общественныхъ учрежденій составляетъ и въ настоящее время нормальное для нихъ состояніе, напр. больницы, учебныя заведенія. Остается постепенно идти далѣе въ этомъ направленіи, пока всѣ предметы эксплуатаціи не будутъ поглощены общественными учрежденіями.

Современное общество и направляется по этому пути, соціальныя ученія не мало способствовали такому движенію. Однако-же прогрессъ въ эту сторону требуетъ большихъ предосторожностей. Переходъ предметовъ эксплуатаціи въ сферу вещей публичнаго

права только при томъ условіи достигнетъ своей цѣли, когда этими вещами дѣйствительно будетъ распоряжаться трудящееся и интеллигентное населеніе; но если его власть надъ ними будетъ только фиктивной, настоящими-же распорядителями будутъ люди, которые сдѣлаютъ изъ нихъ орудіе эксплуатаціи народа, то вмѣсто улучшенія создано будетъ ухудшеніе дѣла. Мы уже выше видѣли, что европейскія конституціи, предоставивъ имущему классу общественное управленіе совмѣстно съ государями, создали такой порядокъ, который не могъ удержаться, потому что онъ не только не уничтожалъ эксплуатацію, но замѣнялъ въ извѣстныхъ предѣлахъ стачкой и монополіей конкуренцію т. е. единственное средство, противодѣйствующее эксплуатаціи при учрежденіи собственности. Если орудія труда и предметы эксплуатаціи попадутъ въ руки, независимыя отъ народа, напр. въ руки бюрократіи, то конкуренція можетъ быть окончательно уничтожена и монополія сдѣлаться невыносимой. Обзоръ исторіи Соединенныхъ Штатовъ Америки во второй трети девятнадцатаго столѣтія даетъ намъ возможность разъяснить это дѣло. Мы уже видѣли, какимъ неодолимымъ препятствіемъ для созиданія сознательныхъ соціальныхъ организацій даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ служитъ неограниченная монархія, управляющая черезъ бюрократію. Но и конституціонное управленіе мало помогаетъ дѣлу; пока остается государь, управляющій страною чрезъ посредство бюрократіи, сознательныя соціальныя организаціи, въ особенности при тѣхъ нравахъ и тѣхъ привычкахъ, которые укоренились въ западной цивилизаціи, могутъ быть только весьма мало успѣшными. Территорія Соединенныхъ Штатовъ заселилась при нѣсколько видоизмѣненныхъ условіяхъ; короли Англіи могли вводить тамъ очень немного бюрократическихъ началъ, но за то-же они поддерживали свое стремленіе къ эксплуатаціи, создавая корпораціи съ правами монополіи и феодальныхъ владѣльцевъ. Такая система порождала болѣе тяжкое ярмо эксплуатаціи, чѣмъ бюрократія. Съ перваго основанія колоній колонисты упорно боролись противъ введенія такихъ орудій притѣсненія, противопоставляя имъ свою политическую организацію, основанную на демократическихъ началахъ и свободную собственность.

Съ учрежденіемъ федеративной демократіи Соединенныхъ Штатовъ королевская власть, феодальныя права и монополіи оконча-

тельно пали; осталось одно рабство негровъ. Народъ взялъ политическую власть въ свои руки и сдѣлалъ своими чиновниками всѣхъ управляющихъ страною. Онъ низвелъ эксплуатацію народа политическимъ путемъ до небывалаго минимума. Глава государства получалъ такое содержаніе, какое въ европейскихъ государствахъ получалось должностными лицами и изъ того-же содержанія онъ долженъ былъ покрывать издержки на представительство. Это содержаніе не составляло и сотой доли того, что издерживали европейскіе государи. Жалованье другихъ должностныхъ лицъ было также крайне умѣренно и притомъ взяточничество имѣло меньшіе размѣры, чѣмъ въ Европѣ. Такіе государственные люди, какъ генералъ-губернаторы Индіи, которые, награбивъ громадныя состоянія, гордились своимъ безкорыстіемъ, были немыслимы въ Соединенныхъ Штатахъ. Нигдѣ корыстолюбіе чиновниковъ не обличалось съ такой энергіей, какъ въ Америкѣ, что, разумѣется, сильно обуздывало взяточниковъ; легкомысленная Европа, читая эти обличенія, воображала, что Америка именно и есть страна взяточничества, а что у нихъ дома, гдѣ чиновники могли воровать всласть, сколько имъ угодно, прикрываемые отъ обличеній государями и законами прессы, потачка взяточничзству служитъ лучшимъ орудіемъ для развитія честности.

Колонисты, положившіе краеугольный камень для величія Соединенныхъ Штатовъ, были религіозными фанатиками; безъискусственная простота, скромная трудолюбивая жизнь, умѣренность и воздержность составляли въ ихъ глазахъ первостепенную христіанскую добродѣтель, на единовѣрцевъ своихъ они смотрѣли, какъ на братьевъ и предпочитали ихъ всѣмъ прочимъ. Лорды и другія лица, управлявшіе ими именемъ короля, — купцы, обладавшіе монопольными правами, — люди, принадлежавшіе къ господствующей церкви или бывшіе католиками — были въ ихъ глазахъ гонителями этихъ братьевъ. Въ особенности послѣ того, какъ церковь стала отдѣляться отъ государства, духовенство лишилось политическаго вліянія и проповѣдывало въ интересахъ вѣрующихъ, которыми избиралось и отъ которыхъ вполнѣ зависѣло, настроеніе колонистовъ весьма располагало ихъ къ идеямъ равенства и развитію народовластія. Обузданіе властедержителей, капиталистовъ, стремящихся къ монополіи и крупныхъ собственниковъ и подчиненіе ихъ волѣ народа, казалось имъ дѣломъ первой важности и

необходимости. Дѣйствительно втеченіе ста слишкомъ лѣтъ существованія Соединенныхъ Штатовъ народовластіе въ нихъ, повидимому постоянно развивалось.

Права народа на выборы и на самое управленіе постепенно расширялись, а образцовая организація партій обезпечивала за нимъ такое политическое вліяніе, которое заставляло и законодателей и администрацію творить его волю. Однако-же условія, въ которыхъ дѣйствовала политическая организація, начали существенно мѣняться уже въ первой трети девятнадцатаго вѣка, а во второй окончательно измѣнились. Малолюдная республика превратилась въ первостепенное государство, которое по богатству и могуществу своему занимало едва-ли не первое мѣсто между державами западной цивилизаціи, и во всякомъ случаѣ не уступало ни одной изъ великихъ европейскихъ державъ. При учрежденіи республики религіозные фанатики гордились простотой своихъ нравовъ, которая распространила въ народной массѣ созданное трудомъ и невиданное дотолѣ благотостояніе. Но втеченіе XIXго вѣка нравы и идеалы существенно измѣнились. Жажда богатства, въ высокой степени свойственная мелкому землевладѣльцу, мелкому лавочнику и кулаку въ западной Европѣ, вторгнулась въ Соединенные Штаты вмѣстѣ съ переселенцами, обиліе случаевъ къ обогащенію развивало ее.

Отъ прежнихъ пуританскихъ и квакерскихъ воззрѣній не осталось и слѣда; новые взгляды и страсти существенно ослабили въ американцахъ протестъ противъ англійскихъ понятій, способствовавшихъ сосредоточенію собственности. Американцы такъ-же, какъ и англичане, предпочитали въ соціальной области частную иниціативу общественной. Они не только раздѣляли западно-европейское отвращеніе къ общиннымъ землямъ, но конгрессъ безвозмездно раздавалъ громадныя пространства земель крупнымъ землевладѣльцамъ съ цѣлью дать имъ возможность нажиться продажею этихъ земель земледѣльцамъ мелкими участками; частнымъ людямъ отдавался въ полное распоряженіе общественный интересъ лишь только онъ могъ быть предметомъ эксплуатаціи; не только желѣзныя дороги и банки, но хозяйственная часть тюремъ и благотворительныхъ учрежденій отдавалась въ руки капиталистовъ съ немалымъ пренебреженіемъ не только общественнаго интереса, но и интереса людей, которые содержались въ заведеніяхъ. Нѣтъ сис-

темы управленія, которая была-бы болѣе безсильна въ дѣлѣ контроля надъ своими чиновниками, чѣмъ неограниченная монархія, однако-же русскіе императоры иногда съ большею пользою для себя умѣли вводить хозяйственное управленіе тамъ, гдѣ американцы отдавали общественный интересъ въ неограниченное распоряженіе частныхъ лицъ.

Такой образъ дѣйствія объясняется англійскимъ происхожденіемъ американскихъ идей. Въ Англіи, въ особенности въ концѣ XVIIIго и въ первой половинѣ XIXго вѣка политическая организація страны, отданная въ распоряженіе собственниковъ и способствовавшая тому, что конкуренція замѣнялась стачкой, естественнымъ образомъ поощряла порожденіе подобныхъ воззрѣній. Въ Соединенныхъ Штатахъ упорное существованіе такихъ-же взглядовъ указываетъ намъ на тотъ путь, которымъ духъ эксплуатаціи можетъ укорениться въ высшихъ классахъ и опутать народъ своими сѣтями въ то время, когда народъ будетъ считать себя господиномъ, забравшимъ въ свои руки тѣхъ, кто, прикидываясь его служителемъ, будетъ высасывать изъ него соки. На югѣ горсть рабовладѣльцевъ держала въ грязномъ тѣлѣ не только своихъ рабовъ, но и все бѣлое населеніе. Обладая рабскимъ трудомъ, они низводили цѣну свободнаго труда до такого ничтожнаго минимума, что для работника на югѣ было окончательно немыслимо вылезти изъ кожи паупера и пролетарія. Накоплять капиталы могли почти исключительно одни рабовладѣльцы, а потому все имущество, способное служить для цѣлей эксплуатаціи, сосредоточивалось въ ихъ рукахъ. Не смотря на это, бѣлое рабочее населеніе юга не только не противодѣйствовало распространенію гибельнаго для его интересовъ рабства, но поддерживало его. Американцамъ не дурно было-бы не забывать этого поучительнаго урока, показывающаго, какъ легко заставить рабочаго человѣка способствовать собственному своему порабощенію.

Мало этого, рабочее населеніе сѣверныхъ городовъ неоднократно нападало силою на лицъ, стоявшихъ во главѣ аболюціонистовъ, съ цѣлью принудить ихъ къ молчанію. Рабовладѣльцы загребали жаръ руками пролетаріевъ, къ униженію которыхъ направлялась ихъ политика. Широкая свобода прессы, процвѣтавшая на сѣверѣ, была уничтожена на югѣ и демократическая республика не могла сопротивляться такому порядку. Рабство было наконецъ отмѣнено,

но это состоялось потому, что голосъ всего цивилизованнаго міра слишкомъ громко говорилъ противъ него. Все таки Соединенные Штаты составляли одно изъ послѣднихъ цивилизованныхъ государствъ, осуществившихъ такую реформу; даже Россія предупредила ихъ. Ради такого освобожденія имъ нужно было вести кровавую братоубійственную войну, бѣлое рабочее населеніе юга самоотверженно шло на смерть и избивало своихъ братьевъ въ пользу своихъ притѣснителей. Въ извѣстныхъ предѣлахъ рабочее населеніе Америки понимало тотъ вредъ, который происходитъ для него чрезъ размноженіе могущественныхъ и крупныхъ капиталистовъ и по временамъ противодѣйствовало ему. Слишкомъ извѣстна борьба президента Джаксона съ центральнымъ банкомъ, но борьба противъ эксплуатаціи велась въ Америкѣ не иначе, какъ подъ рукcводствомъ самихъ эксплуататороръ, стоявшихъ во главѣ трудящагося населенія. Въ Америкѣ рабовладѣльцы защищали рабочее населеніе противъ эксплуатаціи капигала, а капиталисты сѣвера хлопотали объ освобожденіи рабовъ; ростъ народовластія не дошелъ еще до того, чтобы народъ могъ самъ защищать себя.

Такое положеніе конечно вело къ тому, что эксплуатація развивалась и ростъ народовластія не могъ противодѣйствовать ей. Для того, чтобы отмѣнить рабство, американцамъ пришлось вести одну изъ самыхъ ужасныхъ междоусобныхъ войнъ, которая когда-либо обагряла государства братскою кровью, въ то время, когда рабство распространялось и укоренялось незамѣтно на глазахъ у народа. То-же повторилось и съ эксплуатаціей рабочаго населенія путемъ собственности. Втеченіе XIX-го столѣтія неравенство состояній постоянно возрастало; въ однихъ рукахъ скоплялись громадныя, неслыханныя богатства и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ распространяться пауперизмъ. Пауперизмъ росъ такъ-же быстро, какъ и плутократія, и передъ этимъ грознымъ явленіемъ народовластіе стояло безсильно опуская руки. Будущее не замысловато и ясно: плутократія и пауперизмъ будутъ рости незамѣтно, а вырвать ихъ сразу съ корнемъ, какъ вырвано было рабство, окажется даже окончательно невозможнымъ, самая тяжкая и многолѣтняя междоусобная война не поможетъ горю. Чѣмъ гуще будетъ дѣлаться населеніе, тѣмъ болѣе тяжкимъ ярмомъ будутъ налегать на трудящихся землевладѣльцы, домовладѣльцы и капиталисты, и очень

возможно, что американцы попадутъ со временемъ въ такое-же положеніе, въ какое попали въ настоящее время англичане: они сдѣлаются самыми искусными производителями въ мірѣ, будутъ производить болѣе чѣмъ какой бы то ни было народъ на земномъ шарѣ, а вознагражденія за свой трудъ получать менѣе, чѣмъ получается теперь какимъ нибудь рабочимъ Калифорніи. Все будетъ идти на то, чтобы порождать неслыханное и безмѣрное обогащеніе высшихъ классовъ. Гдѣ нибудь во внутренностяхъ Африки поселятся колонисты, которые сумѣютъ создать въ своей средѣ сознательныя соціальныя организаціи и они будутъ получать больше, производя и меньше и хуже, чѣмъ американцы, точно такъ-же, какъ американцы получали больше, производя меньше и хуже, чѣмъ англичане, которыхъ высасывалъ ихъ высшій классъ, опираясь на монархію и деспотизмъ въ Индіи и Ирландіи.

Постороннему наблюдателю весьма не трудно замѣтить до какой степени дѣло направляется именно въ эту сторону; вознагражденіе должностныхъ лицъ давно перестало быть умѣреннымъ и далеко превосходитъ то, что получается ими въ Россіи и другихъ странахъ. Не говоря о высшихъ должностныхъ лицахъ, каждый сенаторъ и народный представитель получаетъ десять тысячъ рублей въ годъ жалованья и сверхъ того разъѣздные и добавочные: была сдѣлана неудачная попытка увеличить это жалованье до 15,000 руб. Во Франціи послѣ учрежденія республики представитель получалъ 2400 руб. Такое значительное содержаніе представителей въ конгрессѣ не избавляетъ отъ соблазна брать взятки. Избранные народомъ лица не рѣдко наживаютъ большія состоянія и даже бывали случаи, что какіе нибудь городскіе гласные и чиновники раздѣляли между собою мильоны общественныхъ денегъ, награбленныхъ незаконнымъ образомъ. Невозможность прекратить такое положеніе объясняется громадными деньгами, которыя наживаются биржевиками, спекуляторами, желѣзнодорожными тузами и т. п. людомъ. Не смотря на громадныя жалованья, какія даются судьямъ, губернаторамъ, высшимъ чиновникамъ, служащимъ по выборамъ, народнымъ представителямъ и т. п. оказывается, что наиболѣе энергичные и ловкіе люди презираютъ политическую карьеру и предпочитаютъ наживаться отъ инстинктивныхъ соціальныхъ организацій и отъ тѣхъ богачей, которые ими заправляютъ. Желѣзнодорожный тузъ и биржевикъ, нажи-

вающій въ короткое время десятки мильоновъ, стоитъ во мнѣніи общества выше президента республики. Положеніе туза болѣе прочное и независимое, чѣмъ положеніе президента, и президентъ, зная насколько онъ для него можетъ быть полезенъ, когда онъ сойдетъ съ своего президентскаго пьедестала, гораздо чаще заискиваетъ у туза, чѣмъ тузъ у президента. Сенатъ и палаты набираются изъ юристовъ и все таки наиболѣе искусные и талантливые юристы не стремятся къ тому, чтобы служить народу въ качествѣ его представителей или судей, получающихъ болѣе представителей; еще менѣе имъ улыбается карьера быть защитникомъ рабочаго отъ притѣсненій эксплуататоровъ. Такое положеніе создаетъ весьма благопріятное условіе для стачки между собственниками и интеллигенціей. Уже въ настоящее время такая стачка существуетъ въ большихъ размѣрахъ; доказательствомъ служитъ внутренняя экономія организаціи партій; организація партій стоитъ большихъ денегъ и изъ этихъ денегъ политиканы, выставляющіе кандидатовъ, за которыхъ партія должна подавать свои голоса, уплачиваютъ себѣ значительныя суммы въ вознагражденіе за трудъ. Такое условіе даетъ богатымъ людямъ возможность подкупать политикановъ и служитъ одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ народъ не можетъ эманципироваться отъ ихъ вліянія и почему капиталисты стоятъ во главѣ республиканской партіи, а землевладѣльцы во главѣ демократической. Размноженіе собственниковъ, къ которому стремятся либералы, ради будто-бы эманципаціи рабочаго народа отъ вліянія крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ не только не улучшитъ дѣла, но можетъ сдѣлать положеніе безвыходнымъ. Въ греко-римскомъ мірѣ отмѣна рабства оказалась невозможной именно по причинѣ большого числа мелкихъ рабовладѣльцевъ, которые въ массѣ своей обладали несравненно большей силой сопротивленія, чѣмъ крупные. При благопріятныхъ политическихъ условіяхъ въ Россіи было-бы очень легко на территоріи, заселенной русскими крестьянами, вовсе отмѣнить частное землевладѣніе и провозгласить исключительное господство земель публичнаго права потому, что тамъ рядомъ съ мірскими землями царитъ одно крупное землевладѣніе; а въ западной Европѣ и Америкѣ существованіе мелкой собственности составляетъ почти неодолимое препятствіе для введенія института земель публичнаго права. Жестоко ошибаются тѣ, кто считаетъ размноженіе мелкихъ

собственниковъ, обладающихъ собственностью, предназначенной для эксплуатаціи труда, средствомъ для перехода къ болѣе совершенному соціальному порядку. Мелкіе капиталисты и землевладѣльцы увеличиваютъ число лицъ, пользующихся благосостояніемъ на счетъ трудящихся чрезъ обладаніе эксплуатирующей собственностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ они способствуютъ стачкѣ между интеллигенціей и имущимъ классомъ и чрезъ это способствуютъ распространенію въ народѣ такихъ идей, воззрѣній и привычекъ, при которыхъ народъ собственными руками будетъ воздвигать надъ собою иго эксплуатаціи. Интеллигенція, источникъ идей, будетъ доставлять славу писателямъ, помогающимъ воздвигать надъ народомъ помянутое иго и обращать въ ничтожество тѣхъ, которые могли бы ему помочь. Чтеніе современной литературы можетъ убѣдить всякаго въ томъ, какъ легко это дѣлается и до какой степени невозможно человѣку изъ народа выдѣлить истину тамъ, куда интеллигенція напустила столько туману. Стоитъ смѣшать собственность, порождаемую трудомъ, съ собственностью, предназначенной для эксплуатаціи, и всякое нападеніе на капиталистовъ за эксплуатацію будетъ казаться нападеніемъ на собственность; всякая прачка, получающая съ своихъ сбереженій 5 р. процентовъ въ годъ будетъ на сторонѣ капиталистовъ. Стоитъ принципъ такихъ учрежденій, какъ мірскія земли въ Россіи, гдѣ дѣло распредѣленія орудій труда между трудящимся населеніемъ ввѣрено способнымъ къ выполненію этой задачи рукамъ, смѣшать съ принципами такого соціализма, гдѣ распредѣленіе орудій труда между рабочими или не можетъ состояться или попадаетъ въ неумѣлыя руки или въ руки бюрократіи или тому подобныя, и соціальныя идеи сдѣлаются ненавистными вмѣсто того, чтобы быть симпатичными.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Путь, которымъ Соединенные Штаты могутъ перейти отъ инстинктивныхъ къ сознательнымъ соціальнымъ организаціямъ.

Народъ американскій чувствуетъ ненормальность своего положенія, но онъ не имѣетъ достаточно яснаго взгляда на дѣло, чтобы постигнуть истинный путь, которымъ онъ долженъ идти; онъ способенъ только принимать разныя, не достигающія цѣли и мучительныя для него полумѣры въ родѣ стачекъ, таксъ на цѣны за провозъ пассажировъ и товара по желѣзнымъ дорогамъ и по конкамъ. Вмѣсто того, чтобы мучить себя такой борьбой съ капиталистами, при которой онъ всегда останется въ дуракахъ, онъ долженъ помнить, что существуетъ для него только одинъ путь къ прекращенію зла: взять дѣло въ свои руки. Къ этой цѣли онъ долженъ идти прямой дорогой не глупо и неумѣло, а съ свѣтлымъ взглядомъ практическаго дѣльца. Главный недостатокъ американскаго рабочаго и теперь еще заключается въ томъ, что онъ вноситъ слишкомъ мало интеллигентности въ свой трудъ. Онъ предпочитаетъ получать меньше и работать много по указанію другого человѣка, эксплуатирующаго въ свою пользу его трудъ, лишь-бы избавить себя отъ необходимости думать о томъ, какимъ образомъ сдѣлать свой трудъ цѣлесообразнымъ и плодоноснымъ.

Вмѣсто того, чтобы безсмысленно работать по чужому приказанію, онъ долженъ думать о томъ, какимъ образомъ ему самому взять въ руки соціальныя организаціи и превратить распорядителей этихъ организацій въ своихъ чиновниковъ такъ-же, какъ онъ взялъ въ свои руки организацію политическую и сдѣлалъ своими чиновниками управляющихъ страною. Община въ Соединенныхъ Штатахъ не только не развивается и не процвѣтаетъ, но приходитъ въ упадокъ. Причина заключается въ томъ, что политическая организація даетъ слишкомъ мало для нея дѣла. Члены общины собираются иногда разъ или два въ годъ. Община въ истинномъ смыслѣ слова съ населеніемъ въ двѣсти или четыреста человѣкъ, имѣющая пятьдесятъ или сто дѣятельныхъ членовъ, прекрасно знающихъ другъ друга и обстановки каждаго и потому

способныхъ дѣйствовать вполнѣ сознательно, замѣняется болѣе обширными организаціями, которыя чаще всего имѣютъ одно назначеніе избирать должностныхъ лицъ для удовлетворенія разнымъ мѣстнымъ потребностямъ, для завѣдыванія тюрьмами, дорогами, школами и т. д. Чтобы общинная жизнь начала развиваться и процвѣтать необходимо, чтобы она взяла на себя соціальныя задачи и стала превращать инстинктивныя соціальныя организаціи въ сознательныя. Чтобы придать американской жизни здоровый, нормальный и прогрессивный характеръ, такое оживленіе общинной жизни необходимо.

Когда основалась федеративная демократія Соединенныхъ Штатовъ, политическая жизнь сосредоточивалась въ двухъ центрахъ: въ штатахъ и въ федеративномъ правительствѣ. Штаты были все, ими установлялся весь соціально-политическій порядокъ страны, на федеративное правительство возложены были только немногія, государственныя задачи; Джеферсонъ желалъ даже довести дѣло до того, чтобы по возможности ограничить дѣятельность федеральнаго правительства сношеніями съ иностранными государствами, Въ такой роли штаты втеченіе столѣтняго существованія государства постоянно дѣлались тормазомъ къ осуществленію здравыхъ политическихъ идей, точно такъ-же какъ кантоны въ Швейцаріи. Мелкое властолюбіе ихъ губернаторовъ и народныхъ представителей мѣшали успѣшному раздѣленію властей и ходу дѣлъ въ государствѣ. Конечно они принесли менѣе вреда, чѣмъ мелкіе германскіе государи германской имперіи, однако-же ихъ поведеніе при учрежденіи федеративной демократіи, а затѣмъ въ особенности при освобожденіи негровъ доказали, что сосредоточеніе въ ихъ рукахъ соціально-политической власти можетъ навлечь на народъ величайшія злополучія и опасности.

Чтобы предупредить такое несчастье, соціальная власть и соціальное законодательство должно быть сосредоточено въ рукахъ общины. Многочисленность общинъ помѣшаетъ имъ сдѣлать изъ этой власти то употребленіе, какое сдѣлали изъ нея штаты во время междоусобной войны, а между тѣмъ соціальная власть дастъ имъ возможность гораздо болѣе успѣшно распредѣлять орудія труда и собственность, предназначенную для эксплуатаціи между трудящимися. Ихъ дѣятельность въ области соціальной организаціи одна только и можетъ вогнать дѣло въ надлежащее его русло.

Мы уже показали, что опасность грозитъ американскому народу съ двухъ сторонъ: отъ властолюбія правительствъ штатовъ и отъ властолюбія лицъ распоряжающихся соціальными организаціями: крупныхъ землевладѣльцевъ, директоровъ крупныхъ фирмъ, желѣзнодорожныхъ, биржевыхъ и въ особенности банковыхъ тузовъ. Соединившись съ политической властью въ штатѣ и въ конгрессѣ, они могутъ создать союзъ между интеллигенціей и собственниками имущества, предназначеннаго для эксплуатаціи, который заберетъ народъ въ свои руки до такой степени, что никакія права по выборамъ ему не помогутъ. Почерпая свои мысли отъ интеллигенціи, народъ будетъ высказывать убѣжденія, предназначенныя для его порабощенія точно такъ-же, какъ онъ еще недавно проповѣдывалъ рабство, а въ республикахъ Мехики и всей южной Америки до сихъ поръ проповѣдуетъ господство католическаго духовенства, подтачивающее корень ихъ благосостоянія.

Распорядители соціальныхъ организацій болѣе всего страшны своими союзами, которые даютъ имъ неограниченную власть надъ цѣнами и возможность угнетать, какъ трудящихся, такъ и потребителей. Заправила банковъ имѣютъ болѣе возможности, чѣмъ кто-либо другой, влiять на распредѣленіе имущества, предназначеннаго для эксплуатаціи и передавать его въ тѣ руки, въ которыхъ его нахожденіе для нихъ желательно; а желательно для нихъ это нахожденіе въ тѣхъ рукахъ, которыя увеличиваютъ долю капитала при раздѣлѣ результатовъ производства между собственниками и тружениками. Между тѣмъ союзы капиталистовъ, настолько вредные для благосостоянія трудящагося народа, неизбѣжны по многимъ причинамъ для успѣшнаго хода производства, и чѣмъ болѣе это производство совершенствуется подъ вліяніемъ науки, тѣмъ болѣе и союзы крѣпнутъ и развиваются. Въ Соединенныхъ Штатахъ они достигли такой силы и смѣлости организацій, что они превосходятъ все, что существуетъ въ этомъ родѣ въ другихъ странахъ. Не мудрено послѣ этого, что руководящіе союзами тузы принимаются на желѣзнодорожныхъ станціяхъ правительствами штатовъ съ такимъ почтеніемъ, какъ государи въ Европѣ.

Сломить стачку интеллигенціи и имущаго класса народъ можетъ только путемъ сознательныхъ соціальныхъ организацій. Однако-же при созданіи такой организаціи необходимо персоналъ, избираемый народомъ для этой цѣли, вполнѣ отдѣлить отъ политикановъ

и лицъ, служащихъ по народному выбору въ организаціяхъ политическихъ, и сверхъ того по возможности децентрализировать дѣло. Совершенно основательно замѣчали, что ввѣрить соціальныя организаціи неограниченному монарху, управляющему черезъ бюрократію было-бы кульминаціоннымъ пунктомъ рабства для народа. Положеніе народа было-бы немного лучше, если-бы соціальныя организаціи попали въ руки политической организаціи въ конституціонныхъ монархіяхъ, управляющихъ чрезъ бюрократію. Такая соціальная организація усилитъ эксплуатацію вмѣсто того, чтобы ее ослабить. Господствующее мнѣніе, предпочитающее конкуренцію собственниковъ соціальной организаціи, сосредоточенной въ рукахъ бюрократовъ, никакъ нельзя назвать предразсудкомъ, въ немъ много здравой чуткости. Необходимо сначала усилить вліяніе народа и устранить бюрократію.

Даже въ Англіи и во Франціи, не смотря на демократическую республику, политическое вліяніе народа еще слишкомъ незначительно, чтобы сознательныя соціальныя организаціи могли примѣняться въ обширныхъ размѣрахъ, и тутъ и тамъ нужно сначала сломить чрезмѣрную политическую централизацію и вытекающую отсюда чрезмѣрную власть центральнаго правительства. Только въ Соединенныхъ Штатахъ положеніе сдѣлалось болѣе благопріятнымъ для соціальнаго прогресса, тамъ можно ожидать успѣха отъ совокупнаго дѣйствія общинъ, создающихъ соціальное законодательство на своей территоріи и отъ учрежденій, созданныхъ народомъ для соціальной борьбы съ лицами, которыя держатъ въ своихъ рукахъ инстинктивныя соціальныя организаціи. Эти учрежденія должны дѣйствовать на пространствѣ, обнимающемъ цѣлые города, штаты и даже всю территорію государства; но организаціи ради назначенія кандидатовъ по выборамъ должны стоять вполнѣ особнякомъ отъ политическихъ организацій, ихъ соціальное законодательство должно быть полнымъ и независимымъ отъ политическихъ организацій хозяиномъ у себя; — гражданское право и гражданскіе уложенія должны быть въ ихъ рукахъ. Одновременное развитіе общинъ и подобныхъ учрежденій необходимо для успѣха соціальнаго развитія такъ-же, какъ одновременное развитіе центральнаго и мѣстнаго самоуправленія необходимо для нормальности политической организаціи. Только такая одновременность можетъ привести къ правильному распре-

дѣленію власти и предоставить каждому учрежденію именно ту власть, которая окажется наиболѣе плодоносной въ его рукахъ. Конечно, взоры человѣка изъ народа прежде всего сосредоточиваются на тѣхъ тузахъ, которые распоряжаются соціальными организаціями, и такимъ путемъ имѣютъ чрезмѣрное вліяніе на политическую жизнь. Уже въ Европѣ обращено вниманіе на ненормальное положеніе желѣзныхъ дорогъ и на вредное вліяніе желѣзнодорожныхъ тузовъ. Поставить это дѣло въ благопріятныя для народа условія путемъ конкуренціи капиталистовъ такъ-же трудно, какъ создать справедливыя цѣны на трудъ и благопріятныя для него условія путемъ стачекъ. Поэтому въ Европѣ весьма распространена мысль о передачѣ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства.

Практика показала, что государство можетъ успѣшно состязаться съ желѣзнодорожными компаніями, но таже практика доказала, что бюрократическое государство, захвативъ доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ, прежде всего освобождало себя этимъ отъ тѣхъ ограниченій въ пользу народа, которыя налагались на желѣзнодорожниковъ, напр. въ Америкѣ, а за тѣмъ распоряжалось желѣзными дорогами не въ интересахъ общаго блага, а въ интересахъ своего властолюбія: такъ напр. въ Пруссіи, государство, захвативъ желѣзныя дороги, не только крайне возвысило ихъ доходъ въ ущербъ народа и свободнаго движенія, но употребляло его для поддержанія своей безмѣрно заносчивой политики и усиленія въ странѣ господства солдатчины. Государственное управленіе желѣзными дорогами можетъ приносить нѣкоторую пользу только при особыхъ ограниченіяхъ власти съ цѣлью предупреждать ея злоупотребленія. Въ нормальномъ положеніи желѣзныя дороги будутъ только тогда, когда онѣ будутъ строиться и управляться народомъ чрезъ уполномоченныхъ, избранныхъ для соціальныхъ организацій, вполнѣ независимыхъ отъ политической власти. Въ наиболѣе благопріятномъ положеніи находятся въ этомъ отношеніи однѣ Соединенные Штаты и Швейцарія. Управленіе и контроль могутъ избираться тѣми сторонами, по отношенію къ которымъ инстинктивная организація оказывается вредною. Что служитъ повсемѣстно главной причиной быстраго и безмѣрнаго обогащенія желѣзнодорожныхъ тузовъ и вообще распорядителей крупныхъ соціальныхъ организацій? — Вездѣ, гдѣ заработная плата высока, она даетъ для

большого числа рабочихъ возможность дѣлать сбереженія; эти сбереженія помѣщаются въ бумагахъ, посредствомъ которыхъ компаніи создаютъ капиталы, служащіе имъ для обстановки и эксплуатаціи дѣла. Эти мелкіе обладатели процентныхъ бумагъ находятся почти въ такой зависимости отъ тузовъ распорядителей, какъ и рабочіе. При обширности дѣла владѣльцы бумагъ отнюдь не имѣютъ болѣе возможности слѣдить за мелкими и крупными служащими въ организаціяхъ, чѣмъ народъ по отношенію къ служащимъ въ политическихъ организаціяхъ, тѣмъ болѣе, что они разсыпаны по всей странѣ, а жители общинъ сосредоточены въ удобномъ положеніи для общаго дѣйствія. Практика показываетъ, что и воровство и мошенничество практикуется въ одинаковыхъ размѣрахъ какъ въ компаніяхъ съ многомильонными капиталами, такъ и въ политическихъ организаціяхъ, обнимающихъ большіе города, цѣлые штаты или все государство. Въ томъ и въ другомъ случаѣ нечестные люди составляютъ исключеніе, а честные правило, въ томъ и въ другомъ случаѣ безчестность встрѣчается тѣмъ чаще, чѣмъ ниже уровень развитія дѣйствующихъ лицъ; въ Соединенныхъ Штатахъ люди съ незначительнымъ образованіемъ создаютъ себѣ весьма видное положеніе своей ловкостью и проницательностью. Это зависитъ отъ природныхъ способностей людей, которыхъ однимъ образованіемъ замѣнить нельзя, а потому встрѣчалось вездѣ и всегда, что мало развитые и дурно воспитанные люди брали верхъ надъ умственно и нравственно развитыми, но въ то-же время они по грубости своей точно такъ-же всегда обнаруживали болѣе наклонности злоупотреблять своимъ положеніемъ.

Сравнивая народъ и владѣльцевъ компанейскихъ бумагъ съ точки зрѣнія условій, въ которыхъ они находятся для успѣшнаго управленія соціальными организаціями не трудно замѣтить, что народъ будетъ имѣть много преимуществъ. Прежде всего тузы, распоряжающіеся компаніями стремятся всѣми силами дать дѣлу возможно широкіе размѣры. Чѣмъ болѣе они расширятъ дѣло, тѣмъ болѣе вся организація приблизится къ инстинктивной организаціи; — если компанія будетъ распоряжаться сотнями мильоновъ, то вліяніе мелкихъ владѣльцевъ бумагъ будетъ равняться нулю, а тузы сдѣлаются полновластными распорядителями и легко могутъ награбить для себя десятки мильоновъ. Такую тенденцію

компаній къ чрезмѣрному расширенію можно сравнить съ тенденціей инстинктивныхъ политическихъ организацій съ неограниченными государями во главѣ къ образованію обширныхъ государствъ. Между тѣмъ народъ, создавая подобныя организаціи, будетъ прямо вынуждаться благоразуміемъ не расширять ихъ чрезмѣрно, а давать имъ такіе размѣры, при которыхъ его вліяніе на управленіе будетъ максимальнымъ.

Затѣмъ тузы, управляющіе всякаго рода соціальными организаціями, создаютъ эти организаціи изъ однихъ капиталистовъ и даже не изъ всѣхъ, а только изъ меньшинства т. е. изъ акціонеровъ. Большинство т. е. владѣльцы облигацій, точно такъ-же, какъ работающіе на организацію и покупающіе ея произведенія, не имѣютъ никакого вліянія на ходъ дѣла. Изъ акціонеровъ иногда значительное большинство или ничего не заплатило за свои акціи и дѣло ведется цѣликомъ на облигаціонный капиталъ или заплатило ничтожныя суммы; прибавьте къ этому фиктивныхъ акціонеровъ, предъявляющихъ чужія акціи только для того, чтобы получить право голоса на общихъ собраніяхъ, и вамъ не трудно будетъ понять, какъ легко тузамъ заправителямъ наживать свои десятки мильоновъ на вполнѣ законномъ основаніи на счетъ работающихъ на организацію, покупающихъ ея произведенія, обладающихъ ея облигаціями, а не рѣдко даже и большинства ея акціонеровъ. Вотъ почему сдѣлались возможными такіе пріемы, какъ такъ называемое разведеніе капитала водою. Почти всѣ компаніи, строящія въ Америкѣ желѣзныя дороги, банкротятся, а заправители наживаютъ при этомъ большіе деньги. Процвѣтаютъ только тѣ товарищества, которыя купили обанкротившіяся дороги за безцѣнокъ.

Управленіе, созданное общинами, можетъ носить совсѣмъ другой характеръ. Прежде всего оно можетъ быть составлено изъ лицъ, на половину избранныхъ работающими на организацію и на половину общинами въ качествѣ двухъ заинтересованныхъ сторонъ. Выборъ рабочихъ создастъ возможность такого дѣйствительнаго контроля надъ желѣзнодорожнымъ управленіемъ, какого акціонеры ни въ какомъ случаѣ достигнуть не могутъ. Все въ соціальной организаціи дѣлается людьми, работающими за плату, а потому эти избиратели могутъ лучше, чѣмъ кто-либо, выяснять образъ дѣйствія управленія; съ другой стороны выборные отъ общинъ

будутъ ограждать интересъ общества и народа. Все это можно сказать о всякихъ компаніяхъ и другихъ соціальныхъ организаціяхъ не всегда даже за исключеніемъ торговыхъ.

Особаго упоминанія заслуживаютъ банки. Банки составляютъ наиболѣе существенный органъ для распредѣленія орудій труда, а потому соціальная организація общинъ должна прежде всего стремиться овладѣть ими. Необходимо сказать нѣсколько словъ о принципѣ, на которомъ должны быть устроены банки. Банки выпускаютъ безпроцентные бумаги, обращающіяся въ публикѣ; эти бумаги создаютъ въ извѣстныхъ размѣрахъ безпроцентный кредитъ, которымъ даже и въ Соединенныхъ Штатахъ преимущественно пользуется государство. Съ этою цѣлью право выпуска безпроцентныхъ бумагъ централизуется повсемѣстно особымъ законодательствомъ.

Существуетъ два рода предметовъ, покупаемыхъ на деньги: одинъ родъ составляютъ предметы потребленія, а другой орудія труда. Потреблять созданное чужимъ трудомъ можно въ неопредѣленномъ количествѣ и не было бы никакой возможности установить правильное отношеніе между производствомъ и потребленіемъ, если-бы денежные знаки ввѣрялись потребителямъ прежде, чѣмъ они окажутся способными замѣстить ихъ дѣйствительно созданными ими произведеніями своего труда. Вотъ почему установился порядокъ, при которомъ человѣкъ сначала работаетъ, а затѣмъ уже потребляетъ въ размѣрѣ тѣхъ цѣнностей, которые онъ произвелъ. Такимъ порядкомъ установляется строгое соотвѣтствіе между размѣрами производства и потребленія. Безграничное стремленіе къ потребленію обуздывается размѣрами производства. Если человѣкъ по какому-нибудь, можетъ быть, и достойному уваженія поводу, желаетъ нарушить для себя это правильное отношеніе, то онъ долженъ найти лицо, которое согласилось-бы во имя разныхъ для себя выгодъ снабдить его желаемыми произведеніями прежде, чѣмъ онъ можетъ замѣстить ихъ предметами собственнаго производства т. е. оказать ему процентный кредитъ.

Въ особенности сильные, властные и богатые и на первомъ планѣ государство, постоянно стремились избавиться отъ гнета порядка, соразмѣряющаго потребленіе съ производствомъ: государство ничего и не производитъ, оно беретъ силою сколько оно только можетъ выжать изъ гражданъ; однако-же его хищническая

нохоть такъ велика, что и этого ему мало; для вящаго успѣха своей заносчивой политики грабежа, оно повсемѣстно захватываетъ безпроцентный кредитъ. Дозволять такіе аллюры государству ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, они всегда были и теперь дѣлаются величайшимъ бѣдствіемъ для цивилизованнаго міра. Государство должно держаться скромной и умѣренной, а не заносчивой и разбойничьей политики; ему менѣе, чѣмъ кому-либо должно быть дозволено выходить изъ предѣловъ своихъ средствъ. Вообще это никому не должно быть дозволено кромѣ тѣхъ, которые по основнымъ свойствамъ человѣческаго организма должны содержаться вполнѣ или отчасти сильными т. е. дѣтей и отчасти женщинъ. Эти лица, въ свою очередь, должны содержаться не путемъ кредита, а на счетъ коммунистическаго духа человѣческой солидарности, развитіе котораго необходимо во всякомъ здоровомъ и цивилизованномъ обществѣ.

Другой родъ предметовъ составляютъ орудія труда. Особенность этихъ орудій заключается въ томъ, что послѣ того, какъ они однажды произведены, они только потребляются. Способность человѣка къ производству съ развитіемъ его организма и по мѣрѣ его возмужалости увеличивается; сначала онъ такъ слабъ, что не можетъ обезпечить себя, а затѣмъ онъ вступаетъ въ жизнь полнымъ силъ и холостымъ, — это даетъ ему естественное преимущество надъ рабочими, обремененными семействомъ, При такомъ условіи онъ легко можетъ войти въ порядокъ, при которомъ онъ ради равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ будетъ сначала производить, а потомъ потреблять; а затѣмъ уже онъ можетъ поддерживать этотъ порядокъ втеченіе всей своей жизни. Другое дѣло орудія труда, часто ничтожное число рабочихъ должны употреблять для своего производства орудіе громадной цѣнности; пароходъ, стоющій десятки и сотни тысячъ, составляетъ орудіе труда для какихъ нибудь десятковъ матросовъ. Ясно, что при нормальномъ порядкѣ общины должны снабжать работниковъ орудіемъ труда. Далѣе орудіе труда при производствѣ только потребляется и портится; для него невозможно сначала себя оплатигь, а потомъ производить.

Человѣкъ воспитывается вполнѣ даромъ, на немъ не лежитъ никакой обязанности оплачивать свое дѣтство и свое образовоніе, но за то-же на немъ лежитъ обязанность воспитывать будущее

поколѣніе. Мысль о возложеніи на орудія труда безвозмезднаго сооруженія будущихъ орудій составляетъ нелѣпость, но за тоже экономическое производство, — производство, въ которомъ устранены всѣ безплодныя для него траты, требуетъ, чтобы изъ дохода отъ производства уплачивалось орудіе труда въ размѣрѣ его порчи и отнюдь не болѣе, такъ какъ во время производства въ орудіи происходитъ только порча, а не возвышеніе его производительной силы, и кромѣ порчи оплачивать въ немъ нечего. Это и достигается безпроцентнымъ кредитомъ. Выпускъ безпроцентныхъ кредитныхъ бумагъ долженъ производиться для пріобрѣтенія орудій труда; онѣ и должны погашаться изъ дохода отъ произведеній, созданныхъ этими орудіями, по мѣрѣ ихъ порчи. При такомъ порядкѣ между выпускомъ безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ и размѣрами обращающихся въ обществѣ произведеній труда будетъ всегда полное соотвѣтствіе, такъ какъ созданіе новыхъ орудій труда и ихъ покупка на денежные знаки требуется только тогда, когда эти орудія нужны для увеличенія размѣровъ производства. Цѣнность денежныхъ знаковъ будетъ стоять на самомъ прочномъ основаніи, какое только возможно для него придумать. Давать безпроцентный кредитъ можно только для пріобрѣтенія орудій труда и притомъ только подъ условіемъ устраненія легкомысленнаго и безотвѣтственнаго пріобрѣтенія такихъ орудій.

Праздная жизнь капиталистовъ и разные предразсудки, въ родѣ того, что для успѣха капиталистъ долженъ казаться болѣе богатымъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, весьма способствуетъ развитію въ ихъ средѣ легкомыслія и труболетства. А потому давать имъ безпроцентный кредитъ равняется учащенію промышленныхъ кризисовъ. Еще того менѣе можно давать его компаніямъ, потому что тузы, заправляющіе этими компаніями, часто ради собственнаго своего обогащенія употребляютъ всѣ возможныя хитрости, чтобы ввергать компаніи въ банкротство. Такой кредитъ слѣдуетъ давать только общинамъ и ихъ соціальнымъ организаціямъ съ тѣмъ, чтобы они снабжали этимъ кредитомъ рабочихъ, нуждающихся въ орудіяхъ труда, а въ случаѣ, если созданіе этихъ орудій стоитъ слишкомъ дорого, то создавали ихъ сами. Путемъ созданія общинъ, которыя распоряжаются соціальной организаціей на общественномъ сходѣ лично, а не чрезъ предста-

вителей, можно достигнуть такой организаціи, которая уничтожитъ существованіе капитала и процента въ такихъ размѣрахъ, что безпроцентный кредитъ послужитъ только дополненіемъ организаціи; а банкъ съ процентнымъ кредитомъ только послѣдней мѣрой, къ которой придется прибѣгать при международномъ обмѣнѣ.

Современное производство создало большое число организацій, о существованіи которыхъ публика не имѣетъ и тѣни понятія. Онѣ вовсе не желаютъ избавить рабочихъ отъ какихъ-бы то ни было тягостей и страданій, водворить какую-бы то ни было справедливость, онѣ просто и прямо порождены условіями производства при существованіи науки. Для примѣра я приведу организаціи на желѣзныхъ дорогахъ, приводящія въ обращеніе произведенія труда десятковъ тысячъ рабочихъ, представляющихъ съ своими семействами населеніе въ двадцать пять, пятьдесятъ и сто тысячъ человѣкъ, и гдѣ ни о капиталѣ, ни о процентахъ не можетъ быть и рѣчи. Существуетъ номенклатура, въ этой номенклатурѣ поименовано двадцать пять тысячъ и болѣе предметовъ. цѣнность произведенія этихъ предметовъ опредѣлена съ точностью. Служба пути и зданій, т. е. заботящаяся о существованіи и хорошемъ состояніи желѣзнодорожныхъ путей и зданій, — служба тяги, заботящаяся о паровозахъ и всѣхъ приспособленіяхъ для передвиженія, служба движенія, заботящаяся о желѣзнодорожныхъ станціяхъ, снабжаются этимъ путемъ всѣмъ для нихъ необходимымъ изъ обширныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Произведенія, которыя въ неорганизованной публикѣ давали-бы возможность наживаться тысячамъ капиталистовъ, переходятъ черезъ десятки рукъ артельщиковъ, начальниковъ мастерскихъ, складовъ, станцій, и т. д. Всѣ эти лица отвѣчаютъ за каждый полученный ими предметъ въ полной его стоимости, однако-же кромѣ своего жалованья, иногда довольно скуднаго, они ничего не получаютъ.

Для служащихъ очень выгодно получать подобные предметы взамѣнъ жалованья. При всемъ этомъ оборотѣ, гдѣ между производствомъ и потребленіемъ проходятъ года, ни о капиталѣ, ни о процентахъ нѣтъ и рѣчи. Вотъ такъ умѣютъ распоряжаться капиталисты въ предѣлахъ сферы своей организаціи. Если-бы на мѣстѣ желѣзной дороги стояла неорганизованная публика, то ей пришлось-бы кормить тысячи жадныхъ капиталистовъ. Собственники мастерскихъ доказывали-бы ей, что они на мильонные ка-

питалы устроили эти заведенія; собственники складовъ, что это ихъ лавки; собственники станцій, что они на кровныя деньги устроили и обставили станціи; — и публикѣ, на основаніи несомнѣнныхъ изрѣченій политической экономіи пришлось-бы насытить всѣ эти ненасытныя утробы. Если-бы общинамъ удалось создать между собою союзы съ населеніемъ въ двадцать пять, пятьдесятъ и сто тысячъ человѣкъ и притомъ сгрупировать ихъ такъ, чтобы создать союзъ изъ производителей, обезпечивающихъ другъ друга наибольшимъ числомъ необходимыхъ предметовъ, то они могли-бы снабжать себя пищей и одеждой, строить дома, отоплять ихъ, учить своихъ дѣтей и т. д. на основаніи номенклатурныхъ цѣнъ безъ всякой надобности въ участіи капитала и процентовъ и съ помощью одного внутренняго не нуждающагося въ деньгахъ обмѣна.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Что должна дѣлать община, чтобы осуществить сознательныя соціальныя организаціи.

КАПИТАЛИСТЪ и компанія бренное учрежденіе, община вѣчное; она существуетъ столѣтія, благо существуетъ территорія, на которой живутъ ея члены. Мало того, что она существуетъ вѣчно, она вѣчно отвѣтственна, въ то время, когда жизнь капиталиста и даже компаніи скоро преходящее явленіе. Конечно и государство и община не отличаются той несокрушимой вѣковѣчностью, которою отличаются ихъ территоріи, но сравнительно съ жизнію человѣка ихъ прочность громадна. Государства дѣлали не мало глупостей, съ большимъ легкомысліемъ обремѣняли себя долгами, но не смотря на опытъ прошедшаго люди въ настоящее время довѣряютъ государству болѣе, чѣмъ частнымъ лицамъ и компаніямъ, а въ такихъ политически развитыхъ странахъ, какъ Соединенные Штаты, государственный кредитъ такъ проченъ, что его и сравнивать нельзя съ частнымъ. Общинамъ можно предсказать такую-же будущность; чѣмъ болѣе онѣ будутъ упражняться въ дѣлѣ соціальной организаціи, чѣмъ болѣе пріо-

брѣтутъ опытности, тѣмъ успѣшнѣе будутъ брать верхъ надъ отдѣльными капиталистами и компаніями.

Человѣческія потребности мѣняются медленно, втеченіе вѣковъ люди питаются рисомъ, пшеницей, мясомъ рогатаго скота, живутъ въ домахъ, носятъ кожаную обувь; капризное, измѣнчивое потребленіе свойство богатыхъ людей. Чѣмъ болѣе развитіе сознательныхъ соціальныхъ организацій будетъ уравнивать состоянія, тѣмъ обширнѣе будетъ кругъ прочнаго, поддающагося болѣе или менѣе вѣрному расчету потребленія, и тѣмъ болѣе будетъ суживаться сфера потребленія капризнаго. Всей этой областью прочнаго потребленія общины должны овладѣвать прежде всего и создавать изъ него непоколебимое основаніе для банковъ и безпроцентнаго кредита. Кредитомъ этимъ онѣ должны пользоваться, чтобы путемъ поручительства передъ банкомъ снабжать орудіями труда работающихъ своихъ членовъ. Опытъ банковъ показалъ, что банки, которые даютъ кредитъ мелкимъ производителямъ труженикамъ гораздо прочнѣе; срываютъ банки крупные тузы, вызывающіе горячку спекуляціи и кризисы. Русская община въ значительныхъ размѣрахъ помогаетъ артелямъ, составляющимся изъ ея членовъ, обходиться безъ предпринимателя только тѣмъ, что она выдаетъ имъ удостовѣренія въ ихъ благонадежности т. е. ручается за нихъ. Кредитъ, даваемый банками, конечно не можетъ обходиться безъ основного капитала; капиталъ этотъ можетъ составляться изъ сбереженій рабочихъ, которыхъ община этимъ способомъ будетъ ограждать отъ хищничества труболетовъ.

Замѣняя компаніи рабочими ассоціаціями, мы сохраняемъ капиталистическій принципъ и создаемъ товарищества, которыхъ дѣльцамъ такъ легко нагрѣвать по многочисленности ихъ мелкихъ пайщиковъ, принципъ ассоціаціи мало лучше принципа участія въ прибыляхъ. Община устраняетъ капиталистическій принципъ, а не поддерживаетъ его; упражняясь въ дѣлѣ общинныхъ соціальныхъ организацій, члены общины идутъ настоящимъ путемъ, а не такимъ, который придется бросить и замѣнить другимъ. Одна община, создающая сознательныя соціальныя организаціи ради снабженія всѣхъ своихъ членовъ орудіями труда, можетъ спасти нашу цивилизацію. Она не можетъ, подобно ассоціаціямъ и союзамъ капиталистовъ и рабочихъ, эгоистически возвышаться на счетъ народа, если она, слѣдуя демократическому принципу, не

будетъ исключать бѣдныхъ и слабыхъ, а дѣлать ихъ равноправными своими членами. Ей останется одно, заботами о развитіи бѣдныхъ своихъ членовъ уравнивать ихъ благосостояніе съ болѣе интеллигентной частью своего населенія. Развитіе политическаго народовластія обратило большое вниманіе на умственную культуру народныхъ массъ; еще бо́льшее вниманіе будетъ сосредоточиваться на ней съ развитіемъ сознательныхъ соціальныхъ организацій.

Только такимъ путемъ можно уничтожить безобразную ненависть рабочихъ союзовъ къ наиболѣе несчастной части рабочаго населенія, и преслѣдованія, воздвигаемыя противъ тѣхъ, кто болѣе всего нуждается въ помощи. Въ Калифорніи ненависть къ китайскимъ рабочимъ такая жгучая, что въ конституціи 1879 года даже негры получили право голоса, а китайцы лишены его; этимъ рабочее населеніе прямо раздѣлилось на привиллегированныхъ и обездоленныхъ. При капиталистическомъ производствѣ капиталисты торжествуя, будутъ вынуждать рабочіе союзы и ассоціаціи бороться съ ними путемъ одинаково вреднымъ и для рабочихъ и для народа и такой образъ дѣйствія будетъ всегда находить себѣ оправданіе, какъ единственный путь защиты рабочихъ отъ пониженія заработной платы, но при эгоистической подкладкѣ этого образа дѣйствія борьба съ капиталистами не помѣшаетъ ему забить въ грязь невѣжественный пролетаріатъ и губить этимъ цивилизацію. Вотъ почему необходима дѣятельность общины, которая бы замѣнила капиталиста собою и заставила-бы все рабочее населеніе въ качествѣ одного цѣлаго отстаивать интересы труда.

Чтобы овладѣть лавкой, превратить торгующихъ въ своихъ прикащиковъ и уничтожить этимъ классъ купцовъ, общинѣ ничего не нужно, кромѣ здраваго пониманія, вниманія и усердія. Въ торговлѣ капиталъ отступаетъ на послѣдній планъ, а на первый выступаетъ число покупателей. Если всѣ члены общины будутъ принадлежать къ покупателямъ, то издержки обзаведенія составятъ для общинъ вполнѣ посильный и даже ничтожный расходъ. Вексель и коммиссіонная торговля облегчатъ переходъ къ торговлѣ на наличныя деньги. У начинающаго торговать капиталиста и у возникающихъ потребительныхъ ассоціацій главное препятствіе къ удешевленію товаровъ заключается въ томъ, что въ началѣ кругъ ея покупателей очень ограниченъ и товары, которые покупаются въ ограниченномъ числѣ залеживаются, портятся или вовсе

остаются на рукахъ; имъ приходится бороться съ медленнымъ оборотомъ и нести большіе убытки. Только организація съ центральными складами и множествомъ филіальныхъ мелкихъ лавокъ устраняетъ эти неудобства. При капиталистической торговлѣ эти неудобства продолжаютъ даже существовать неизмѣнно. Въ мелочныхъ лавкахъ можно находить только очень немногіе предметы; спеціальные предметы сосредоточиваются въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ скучиваются цѣлые ряды однородныхъ магазиновъ; — жители со всѣхъ концовъ города должны сбѣгаться туда для покупокъ и тратить много времени для снабженія себя необходимымъ. Въ деревняхъ эти неудобства возвышаются до такой степени, что дѣлаются существеннымъ препятствіемъ для развитія промышленности и возвышенія заработной платы; трудности, съ которыми сопряжено пріобрѣтеніе предметовъ, легко покупаемыхъ въ городахъ, поддерживаетъ въ селеніяхъ первобытные обычаи и привычки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и низкую заработную плату. При сознательной организаціи, первоначальнымъ звѣномъ которой сдѣлается община, такая трудность устранится.

Поставить торговлю на совсѣмъ иную ногу чѣмъ та, какую создаетъ капиталистическій порядокъ, будетъ тѣмъ легче, что дѣятельность соціальныхъ организацій будетъ одновременно развиваться и въ центральныхъ учрежденіяхъ и въ общинахъ. Къ желѣзнымъ дорогамъ и банкамъ и въ настоящее время всѣ правительства протягиваютъ руку; они давно перешли-бы въ распоряженіе народа, если-бы народовластіе было достаточно развито, чтобы отдѣлить соціальныя организаціи отъ политическихъ и помѣшать этимъ неизбѣжному порожденію монополіи при ихъ захватѣ государствомъ. Эти дороги и банки породятъ такія центральныя и мѣстныя управленія, къ которымъ очень легко могутъ примкнуть управленія центральныхъ и мѣстныхъ торговыхъ складовъ и облегчить образованіе мелкихъ общинъ съ лавками, снабжаемыми въ размѣрахъ надобности изъ складовъ по заказамъ членовъ общины. Неизмѣримо важнѣе возможность устранять торговые кризисы путемъ сознательныхъ соціальныхъ организацій. При капиталистическомъ производствѣ не существуетъ никакой связи между потребителями, капиталистами и работниками-производителями. Капиталистъ вымогаетъ у потребителя деньги, потребитель слѣдуетъ своему капризному вкусу, не заботясь о томъ, по-

гибаетъ отъ этого производитель или нѣтъ; господствуетъ эксплуатація, противоположность интересовъ и только. Сознательная общинная организація создаетъ связь и взаимную помощь между производителемъ и потребителемъ. Въ общинѣ всякій въ то-же время и производитель и потребитель, его прямой интересъ вводить въ общинахъ такіе обычаи, при которыхъ прогрессъ въ пріемахъ производства, вкусы и замашки потребителей не губили-бы безцеремонно производителей, а относились-бы со вниманіемъ къ ихъ потребностямъ.

Соціальное законодательство общинъ довершитъ организацію и закончитъ дѣло превращенія всякой собственности, предназначенной для эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, въ вещи публичнаго права, предназначенныя для служенія общественному благу. Конечно соціальное законодательство можетъ быть только въ рукахъ поголовнаго схода всѣхъ членовъ общины, управленія ни въ какомъ случаѣ не могутъ пользоваться имъ, а представительныя собранія должны обладать подобными правами только въ большихъ городахъ, штатахъ и т. п. въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ штаты и кантоны пользуются ими и теперь. Неотчуждаемой неприкосновенностью должна обладать только собственность, созданная трудомъ; личная капиталистическая предпріимчивость можетъ создавать для капиталиста собственность только до тѣхъ поръ, пока община не получила сознательной соціальной организаціи и не устранила этимъ необходимости въ организаціи инстинктивной и въ личной предпріимчивости на свой рискъ. Конечно есть личная предпріимчивость, которую такъ трудно замѣнить общественной дѣятельностью, что нельзя даже предвидѣть, когда наступитъ время ея изчезнованія. Все таки трудность заключается не въ этомъ, а въ пути для перехода собственности отъ капиталиста и землевладѣльца къ общинѣ. Война между аболюціонистами и рабовладѣльцами показываетъ намъ къ какимъ плачевнымъ результатамъ можетъ приводить безцеремонное отношеніе между людьми въ этомъ случаѣ. Рабовладѣльцы показали-бы себя во много разъ болѣе умными, если-бы они не отстаивали такъ упорно рабства, а аболюціонисты, если-бы они не отказывались давать вознагражденіе за освобожденныхъ рабовъ. Благодаря непримиримости и упрямству рабовладѣльцамъ пришлось вынести бѣдствія и раззореніе непосильной войны, а аболюціонистамъ потратить

много братской крови и такія суммы денегъ, что небольшой ихъ части было-бы достаточно для полнаго вознагражденія за отошедшихъ рабовъ.

Создавая соціальныя организаціи, американское общество, конечно, можетъ дѣйствовать такъ-же нелѣпо, какъ оно дѣйствовало въ вопросѣ о рабствѣ, но можетъ дѣйствовать и благоразумно. Общины и соціальныя организаціи могутъ съ перваго-же дня своего учрежденія принять много энергическихъ и вполнѣ безобидныхъ мѣръ. Никто въ настоящее время не порицаетъ тѣ правительства, которыя уничтожали феодальныя права и разбойничьи гнѣзда въ Китаѣ, Японіи, Индіи и средневѣковой Европѣ и создавали на ихъ мѣстѣ бюрократическія государства; никто не скажетъ дурного слова о томъ, что въ помянутыхъ странахъ феодальныя права и кормленіе замѣнялись пенсіями и жалованьемъ. Такъ какъ бюрократія создала дѣйствительное улучшеніе въ государственномъ устройствѣ, то образъ дѣйствія правительствъ, которымъ достигнута была эта цѣль, нашелъ себѣ въ ней оправданіе. Точно такъ-же образъ дѣйствія общинъ найдетъ себѣ оправданіе, если онѣ дѣйствительно замѣнятъ эксплуатацію сознательными соціальными организаціями. Общины могутъ прямо объявить всю землю, находящуюся подъ домами въ городахъ и подъ культурными растеніями, предметомъ публичнаго права и не сдѣлать этимъ ничего не справедливаго или дурного. Все дѣло въ томъ, какъ общины будутъ пользоваться этимъ правомъ. Феодальное владѣніе землею быстро изчезло въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя оно долго еще сохранялось въ прочей Америкѣ и даже въ Канадѣ и поддерживало тамъ язву крупнаго землевладѣнія; однако-же исторія рѣшила, что Соединенные Штаты поступили хорошо а не дурно, уничтоживъ у себя этотъ порядокъ и притомъ уничтоживъ его сравнительно весьма безобиднымъ образомъ; точно также общины могутъ уничтожить капиталистическое землевладѣніе и домовладѣніе и заслужить за это отъ исторіи одну похвалу.

Если капиталистъ имѣетъ установленное право на процентъ съ капитала, уплаченнаго имъ за землю, то община и государство имѣютъ такъ-же установленное право на обложеніе капитала по своему произволу. Такимъ правомъ общины могутъ пользоваться вполнѣ безобидно и съ большимъ успѣхомъ для достиженія своихъ

цѣлей. Никто не можетъ жаловаться на нихъ, если онѣ, оставляя капиталистамъ процентъ на уплаченный ими за дома и земли капиталъ, будутъ поглощать путемъ обложенія всю ренту, происходящую отъ возростающей густоты населенія, тѣмъ болѣе, что такое возрастаніе цѣнъ на землю не имѣетъ ничего общаго съ полезной стороной дѣятельности капиталистовъ и дѣлаетъ наоборотъ капиталы безплодными, употребляя ихъ на уплату нелѣпо высокой цѣны за земли къ крайнему ущербу для общества и къ созданію почти неодолимыхъ препятствій для размноженія вещей публичнаго права и сознательныхъ соціальныхъ организацій.

Значеніе такого образа дѣйствія видно изъ слѣдующаго: земли въ рѣдко населенныхъ мѣстахъ не приносятъ никакой ренты и продаются по нѣскольку копеекъ и по нѣсколько рублей за десятину. Такія цѣны существуютъ не только въ Россіи; правительства и капиталисты покупали земли, уплачивая копейки за десятину, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и въ американскихъ, африканскихъ и австралійскихъ владѣніяхъ разныхъ цивилизованныхъ народовъ. Съ возрастаніемъ густоты населенія цѣны на земли подымались до ста, тысячи, трехъ, пяти, десяти, пятнадцати и двадцати тысячъ рублей за десятину. Отъ капиталиста при этомъ не требовалось ни малѣйшихъ улучшеній, цѣна возвышалась вслѣдствіе возрастанія густоты населенія и въ особенности вслѣдствіе возникновенія промышленныхъ центровъ, гдѣ скучивалось большое число богатыхъ, покупающихъ дорогіе сельскіе продукты, людей. Часто не нужно было даже столѣтія, достаточно было нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, чтобы цѣна земли возвысилась отъ десятковъ до тысячъ рублей за десятину. При возрастающей густотѣ населенія цѣны на землю, отличающуюся естественнымъ плодородіемъ почвы, возрастали съ невѣроятной быстротой, а капиталисты были тутъ не причемъ. Въ бассейнѣ Миссисипи никакое улучшеніе почвы не возвышало въ этихъ условіяхъ цѣну почвы въ такой степени, въ какой ее возвышало естественное плодородіе леса. Между тѣмъ такое возростаніе цѣнъ на землю дѣлалось громаднымъ затрудненіемъ при превращеніи земель изъ частной собственности въ земли публичнаго права; затрудненія возрастали въ наибольшей степени именно тамъ, гдѣ такое превращеніе было наиболѣе необходимо. Народъ поступитъ очень благоразумно, если онъ своевременно, пока еще цѣны на земли

низки, превратитъ ихъ въ мірскія земли и отдастъ въ распоряженіе общиннымъ сходамъ, какъ дѣлается въ Россіи.

Еще сильнѣе возвышается цѣна земель подъ быстро возрастающими городами. Громадное большинство территоріи Соединенныхъ Штатовъ заселилось втеченіе одного столѣтія и втеченіе одного столѣтія превратило большое число земель, не имѣвшихъ никакой цѣнности, въ земли, десятина которыхъ покупалась за тысячи рублей; на землѣ ничего не стоившей выстрены теперь города, подъ которыми десятина стоитъ мильоны. Опять таки громадное большинство этихъ земель такъ или иначе было въ рукахъ народа; ими распоряжались федеральное правительство или правительства штатовъ и другихъ общественныхъ учрежденій. Всѣ эти правительства растратили драгоцѣнное достояніе народа, распродали ихъ за безцѣнокъ частнымъ собственникамъ или роздали даромъ спекуляторамъ вмѣсто того, чтобы превратить ихъ въ земли публичнаго права. Такъ поступали они въ то время, когда великія соціальныя ученія все громче кричали о себѣ и поступали потому, что въ общественныхъ дѣятеляхъ кромѣ гнусной ненависти къ этимъ идеямъ и бездарнаго непониманія требованій времени ничего не было. Знаменательный урокъ исторіи, который показываетъ куда приводятъ людей слѣпыя и грязныя страсти, которыя побуждаютъ ихъ преслѣдовать и отвергать то, на что они должны были-бы обращать самое серьезное вниманіе, и чему они должны были-бы давать практически осуществимую форму.

Не только въ Америкѣ, но повсемѣстно въ западной цивилизаціи самое возмутительное злоупотребленіе изъ права собственности дѣлалось домовладѣльцами; они становились по истинѣ бичами народа, налегая непосильнымъ бременемъ на бѣдное и въ особенности многосемейное населеніе. Повсемѣстно въ большихъ городахъ они производятъ вырожденіе расы и дѣлаются одной изъ главныхъ причинъ великихъ бѣдствій пролетаріата. Поглощеніе ренты городскими общинами сравнительно мало поможетъ дѣлу; чтобы достигнуть нормальнаго состоянія города, должны размножать дома публичнаго права, находящіеся въ такомъ-же распоряженіи общины, какъ и мірскія земли. Уже давно филантропы мечтаютъ о томъ, чтобы въ промышленныхъ центрахъ и большихъ городахъ давать возможность рабочимъ семействамъ покупать себѣ домикъ съ садомъ. Однако-же нормальныхъ условій этимъ

нельзя достигнуть. Уже мелкая поземельная собственность создаетъ для многосемейныхъ рабочихъ нескончаемую борьбу съ долгами, которая переходитъ безъисходно отъ поколѣнія къ поколѣнію; въ городахъ зло это еще обремѣнительнѣе, — только продажа дома съ молотка избавляетъ бѣднаго рабочаго отъ невыносимыхъ долговъ.

Кромѣ того принципъ собственности надъ домами не согласимъ съ современными условіями производства; эти условія дѣлаютъ рабочаго слишкомъ подвижнымъ не только для домовладѣнія въ городахъ, но даже просто для землевладѣнія. Недвижимая собственность приковываетъ его къ мѣсту, стѣсняетъ его предпріимчивость и заставляетъ его трепетать надъ вложенной имъ въ землю экономіей, вмѣсто того, чтобы искать наиболѣе плодоносное поприще для своей дѣятельности. Одна община можетъ передавать въ руки рабочаго и орудія труда и жилище на условіяхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ времени. Въ торговыхъ центрахъ и въ большихъ городахъ все болѣе распространяется жизнь въ номерахъ и пансіонахъ, обнимающихъ цѣлые дома. Въ странахъ глухихъ и мало цивилизованныхъ такой образъ жизни очень неудобенъ, но достаточно конкуренціи капиталистовъ въ странахъ съ развитой промышленностію, чтобы существенно измѣнитъ дѣло. Для большого числа людей, живущихъ трудомъ и которыхъ требованія работы каждую минуту могутъ заставить перемѣнить мѣсто жительства, такая жизнь приноситъ съ собою большія удобства и болѣе дешевизны, чѣмъ поземельная собственность. При такихъ условіяхъ жизни рабочаго населенія общинное домовладѣніе можетъ доставлять рабочему такія-же удобства, какія доставляютъ въ Россіи мірскія земли.

Главное достоинство мірскихъ земель заключается въ томъ, что они не создаютъ преждевременнаго коммунизма, а подготовляютъ путь къ нему. Насильственное, установленное обычаемъ или другими путями, совмѣстное жительство при нашемъ низкомъ уровнѣ нравственности можетъ представлять большія неудобства. Въ настоящее время на поверхности земного шара не только не замѣчается развитіе общаго сожительства въ общихъ домахъ и въ стѣнахъ одного двора, но скорѣе разрушеніе такого сожительства. Фаланстеры краснокожихъ, эскимосовъ и другихъ племенъ, родовыя общины разныхъ частей свѣта, славянскія и азіатскія семейныя коммуны въ Россіи, Сербіи, вообще въ Азіи и т. д. рас-

падаются, а не размножаются. Причина заключается въ томъ, что прогрессъ цивилизаціи дѣлаетъ ихъ излишними водвореніемъ безопасности и разрушаетъ ихъ, замѣняя разномысліемъ жизнь по старинѣ, не торопясь, »грязненько-миленько«, — отсюда сильное развитіе инстинктовъ приученія и возрастающія деспотическія и эксплуататорскія наклонности распоряжающихся сожительствами. Между тѣмъ теченіе, совершенствовавшее политическія формы, создавало настроеніе, несогласимое съ развитіемъ деспотическихъ замашекъ. Семьи, не желая покоряться деспотизму стариковъ и еще болѣе невыносимому самодурству старухъ, отдѣлялись при первой возможности и начинали жить особнякомъ.

Принципъ русскаго мірского владѣнія недвижимымъ имуществомъ не стѣсняетъ самостоятельности семьи и не низводитъ ее на степень прислуги и батраковъ у старшихъ; превращая землю въ землю публичнаго права, оно пользуется этимъ только для того, чтобы снабжать рабочаго землею въ размѣрахъ существенной его потребности: многосемейному она даетъ больше земли, безсемейному меньше, что, конечно, вполнѣ справедливо. Точно также община можетъ пользоваться и домами публичнаго права; надѣлять многосемейныхъ бо́льшими, а малосемейныхъ меньшими квартирами и взымать съ каждаго, живущаго въ домѣ работника одинаковый сборъ на постепенное погашеніе стоимости дома. Это также будетъ вполнѣ справедливо, конечно, не съ капиталистической, эксплуататорской и хищнической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія сознательной нравственности. Если община до того усовершенствуетъ свою организацію, что будетъ обладать домами, не имѣющими частнаго собственника, то она можетъ принимать и другія мѣры для устраненія частныхъ правъ на недвижимости; можетъ напр. ограничить переходъ недвижимостей по наслѣдству женою и дѣтьми умершаго, а завѣщаніе цѣлями благотворительности.

Въ 1879 году штатъ Калифорнія издалъ конституцію, которою предписывались самыя энергическія мѣры для прекращенія злоупотребленія капиталомъ. Право компаньоновъ на неуплаченныя ими акціи прямо отрицалось, для прекращенія биржевой игры давалось право безвозмездно отбирать бумаги, пріобрѣтенныя биржевой игрой, желѣзныя дороги поставлены были въ такую зависимость отъ избранныхъ народомъ коммисаровъ, что они не только установляли тарифы, но хозяйничали на нихъ; кабала и

эксплуатація рабочихъ приравнивалась къ рабству и ради ихъ прекращенія конституція доходила до прямого запрещенія закабаляющихъ долгами контрактовъ. Но именно эта конституція служитъ однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ, что прекратить злоупотребленіе капиталомъ народъ можетъ только, взявъ дѣло въ свои руки и замѣнивъ капиталистовъ собою. Оставлять въ неограниченной власти и въ распоряженіи капиталиста имущество, служащее для цѣлой инстинктивной соціальной организаціи, лавку, банкъ, желѣзную дорогу, домъ, землю и т. п., а потомъ пытаться забрать его въ руки путемъ какихъ нибудь строжайшихъ законовъ, инспекторовъ и коммисаровъ, такъ-же мало дальновидно, какъ образъ дѣйствія папъ, которые старались властвовать надъ католическимъ міромъ, оставляя въ рукахъ католическихъ государей и крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ войско, власть, все болѣе приближающуюся къ неограниченной, политическое и гражданское управленіе. Англійскій законъ съ цѣлью упорядочить желѣзнодорожное дѣло привелъ къ возвышенію тарифовъ вмѣсто ихъ пониженія, потребовалась новая агитація для устраненія зла и такъ будетъ безъ конца. Такими комбинаціями можно порождать только одни безвыходные безпорядки.

Созиданіе указанными пріемами сознательныхъ соціальныхъ организацій составляетъ кратчайшій путь для наиболѣе дѣйствительнаго возвышенія уровня человѣческой нравственности. Только такимъ путемъ можно достигать уравненія состояній и превращенія всего населенія въ образованныхъ людей; только такимъ путемъ можно практически достигнуть тѣхъ нравственныхъ настроеній, при которыхъ коммунистическая жизнь распространится по лицу земли, а коммунистическая жизнь единственное условіе, при которомъ подрастающее молодое поколѣніе будетъ находиться въ нормальномъ состояніи. Пока люди будутъ жить семействами а не коммунистическими общинами, вырожденіе человѣческой расы будетъ составлять неустранимое послѣдствіе политическихъ и соціальныхъ формъ. Конечно, при всякихъ формахъ отдѣльная личность можетъ возвышать свой нравственный уровень, совершенствуя свое понятіе о счастьѣ, но чѣмъ менѣе совершенны политическія и соціальныя формы страны, тѣмъ болѣе онѣ дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на развитіе нравственности въ отдѣльной личности. Деспотическое управленіе служитъ самымъ

сильнымъ препятствіемъ для развитія сочувствія къ общественному благу и самой сильной поддержкой для инстинкта обожанія власти. Развитіе политическаго народовластія способствуетъ переходу къ истинному понятію человѣка о счастьѣ тѣмъ, что оно увеличиваетъ сочувствіе къ общественному благу и ослабляетъ инстинктъ обожанія власти, но если при этомъ сохраняется капиталистическій строй, то онъ будетъ поддерживать настолько-же инстинктъ обожанія богатства, насколько деспотизмъ поддерживаетъ инстинктъ обожанія власти. Необходимо распространеніе народовластія и на соціальный строй, чтобы могло развиться у людей настолько правильное понятіе о своемъ счастьѣ, что расположеніе къ осуществленію коммунистической идеи будетъ укореняться въ народѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Переходъ отъ анархіи къ сознательнымъ организаціямъ легче, чѣмъ переходъ къ нимъ отъ прирученія. Какъ слѣдуетъ поступать съ мятежниками. Германія.

ВТОРАЯ половина XIXго вѣка представляетъ намъ образецъ двухъ путей перехода отъ инстинктивныхъ къ сознательнымъ организаціямъ. Испанскія рерпублики, расположенныя въ Америкѣ къ югу отъ Соединенныхъ Штатовъ, тотчасъ послѣ того, какъ онѣ сбросили съ себя гнетъ испанскаго деспотизма, впали въ анархію, и даютъ намъ примѣръ перехода отъ анархіи къ сознательной организаціи. Въ то-же время государства материка Европы представляютъ собою образчикъ такого-же перехода отъ состоянія прирученія. Сравненіе пути развитія, пройденнаго этиму двумя категоріями государствъ, можетъ убѣдить, что переходъ отъ анархіи къ сознательной политической организаціи совершается легче, чѣмъ переходъ къ такой-же организаціи отъ прирученія.

Если мы сравнимъ американскія государства, гдѣ населеніе стояло приблизительно на томъ-же уровнѣ цивилизаціи, то мы найдемъ, что республики креоловъ гораздо дальше подвинулись на пути къ сознательнымъ организаціямъ, чѣмъ бразильская имперія, которая сохранила монархическій принципъ прирученія.

Мексиканская республика въ такой степени развилась въ политическомъ отношеніи, что она уничтожила у себя рабство ранѣе Соединенныхъ Штатовъ, мало этого Соединенные Штаты вновь водворили рабство въ территоріи, отвоеванной у мексиканцевъ. Бразилія была едва-ли не послѣднимъ государствомъ, освободившимъ у себя рабовъ; къ республиканскому режиму она перешла только въ концѣ XIXго вѣка. Сравнивая американскія республики съ европейскими государствами прежде всего слѣдуетъ принять въ соображеніе громадную разницу въ цивилизаціи и образованіи на этихъ двухъ территоріяхъ; испанцы держали американскихъ креоловъ въ такомъ грубѣйшемъ невѣжествѣ, въ такомъ черномъ тѣлѣ и въ такой безъисходной бѣдности, что они стояли безъ сомнѣнія ниже всѣхъ европейскихъ народовъ, кромѣ турокъ. Затѣмъ на пути своего развитія имъ пришлось бороться съ едва-ли не самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ орудій, задерживающихъ политическій и соціальный прогрессъ — съ католическимъ духовенствомъ. Вліяніе католической религіи въ Испаніи, Португаліи и въ ихъ колоніяхъ было въ такой мѣрѣ гибельнымъ, что долгое время можно было сомнѣваться въ томъ, удастся-ли испанцамъ, португальцамъ и креоламъ когда-либо вступить въ ряды людей западной цивилизаціи съ равными шансами развитія. Только путемъ непосильной, упорной и кровавой борьбы съ партіей католическаго духовенства этимъ народамъ удастся расчищать себѣ путь къ просвѣщенію. Борьба эта такъ тяжела, что до сихъ поръ имъ удалось только стать нѣсколько выше Россіи и населенія турецкой имперіи.

Европейцы были вполнѣ убѣждены, что анархія, водворившаяся въ американскихъ республикахъ, составляетъ такую низкую форму политическаго существованія, что республикамъ этимъ не возможно будетъ перейти къ сознательной политической организаціи иначе, какъ путемъ прирученія. Оказалось однако-же, что креолы были прямо противоположнаго мнѣнія; они считали, что состояніе прирученія, въ которомъ жили европейскія государства, болѣе низкая форма, чѣмъ ихъ анархія, — и вышли правыми потому, что европейское прирученіе болѣе сковывало проявленіе народныхъ потребностей и развитіе политической мысли, чѣмъ американская анархія. Прежде всего республики, освободившись отъ испанскаго владычества, значительно улучшили соціальный свой бытъ. У

креоловъ республиканская форма не только не замѣнилась монархическимъ прирученіемъ, но прямо на оборотъ — единственное монархическое государство материка, Бразилія, превратилось въ республику; монархическій режимъ сохранился только въ европейскихъ колоніяхъ, которыя по малолюдности своей не въ силахъ были свергнуть иго метрополій, да и тутъ въ Канадѣ осталась только тѣнь монархическаго режима.

Если сравнить эти республики съ тою частью Европы, которая стояла съ ними почти на одномъ уровнѣ образованія т. е. съ Россіей, то окажется, что въ Россіи мы втеченіе XIXго вѣка не только не находимъ политическаго прогресса, но находимъ политическій регрессъ; западныя части этого государства: Польша, Финляндія, въ началѣ XIXго вѣка пользовались конституціоннымъ режимомъ, режимъ этотъ не только не рапространился далѣе на остзейскій край и другія части Россіи, но онъ окончателно уничтоженъ былъ въ Польшѣ, а въ Финляндіи подавленъ и возродился при Александрѣ II только въ самомъ несовершенномъ видѣ. Масса населенія россійской имперіи отличается самымъ грубымъ политическимъ невѣжествомъ и Польша сдѣлала въ этомъ отношеніи существенный шагъ назадъ; даже въ образованномъ классѣ громадное большинство поражаетъ недостаткомъ политическаго развитія. Въ креолскихъ республикахъ народная масса по политическому своему развитію стоитъ неизмѣримо выше, чѣмъ въ Россіи. Въ то время, какъ креолы постоянно совершенствовали свой республиканскій режимъ, между самыми цивилизованными государствами только одна Франція достигла прочнаго республиканскаго управленія, да и то лишь бюрократическаго; между тѣмъ, какъ въ креолскихъ республикахъ во время ихъ анархическаго состоянія созрѣвала федеративная идея.

Онѣ существенно отличались отъ всѣхъ государствъ, гдѣ анархія боролась съ прирученіемъ тѣмъ, что въ нихъ роль прирученія принимала на себя централизованная республика, которую оппозиція свергала вооруженной силой во имя федеративнаго республиканскаго устройства. Другой примѣръ болѣе легкаго перехода отъ анархическаго состоянія къ сознательной политической организаціи представляетъ намъ введеніе конституціонныхъ формъ въ Японіи и упорное господство деспотизма въ Китаѣ. Тоже получается при сравненіи конституціонныхъ государствъ, возникшихъ

изъ анархіи въ европейской Турціи съ упорнымъ подавленіемъ политической жизни въ Россіи на счетъ успѣховъ ея цивилизаціи. Третій примѣръ даетъ намъ сравненіе Россіи и Испаніи втеченіе XIXго вѣка. Въ началѣ столѣтія онѣ стояли на одинаковомъ уровнѣ развитія, а теперь Испанія далеко опередила Россію, хотя она развивалась сравнительно съ Россіей анархическимъ путемъ.

Если мы изъ Америки перенесемся въ Европу, то наше вниманіе обращается прежде всего на образъ дѣйствія Англіи въ Канадѣ, въ Ирландіи и во время чартистскаго движенія. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Канада возстала, она требовала отмѣны привиллегированныхъ сословій и введеніе такого-же демократическаго режима, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ; французы и католики придали этому возстанію анархическій характеръ, потому что они вовсе не ставили себѣ прогрессивныхъ цѣлей, а подобно бельгійцамъ, ирландцамъ и полякамъ просто старались сбросить съ себя иго народа другой національности и другой вѣры. Возстаніе было укрощено англичанами, но побѣдой своей они вовсе не воспользовались для того, чтобы подавить канадскую свободу и водворить тамъ свою опеку; они прекрасно понимали, что такой образъ дѣйствія прямо противорѣчитъ требованіямъ времени и неизбѣжно поставитъ ихъ въ безвыходное положеніе. Поэтому они смѣло пошли по пути реформъ и кончили тѣмъ, что дали Канадѣ болѣе свободныя учрежденія, чѣмъ тѣ, какими пользовались сами.

Такъ-же понимали дѣло ангинчане и во время ирландскихъ волненій; подавляя безпорядки они приступали къ прогрессивнымъ, а не къ реакціонернымъ мѣрамъ; Ирландія гораздо чаще способствовала переходу власти въ руки либераловъ, чѣмъ консерваторовъ. Когда во время чартистскаго движенія предлагали стѣсненіе прессы и свободы сходокъ, въ парламентѣ сильно возставали противъ такого близорукаго образа дѣйствія и совершенно основательно доказывали, что онъ будетъ гибеленъ для Англіи и приведетъ или къ деморализаціи и умственному упадку или къ революціи. Я могу привести примѣръ подобнаго-же образа дѣйствія со стороны неограниченнаго государя. Когда въ Невшателѣ произошло возстаніе противъ Фридриха Великаго, тогда этотъ государь, подавивъ возстаніе, не только не ограничилъ свободныя учрежденія этого клочка Швейцаріи, но расширилъ ихъ. Такимъ образомъ дѣйствія онъ породилъ въ домѣ Гогенцоллерновъ преда-

ніе, которое сдѣлало впослѣдствіи прусскихъ королей германскими императорами. Говорятъ, что къ такому образу дѣйствія былъ способенъ только Фридрихъ Великій, обыкновенные-же государи поступаютъ совсѣмъ иначе. Вѣрно, но это доказываетъ только, что развитіе интеллигенціи и существованіе государей вещи на столько-же несовмѣстимыя, какъ развитіе религіи и развитіе науки — они другъ друга исключаютъ. Такъ-же поступали и въ Соединенныхъ Штатахъ. Послѣ подавленія возстанія рабовладѣльцевъ народъ Соединенныхъ Штатовъ прекрасно понялъ, что онъ прежде всего самъ себя погубитъ, если онъ подавитъ свободу въ бывшихъ рабовладѣльческихъ штатахъ; поэтому онъ сдѣлалъ прямо противоположное, онъ развилъ тамъ народовластіе, вмѣсто того, чтобы подавить свободныя учрежденія.

Цѣль и нормальность подобнаго образа дѣйствія плохо понимались на материкѣ Европы. На материкѣ держались азіатскихъ политическихъ воззрѣній, вполнѣ несогласимыхъ съ тѣми условіями, въ которыя поставлены были люди нашей цивилизаціи вліяніемъ на умы науки, работающей по правильному синтезу. Когда при этихъ условіяхъ разныя общественныя группы добивались для себя прогрессивныхъ и свободныхъ учрежденій, то было ясно, что такія учрежденія были имъ необходимы, иначе онѣ не стали-бы возставать, проливать свою кровь и переносить всѣ бѣдствія народныхъ смутъ, чтобы взять силою то, чего имъ не давали добровольно. Чѣмъ слабѣе была возставшая часть общества, тѣмъ болѣе очевиднымъ доказательствомъ силы потребности служило возстаніе. Слабое и ничтожное по своему числу, но развитое политически населеніе, которое возставало съ отчаяньемъ въ душѣ и безъ всякой надежды на успѣхъ, показывало этимъ самымъ максимумъ неудовлетворенной потребности. Ясно, что такую потребность слѣдовало удовлетворить послѣ подавленія возстанія, иначе государство приближалось все болѣе къ безвыходному положенію.

Въ Азіи и въ государствахъ застоя было иначе; — тамъ люди не возставали во имя идеи, а вопросъ всегда шолъ о томъ, кому господствовать: одному государю или многимъ мелкимъ деспотамъ или даже разбойникамъ; поэтому тамъ требованіе безусловнаго подчиненія мятежниковъ имѣло смыслъ. Если вы пройдете безконечный рядъ возстаній и анархическихъ переворотовъ въ Азіи

и Африкѣ, то вы убѣдитесь, что возстаніями тамъ бытъ народа вообще не улучшался и если тамъ замѣчалось такое улучшеніе, то оно обусловливалось причинами, не имѣвшими ничего общаго съ анархическими движеніями и мятежами. Но даже и въ лучшихъ государствахъ Азіи, напр. въ Китаѣ мятежи не рѣдко укрощались путемъ договоровъ съ мятежниками. Воззрѣніе, которое требовало отъ мятежниковъ безусловнаго подчиненія, а за тѣмъ подвергало ихъ опекѣ, сдѣлалось однимъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ злополучій для современной цивилизаціи. Оно губило правительства и разлагало государства тамъ, гдѣ мятежи оказывались въ концѣ удачными; такимъ путемъ разложились Испанія, Португалія и Турція, отъ нихъ отдѣлилась большая часть ихъ владѣній; Голландія потеряла Бельгію, Австрія свои владѣнія въ Италіи, Карлъ X и Людовикъ Филиппъ лишились престола; — все это послѣ ряда безусловно подавленныхъ волненій. Зло было еще больше тамъ, гдѣ возстанія оказывались безсильными и послѣ безусловнаго подчиненія водворялась опека. Когда въ 1848 году Каваньякъ потребовалъ отъ возставшаго парижскаго народа безусловнаго подчиненія и когда онъ, оплевавъ себя своими злодѣйствами, лишился вмѣстѣ съ своей партіей всякаго политическаго вліянія, власть попала въ руки Наполеона III, который, слѣдуя воззрѣніямъ, господствовавшимъ на материкѣ Европы, отнялъ у мятежной націи всѣ политическія права и водворилъ полное господство опеки. Результатъ получился плачевный; онъ привелъ во Франціи къ безпримѣрному умственному упадку, къ гибельной франко-прусской войнѣ, къ окончательному низверженію бонапартистскаго режима и къ уничтоженію наполеоновской идеи на всегда.

Идея о необходимости прекращенія свободнаго движенія въ концѣ XVIII^го вѣка разъ уже привела къ великой французской революціи. Ужасный прецедентъ не научилъ французовъ уму — разуму.

Въ послѣдней трети настоящаго столѣтія они подавили парижскую коммуну съ монгольской свирѣпостью; чтобы получить предлогъ не входить ни въ какіе компромиссы имъ стоило увѣрить французовъ и европейцевъ, что французская коммуна стремится къ ликвидаціи имущества и люди нашей цивилизаціи оказались настолько политически неразвитыми и невѣжественны-

ми, что повѣрили такой нелѣпой баснѣ. Коммунары не требовали для Парижа даже того права, которымъ обладаетъ всякій штатъ въ Америкѣ и всякій кантонъ въ Швейцаріи, т. е. права устанавливать весь соціальный порядокъ путемъ уголовнаго и гражданскаго законодательства, они соглашались ограничиться только регулированіемъ рабочаго вопроса. Предоставленіе большимъ городамъ Франціи такой власти было-бы первымъ и прекраснымъ шагомъ къ федеративному устройству; но французы, наиболѣе развитой изъ европейскихъ народовъ, оказались въ политикѣ еще слишкомъ мало понимающими; подавивъ и задушивъ въ крови коммуну они вообразили себѣ, что они остановили солнце и теченіе времени, а между тѣмъ они создали этимъ новое препятствіе, и при переходѣ къ федеративному устройству имъ придется пройдти тяжкую школу борьбы съ предразсудками бюрократіи.

Еще плачевнѣе были послѣдствія такого образа дѣйствія для Россіи. Въ началѣ столѣтія къ Россіи присоединены были Польша и Финляндія подъ условіемъ сохраненія тамъ конституціоннаго управленія, но русское правительство тотчасъ-же начало самымъ грубымъ образомъ нарушать конституцію, а когда поляки возстали въ тридцатомъ году, тогда конституція была уничтожена, и кстати подавлена и въ Финляндіи. Въ шестидесятыхъ годахъ послѣдовало новое возстаніе, а за нимъ дальнѣйшее усиленіе опеки. Что-же вышло изъ этого; мы стали по отношенію къ нашимъ западнымъ окраинамъ въ безвыходное положеніе. Болѣе развитое вообще и въ особенности въ политическомъ отношеніи населеніе этихъ окраинъ могло-бы служить сильнымъ стимуломъ для развитія цивилизаціи и политическихъ идей въ Россіи, а оказалось на оборотъ; точно такъ-же, какъ во Франціи нелѣпый образъ дѣйствія правительства въ особенности послѣ 1848 года усилилъ реакцію и убилъ умственную жизнь въ странѣ, такъ-же и въ Россіи безобразная тиранія въ Польшѣ способствовала подавленію умственнаго движенія и въ прочихъ частяхъ Россіи. Россія все болѣе отставала отъ Европы. Право свое на подавленіе польскаго возстанія русское правительство основывало на томъ, что нервомъ возстанія служили аристократія и католическое духовенство, желавшіе воспользоваться конституціонными правами для притѣсненія и эксплуатаціи народа; на правительствѣ лежала обязанность дать отпоръ такимъ притязаніямъ и защитить народъ.

Совершенно справедливо, но въ такомъ случаѣ въ управленіи своемъ правительству слѣдовало держаться образа дѣйствія прямо противоположнаго тому, какого оно держалось; вмѣсто того, чтобы подавить въ народѣ опекой и самостоятельность и умственное развитіе и благосостояніе, вмѣсто того, чтобы открыть высшимъ классамъ возможность необузданно злоупотреблять своей властью надъ народомъ, оно должно было-бы идти тѣмъ путемъ, которымъ шли Соединенные Штаты послѣ подавленія возстанія рабовладѣльцевъ и англичане послѣ подавленія возстанія въ Канадѣ. Замѣнивъ конституцію, дававшую слишкомъ много правъ дворянству и духовенству, такою, которая-бы усилила вліяніе народа на законодательное собраніе и дала-бы ему этимъ возможность положить предѣлъ ихъ несправедливымъ притязаніямъ, правительство должно было-бы подготовить органическую связь между Россіей и ея западными окраинами. Для этого нужно было и въ Россіи вводить совѣты изъ представителей отъ народа, которые высвободили-бы императора изъ рукъ узкихъ и властолюбивыхъ бюрократовъ. Въ центральныхъ представительныхъ учрежденіяхъ болѣе развитые въ политическомъ отношеніи поляки, нѣмцы и финляндцы составили-бы зерно либеральной оппозиціи, къ которому примкнуло-бы все передовое и умственно-развитое въ Россіи. Наши западные окраины перестали-бы считать себя побѣжденными народами, а почувствовали-бы себя передовыми вождями великаго и могущественнаго государства. Сравнивая себя съ Познанью и Галиціею имъ не трудно было-бы понять громадное преимущество ихъ положенія; поляки Познани и Галиціи стояли во хвостѣ германской и австрійской системы, германская цивилизація высокомѣрно подавляла ихъ своимъ величіемъ; въ Россіи-же люди западныхъ окраинъ были-бы передовыми двигателями возникающей цивилизаціи и чувствовали-бы себя душою этого громаднаго и мощнаго тѣла, которое нужно было равноправно ввести въ область цивилизованной жизни. Передовая русская интеллигенція и выдающіяся дарованія среди румынъ, грузинъ, армянъ и т. д. въ свою очередь не проиграли а выиграли-бы отъ такой политики. Конечно, русопеты старой школы составляли-бы большую силу въ государствѣ; представители отъ западныхъ окраинъ ни въ какомъ случаѣ не могли-бы бороться съ ними безъ помощи и участія передовой русской интеллигенціи; они должны были-бы поддер-

живать стремленія и идеи, которыя русская интеллигенція старалась осуществлять среди русскаго народа, чтобы поддерживать свободу въ окраинахъ. Русская интеллигенція получила-бы возможность ввести въ правительственную систему свои демократическія симпатіи, свое религіозное свободомысліе, свой космополитическій духъ и тенденцію къ созданію въ обширныхъ размѣрахъ сознательныхъ соціальныхъ организацій. Упрекали императора Николая въ томъ, что онъ водворялъ коммунизмъ въ поземельныхъ отношеніяхъ и дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ такъ-же произвольно, какъ французскій конвентъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что если-бы вмѣсто Николая дѣйствовала русская интеллигенція, то она создала-бы стройное научное ученіе о поземельныхъ отношеніяхъ, которое поставило-бы русскій народъ очень высоко въ средѣ народовъ нашей цивилизаціи. Государственные люди, которые способны были вести дѣло такимъ образомъ, Лагарпъ, Чарторыжскій и передовые русскіе умы были грубо устранены и затоптаны въ грязь; власть досталась Аракчееву, котораго и человѣкомъ-то назвать нельзя — это была просто глупая палка въ рукахъ графа Нессельроде, а графъ Нессельроде въ свою очередь былъ раболѣпымъ и близорукимъ ученикомъ Метерниха, для котораго униженіе Россіи составляло первостепенный политическій интересъ. Нессельроде пользовался невѣжествомъ и недальновидностью императора Николая, который всю жизнь свою оставался грубымъ солдатомъ на престолѣ и передъ смертью жестоко расплатился за свои грѣхи. Вмѣстѣ съ Метернихомъ ученику и учителю удалось дѣйствительно до того унизить Россію, что она во второй половинѣ XIXго вѣка лишилась всего того престижа, какимъ пользовалась начиная съ Петра Великаго, и который сдѣлалъ ее могущественной и первостепенной державой въ Европѣ. Благодаря славной парочкѣ двухъ великихъ враговъ русскаго народа, Метерниха и Нессельроде, мы теперь поставлены въ такое положеніе, что послѣ Турціи за нами очередь, у насъ будутъ отторгать одну западную окраину за другой и создавать изъ нихъ конституціонныя державы, предоставляя намъ купаться въ грязи бюрократіи сколько намъ угодно. Мы благополучно пришли къ тому, что мы отбили у нашихъ окраинъ всякую охоту составлять съ нами одно государство и создали для нашихъ сосѣдей справедливое по мнѣнію европейцевъ основаніе и величайшій соблазнъ

вмѣшиваться въ наши дѣла. Западные европейцы распространяютъ конституціонный принципъ по всему лицу земли и это составляетъ предметъ справедливой для нихъ гордости; вмѣшательство въ чужія дѣла ради введенія конституціонныхъ учрежденій даетъ въ глазахъ западной Европы полное оправданіе для вторгающагося въ чужіе предѣлы государства. На этомъ основаніи Франція и Англія составили четверной союзъ для подавленія въ Испаніи и Португаліи возставшихъ во имя неограниченной монархіи; Викторъ Эмануилъ при всеобщемъ ликованіи Европы поглотилъ всѣ итальянскія монархіи и даже провинціи Австріи; Пруссія рѣшила въ Гановерѣ споръ между неограниченной монархіей и конституціей тѣмъ, что поглотила Гановеръ; европейскія державы самымъ рѣшительнымъ образомъ вмѣшивались въ турецкія дѣла, чтобы изъ разныхъ частей Турціи создавать конституціонныя государства и съ этою цѣлью въ послѣдней трети XIX[го] вѣка загребали жаръ русскими руками. Въ конституціонной Румыніи они создали неодолимый для Россіи оплотъ, а когда Александръ II, пользуясь популярностью въ Европѣ его либерализма, вошелъ, не смотря на оплотъ, въ Константинополь, то европейскія державы распорядились могущественной Россіей такъ-же безцеремонно, какъ распорядились ничтожнымъ турецкимъ пашею Мехметомъ Али, они заставили Россію отступиться отъ всѣхъ своихъ завоеваній, а Турціи приказали отдать свои провинціи не воевавшей Австріи. Даже Мехметъ Али сопротивлялся распоряженію государствъ, а Александръ II долженъ былъ подчиниться безъ всякаго сопротивленія. Въ началѣ столѣтія государства вмѣшивались въ дѣла Италіи, Испаніи, Венгріи и т. д. во имя консервативныхъ идей, теперь наступило время вмѣшательства во имя идей прогрессивныхъ; консервативныя идеи все болѣе отживаютъ свой вѣкъ, а потому консервативное вмѣшательство дѣлается все менѣе страшнымъ для прогрессирующихъ державъ, а прогрессивныя идеи развиваются все далѣе и распространяются все сильнѣе, а потому вмѣшательство во имя прогессивныхъ идей представляетъ изъ себя возрастающую опасность для отстающихъ государствъ. Европейскія державы сдѣлали конституціонное государство даже изъ Японіи. Догадливая Англія сама дала конституцію Индіи. Послѣ созданія конституціонныхъ державъ даже среди азіатовъ западная Европа, конечно, скоро найдетъ свое долготерпѣніе по

отношенію къ Россіи чрезмѣрнымъ и если Россія будетъ продолжать упорно держаться своей неразумной политики, то отторженіе отъ нея ея западныхъ окраинъ будетъ дѣлаться съ каждымъ годомъ болѣе неизбѣжнымъ. Компромиссъ съ мятежниками составляетъ лучшее средство политическаго воспитанія народовъ. Съ одной стороны мятежники пріучаются смотрѣть здраво на тѣ идеи, во имя которыхъ они возстаютъ, и пріучаются давать имъ такую практически осуществимую форму, при которой легко можно обходиться и безъ мятежа, а съ другой правительства пріучаются избѣгать мятежа своевременно, обращая вниманіе на нужды народа и удовлетворяя имъ. Нравственный уровень, создаваемый въ народѣ неограниченными монархіями, обнаружился во второй трети XIXго вѣка такой сильной наклонностью прогрессирующихъ государствъ къ переходу отъ прирученія къ анархіи, что казалось, что переходъ этотъ составляетъ высшую но неизбѣжную ступень для перехода отъ неограниченной монархіи къ сознательной организаціи; помянутый нравственный уровень проявилъ и другія еще болѣе грубыя черты. Въ Германіи революція 1848 года весьма слабо держалась за тѣ идеи свободы, которыми была вызвана и всего энергичнѣе проявила грубую и варварскую наклонность германскаго народа къ международному разбою и грабежу и къ завоеванію. Всѣ тѣ планы, которые осуществилъ Бисмаркъ были созданы и получили начало исполненія въ 1848 году. Желаніе создать объединенную Германію оказалось въ нѣмцахъ гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ желаніе положить начало свободной и прогрессирующей Германіи и объединенная Германія нужна была имъ исключительно для того, чтобы превратить ее въ грабящую сосѣдей Германію. То движеніе, которое направлено было къ этой послѣдней цѣли продержалось всего дольше и проявило всего болѣе энергіи, но моментъ для него былъ выбранъ очень неудобный. Инстинкты разбоя и грабежа очень плохо мирятся съ энтузіазмомъ свободы, равенства и братства. Дѣло пошло совсѣмъ другимъ аллюромъ, когда за объединеніе Германіи ради рлзбойничьихъ цѣлей въ послѣдней трети XIXго вѣка взялись воины, дипломаты и аристократы; для достиженія своей цѣли они сумѣли заставить служить себѣ даже и идеи свободы. Глубже вникавшіе въ науку, а потому не настолько слѣпострастные и болѣе дальновидные чѣмъ французы, нѣмцы поняли, что въ идеяхъ свободы и соціа-

лизма есть нѣчто вѣчное, неистребимое, отдаться всецѣло желанію ихъ уничтожить значитъ разбиться о несокрушимую преграду и они не разбили себѣ головы объ нее, подобно французамъ съ ихъ вождемъ Наполеономъ III. Они уничтожали вмѣстѣ со всей Европой Наполеона I, но въ своей реакціи не пошли такъ далеко какъ испанцы, итальянцы, австрійцы и русскіе; во время и послѣ революціи 1848 года въ нихъ зародилось даже нѣкоторое понятіе о необходимости компромисса съ новыми идеями и мятежниками, носящими ихъ знамя. Они дали возможность Лассалю прославиться и въ настоящее время хвалятся числомъ соціалистовъ, засѣдающихъ въ законодательномъ собраніи, хотя они сдѣлали для соціальныхъ идей неизмѣримо менѣе, чѣмъ англичане и американцы совершили безъ шуму и похвальбы. Они не задушили безусловно народовластіе, возились съ оппозиціей, не подавляя ее окончательно и наконецъ основали объединеніе Германіи на народномъ представительствѣ, которое внесло въ германскій союзъ совершенно иной духъ. Все это дало имъ возможность спокойно смотрѣть на униженіе Россіи и Австріи, не умѣвшихъ дѣлать уступки, обусловленныя требованіями времени и наконецъ унизить Францію, которая была запѣвалой въ дѣлѣ подавленія умственной жизни въ Европѣ. Развязка была все таки обыкновенная: чѣмъ болѣе Германія пожинала лавровъ отъ своихъ военныхъ подвиговъ, тѣмъ болѣе тяжкимъ прессомъ эти лавры давили ея умственную жизнь и ея благосостояніе, она ушла-бы гораздо далѣе, если-бы разбойничьи инстинкты не тянули ее внизъ.

Отдѣлъ Третій

ТРЕТЬЯ ТРЕТЬ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Національный вопросъ. Сравненіе третьей трети XIXго вѣка съ третьей третью XVIIIго вѣка.

Величайшій изъ вопросовъ современной жизни, соціальный, подвигался впередъ медленно, мучительно и неумѣло; только въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ одно мгновеніе казалось, что онъ можетъ получить широкое и знаменательное разрѣшеніе, но изъ этого вышла иллюзія, доказавшая одно: неизбѣжную зависимость правильнаго разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ отъ политическихъ учрежденій страны. Европа переѣхала изъ второй въ третью треть XIXго вѣка не столько съ соціальнымъ, сколько съ національнымъ вопросомъ. Наполеонъ III руководилъ международной политикой во имя національнаго вопроса и укрѣпилъ этимъ свою власть надъ французами, которые съ радостью увидали, что послѣ долгаго устраненія они опять начали играть первостепенную роль въ Европѣ. Уже полвѣка современная цивилизація возится съ національнымъ вопросомъ, что-же, разрѣшила она его? а если не разрѣшила, то сумѣла она найти для него настоящую точку зрѣнія? Національный вопросъ сдѣлался для нея тѣмъ-же, чѣмъ былъ начиная съ XVIго вѣка вопросъ религіозный, онъ сдѣлался неизсякаемымъ источникомъ смутъ

войнъ, кровавыхъ расправъ и притѣсненій. Развѣ нужно достигать того, чтобы всѣ люди были одной вѣры, говорили однимъ языкомъ, принадлежали къ одной національности, развѣ возможно этого достигнуть; стремиться къ этому такъ-же разумно, какъ стремиться къ всемірному деспотическому государству созданному завоеваніемъ, такое стремленіе заключаетъ въ себѣ верхъ безумія и верхъ безнравственности. Всѣ религіи вредны, всѣ отъ первой до послѣдней безнравственны, всѣ онѣ служать разсадниками помраченія ума и притупленія нравственнаго чутья, но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что человѣка нужно преслѣдовать за вѣру. Создавать единство вѣры въ государствѣ, чтобы усилить этимъ государственную власть, гнусная безнравственность, потому что такой образъ дѣйствія вытекаетъ изъ возмутительнаго желанія усилить свою власть, разжигая ненависть подвластнаго народа къ иновѣрцамъ. Всякая религія, безъ всякаго исключенія именно потому и безнравственна, что въ основаніи у ней лежитъ ложь и она стремится навязывать людямъ нравственность путемъ авторитета. Чтобы создать въ человѣкѣ нормальный уровень нравственности прежде всего необходимо возбудить въ немъ серіозное желаніе понять истину: понять, а не только воспринять извнѣ. Вѣдь для того, чтобы человѣкъ сдѣлался нравственнымъ, онъ долженъ получить правильное понятіе о своемъ счастьѣ, а развѣ возможно такое понятіе воспринять извнѣ, его нужно выработать въ себѣ самостоятельно и проникнуться имъ насквозь, иначе изъ этого ничего не выйдетъ. Тѣ пріемы, которые употребляли для этого религіи, деморализировали людей, дѣлали ихъ поборниками лжи и лицемѣрами; но если-бы человѣкъ, одушевленный искреннимъ желаніемъ облегчить усвоеніе раціональнаго понятія о нравственности, вздумалъ изложить свое ученіе въ формѣ краткихъ, ясныхъ и мотивированныхъ афоризмовъ, которыми менѣе знающіе и проницательные могли-бы руководствоваться въ своей жизни, онъ сбилъ-бы ихъ съ толку, вмѣсто того, чтобы направить на истинный путь. Его идея заключала-бы въ себѣ тоже, что заключаетъ въ себѣ всякая религія: попытку установить нравственность путемъ авторитета, попытку замѣнить самодѣятельность человѣка опекой въ самомъ существенномъ вопросѣ его жизни, въ вопросѣ о его счастьѣ и о его нравственныхъ принципахъ. Конечно легкомысленные, деспотическіе и наглые люди, которые плодятся нашей

цивилизаціей, какъ грибы, легко могутъ придти къ воззрѣнію, что и нравственность, созданную по правильному синтезу можно распространять насиліемъ и притѣсненіемъ, но за это они достойны получить только тѣ прилагательныя, которыми я ихъ назвалъ. Понятіе о неискоренимости самодѣятельности человѣка, понятіе о томъ, что великіе результаты могутъ быть достигнуты только развитіемъ такой самодѣятельности и что всякая система опеки можетъ привести только ко злу, должно составлять основную идею азбуки соціальныхъ наукъ. Подавлять въ людяхъ религію силою или притѣсненіемъ гнусное преступленіе, все равно, будетъ-ли оно совершаться во имя безвѣрія или во имя другой религіи; если человѣкъ вѣритъ, оплачиваетъ свое духовенство и содержитъ церковъ свою на свои деньги, то никто не имѣетъ права мѣшаться въ это дѣло, его можно только убѣждать. Можно убѣждать человѣка предпочитать серіозное чтеніе концертамъ, театрамъ и баламъ, но глупо и деспотично принуждать человѣка въ свободное свое время читать а не развлекаться танцами или стоять передъ своими идолами въ церкви. Конечно, молиться и причащаться нелѣпое и вредное препровожденіе времени, болѣе вредное, чѣмъ пить вино, несомнѣнно болѣе вредное, чѣмъ танцовать и играть въ карты, но воспрещать его человѣку нельзя, его можно только убѣждать не дѣлать такихъ дурныхъ вещей. За то-же слѣдуетъ самымъ энергическимъ образомъ препятствовать содержанію духовенства на государственный и общественный счетъ, это грабежъ и злоупотребленіе власти; священникъ, какъ писатель, артистъ, актеръ, балаганный шутъ, кабатчикъ и трактирщикъ долженъ существовать только на счетъ своихъ давальцевъ. Разрѣшеніе религіознаго вопроса заключается въ созданіи и распространеніи идеи нравственности путемъ правильнаго синтеза, въ приготовленіи людей къ воспріятію этого синтеза путемъ развитія народнаго образованія, въ распространеніи вѣротерпимости и равнодушія къ религіознымъ вопросамъ. Главная цѣль, которую слѣдуетъ ставить себѣ при этомъ, заключается въ уничтоженіи религіозной вражды. Чѣмъ равнодушнѣе люди будутъ относиться къ своей религіи, чѣмъ болѣе они будутъ проникаться идеями нравственности, созданными путемъ правильнаго синтеза, тѣмъ въ большихъ размѣрахъ будетъ изчезать въ ихъ средѣ религіозная вражда, тѣмъ болѣе будетъ прогрессировать мирное сожительство между госу-

дарствами и внутри государствъ. Стремиться создать государство изъ людей одной религіи съ цѣлью противопоставить ихъ своимъ сосѣдямъ великое международное преступленіе. Если религіозный вопросъ разрѣшается путемъ умственнаго развитія народа, то національный вопросъ разрѣшается путемъ политическаго его развитія. Національный вопросъ отдѣльно отъ политическаго даже и разрѣшить нельзя. Когда національный вопросъ сталъ играть первостепенную роль въ жизни цивилизованныхъ государствъ, тогда сильный толчекъ дала ему исторія объединенія Италіи. Уже со временъ Маккіавелли Италія страстно желала для себя объединенія, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ злополучнаго существованія она достигла этой цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигла и своего процвѣтанія. Явилось восторженное убѣжденіе, что объединеніе націи въ большое государство составляетъ несомнѣнное и великое для нея благо. У людей на глазахъ были примѣры прямо противоположнаго характера и они не обращали на это вниманія. Испанія и Португалія съ ихъ колоніями говорили однимъ языкомъ и исповѣдывали одну вѣру. Не существовало въ мірѣ правительства, которое проводило-бы политику объединенія государства посредствомъ водворенія въ немъ исключительнаго господства одного языка и одной религіи съ болѣе несокрушимой энергіей чѣмъ правительства Испаніи и Португаліи; не существовало государей, которые достигли-бы въ этомъ отношеніи своей цѣли съ болѣе полнымъ успѣхомъ. И что-же? въ результатѣ не только не оказалось процвѣтанія и благосостоянія, но наоборотъ, тотъ деспотическій духъ, который помогъ государямъ совершить чудо объединенія указаннымъ путемъ, сдѣлалъ изъ нихъ самыхъ гнусныхъ тирановъ, а изъ ввѣренныхъ имъ народовъ самыхъ несчастныхъ людей цивилизованнаго міра. Объединенное населеніе пиринейскаго полуострова и его колоній отчаянно билось и бунтовало до тѣхъ поръ пока оно не разшибло въ дребезги и не разбило на мелкіе куски свое объединенное государство. Если при взглядѣ на объединеніе Италіи можетъ показаться, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ объединеніе людей одной вѣры и національности въ многолюдное государство можетъ доставить имъ нѣкоторую выгоду, то исторія Испаніи и Португаліи убѣдитъ всякаго, что подобное насильственное объединеніе можетъ сдѣлаться для народа источникомъ величайшаго злополучія, какое его можетъ постигнуть.

Вникая въ дѣло глубже мы убѣждаемся, что дѣло тутъ вовсе не въ объединеніи, а въ условіяхъ политическаго прогресса. Въ Италіи объединеніе Италіи въ одно государство принесло пользу не потому, что оно объединило людей одной вѣры и національности, а потому что оно низвергло мелкихъ итальянскихъ тирановъ и подчинило всю страну королю, искренно преданному конституціонному режиму. Конституціонный режимъ сдѣлался источникомъ благосостоянія Италіи, а вовсе не объединеніе. Если въ государствѣ живутъ люди различной вѣры и національности, то для того, чтобы пользоваться благосостояніемъ имъ необходимѣе, чѣмъ кому-бы то ни было достигать федеративно-демократическаго управленія, потому что только при такомъ управленіи они будутъ находиться въ нормальномъ состояніи. Люди разныхъ національностей и религій прекрасно уживались въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ; смуту и то только въ Швейцаріи производило одно католическое духовенство. Духовенство это подчинено папѣ, неограниченному государю, управляющему имъ безъ всякихъ представительныхъ учрежденій изъ чужой страны. Болѣе нелѣпую политическую комбинацію и придумать невозможно; неограниченный деспотъ неизбѣжно будетъ производить смуту въ демократической странѣ, свободолюбіе которой имъ ненавидится и проклинается, если часть гражданъ страны составляетъ его подданныхъ и преданныхъ слугъ, то онъ непремѣнно сдѣлаетъ изъ нихъ орудіе козней и интригъ противъ прогресса и благосостоянія. Свобода религіи заключается не только въ устраненіи всякаго вмѣшательства политическихъ властей въ религіозные вопросы, не только въ томъ, чтобы люди содержали свое духовенство исключительно на свой счетъ безъ всякой посторонней помощи, но всего прежде и всего болѣе въ отсутствіи всякаго орудія, способнаго принудить человѣка принадлежать къ какой-либо вѣрѣ и поддерживать какое-либо духовенство. Вѣра должна быть вполнѣ свободное дѣло совѣсти человѣка; принуждать къ ней такъ-же безнравственно, какъ заставлять признавать истиннымъ то или другое понятіе. Вотъ почему всякое іерархическое духовенство несогласимо съ свободою вѣры, вездѣ и во всѣ времена такое духовенство дѣлалось источникомъ угнетенія совѣсти человѣческой, все неисчислимое зло, причиненное религіей, создано было іерархическимъ духовенствомъ; оно было тѣмъ орудіемъ, которое распаляло взаимную

ненависть и взаимное преслѣдованіе. Преступленія Атиллы и Чингисхана ничтожны сравнительно съ тѣми преступленіями, которыя совершены были іерархическимъ духовенствомъ, оно было по истинѣ бичемъ божьимъ, который терзалъ человѣчество изъ вѣка въ вѣкъ. Іерархическое духовенство настолько-же противорѣчитъ основнымъ принципамъ федеративной демократіи, какъ и рабовладѣніе. Мирное сожительство будетъ невозможно и при самой совершенной политической организаціи, пока сохранится духовная іерархія, поэтому федеративная демократія не должна признавать никакой подобной іерархіи, никакого права взыскивать съ вѣрующаго какія-бы то ни было деньги на содержаніе духовенства, церкви и т. п. Церкви и духовенство должны устраиваться такимъ-же образомъ, какъ устраиваются театры, цирки, публичныя лекціи и т. п., кто хочетъ ихъ посѣщать, платитъ за входъ, кто хочетъ пользоваться услугами священника, платитъ ему за трудъ; отъ вѣрующихъ зависитъ признать своимъ священникомъ кого ему угодно, каждый назначаетъ священника самъ для себя, каждый самъ свой папа и свой епископъ; даже выборъ священника большинствомъ голосовъ противорѣчитъ свободѣ вѣры; каждый можетъ въ одно и то-же время принадлежать ко всѣмъ религіямъ, каждый можетъ обратиться сегодня къ священнику одной вѣры, а завтра къ священнику другой, сегодня къ христіанскому, а завтра къ магометанскому или къ вѣроучителю идолопоклонниковъ. Стоитъ уничтожить духовную іерархію, пріучить людей безразлично обращаться къ духовенству всевозможныхъ религій и религіозная вражда между ними будетъ подрѣзана въ своемъ корнѣ. Человѣкъ, для котораго религія не есть дѣло лицемѣрія и расчета, а вытекаетъ изъ искренняго чувства, можетъ одинаково горячо молиться богу въ христіанскомъ храмѣ, въ магометанской мечети и въ еврейской синагогѣ; идолопоклонникъ, который вдохновился путемъ своей вѣры къ возвышенной добродѣтели, можетъ дать ему болѣе религіознаго утѣшенія, чѣмъ какой-либо патеръ лицемѣръ и прелюбодѣй, или какой нибудь развращенный въ душѣ монахъ. Такое ослабленіе религіозной вражды послужитъ сильнымъ стимуломъ къ ослабленію вражды между національностями потому, что религіозная вражда могущественное орудіе національной ненависти. Вражда между русскими, поляками и нѣмцами, всеобщая ненависть народовъ къ евреямъ, ненависть

между турками и христіанскими народами, болѣе всего разжигалась и до сихъ поръ разжигается духовенствомъ и религіею. Если-бы національная вражда не присоединилась къ религіозной, то федеративная демократія пошла-бы быстрыми шагами къ ея уничтоженію. При томъ воспитаніи, которое давало народамъ іерархическое духовенство, при томъ жестокосердіи, наклонности къ притѣсненію и взаимной ненависти, которыя оно имъ прививало, и національный вопросъ тотчасъ превратился въ орудіе зла и притѣсненія. Еще ранѣе итальянцевъ венгерцы вели свою геройскую борьбу во имя національнаго вопроса; но они боролись вовсе не за мирное и свободное сожительство людей различной національности, вовсе не за федеративную организацію, которая заставила-бы правителей относиться безобидно и справедливо къ людямъ, говорящимъ различными языками и исповѣдующимъ различную вѣру. Они стремились навязать себя славянамъ вмѣсто нѣмцевъ, на что славяне отвѣтили жгучей ненавистью и съ фанатической враждой способствовали подавленію возстанія. Борьба кончилась тѣмъ, что нѣмцы и венгерцы раздѣлили между собою славянъ, какъ добычу, взятую на войнѣ. Очень мудрено увидать въ этомъ правильное разрѣшеніе національнаго вопроса. Втеченіе третьей трети XIX^го^ вѣка національный вопросъ гораздо болѣе способствовалъ размноженію національной вражды чѣмъ умиротворенію народовъ. Одни подвиги нѣмцевъ чего стоили, они дали могущественный толчокъ стремленію правительствъ къ національному и религіозному преслѣдованію. Совершивъ свои разбойничьи набѣги, покрывшіе ихъ неувядаемой славой безпримѣрно звѣрскихъ человѣкоубійцъ, они совершенно послѣдовательно стали восхвалять своихъ императоровъ и правителей не за то хорошее, что въ нихъ было, а за ихъ пороки и злодѣянія; этимъ они, разумѣется, деморализовали себя основательнымъ образомъ. Когда они проповѣдывали національную идею, тогда люди должны были думать, что на этой почвѣ процвѣтетъ гуманность и возвышенная нравственность, а когда они начали ее практиковать, тогда она ихъ привела къ необузданному преслѣдованію за національность и религію. Это прямо произошло отъ того, что они практиковали національную идею, какъ разбойники практикуютъ идею свободы. Много разъ въ исторіи хищники плѣняли сердца людей своимъ свободолюбіемъ и своей геройской борьбой за

свободу, но побѣда надъ своими врагами немедленно превращала ихъ въ деспотовъ и притѣснителей. Нѣмцы не только превратили національную идею въ прямо противоположное тому, чѣмъ она должна была быть, но распространили страсть къ національнымъ и религіознымъ притѣсненіямъ по всей Европѣ; они нашли себѣ способныхъ и достойныхъ учениковъ въ русскихъ, которые далеко оставили ихъ за собою въ варварскихъ гоненіяхъ на національность и вѣру. Русскій народъ, который втеченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ не сумѣлъ произвести даже самой ничтожной народной политической манифестаціи въ прогрессивномъ смыслѣ, въ то время, когда какіе нибудь косные испанцы создаютъ подобные манифестаціи безпрерывно; этотъ жалкій русскій народъ явилъ себя вполнѣ достойнымъ своего прелестнаго правительства, когда онъ преслѣдовалъ евреевъ съ такимъ-же звѣрствомъ, съ какимъ его правительство преслѣдовало нѣмцевъ, поляковъ, финляндцевъ и магометанъ. Правительство это всегда подражавшее порокамъ европейскихъ государей, но никогда не подржавшее ихъ добродѣтелямъ, и на этотъ разъ поступило точно такъ-же. Когда Бисмаркъ и германскій императоръ создавали для объединенной Германіи представительныя учрежденія, русское правительство и не подумало о томъ, чтобы имъ подражать; но за культуркамфъ, за обрусеніе, за преслѣдованіе евреевъ оно взялось съ такимъ-же восторгомъ съ какимъ дикіе завоеватели подражали пыткамъ, употреблявшимся у сосѣдей. Что можно еще сказать о третьей трети XIXго вѣка; хорошаго очень мало. Если сравнить эту треть съ послѣдней третью XVIIIго вѣка, то мы найдемъ въ ней только жалкій упадокъ нравственнаго чутья, умственной смѣлости и силы. Послѣдняя треть XVIIIго вѣка совершила въ Соединенныхъ Штатахъ одинъ изъ величайшихъ подвиговъ, когда-либо совершенныхъ человѣчествомъ; она породила идею федеративной демократіи и осуществила ее на дѣлѣ. А что сдѣлала поолѣдняя треть XIXго вѣка? — Не только послѣдняя треть XIXго вѣка, но весь XIXй вѣкъ оказался неспособнымъ къ великому творчеству; мало этого, онъ оказался безсильнымъ даже въ подражаніи, втеченіе цѣлыхъ ста лѣтъ онъ не сумѣлъ распространить федеративную демократію по всей Европѣ. Послѣдняя треть XIXго вѣка жалко пачкалась съ соціальнымъ вопросомъ, но не создала изъ кего и тѣни чего-либо великаго, чего-либо достойнаго стать наравнѣ съ

федеративной демократіей, созданной послѣдней третью XVIIIго вѣка. Гдѣ и въ комъ заключалась причина такого жалкаго явленія, кто подтачивалъ жизненныя силы цивилизованныхъ народовъ и парализовалъ то живое стремленіе къ прогрессу, которое вызывалось въ нихъ проповѣдывавшей соціальныя ученія интеллигенціей? — Главную, основную причину зла составляли: религія, іерархическое духовенство и государи. Въ республикахъ Америки испанскаго и португальскато происхожденія католическое духовенство дѣлается неодолимымъ препятствіемъ къ развитію прогресса, просвѣщенія и благосостоянія. Та душевная черствость и загрубѣлость, которая имъ поддерживается, держитъ ихъ и до настоящаго дня въ состояніи анархіи и мѣшаетъ водворенію въ ихъ средѣ тѣхъ условій процвѣтанія, которыя создали столько блага въ Соединенныхъ Штатахъ. Во французской республикѣ, въ Бельгіи и въ Голландіи борьба съ заглупляющимъ вліяніемъ духовенства требуетъ такихъ громадныхъ усилій, что поглощаетъ собою все вниманіе народа, и на разрѣшеніе великихъ задачъ, требуемыхъ условіями жизни, у нихъ не остается времени. Голландія, когда-то великая, прелестная Голландія, перлъ цивилизаціи XVIго и XVIIго вѣка погрязла, въ религіозной тинѣ и превратилась въ государство безнадежно увядающее. Прогрессивная мысль въ ней парализована тѣмъ духомъ нетерпимости, который порождается вліяніемъ духовенства. Дошло до того, что въ Нидерландскомъ королевствѣ повторилось то-же, что совершается всюду, гдѣ господствуетъ духовенство, изъ религіозной ненависти оно раздѣлилось на два государства съ тѣмъ, чтобы каждое изъ нихъ могло по своему безплодно пережевывать свою религіозную жвачку вмѣсто того, чтобы прогрессировать. Религія, іерархическое духовенство были естественнымъ плодомъ историческаго развитія и сдѣлались бичемъ человѣчества съ появленіемъ науки и интеллигенціи. То-же оказалось и по отношенію къ государямъ. Есть двѣ причины, которыя сдѣлали ихъ втеченіе третьей трети XIXго вѣка наиболѣе существеннымъ изъ всѣхъ препятствій къ прогрессу. Первая заключается въ грубой извращенности общественнаго мнѣнія народовъ, а другая заключалась въ никуда негодномъ воспитаніи, какое получали лица, принадлежавшія къ царствующимъ семействамъ. Если-бы извращенное общественное мнѣніе парализовалось хорошимъ воспитаніемъ государей, или извращенное

воспитаніе государей хорошимъ общественнымъ мнѣніемъ, то, конечно, можно было-бы ожидать, что государи выполнятъ свое историческое призваніе и съ помощью своего положенія и своей политической опытности помогутъ народамъ достигать сознательной организаціи. Но такъ какъ они одновременно деморализировались съ двухъ сторонъ, и со стороны извращеннаго общественнаго мнѣнія и путемъ растлевающаго воспитанія, то они ничего не могли сдѣлать народамъ, кромѣ вреда. Если насъ спросятъ: кто былъ лучшимъ государемъ втеченіе XIXго вѣка, то намъ придется отвѣтить: восемнадцатилѣтняя дѣвочка, королева Викторія. Вступая на англійскій престолъ, она объявила, что считаетъ себя послѣдней королевой Англіи. Втеченіе ея жизни Англія вѣроятно ожелаетъ превратиться въ республику и она съ удовольствіемъ уступитъ свой престолъ республиканскому правительству. Хотя впослѣдствіи она подчинилась деморализующему вліянію высшаго англійскаго общества, но все таки долго оставалась радикалкой и сдѣлала радикаломъ своего мужа. Ей подражали наиболѣе богатые и знатные лорды, не игравшіе политической роли и породили извѣстное изреченіе: «онъ не достаточно знатенъ и богатъ, чтобы быть радикаломъ». Хотя королева Викторія современемъ сильно подчинилась зловредному вліянію окружающей ея среды, но въ Европѣ не было государя, который-бы менѣе ея представлялъ противодѣйствія самодѣятельности народа и его свободной инициативѣ. Что-же заслужила она за это отъ общественнаго мнѣнія: презрѣніе. Ее называли пѣшкой, куклой на престолѣ и только. Во второй половинѣ XIXго вѣка европейскіе народы были еще до такой степени безнравственны, грубы и дики, что государи и государственные люди должны были быть первостепенными злодѣями, разбойниками и грабителями своего времени для того, чтобы такъ называемое просвѣщенное общественное мнѣніе Европы покрыло ихъ лаврами и славой. Такой славой пользовался сначала Наполеонъ III, а потомъ Бисмаркъ и его сподвижникъ, германскій императоръ. Вотъ несокрушимый и вѣчный памятникъ позора, который поставила себѣ Европа во второй половинѣ XIXго вѣка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Послѣдняя треть XIXго вѣка. Окончаніе.

Тупоуміе людей въ области нравственныхъ понятій, въ умѣніи отличать достойное похвалы и славы отъ достойнаго порицанія и наказанія, покажется безпредѣльнымъ и безнадежнымъ, если подумать о томъ, что они уже втеченіе трехъ столѣтій воспитываются подъ вліяніемъ науки, работающей по правильному синтезу, написали и прочли цѣлыя горы книгъ объ этикѣ, ежедневно интересуются международной политикой и все таки продолжаютъ держаться въ этой области такихъ воззрѣній, которыя достойны только самаго грубаго людоѣда, дикаря и хищника. Можно-ли представить себѣ болѣе звѣрское злодѣйство, чѣмъ политика Бисмарка и его собратій по грабежу. Затѣять цѣлый рядъ кровавыхъ войнъ только потому, что можешь безнаказанно избить сотни тысячъ, раззорить цѣлыя области, награбить мильярды и въ концѣ остаться побѣдителемъ — все это такое безчеловѣчіе, которое превосходитъ во много разъ всѣ звѣрства и жестокости, совершаемыя по лицу земли всевозможными преступниками. Самый гнусный африканскій деспотъ, самый кровожадный изъ разбойниковъ средней Азіи — ангелъ невинности и чистоты по сравненію съ Бисмаркомъ и созданнымъ имъ германскимъ императоромъ. Конечно, международные вопросы рѣшаются въ крайнемъ случаѣ войною, но между войною, которая произошла отъ злополучнаго столкновенія обстоятельствъ, и между рядомъ хитро задуманныхъ безсовѣстнымъ негодяемъ войнъ съ единственною цѣлью насытиться человѣкоубійствомъ и разбоемъ — громадная разница. Было-бы вполнѣ понятно, если-бы цивилизованный міръ, возмущенный пятномъ позора, наложеннымъ на цивилизацію существованіемъ такихъ злодѣевъ, рѣшилъ издать законъ международнаго права, по которому государи и государственные люди, совершившіе такое варварское преступленіе, приговаривались международнымъ судомъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Конечно, смертная казнь должна быть выведена изъ употребленія, но пока она примѣняется въ международномъ правѣ къ великодушнымъ людямъ, которые, защищая свободу своего, отечества, рѣшаются идти на развѣдки въ непріятельскій лагерь,

до тѣхъ поръ она должна быть примѣняема къ величайшимъ изъ всѣхъ преступниковъ и злодѣевъ — къ систематически измышляющимъ войны. Цивилизованный міръ возмущается и пылаетъ негодованіемъ, когда онъ читаетъ о какихъ нибудь отравительницахъ, превратившихъ это преступленіе въ ремесло, о какихъ нибудь еврейкахъ, отправлявшихъ на тотъ свѣтъ десятками дѣтей развратныхъ ксендзовъ, и восхищается Бисмаркомъ и германскимъ императоромъ, которые не въ сотни, а въ тысячи разъ преступнѣе ихъ. Тупоумно-безнравственная современная пресса требуетъ и достигаетъ казни какого-нибудь злополучнаго Равашоля и въ то-же время прославляетъ и вѣнчаетъ лаврами Бисмарка и германскаго императора. Скажутъ: если-бы дѣйствительно изданъ былъ подобный международный законъ, то Бисмаркъ и германскій императоръ посмѣялись-бы надъ нимъ и только. Въ средніе вѣка, когда благородные рыцари и даже наслѣдники престола въ родѣ Генриха V англійскаго занимались грабежомъ на большихъ дорогахъ, законы, приговаривавшіе разбойниковъ къ смертной казни, часто служили имъ посмѣшищемъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что они не приносили никакой пользы. Подобный международный уголовный законъ имѣлъ-бы существенное воспитательное значеніе; люди научились-бы презирать и ненавидѣть то, что теперь боготворятъ, они поняли-бы, какъ гнусно прославлять великими подвигами такія международныя злодѣянія и преступленія, которыя заслуживаютъ строжайшаго изъ наказаній, установленныхъ уголовными кодексами, потому что по жестокости и звѣрству своему превосходятъ всѣ низости и злодѣйства когда-либо и кѣмъ бы то ни было совершавшіяся. Кромѣ того отъ словъ могло-бы дойти и до дѣла, вѣдь два изъ трехъ систематическихъ сочинителей войнъ XIXго столѣтія, Наполеонъ I и Наполеонъ III, кончили свою карьеру плѣномъ. Понятно, какъ должно было дѣйствовать подобное общественное мнѣніе на государей и помимо этого получающихъ худшее образованіе, какое только можно дать людямъ, находящимся въ ихъ положеніи. При условіяхъ современной жизни государь, выполняющій свое назначеніе, долженъ употреблять всѣ свои усилія, чтобы перевести народъ изъ фазиса прирученія въ фазисъ сознательной организаціи. Въ настоящее время даже министръ неограниченнаго государя подаетъ въ отставку, если его политика не соотвѣтствуетъ требованіямъ времени, а государь не-

считаетъ этого для себя обязательнымъ, между тѣмъ для государя такой образъ дѣйствія гораздо легче, чѣмъ для министра. Государь, отказавшійся отъ престола, все еще остается слишкомъ знатнымъ и слишкомъ богатымъ, такъ что въ его семействѣ еще слишкомъ долго сохраняется преступная жажда возбудить междоусобную войну; въ то-же время министръ неограниченнаго государя, выходя въ отставку, нерѣдко уноситъ съ собою только тяжкое бремя долговъ и мракъ забвенія, лишающій его возможности защититься противъ этого бѣдствія. Требованіе нашего времени таково, что величайшая слава должна выпасть на долю того государя, который своимъ вліяніемъ доведетъ свой народъ до федеративной демократіи, откажется отъ престола, подобно какому нибудь Вашингтону будетъ избранъ на два срока президентомъ вновь созданной республики и затѣмъ кончитъ свой вѣкъ всѣми чтимымъ и уважаемымъ частнымъ человѣкомъ. Такой идеалъ настолько-же мало доступенъ для нашихъ государей, какъ для какого нибудь Кромвеля. Могутъ-ли они своимъ вліяніемъ направлять человѣчество къ тому общественному состоянію, гдѣ сильные работаютъ на слабыхъ, а не обратно? Они могутъ быть только препятствіемъ во всѣхъ случаяхъ, когда народы направляются къ созданію для себя нормальныхъ условій жизни. Духовенство и государи неизмѣнно стремятся сбить человѣчество съ того пути, на которомъ идетъ неустанная работа превращенія инстинктивныхъ политическихъ и соціальныхъ организацій въ сознательныя, и снова вывести его на ту дорогу, гдѣ вѣковѣчно и безплодно прирученіе смѣняется анархіей и обратно. Они и не могутъ поступать иначе, они порожденіе и естественные представители того состоянія человѣчества, гдѣ общества цементируются инстинктомъ повиновенія и гдѣ злоупотребленіе господствомъ составляетъ правило и неизлѣчимое зло. Препятствіе, которое представляютъ государи переходу отъ прирученія къ сознательной организаціи, развитію народнаго благосостоянія и возвышенію уровня нравственности, ярко обрисовывается на фонѣ исторіи XIXго вѣка. Оно оказывается гораздо болѣе существеннымъ и неодолимымъ, чѣмъ рабство и институтъ рабовладѣльцевъ. Несмотря на существованіе рабовладѣльцевъ и духовенства, отчасти даже іерархическаго, Соединенные Штаты Америки могли достигнуть высокой степени благосостоянія и сознательной политической

организацiи; наконецъ они успѣли вполнѣ избавиться и отъ института рабства. Между тѣмъ какъ народы Европы, стоявшiе въ XVIII вѣкѣ на болѣе высокомъ уровнѣ цивилизацiи, втеченiе цѣлаго XIXго вѣка не могли избавиться отъ своихъ государей и создать изъ себя федеративныя демократiи. Стоитъ прочесть исторiю XIXго вѣка, чтобы убѣдиться, что небольшая кучка государей, менѣе сотни людей, втеченiе цѣлаго столѣтiя составляли такую стачку противъ благосостоянiя, умственнаго и нравственнаго развитiя народовъ, съ которой триста мильоновъ людей никакъ не могли справиться. Втеченiе всего XIXго вѣка не было такого времени, когда бы у государей не доставало предлога для составленiя международныхъ союзовъ съ цѣлью подавленiя свободы и умственнаго развитiя людей. При этомъ народы всегда оказывались преступными, прогрессивная интеллигенцiя мрачнымъ заговорщикомъ, а государи защитниками порядка. Съ ихъ точки зрѣнiя они и были защитниками порядка, но такого порядка, какой водворялъ разбойникъ Шамиль въ дагестанскихъ горахъ, такого порядка, который давалъ просторъ для прогресса и благосостоянiя только настолько, насколько онъ былъ сломленъ и вырванъ у нихъ изъ рукъ. Чутье подсказывало имъ такiе принципы и такой образъ дѣйствiя, при которыхъ всякое стремленiе народа къ прогрессу и благосостоянiю неизбѣжно должно было выразиться въ формѣ безпорядка и преступленiя. Въ неограниченныхъ монархiяхъ говорить объ улучшенiяхъ, составляющихъ потребность времени, о необходимости введенiя конституцiонныхъ формъ, значило совершать тяжкое преступленiе, подкапываться подъ основы государства; всякое выраженiе желанiй относительно улучшенiя государственнаго управленiя на общественной сходкѣ наказывалось какъ преступленiе, а если народъ, опасаясь наказанiя, не выражалъ никакихъ желанiй, то говорилось, что развитiе самоуправленiя преждевременно, что народъ его вовсе не желаетъ и не требуетъ. Народамъ оставалось одно — достигать прогресса тяжкимъ революцiоннымъ путемъ, и тогда крикамъ противъ него не было конца, и не было конца бѣдствiямъ, порожденнымъ такой необходимостью. По истинѣ можно сказать въ XIX вѣкѣ государи и духовенство составляли проклятiе для цивилизацiи. XIX вѣкъ доказалъ человѣчеству до очевидности съ одной стороны необходимость самодѣятельности народной для выполненiя задачи нашего

времени при созданіи нормальнаго уровня нравственности, а съ другой то обстоятельство, что способность народовъ къ самодѣятельности вызывается только воздѣйствіемъ интеллигенціи на народъ при условіяхъ развитія народовластія; XIX вѣкъ не только не выполнилъ соціальной задачи въ тѣхъ-же размѣрахъ, въ которыхъ XVIII столѣтіе выполнило задачу политическую, но онъ даже не подготовилъ тѣхъ условій, при которыхъ выполненіе ея дѣлалось практически осуществимымъ. Соціальныя идеи завѣщаны были XIXму вѣку XVIIIмъ, но втеченіе цѣлаго XIXго столѣтія образованные классы цивилизованнаго міра не успѣли дать народу такое образованіе, при которомъ бы онъ почувствовалъ себя достаточно зрѣлымъ и развитымъ для осуществленія сознательныхъ соціальныхъ организацій. Во всей Европѣ періодическая пресса, которая читалась и раскупалась народною массою, была всегда самой низкой пробы и ничтожнаго содержанія, поэтому господствующая пресса и господствующая наука повсемѣстно воспитывала и въ высшихъ и въ низшихъ классахъ идеи, которыя располагали однихъ къ эксплуатаціи, а другихъ къ апатическому повиновенію, человѣка умѣющаго работать, но не умѣющаго распоряжаться. Въ то время, когда интеллигенція, такъ часто вынужденная маскировать истину, чтобы не подвергаться преслѣдованіямъ, постоянно сознавала превосходство своего развитія надъ образованными и правящими классами, народъ нигдѣ не могъ дойти до сознанія равенства съ высшимъ и образованнымъ классомъ, основаннаго на сознаніи равенства уровня своего развитія. Въ этомъ обстоятельствѣ образованная часть населенія находила оправданіе для своихъ опасеній по отношенію къ развитію народовластія и считала себя въ правѣ смотрѣть даже съ ужасомъ на созданіе соціальныхъ организацій. Она оставалась при прежней узкости и односторонности своихъ взглядовъ на счастье, ей просто невозможно было представить себѣ тѣ условія, въ которыя она будетъ поставлена при господствѣ сознательной соціальной организаціи. Въ настоящее время человѣкъ, имѣющій успѣхъ въ общественной жизни, пріобрѣтающій вліяніе, власть или богатство, неизбѣжно грубѣетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе его успѣхъ; въ обществѣ демократическомъ онъ грубѣетъ потому, что для успѣха онъ долженъ быть въ тѣсныхъ идейныхъ и личныхъ сношеніяхъ съ мало развитой и грубой народной массой, а въ обществѣ бюрократи-

ческомъ его положеніе еще хуже — онъ для успѣха умышленно долженъ поддерживать въ себѣ и въ другихъ грубость идей и чувствъ. Чѣмъ далѣе онъ подвизается на этомъ поприщѣ, тѣмъ болѣе онъ пропитывается животными наклонностями, грубостью и цинизмомъ въ идеяхъ и вкусахъ, онъ убѣждается, что оскотиниться значитъ проникнуться практической мудростью, а сохранить нравственную чистоту значитъ сдѣлаться нелѣпымъ мечтателемъ. Опустившись въ такую грязь, ему не только трудно, но даже невозможно себѣ представить тѣхъ условій, въ которыхъ онъ будетъ жить, когда весь народъ будетъ состоять изъ образованныхъ людей и когда онъ будетъ управлять государствомъ посредствомъ сознательной политической и производствомъ чрезъ сознательную соціальную организацію, когда въ массахъ проснется истинное сознаніе своего человѣческаго достоинства, когда человѣку нечего будетъ трястись надъ своимъ добромъ и надъ источниками своего дохода, вести ежеминутную борьбу со всѣми, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, изъ за каждаго рубля, который онъ пріобрѣтаетъ, и изъ за каждой вещи, которую онъ покупаетъ или имѣетъ у себя въ домѣ. Въ центральной Азіи и Африкѣ человѣкъ живетъ такъ, будто онъ окруженъ ежеминутно разбойниками, а въ цивилизованномъ мірѣ будто онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ ворами. Цивилизація, разумѣется, измѣнитъ это положеніе; человѣкъ, живущій теперь среди цинически грубаго образованнаго и невинно грубаго необразованнаго общества, попадетъ въ среду, гдѣ всѣ окружающіе его люди будутъ цивилизованными людьми. Оглянитесь кругомъ и посмотрите, что дѣлается съ бѣднымъ, живущимъ своимъ трудомъ человѣкомъ, когда онъ дѣлается образованнымъ человѣкомъ. Богатый и властный человѣкъ въ грубой и необразованной средѣ самъ дѣлается грубымъ циникомъ; его направляютъ въ эту сторону его человѣческіе инстинкты, онъ тѣмъ болѣе возвысится въ общественномъ мнѣніи, чѣмъ искуснѣе онъ сумѣетъ подавить въ себѣ возвышенныя свои чувства и сохранить въ себѣ тотъ цинизмъ, который нуженъ, чтобы производить обаяніе на грубую толпу; Бисмаркъ долженъ былъ сдѣлаться величайшимъ изъ негодяевъ и злодѣевъ, чтобы очутиться въ положеніи наиболѣе прославленнаго изъ современныхъ героевъ. Но сапожникъ, слесарь или сельскій учитель, достигшій высокой степени интеллигентности, находится въ совсѣмъ другомъ поло-

женіи; чтобы попасть въ кругъ, обладающій высокой интеллигентностью, онъ долженъ сдѣлать изъ себя человѣка высокой нравственной чистоты; если онъ привьетъ себѣ нравственный уровень такихъ мерзавцевъ, какъ Бисмаркъ, какъ какой-нибудь биржевой игрокъ, или негодяй Дюпанлу, то онъ погрузитъ себя въ болото мерзости вмѣсто улучшенія своей обстановки и своего положенія. Вотъ почему нравственный уровень общества быстро возвышается, когда увеличивается число людей, принадлежащихъ къ рабочему классу, но умѣющихъ сравняться по своему развитію съ интеллигенціей; между тѣмъ какъ властный и имущій классъ могутъ значительно развить у себя образованіе, но нравственный ихъ уровень мало возвысится, если народная масса останется грубой и невѣжественной. Когда рабочій классъ достигнетъ равнаго развитія съ интеллигенціей и высшими классами, тогда люди этихъ классовъ поймутъ, что гораздо пріятнѣе жить въ такой мѣстности, гдѣ каждый человѣкъ образованъ и обладаетъ утонченными чувствами, хотя при этомъ частная роскошь будетъ замѣняться общественною и люди будутъ уравниваться между собою въ имущественномъ отношеніи, — точно такъ-же какъ высоко развитой человѣкъ тяготится существованіемъ въ варварской глуши среди грубыхъ азіатовъ и африканскихъ дикарей и предпочитаетъ жизнь въ центрѣ цивилизаціи, хотя онъ тамъ былъ однимъ изъ первыхъ и по власти и по имущественному положенію, а здѣсь превратится и въ томъ и въ другомъ отношеніи въ мало выдающуюся величину. На XX вѣкѣ будетъ лежать распространеніе по цивилизованному міру народовластія, создающаго сознательныя политическія организаціи, превращеніе всего населенія государствъ въ людей, стоящихъ на одинаковомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ, — превращеніе, составляющее необходимую подготовительную работу для замѣны инстинктивныхъ соціальныхъ организацій сознательными; наконецъ этому вѣку придется осуществить сознательныя соціальныя организаціи. Достанетъ-ли у него на выполненіе этихъ задачъ умственной энергіи и нравственнаго энтузіазма? Чтобы измѣрить всю тягость такого бремени, доставшагося XX-му столѣтію отъ XIX-го, достаточно вспомнить, что для этого ему нужно будетъ уничтожить религію и замѣнить ее сознательной нравственностью. Пока идея долга не будетъ замѣнена правильнымъ понятіемъ людей о своемъ счастьѣ, пока люди не поймутъ суть организаціи

человѣка и условіе процвѣтанія этой организаціи, для котораго необходимо устраненіе всѣхъ инстинктовъ, побуждающихъ людей къ употребленію своихъ силъ на борьбу и эксплуатацію, до тѣхъ поръ успѣшное осуществленіе сознательныхъ соціальныхъ организацій окажется весьма сомнительнымъ. Между тѣмъ всякому понятно насколько трудно произвести такой переворотъ въ идеяхъ и чувствахъ людей; а пока онъ не будетъ произведенъ, до тѣхъ поръ невозможно будетъ устранить и понятіе о долгѣ, которое служитъ суррогатомъ правильнаго понятія о счастьѣ, суррогатомъ необходимымъ, чтобы общественную жизнь людей сдѣлать возможной. Но именно по отсутствію правильнаго понятія людей о своемъ счастьѣ, понятіе о долгѣ должно страдать безвыходной шаткостью и неопредѣленностью, а съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ чувствоваться потребность въ предписывающемъ долгъ авторитетѣ т. е. въ религіи. На этомъ основаніи религія существуетъ много тысячъ лѣтъ и XX^му вѣку нужно будетъ проявить рѣдкую энергію и рѣдкій энтузіазмъ, чтобы ее устранить. Однако-же только по мѣрѣ укорененія правильнаго понятія о счастьѣ въ людяхъ можетъ развиться столько уживчивости, сколько необходимо для осуществленія сознательныхъ соціальныхъ организацій. Всякій русскій, любящій свое отечество, можетъ въ отчаяніе прійти при мысли, что эта уживчивость, настолько необходимая нашему времени, уже была общимъ достояніемъ русскаго рабочаго населенія т. е. русскаго крестьянства; на всемъ пространствѣ русской земли она создала мірскія земли и установила разрѣшеніе вопроса о сознательныхъ соціальныхъ организаціяхъ на самыхъ вѣрныхъ основаніяхъ. Между тѣмъ у русскаго образованнаго класса не хватило ни той проницательности, ни той силы нравственнаго чутья, какія были необходимы, чтобы сдѣлать изъ здравыхъ инстинктовъ русскаго народа обильнѣйшій источникъ развитія для цивилизованнаго міра. Два раза эти инстинкты могли поставить русскій народъ во главѣ всемірной цивилизаціи и два раза высшіе классы Россіи испортили дѣло, подчиняясь идеямъ, созданнымъ нравственной низостью западной цивилизаціи. Въ XVI вѣкѣ русскій народъ былъ свободенъ, а народы западной Европы закрѣпощены; русскимъ недоставало только образованія, чтобы сдѣлаться источникомъ, откуда свобода разлилась-бы по всему міру; но вмѣсто того, чтобы сдѣлаться великими провозвѣстниками

свободы, высшее общество Россіи подчинилось нравственно низкимъ идеямъ западныхъ крѣпостниковъ, съ XVII[го] вѣка начало вводить у себя крѣпостное право и кончило тѣмъ, что освободило своихъ крестьянъ послѣ всѣхъ въ Ервопѣ. Теперь, имѣя вошедшую въ нравы народа соціальную организацію, нашъ высшій классъ заботится не о томъ, чтобы стать во главѣ соціальнаго движенія, а о томъ, чтобы утратить это преимущество; очень можетъ быть, что и въ соціальномъ развитіи Россія будетъ послѣдней, какъ въ политическомъ и въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Злополучная судьба, откуда мы возмемъ силы, чтобы дать этому дѣлу другой оборотъ!

Ноябрь. Н. ФЛЕРОВСКІЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Письма и деньги для главнаго склада адресовать:
W. Voynich, 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.

1894.

Каталогъ

изданій, находящихся въ книжныхъ складахъ
«ФОНДА ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ.»

Главный складъ: —

London, 15, Augustus Rd., Brackenbury Rd., Hammersmith, W.

Открытъ ежедневно отъ 9 до 1 ч. по полудни.

Отдѣленія:—

1) **New-York, A. Evalenko, 20, Jefferson Street.**
2) **New-York, L. Goldenberg, 51-52, Tribune Building.**

Книги, отмѣченныя знакомъ ☛, поступили въ склады «Ф. В. Р. Прессы» втеченіе послѣдняго мѣсяца.

а). Русскія книги.

Аксельродъ. Задачи рабоч. интел. въ Россіи. 1893, цѣна 5п. (0,50 фр.).
—Рабоч. движеніе и соц.-демократія. 1885, ц. 10 п. (1,00).
Алексѣевъ П. Рѣчь на судѣ. 1890, ц. 1½ п. (0,15).
Алисовъ. До 10 брошюръ по 2½ п. (0,25).
—Черный годъ. 1892, ц. 2½ п. (025).
—Террорь. 1893, ц. 2½ п. (0,25).
Бакунинъ. Всѣмъ славянскимъ друзьямъ. 1888, ц. 10 п. (1,00).
—Всеміриый революціонный союзъ. 1888, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
—Парижская Коммуна и понятіе о государственности. Съ предисловіемъ П. Кропоткина. 1892, 2½ п. (0,25).
—Романовъ, Пугачевъ или Пестель. Изд. Герцена. 1860, ц. 6 п. (0,60).
Бардина. Рѣчь на Судѣ. 1893, ц. ½ п. (0,05).
Біографія Домбровскаго. 1893. ц. 2 п. (0,25).
Благонамѣренный, Берлинъ, 1859, № 1—12, по 1 ш. (1,25).
Борисовъ Н. Начало конца, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. 1880, ц. 10 п. (1,00).

☞ Впередъ. Непеодическое обозрѣніе. Лондонъ, 1874, Т. III, ц. 10 ш. (12,50 фр.).
☞ Впередъ ,, ,, 1876, Т. IV, ц. 3 ш. (3,75).
☞ Впередъ ,, ,, 1877, Т. V, ц. 15 ш. (18,75).
☞ Впередъ. Двухнедѣльное обозрѣніе. Лондонъ —
№ 13 — 24 (1875 г. второе полугодіе) ц. 6 ш. (7,50).
№ 25—36 (1876 г. первое полугодіе) ц. 6 ш. (7,50).
№ 37—48 (1876 г. второе полугодіе) ц. 6 ш. (7,50).
Отдѣльные номера по 6 п. (0,60).
☞ Волховскій Ф. Чему учитъ «Конституція графа Лорисъ-Меликова». 1893, ц. 4 п. (0,40).
Вѣстникъ Народной Воли №№ 1—5 по 4 ш. (5,00).
☞ Въ память столѣтія Пугачевщины. 1874. Изданіе журнала «Впередъ», ц. 6 п. (0,60).
☞ Гамбонъ. Послѣдняя революція (Коммуна). 1874, ц. 6 п. (0,60).
Г. Гейне. Германія, ц. 2 ш. (2,50).
Герценъ. Былое и думы. 1861, Т. 1, 2 по 8 ш. (10,00); Т. 3 по 6 ш. (7,50).
—За пять лѣтъ (55—60). Статьи изъ Колокола. 1861, ц. 6 ш, (7,50).
—Крещен. собственность. 1858, ц. 2 ш. (2,50).
—Кто виноватъ? Романъ въ 2-хъ частяхъ. 1859, ц. 6 ш. (7,50).
—Письма изъ Франціи и Италіи. 1858, ц. 8 ш. (10,00).
—Прерванные разсказы. 1857, ц. 5 ш. (6,25).
—Русскій народъ и соціализмъ. 1858, ц. 2 ш. (2,50).
—Старый міръ и Россія. 1858, ц. 2 ш. (2,50).
—Съ того берега. 1858, ц. 6 ш. (7,50).
—Тюрьма и ссылка. 1858, ц. 5 ш. (6,25).
—Франція или Англія? 1858, ц. 1 ш. 6 п. (2,00).
—14-ое Декабря 1825 г. и Императоръ Николай. Изд. «Полярной Звѣзды». 1858, ц. 7 ш. 6 п. (9,40).
—Собраніе Сочиненій. 10 Том. ц. 35 ш. (44,00).
—Посмертный Томъ. ц. 5 ш. (6,25).
Голоса изъ Россіи. Изд. Герцена. Кн. 1 — 9 по 2 ш. (2,50).
☞ Горе русской земли. 1893, ц. 4 п. (0,40).
☞ Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ. (Изданіе журнала «Впередъ»). 1875, ц. 3 ш. (3,75).
Д. Мокріевичъ. По двумъ вопросамъ. 1890, ц. 4 п. (0,40).
—За Байкаломъ. Разсказъ. 1892, ц. 10 п. (1,00).
10-е вольной русской типографіи въ Лондонѣ. (Рѣчи и воззванія Герцена). Составл. Чернецкимъ. 1863, ц. 2 ш. 6 п. (3,10).
☞ Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ. 2-е изданіе. 1893, ц. 3 п. (0,30).
Драгомановъ. Вольный союзъ. 1884, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Діонизій III СПб. и Платонъ II Москов. 1882, ц. 5 п. (0,50).
—До чего довоевались? 1878, ц. 2 п. (0,20).
—За что старика (Трепова) обидѣли? изъ «Общины» ц. 5 п. (0,50).

Драгомановъ. Историч. Польша и великорус. демократія. 1882, ц. 3 ш. (3,50 фр.).
Либерализмъ и земство въ Россіи. 1889, ц. 10 п. (1,00).
—Къ біографіи Желябова, ц. 5 п. (0,50).
—Наканунѣ новыхъ смутъ. 1887, ц. 5 п. (0,50).
—Терроризмъ и свобода, муравьи и корова. 1880, ц. 5 п. (0,50).
—Турки внутренніе и внѣшніе. 1876, ц. 10 п. (1,00).
—Было бы болото, а черти будутъ! 1880, ц. 10 п. (1,00).
—Учащаяся молодежь и полит. агитація, 1882, ц. 2 п. (0.20).
Емельянченко. Мотивы неволи. Сборн. Стихотв. ц. 1 п. (0.10).
Записки Имп. Екатерины II. Изд. Герцена. 1859, ц. 8 ш. (10,00).
Записки Южно-русскаго соціалиста 1877, ц. 10 п. (1,00).
Записки княгини Е. Р. Дашковой. Съ предисловіемъ Герцена. 1859, 505 стр. 12 ш. (15,00).
Записки И. В. Лопухина. Съ предисл. Герцена. 1860, ц. 6 ш. (7,50).
Засуличъ. Варленъ передъ судомъ. 1890, ц. 2 п. (0,20).
Звѣрства надъ политич. ссыльными въ Сибири, 1882, ц. 2 п. (0,20).
Игнатій. Для истинныхъ христіанъ. 1883, ц. 10 п. (1,00).
Историческій сборникъ Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ. Съ предисловіемъ Герцена. Кн. 2. 1860, ц. 7 ш. 6 п. (9,40).
Каутскій. Экономическія ученія Маркса въ популярномъ изложеніи. 1888, ц. 10 п. (1,00).
Кельсіевъ. Сборникъ о расколѣ. 1861, вып. 1 и 2 по 8 ш. (10,00); вып. 3 (скопцы), ц. 10 ш. (12,50); вып. 4, ц. 9 ш. (11,25).
Кеннанъ. Сибирь и ссылка. Томъ I, ц. 1 ш. 6 п. (2,00); Томъ II, ц. 2 ш. 6 п. (3,00).
—Послѣднее заявленіе русск. либераловъ. 1890, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Тюремная жизнь русс. революціонеровъ. 1889, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
—Русскіе государственные преступники. 1891, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Петропавловская крѣпость 1889, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
Колоколъ. №№ 1—155, ц. 200 ш. (250,00).
Конституція графа Лорисъ-Меликова. 1893, ц. 3 п. (0,30).
Короленко. Чудная. Очеркъ. 1893, ц. 1 п. (0,10).
Костомаровъ. Письмо къ Герцену. 1880, ц. 10 п. (1,00).
Кудрявцевъ. Первое «Presto» и идеалы Христа. 1893.
Кюхельбекеръ. Избранныя стихотворенія, ц. 1 ш. (1.25).
Лавровъ. Опытъ исторіи мысли. Вып. 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 по 1 ш. 8 п. (2,00).
—Послѣдовательныя поколѣнія. Въ память Елисѣева и Шелгунова, 1893, ц. 10 п. (1,00).
—Историческія письма. 1892, ц. 3 ш. 4 п. (4,00).
Лермонтовъ. Демонъ и запрещенныя стихотв. 1879, ц. 1 ш. (1,25).
Лопатинскій процессъ. 1890, ц. 10 п. (1,00).
Марксъ. Манифестъ коммун. партіи. 1882, ц. 10 п. (1,00).
—Нищета философіи. 1886, ц. 2 ш. (2.50).

Марксъ. Рѣчь о свободной торговлѣ. 1885, ц. 7½ п. (0,75 фр.).
– Введеніе къ крит. филос. права Гегеля. 1887, ц 10 п. (1,00).
—Гражданская война во Франціи. 1893, ц. 10 п. (1,00).
Мартъяновъ. Народъ и государство. 1863, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
☞ **Международная Библіотека:** 29 томовъ. 1875 — 1888.
I. **Панаевъ.** Новгородское возмущеніе въ 1831, ц. 1ш. (1,25).
II. **Матерьялы** для біографіи Павла I. ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
III. **Князь Трубецкой.** Записки Декабристовъ, ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
IV. **Якушкинъ.** Записки Декабристовъ, ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
V. **Присутственный** день Уголовнаго Суда. Судебныя сцены, ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
VI. **Объ аристократіи.** въ особенности русской, ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
VII. **Тайное Общество** и 14 Декабря 1825, ц. 4 ш. (5,00).
VIII. **Матерьялы** для біографіи А. С. Пушкина, ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
IX. **Общество** пропаганды 1849 г. ц. 2 ш. (2,50).
X. **Матерьялы** для біографіи К. Ѳ. Рылѣева, ц. 1ш. 6п. (1,75).
XI. **Бѣлый терроръ,** или выстрѣлъ 4 Апрѣля 1865 года, ц. 1 ш. 6 п. (1.75).
XII. **Нѣкоторыя выписки** изъ бумагъ Данилевскаго, ц. 1 ш. (1,25).
XIII. **Собраніе** запрещенныхъ стиховъ и прозы, ц. 2 ш. (2.50).
XIV. **Воспоминанія** Княгини Е. Р. Дашковой, ц. 4 ш. (5,00).
XV. **Записки** Екатерины II. ц. 4 ш. (5,00).
XVI. **Князь Щербатовъ.** О поврежденіи нравовъ въ Россіи, ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
XVII. **Радищевъ, А.** Путешествіе изъ С. Петербурга въ Москву ц. 3 ш. (3,75).
XVIII. **Уильмотъ.** Письма изъ Россіи. ц. 1 ш. (1,25).
XIX. **Матерьялы** для біографіи Кн. Е. Р. Дашковой, ц. 2 ш. (2,50)
XX. **Сибирь** и русское правительство, ц. 2 ш. (2,50).
XXI. **Скопческія** духовныя пѣсни, 2 ш. (2,50).
XXII. **Матерьялы** для исторіи царствованія Николая Павловича ц. 3 ш. (3,75).
XXIII. **Памяти** Братьевъ Бестужевыхъ, ц. 9 п. (1,00).
XXIV. **Историческіе документы** изъ временъ царствованія Александра I-го. ц. 2 ш. (2,50)
XXV. **Матерьялы** для будущей исторіи Сибири и ссылки Михайлова. ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
XXVI. **Финансовое положеніе** Россіи. ц. 1 ш. (1,25).
XXVII. **Извлеченія** изъ распоряженій по дѣламъ о раскольникахъ при Николаѣ и Александрѣ II, ц. 1 ш. (1,25).
XXVIII. **Краткое обозрѣніе** существующихъ въ Россіи расколовъ, ересей и сектъ. Составилъ Липранди, ц. 1 ш. (1,25).
XXIX. **Процессъ** пятидесяти. ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
Морозовъ. Стихотворенія 1881, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
На родинѣ. 1881, №№ 1 и 2, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).

Огаревъ. Стихотв. съ портр. автора, 432 стр. 1860. ц. 10 ш. 6 п. (13,00 фр.).
—Разборъ новаго крѣпостного права. 1861, 1 ш. 6 п. (2,00).
—За пять лѣтъ (статьи изъ « Колокола »). 1861, ц. 9 ш. (11,25).
Ораторы бунтовщики (статьи изъ «Набата») ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
Первое Мая 1891 г. Рѣчи рабочихъ въ Петербургѣ и адресъ Шелгунову. Съ пред. Г. Плеханова. 1891, ц. 5 п. (0,50).
Плехановъ. Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи. 1892, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
—О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи. 1892, ц. 10 п. (1,00).
—Біографія Лассаля. 1887, ц. 7½ п. (0,75).
—Ежегодный праздникъ рабочихъ. 1891, ц. 1½ п. (0,15)
—Новый защитникъ самодержавія. 1889, ц. 10 п. (1,00).
—Наши разногласія. 1885. ц. 2 ш. 5 п. (3,00).
Подъ судъ (Прибав. листы къ Колоколу). 1862, №№ 1—13. по 6 п. (0,60).
Полярная Звѣзда за 55—62 гг. подъ ред. Герцена, по 8 ш. (10,00).
По поводу Самарскаго голода 1874 г. Изд. « Впередъ ». ц. 2 ш. (2,50).
Прогрессъ. Еженед. газ. Н.-Іоркъ, 1892, №№ 1—15 по 2½ п. (0,25).
Радищевъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву и **Щербатовъ.** О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Изд. Герцена, ц. 10 ш. (13,00).
Ренанъ. Жизнь Іисуса, ц. 6 ш. (7,50).
Русскія Новости. Еженед. газ. Н.-Іоркъ, 1893, по 1½ п. (0,15).
Рылѣевъ. Думы, ц. 1 ш. (1,25).
—Войнаровскій и запрещенныя стихотворенія. ц. 1 ш. (1,25).
С. З.. 18 лѣтъ войны чиновнич. съ земствомъ. 1883, 1 ш. 3 п. (1,50).
Свободная Россія. Женева 1889. №№ 1—3 по 5 п. (0,50).
Самоуправленіе. Женева 1889, №№ 2—4 по 5 п. (0,50).
Сергѣевскій голодъ въ Россіи. 1892, ц. 10 п. (1.00).
—По поводу недавнихъ прокламацій. ц. 2½ п. (0,25).
Собраніе матерьяловъ для исторіи возрожденія Россіи. 1887, 8 томовъ. ц. 38 ш. (47,50).
I. Револ. опыты возбуждающагося нигилизма ц. 6 ш. 4 п. (8,00).
II. Біограф. очерки изъ жизни вольнодумцевъ въ началѣ XIX-го столѣтія, ц. 5 ш. 4 п. (6.75).
III. Аристократія и бюрократія въ Россіи, ц. 3 ш. 4 п. (4,25).
IV. Нравственные взгляды на Россію въ концѣ минувшаго вѣка, ц. 4 ш. 4 п. (5,50).
V. Матер. для исторіи царств. Екатерины II, ц. 4 ш. 4 п. (5,50).
VI. Біографія и воспоминанія кн. Дашковой, ц. 5 ш. 4 п. (6,75).
VII. Изъ временъ Александра I и Николая I, ц. 6 ш. (7,50).
VIII. Раскольники въ Россіи, ц. 3 ш. 4 п. (4,25).
Собраніе постановл. по расколу. 1863, Т. 1 и 2 по 8 ш. (10,00).
Союзъ или борьба? ц. 10 п. (1,00).

Стоглавъ. Соборъ, бывшій въ Москвѣ при Иванѣ Грозномъ. 1860, ц. 8 ш. (10,00 фр.). [по 4 ш. (5,00).
Соц.-демократъ №№ 1, 2, 3. 1890—1892 по 2 ш. 5 п. (3,00); № 4
Стариковъ Н. Зарницы. Драматическія сцены. 1894, ц. 3 п. (0,30).
Степнякъ. Чего намъ нужно и Начало конца. 92. изд. 2, ц. 2 п. (0,25).
—Заграничная агитація. 1892, ц. 2 п. (0,25).
—Подпольная Россія. 1893, ц. 2 ш. (2,50).
— Съ портретомъ и въ переплетѣ. ц. 3 ш. 4 п. (4,00).
Толстой Л. Исповѣдь, ц. 2 ш. 5 п. (3,00).
—Какова моя жизнь? 1886, ц. 3 ш. 4 п. (4,00).
—О жизни. 1891, ц. 3 ш. 4 п. (4,00).
—Деньги. 1890, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Письмо къ N. N. ц. 10 п. (1,00).
—Понятіе о Богѣ. 1889, ц. 10 п. (1,00).
—Критика догмат. Богословія, 1891. ц. 2 ш. 5 п. (3,00).
—Крейцерова соната. 1890, ц. 2 ш. (2,50).
—Послѣсловіе къ Крейцеровой сонатѣ, ц. 8 п. (0,75).
—Николай Палкинъ, 1891. ц. 10 п. (1,00).
—Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. 1891, ц. 10 п. (1,00).
—Въ чемъ моя вѣра. 1892, ц. 4 ш. 5,00).
—Что-же намъ дѣлать? 1893, ц. 2 ш. 6 п. (3,00).
—Ученіе 12-ти Апостоловъ. 1892, 10 п. (1,00).
—Ученіе Бондарева. 1892, ц. 10 п (1,00).
—Письмо къ Французу 1892, ц. 10 п. (1,00).
—Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій. Томъ I. 92, ц. 5 ш. (6,25); Томъ II 1893, ц 4 ш. (5,00).
—Ходите къ свѣтѣ, пока есть свѣтъ. Повѣсть. 1892, ц. 2 ш. 3 п. (3,00).
Толстой Ал. Сказка про то, какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться. 1893. ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
Тургеневъ и Кавелинъ. Письма къ Герцену. 1892, ц. 2 ш. 6 п. (3,00).
Трубецкой, Н. Муравьевъ, Лунинъ, Пущинъ. Записки декабристовъ. Изд. Герцена. 1863, ц. 4 ш. (5,00).
Фейербахъ. Сущность христіанства. 490 стр. 1860, ц. 7 ш. 6 п. (9,40).
Финансовое положеніе России, ц. 1 ш. (1,25).
Флеровскій Н. Азбука соціальныхъ наукъ. Современная западно-европейская цивилизація. 1894, Греко-римская цивилизація, средніе вѣка, возрожденіе наукъ. ц. 1 ш. 3 п. (1,50); XIX вѣкъ, ц. 1 ш. (1,25); XVII и XVIII вѣка, ц. 2 ш. (2,50). — (Эти томы составляютъ самостоятельное цѣлое).
Хасинъ. Еврей къ Евреямъ. 1892, ц. 4 п. (0,40).
Хитрая Механика. Изд. 4-ое «Впередъ». 1877. ц. 3 п. (0,30).
Цебрикова. Каторга и ссылка. 1891, ц. 10 п. (1,00).
Чего хотятъ соціаль-демократы? 1888. ц. 8 п. (0,80).
Че-ко. Опытъ соціологіи. 1883, ц. 4 ш. (5,00).
Чернышевскій. Научились-ли? 1879, ц. 5 п. (0,50).

Чернышевскій. Судъ надъ нимъ и біографія Лессинга, ц. 3 ш. 4 п. (4,00 фр.).
—Объ общин. владѣніи землею. 1879, ц. 4 ш. (5,00).
—Письма безъ адреса. 1890, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
☞—Прологъ пролога. Романъ изъ начала 60-хъ годовъ. 1877, Изд. «Впередъ». ц. 3 ш. (3,75).
—Заговорщики и соумышленники Наполеона III (по Кинглеку). 1890, ц. 2 ш. 6 п. (3,00).
Шевченко. Марія (поэма), 1885. ц. 5 п. (0,50).
Щедринъ. Какъ высѣкли д. с. совѣтника. 1890, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
—Орелъ-Меценатъ. 1890, ц. 7 п. (0,75).
—Новыя сказки. Топтыгинъ. I, II, III. 1893, ц. 2 ш. (2,50).
—Три сказки. 1890, ц. 10 п. (1,00).
—Чужую бѣду руками разведу. 1890, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
Якушкинъ. Записки Декабристовъ. Изд. Герцена, 62, 2 ш. 6 п. (3,00).
Энгельсъ. Разв. научнаго соціализма. ц. 1 ш. (1,25).
—Людвигъ Фейербахъ. 1892, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).

Кромѣ того **Фондомъ В. Р. П.** публикуются отъ времени до времени отрывочныя новости, замѣтки и сообщенія на отдѣльныхъ летучихъ листкахъ. Цѣна за каждые 4 экз. 1 пенни (10 сант., 10 пфен. или 2 цента). На пересылку прилагается за каждую дюжину или часть дюжины ½ пенни или 5 сант.

б). Рѣдкія русскія книги.

Вольное Слово. Журналъ. Полныя коллекціи. ц. 30 ш. (37,50).
Впередъ. Двухнедѣльное обозрѣніе. Полныя коллекціи NN. 1—48. Лондонъ 1875—1876. Цѣна 100 ш. (125 фр.).
—Журналъ. Годовое обозрѣніе. Полныя коллекціи. Томы 1—5. Лондонъ 1873—1877. ц. 100 ш. (125 фр.).
Внушителя словили. Лондонъ 1875. ц. 2 ш. (2,50).
Изъ-за рѣшетки. Сборникъ стихотв. русскихъ заключенниковъ по полит. причинамъ въ періодъ 1873—1877. ц. 10 ш. (12,50).
Лавровъ. Русской Соціально-революціонной молодежи. По поводу брошюры: Задачи революц. пропаганды въ Россіи 1874, ц. 5 ш. (6,25).
Общественная служба въ будущемъ обществѣ. Двѣ записки представленныя на Брюссельскій Конгрессъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ въ 1874. Лондонъ 1875, ц. 5 ш. (6,25).
О смутномъ времени на Руси. Народное изданіе. Лондонъ 1875. ц. 2 ш. (2,50).
Процессъ пятидесяти. Изданіе «Впередъ». ц. 1 ш. (1,25).
Процессъ В. Осинскаго, С. Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и В. Волошенко. 1879, ц. 10 п. (1,00).

Сказка Говоруха. Народное изданіе. Лондонъ 1875. ц. 2 ш. (2,50 фр.).
Сказка о кривдѣ и правдѣ. 1875. Изд. «Впередъ», ц. 4 п. (0,40).
Славянскій вопросъ. 1876. Изд. «Впередъ«. ц. 1 ш. (1,25),
Ткачевъ. Анархія мысли. Собраніе критич. очерковъ. Лондонъ 1879. ц. 3 ш. (3,75).
Флеровскій Н. На жизнь и смерть. Изображеніе идеалистовъ. Романъ. ц. 8 ш. (10,00).
Цебрикова. Письмо къ Александру III, ц. 1891. 10 п. (1,00).

в.) Малороссійскія.

Громада. № 1, 1878 г., № 1, 2, 1881 г. по 1 ш. 8 п. (2,00); № 2, 1878 г. 4 ш. (5,00); № 4, 1879 г., № 5, 1882 г. по 4 ш. (5,00).
Драгоманов. Нові українські пісні. 1881. 2 ш. 6 п. (3,00).
—Политичні пісні укр. народу. 1885. Розд. I 2 ш. 10 (3,50); Розд. II. 3 ш. 2 п. (4,00).
Мірній и Білік. Хиба ревуть воли, як ясла повні? 1880. 4 ш. (5,00).
Подолинскій. Життьа ј здоровја льудеј на Українi. 2 ш. 6 п. (3,00).
—Ремесла ј хвабрики на Українi. 1879. 1 ш. 8 п. (2,00).
Шевченко. Марија мати Јсусова. 1882 5 п. (0,50).
—Поезији. 2 ш. 6 п. (3,00).
Драгомановъ. Евангельска віра в старой Англіі. 1893. 2 п. (0,25).
Куліш. Магомет и Хадиза. Поэма. 1883. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Хуторна поэзія. 1882. 1 ш. 8 п. (2,00).
Шекспирові творі. Попереклaдав Куліш. Том I. (Отелло. Троія та Крессида. Комедія помилок.) 1882. 4 ш. (5,00).
Про богацтво да бѣдносць (бѣлорусское изд.) 1881. 4 п. (0,40).

в). Польскія.

Bard oswobodzon. Polski. 200 narodowych piesni. 1 s. 6 d. (2,00).
Emigracja Polska od 1831—1863 roku. Krotki rys historyczny. 1 s. (1,25).
Mieroslawski L. Poezje. Pierwsze wydanie zbiorowe posmiertne. 1 s. (1,25).
Mirtow. (Lawrow.) Listy historyczne. 2 s. (2,50).
Pobudka, organ polski narod.-socyalnej partyi. Paryz. po 1 d. (0,10).
Praca. Za lat 15 roczniki po 2 s. 6 d. (3,00).
Roczniki Pobudki po 2 s. (2,50).
Wolne Polskie Slowo po 3 d. (0,30).
Przeglad Emigracyjny. Dwutygodnik ekonomiczno-spoleczny. 1893. Numer pojedynczy. 4 d. (0,40).
3 Maja. W setna rocznice konstytucyi 3 Maja. 6 d. (0,60).
Z dzisiejszej doby, No. V. W 30 rocznice powstania Styczniowego. Kilka slow o polityce narodowej. 1893. 2½ d. (0,25).

— No. VI. Kilka slów o stanowisku rzadu rosyjskiego w obec naszych ruchow robotniczych. 1893. 2½ d. (0,25).
— No. VII. Polityka rzadu wzgledem kosciola. 1893. 2½ d. (0,25).
Nasz patryotyzm. Podstawy programu wspólczesnej polityki narodowej 1893. 5 d. (0,60).
Sprawa Robotnicza. Organ Soc.-Demokrat. Wychodzi raz w miesiac, 3 s. (4,00) 1 dol. rocznie.

д.) Англiйскiя, Нѣмецкiя и Французскiя.

Free Russia. Annual subscription, post free . 1 s. 6 d. (3,00).
Bound Vols. of FREE RUSSIA—
1890, 1891, & 1892, complete 21 s. (26,15).
,, ,, without 1st. No. 6 s. 6 d. (8,00).
1890 & 1891, complete 20 s. (25,00).
,, without 1st No. 4 s. (5,00).
1892. 3 s. (3,75).
1392 & 1893 without 1st No. 4 s. (5,00).
1893, 3 s. (3,75).
—Amer. edit. Annual subscription, post free, 4 s. (5,00).
Journey under Arrest (A) 2nd edit. 3 d. (0,30).
Kennan. Siberia and the Exile System (2 vols. ill.). 32 s. (40,00).
Lanoe Falconer. Melle Ixe. 6th ed. 1 s. 6 d. (1,80).
Slaughter of Polit. Prisoners in Siberia (The). 27th thousand 1 d. (0,10).
Stepniak. The Career of a Nihilist, 2nd edit. Cloth. 3 s. 6 d. (4,40).
—The Russian Peasantry, 2nd edit. Cloth. 10 s. 6 d. (13,10).
—The Russian Storm-Cloud. Cloth. 7 s. 6 d. (9,40).
—Russia under the Tzars. Cloth. 3rd ed. 6 s. (7,50).
—Underground Russia. 3rd ed. Cloth. 6 s. (7,50).
To the Arctic Zone. 2 d. (0,25).
Peter Kropotkine. The Commune of Paris. 1 d. (0,10).
H. M. Thompson. Are Russian Internal Affairs Any Concern of Ours. 3 d. (0,30).
Bibliography of the Russian Question. 1 d. (0,10).
The Russian Extradition Treaty. Reasons why it should be abrogated, being a reply to prof. Moore's article in the July Forum. 5 d. (0,50).
Volkhovsky. At theMercy of Every Officials. 1 d. (0,15).
Frei Russland. 1892. 3 s. (3,70).
Stepniak. Der russische Bauer. 1 s. 6 d. (2,05).
Herzen. La conspiration russe de 1825. 1858. 1 s. (1,25).
—La France ou l'Angleterre ? 1858. 1 s. (1,25).
Ogareff. Essai sur la situation russe. 1862. - 3 s. (3,75).
Van Eeden. Lettre à Alexandre III (traduit du hollandais). 6 d. (0,60)
A. Herzen (professeur à Lausanne). Le peuple russe et son gouvernement. 1890. 1 s. (1,25).

е) Фототипіи.

Г. Кеннанъ; С. Перовская; Вѣра Засуличъ; В. Осинскій; С. Дикштейнъ — по 1 п. (0,10), за паресылку 2 п. (0,20). — Выписывающіе при этомъ книги за пересылку не платятъ.

Біографіи: Желябова, Перовской, Кибальчича, Гельфманъ; За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ, 1873; Записка министра Палена, 1875; Календарь Нар. Воли, 1883; Номера «Народной Воли»; Процессъ 193-хъ; Процессъ 16-ти; Сказка о 4-хъ братьяхъ; Сказка о копѣйкѣ; Мужицкая правда; Степняка. Біографія С. Бардиной; Убійство политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ; Черный Передѣлъ, и Земля и Воля. Всѣ эти изданія распроданы и въ случаѣ необходимости могутъ быть перепечатаны въ нашей типографіи, если заказъ будетъ сдѣланъ въ количествѣ 500 экз.

Выписывающіе книги изъ складовъ по почтѣ прилагаютъ на пересылку по 1 пенни на каждый шиллингъ (10 сант. на франкъ) стоимости.

Лицамъ, лично извѣстнымъ или рекомендованнымъ складу, послѣдній доставляетъ книги въ Россію на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Заказъ долженъ быть сдѣланъ по крайней мѣрѣ за полтора мѣсяца до срока доставки; 2) деньги, по 10 фунтовъ стер. за пересылку первыхъ полутора пуда каждаго транспорта и по 3 фунта стер. за каждый слѣдующій пудъ вмѣстѣ со стоимостью книгъ, высылаются впередъ. Складъ доставляетъ въ Россію и непомѣщенныя въ каталогѣ изданія на иностранныхъ языкахъ, касающіяся Россіи, или вообще запрещенныя для ввоза.

Желающихъ получить каталогъ отдѣльно просятъ высылать 1 пенсовую или соотвѣтствующую марку (10 сант., 2 цент.).

P.S. — Въ виду устройства вѣрнаго собственнаго пути въ Россію и нѣкотораго притока пожертвованій на расширеніе дѣятельности **Фонда В. Р. Прессы**, администрація послѣдняго считаетъ возможнымъ принять пересылку въ Россію собственныхъ изданій на свой счетъ, если заказъ на нихъ будетъ, въ сложности, не менѣе пятисотъ экземпляровъ. Для **Фонда** безразлично, будетъ ли выписано одно названіе, или нѣсколько различныхъ названій, лишь бы тюкъ заключалъ въ себѣ не менѣе 500 брошюръ; въ такомъ случаѣ заказчикъ за пересылку ничего не платитъ.
